



МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2

Выпуск (857)



Год основания – 1940

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2022

1930

ISSN 2542-2197



MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

HUMANITIES

2

Issue (857)

The year of foundation – 1940



Moscow
FSBEI HE MSLU
2022

1930



ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 2(857)

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
Г. Г. БОНДАРЧУК

доктор филологических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Беляков Д. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Бондарев А. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Бубнова Г. И.	доктор филологических наук, профессор (МГУ имени М. В. Ломоносова)
Воробьев В. В.	доктор филологических наук, профессор (РУДН)
Ганин В. Н.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Глушак В. М.	доктор филологических наук, профессор (МГИМО(У) МИД РФ)
Голубина К. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Голубкова Е. Е.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Гусейнова И. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Евтушенко О. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Егорова О. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Захари Михайлов Захариев	доктор исторических наук, профессор (Болгария)
Захарова Н. В.	кандидат филологических наук (Институт мировой литературы имени А. М. Горького (ИМЛИ) РАН)
Зусман В. Г.	доктор филологических наук, профессор (НИУ ВШЭ в Нижнем Новгороде)
Ирисханова О. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Косиченко Е. Ф.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Космарская И. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Краева И. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Кузнецов В. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Малыгина И. В.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)
Осьминина Е. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Порохницкая Л. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Потапова Р. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Семина И. А.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Силантьев Р. А.	доктор исторических наук (МГЛУ)
Сомова Е. В.	доктор филологических наук, доцент (МПГУ)
Сорокина Т. С.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Толкачев С. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Травников С. Н.	доктор филологических наук, профессор (Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина)
Трыков В. П.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Харитончик Э. А.	доктор филологических наук, профессор (Минский государственный лингвистический университет, Беларусь)
Хитина М. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Ченки А. Д.	доктор филологических наук, профессор (Vrije Universiteit, Нидерланды; МГЛУ)
Черноземова Е. Н.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Янулевичене В.	доктор филологических наук, профессор (Университет им. Миколаса Ромериса, Вильнюс, Литва)



VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 2 (857)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-chief

G. G. BONDARCHUK

Doctor of Philology, Professor

EDITORIAL BOARD

Belyakov D. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Bondarev A. P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Bubnova G. I.	Doctor of Philology, Professor (MSU)
Vorobiov V. V.	Doctor of Philology, Professor (RUDN)
Ganin V. N.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Glushak V. M.	Doctor of Philology, Professor (MGIMO)
Golubina K. V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Golubkova E. E.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Guseinova I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Yevtushenko O. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Egorova O. G.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Zahari Zahariev	Doctor of History, Professor (Bulgaria)
Zakharova N. V.	PhD in Philology, Leading Researcher (IMLI)
Zusman V. G.	Doctor of Philology, Professor (NRU "Higher School of Economics" in Nizhny Novgorod)
Iriskhanova O. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Kosichenko E. F.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Kosmarskaya I. V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kraeva I. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kuznetsov G. V.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Malygina I. V.	Doctor of Philosophy, Professor (MSLU)
Osmirina E. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Porokhnitskaya L. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Potapova R. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Semina I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Silantiev A. N.	Doctor of History (MSLU)
Somova E. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MPSU)
Sorokina T. S.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Tolkachev S. P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Travnikov S. N.	Doctor of Philology, Professor (Pushkin State Institute of the Russian Language)
Trykov V. P.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Kharitonchik Z. A.	Doctor of Philology, Professor (MinSLU, Republic of Belarus)
Khitina M. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Cienki A. J.	Doctor of Philology, Professor (VU, Amsterdam; MSLU)
Chernozemova E. N.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Januliviciene V.	Doctor of Philology, Professor (M. Romeris University, Vilnius, Lithuania)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ТЕКСТ И КОММУНИКАЦИЯ В МЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Цитата как форма проявления интертекстуальности (на материале немецких рекламных текстов) БАРАНОВ К. С.	9
Интернет-мем как жанр комического Е. Ф. КОСИЧЕНКО.....	16
Речевая агрессия в интернет-коммуникации (на примере комментариев в китайском микроблоге Sina Weibo) ЛЮ ЦИЦИ	24
Образ Южной Осетии в материалах СМИ как детерминанта социоэкономической привлекательности региона МОИСЕЕНКО Л. В., ВИКУЛИНА М. А., УСКОВА Т. В.	32
Продвижение форматов агрессивной коммуникации в цифровом информационном пространстве: «Прожарка» ПИЩАЛЬНИКОВА В. А.	39
Особенности динамизации событий в интернет-новостях РОМАНЕНКО О. В.	47

КОГНИТИВНАЯ СЕМАНТИКА: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Глазодвигательное поведение при восприятии фразеологизмов абстрактной семантики. Влияние факторов телесности и конвенциональности КИОСЕ М. И.	56
Сохранение и модификация информации при вторичной интерпретации дискурса (на примере драматургического дискурса) РЖЕШЕВСКАЯ А. А.	65

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ: ЖЕНЩИНЫ В ИСТОРИИ ЛИНГВИСТИКИ

Женщины в британской лингвистике XVIII века: Э. Л. Трейл Пьюцци, автор словаря синонимов английского языка ГЕРМАНОВА Н. Н.	74
Женщины-лингвисты в тоталитарных государствах XX века КОСТЕВА В. М.	81

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

Текстоформирующий потенциал когнитивных доминант-классификаторов лексико-семантической группы «часть – целое» (на материале английского языка)

КРАСИКОВА Е. А. 88

Образ природы в политическом дискурсе бывшего президента Республики Коста-Рика
Лауры Чинчили Миранды

КУШНЕРЕВА Д. А. 95

Фразеологическая репрезентация образа «ловушки» в Веспасиановой псалтири

МУХИН С. В., ИНОЗЕМЦЕВА С. В. 103

Концепт «вежливость» во вьетнамской культуре

ТХИ МИНЬ НГУЕТ НГУЕН 110

Артикли в английском языке как индикаторы изменений в языковой картине мира

ПОПОВА Е. А. 117

Красное и черное Павезе, или Культурно обусловленные цветоименования в итальянской литературе

РОССАЛЬ В. В. 124

Соотношение ценности и антиценности в немецкой лингвокультуре:

Gewalt (насилие) / Freiheit (свобода)

ХЛОПОВА А. И. 132

ЛИНГВИСТИКА ЖЕСТОВЫХ ЯЗЫКОВ

Средства усиления в русском жестовом языке

ХАРИТОНОВА В. Д. 142

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

«Свое» и «другое» в романе Р. Сенчина «Дождь в Париже»

КРЮКОВА О. С., РАРЕНКО М. Б. 149

Виктор Пелевин и восточный постмодернизм

ЧЖЭН СЯОТИН 154

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Феноменологический анализ явления «культура отмены»

БЫЛЕВСКИЙ П. Г., ЦАЦКИНА Е. П. 162

Представление основных ценностей современного Китая в поликодовом рекламном тексте

ЦЮЙ ЮНЬ 170

LINGUISTICS

TEXT AND COMMUNICATION IN MEDIA SPACE

Quotation as an Explicit Form of Intertextuality (based on German advertising texts) BARANOV K. S.	9
Internet Meme as a Genre of Entertainment KOSICHENKO E. F.	16
A Study on Aggressive Speech in Online Commentaries of Sina Weibo LIU QIQI	24
South Ossetia Media Image as the Determinant of the Social and Economic Attractiveness of the Region MOISEENKO L. V., VIKULINA M. A., USKOVA T. V.	32
Promotion of Aggressive Communication Formats in the Digital Information Space: “Roast” PISHCHALNIKOVA V. A.	39
Event Dynamicity in Internet News ROMANENKO O. V.	47

COGNITIVE SEMANTICS: EXPERIMENTAL RESEARCH

Gaze Costs in Nonimaginistic Idioms Perception. Are They Modified by Embodiment and Entrenchment Factors? KIOSE M. I.	56
Secondary Interpretation Of Discourse in Terms of Its Preserved and Modified Information (based on drama discourse) RZHESHEVSKAYA A. A.	65

LINGUISTIC HISTORIOGRAPHY: WOMEN IN THE HISTORY OF LINGUISTICS

Women in the Eighteenth-Century British linguistics: H. L. Thrale Piozzi and Her Dictionary of Synonyms of the English Language GUERMANOVA N. N.	74
Women Linguists in Totalitarian States of the 20th Century KOSTEVA V. M.	81

LANGUAGE IN SOCIO-CULTURAL CONTEXT

Text-Forming Potential of Cognitive Dominant Classifiers in the Semantics of English Nouns Denoting “Part of the Whole” KRASIKOVA E. A.	88
---	----

CONTENTS

The Image of Nature in the Political Discourse of the Former President of the Republic of Costa Rica Laura Chinchilla Miranda KUSHNEREVA D. A.	95
Phraseological Representation of the Image of a Snare in the Vespasian Psalter MUKHIN S. V., INOZEMTSEVA S. V.	103
The Concept of “Politeness” in Vietnamese Culture THI MINH NGUYET NGUYEN	110
Articles in English as Indicators of Changes in the Linguistic Worldview POPOVA E. A.	117
The Red and the Black in Pavese’s Novel, or Culturally Motivated Terms in Italian Literature ROSSAL V. V.	124
Relationship of Value and Anti-Value in German Linguoculture: <i>Gewalt (Violence) / Freiheit (Liberty)</i> KHLOPOVA A. I.	132

LINGUISTICS OF SIGN LANGUAGES

Means of Intensification in Russian Sign Language KHARITONOVA V. D.	142
---	-----

LITERARY STUDIES

“One’s Own” and “Other” in R. Senchin’s Novel “Rain in Paris” KRYUKOVA O. S., RARENKO M. B.	149
Victor Pelevin and Eastern Postmodernism ZHENG XIAOTING	154

CULTUROLOGY

Phenomenological Analysis of the Notion “Cancel Culture” BYLEVSKIY P. G., TSATSKINA E. P.	162
Representation of the Core Values of Modern China in a Polycode Advertising Text QU YUN	170

ТЕКСТ И КОММУНИКАЦИЯ В МЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Научная статья
УДК 811.11-112
DOI 10.52070/2542-2197_2022_2_857_9



Цитата как форма проявления интертекстуальности (на материале немецких рекламных текстов)

К. С. Баранов

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
ksb28december@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена интертекстуальному анализу немецких рекламных текстов, построенных на цитате, а также проблемам их перевода на русский язык. В рекламном тексте цитата подвергается семантической трансформации и выполняет манипулятивную функцию. Цитата и языковая игра основаны на взаимодействии ментальных структур, репрезентируют новый концепт текста, его актуальный смысл. Верная интерпретация языковой игры, построенной на цитате, предполагает общие фоновые знания коммуникантов.

Ключевые слова: языковая игра, интертекстуальность, цитата, фоновые знания, прецедентный феномен, фенотекст, рекламный слоган, ассоциативный контекст, двойная актуализация

Для цитирования: Баранов К. С. Цитата как форма проявления интертекстуальности (на материале немецких рекламных текстов) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2 (857). С. 9–15. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_2_857_9

Original article

Quotation as an Explicit Form of Intertextuality (based on German advertising texts)

Kirill S. Baranov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
ksb28december@mail.ru

Abstract. The paper considers the intertextual analysis of German advertising texts based on quotation and their translation into Russian. The quotation in an advertising text is often situated in a new context, which leads to its reinterpretation. Quotations are used to represent someone's point of view and to manipulate the recipient. Quotation and language play are based on the interaction of mental structures and represent the new concept of "text", its actual meaning. The right interpretation of language play based on quotation presupposes the same background knowledge of communicants.

Keywords: language play, intertextuality, quotation, background knowledge, precedent phenomena, phenotext, advertising slogan, associative context, double actualization

For citation: Baranov, K. S. (2022). Quotation as an explicit form of intertextuality (based on German advertising texts). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(857), 9–15. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_2_857_9

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире реклама как важная форма массовой коммуникации представляет собой многогранное явление. Сегодня рекламные сообщения являются собой поликодовые тексты, в которых важная роль отводится широкому спектру аудиовизуальных средств. Е. Е. Анисимова рассматривает поликодовый, или креолизованный текст как «сложное текстовое образование, в котором вербальные и невербальные элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, нацеленное на комплексное прагматическое воздействие на адресата» [Анисимова, 2003, с. 17].

Однако презентация рекламируемого объекта в первую очередь осуществляется за счет языковых средств и материализуется в виде готового цельнооформленного рекламного текста.

Интертекстуальность понимается как процесс взаимопроникновения вербальных текстов с целью порождения нового текста и формирования его актуального содержания. Интертекстуальность в рекламе предполагает использование элементов уже существующего прецедентного текста в процессе создания и функционирования нового.

Игровой слоган коррелируется в сознании реципиента не только с существующим языковым клише, но и с дополнительным конкретизатором. Таким образом, материалом для современных рекламных текстов служат языковые клише – прецедентные тексты, обыгрываемые в соответствии с прагматической установкой коллективного автора.

Основополагающими для исследования прецедентности являются характеристики этого феномена, выделенные Ю. Н. Карауловым: «Назовем прецедентными – тексты, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении, имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов, 2002, с. 216].

Некоторые прецедентные феномены могут быть зафиксированы в лингвострановедческих словарях [см. Д. Г. Мальцева «Германия: страна и язык», 1998; Н. В. Муравлева «Австрия. Лингвострановедческий словарь», 1997]. Авторы этих изданий относят языковые единицы, репрезентирующие прецедентные феномены, к реалиям, описание которых входит в корпус лингвострановедческих словарей. В этом случае прецедентные феномены и реалии образуют общие фоновые знания и одинаковые свойства инвариантов

восприятия. Одна словарная статья может содержать прецедентные имя, ситуацию и высказывание, например: «Nibelungentreue, die *высок*. «неурушимая верность»; «безусловная верность» (*букв.* «верность», как в «Песне о Нибелунгах»). Как известно, в «Песне о Нибелунгах» (XIII век) воспевается самоотверженный героизм «солнечного Зигфрида» – вассала, верного своему королю, который победил карликов Нибелунгов, олицетворявших подземные, темные силы природы. Это слово часто употребляется в значении «верноподданническая преданность» [Мальцева, 1998, с. 75].

СЕМАНТИЧЕСКАЯ КОМПРЕССИЯ ЦИТАТЫ

Основным интертекстуальным включением, используемым в немецкой рекламе, являются цитаты. Характерная особенность цитаты заключается в ее эксплицитной маркированности в рекламном тексте. В случае погружения в рекламный контекст она подвергается семантической трансформации, в результате чего у реципиента возникают новые ассоциации.

«Цитату с полным правом можно назвать эмблематической формой интертекстуальности, поскольку она позволяет непосредственно наблюдать, каким образом один текст включается в другой» [Пьеге-Гро, 2008, с. 84]. Ее маркерами служат «типографские приемы: отбивка цитаты, использование курсива или кавычек и пр.» [там же]. Речь идет об узком понимании цитаты, как о выдержке из какого-либо другого текста. Включение в рекламный текст цитаты предполагает участие в ее декодировании реципиента, которому необходимо обнаружить прецедентный текст и заложенный в нем дополнительный смысл.

Следствием глобализации экономик и производственных процессов является создание мультинациональных компаний и корпораций. Коммуникативное пространство приобретает интернациональный характер, что влечет за собой унификацию источников поступления информации и появление вненациональных прецедентных текстов. В рекламе все более наблюдается межкультурное и межъязыковое взаимодействие, обусловленное существованием универсальных культурных ценностей. Зачастую такие рекламные тексты не требуют видоизменений в процессе их оформления в рамках другого языкового кода. Речь идет о существующих в глобальном культурном пространстве общезначимых, узнаваемых и вненациональных прецедентных текстах, таких как Библия, изречения великих философов и писателей, обладающих глубоким семантическим потенциалом.

Для реализации волюнтаривной функции рекламы коллективный автор использует языковые единицы, которые наиболее полно отражают общепринятые ценностные установки общества. В приведенных ниже примерах местом актуализации цитаты мы рассматриваем прецедентные тексты, которые присутствуют в когнитивной базе как немецкоязычного, так и русскоязычного социумов. Они включены в культурную среду языка перевода, что позволяет сохранить их концептуальную основу. Средства вербализации представляют собой эквивалентные соответствия оригинальным.

В рекламе аудиотехники, представленной в онлайн-магазине World of Music, используется выражение из Евангелия от Матфея 11:

Wer Ohren hat zu hören, der höre (*Cosmopolitan* 14/2003) (ср. рус.: «Имеющий уши, да услышит!» *Евангелие от Матфея 11:15*).

В результате помещения прецедентного текста в рекламный контекст происходит его семантическая трансформация: наши акустические системы обеспечивают чистый качественный звук.

Прецедентным текстом рекламы блюд быстрого приготовления Knorr служит изречение из Библии:

Da gab Jakob dem Esau Brot und das Linsengericht; der aß und trank, stand auf und ging davon¹ (ср. рус.: «После этого Иаков дал Исаву чечевичной похлебки и хлеба; тот наелся, напился и ушел». *Книга Бытия 25, 34*)

В новом контексте библеизм подвергается семантической компрессии, что приводит к его переосмыслению: используя продукты фирмы Knorr, можно полноценно пообедать, не затрачивая особых усилий и времени на приготовление блюд.

Реклама туров по странам Латинской Америки являет собой цитату христианского богослова и философа Аврелия Августина Иппонийского, которая содержит имплицитную информацию: расширяйте свой кругозор, путешествуя по Южной Америке с туристической компанией Miller Reisen – признанным экспертом в области туризма:

Die Welt ist ein Buch. Wer nie reist, sieht nur eine Seite davon (*Augustinus Aurelius, röm. Kirchengelehrter, 354–430*)² (ср. рус.: «Мир – это книга, и те, кто не путешествуют, успевают прочесть лишь первую страницу»³).

¹ URL: www.knorr.com

² URL: www.miller-reisen.de

³ URL: www.stihi.ru

В качестве рекламного слогана отеля-ресторана Bärnapp, находящегося в Рейнланд-Пфальце, представлена цитата Демокрита:

Ein Leben ohne Freude ist wie eine weite Reise ohne Gasthaus. *Demokrit*⁴ (ср. рус.: «Жизнь без праздников – это длинный путь без заезжего двора». *Демокрит*⁵).

Она содержит кавычки и имя автора. Высокая степень узнаваемости прецедентного текста обеспечивается его дословной передачей. Погруженная в рекламный контекст цитата вызывает следующую ассоциацию у реципиента: пребывание в отеле-ресторане Bärnapp оставит у Вас приятное впечатление.

Реклама моющих средств фирмы Klar содержит в себе цитату древнегреческого философа Аристотеля:

«Die Natur kreierte nichts ohne Bedeutung». Wir auch nicht⁶ (ср. рус.: «Природа ничего не создает напрасно». *Постарались и мы. Аристотель*⁷).

Эллиптическое предложение *wir auch nicht*, продолжающее цитату, связывает ее с рекламируемым продуктом. В новом контексте цитата подвергается семантической компрессии и «читается» реципиентом следующим образом:

С моющими средствами Klar, состоящими из натуральных экологически чистых компонентов, Вы сможете навести идеальную чистоту без вреда для здоровья.

Обратимся к рекламе новой модели автомобиля Mercedes-Benz A-класса, в которой были устранены допущенные ранее недочеты:

«Stark ist, wer keine Fehler macht. Stärker, wer aus seinen Fehlern lernt». *Boris Becker (Janich 2013: 133)* (ср. рус.: «Силен тот, кто не делает ошибок, но еще сильнее тот, кто учится на своих ошибках»⁸).

Прецедентным текстом рекламного слогана выступает другая цитата Бориса Беккера, которая является элементом когнитивной базы реципиента и служит для порождения и декодирования нового смысла:

⁴ URL: www.baermann.de

⁵ URL: www.litprichal.ru

⁶ URL: www.klar.de

⁷ URL: www.litprichal.ru

⁸ Перевод наш. – К. Б.

Ich habe aus meinen Rückschlägen oft mehr gelernt als aus meinen Erfolgen (*Janich 2013: 134*) (ср. рус.: «Я намного больше научился у неудачи, чем у успеха»¹).

Немецкий теннисист, бывший первый номер мирового рейтинга Борис Франц Беккер на пути к вершине мирового спорта переживал взлеты и падения, учился на собственных ошибках. Погруженная в рекламный контекст цитата порождает следующую интерпретацию слогана: новая модель автомобиля Mercedes-Benz A-класса, созданная настоящими профессионалами, воплощает комфорт и надежность.

Реклама журнала Haus&Garten, в котором в форме вопроса-ответа публикуются советы по уходу за домом и садом, являет собой цитату:

«Wenn du eine weise Antwort verlangst, musst du vernünftig fragen». *Johann Wolfgang von Goethe*² (ср. рус.: «Желая услышать мудрый ответ, задай осмысленный вопрос». *Иоганн Вольфганг фон Гёте*³).

Цитата содержит имплицитную информацию, которая усваивается реципиентом на подсознательном уровне: мы готовы давать исчерпывающие ответы на все интересующие вас вопросы.

Характерная особенность современных рекламных текстов – двойная интерпретация смысла. Апелляция к прецедентному тексту позволяет коллективному автору реализовать смысловую двуплановость, на которой основывается языковая игра. Языковую игру и интертекстуальность мы рассматриваем как однопорядковые явления, служащие основой для ассоциативного мышления реципиента. Языковая игра и интертекстуальность репрезентируются в когнитивном, культурном и лингвистическом поле в результате концептуализации и категоризации действительности. Оба эти явления связаны с намеренным переключением ассоциативного стереотипа восприятия словесного знака и предполагают лингвокреативную деятельность реципиента. Важными для декодирования языковой игры и интертекстуальности являются экстралингвистические знания, включающие культурологические, социально-политические и филологические, которые реципиент должен активировать для выявления актуального смысла.

Используя цитату в качестве фенотекста, коллективный автор актуализирует языковую игру, достигая запланированный им прагматический

эффект – привлечь внимание к рекламируемому продукту или услуге.

Обратимся к рекламе туристического бюро Reise Ziel Baden-Baden:

«Reisen veredelt den Geist und räumt mit allen unseren Vorurteilen auf». *Oscar Wilde*⁴ (ср. рус.: «Путешествия удивительно облагораживают душу и помогают освободиться от предрассудков»⁵).

Высказывание британского писателя Оскара Уайльда из сказки «Замечательная ракета» являет собой взятую в кавычки цитату, содержит имя автора и выступает информационно-генерирующей структурой. Используя цитату в качестве приема языковой игры, автор рекламы помогает реципиенту выявить подразумеваемый смысл: путешествуя по территории федеральной земли Баден-Вюртемберг с туристическим бюро ReiseZiel Baden-Baden, Вы реализуете свою мечту – увидите знаменитый национальный парк Шварцвальд и живописные долины таких рек, как Рейн, Дунай, Неккар.

Реклама шоколадных конфет Mercı представляет собой высказывание классика британской литературы Оскара Уайльда:

«Es kommt für jeden der Augenblick der Wahl und der Entscheidung». *Oscar Wilde (Janich 2001: 175)* (ср. рус.: «Для каждого человека настает момент выбора и принятия решения»⁶).

Прецедентным текстом рекламного слогана служит следующая цитата О. Уайльда:

Es kommt für jeden der Augenblick der Wahl und der Entscheidung: ob er sein eigenes Leben führen will, ein höchst persönliches Leben in tiefster Fülle, oder ob er sich zu jenem falschen, seichten, erniedrigenden Dasein entschließen soll, das die Heuchelei der Welt von ihm begehrt (*Janich 2001: 176*) (ср. рус.: «Для каждого человека настает момент выбора и принятия решения: будет ли он жить полной жизнью или вынужден будет влачить унылое, унижительное, пустое существование, которое продиктовано несправедливостью и лицемерием этого мира»⁷).

Используя первую часть цитаты в качестве приема языковой игры, автор рекламы дает толчок к обнаружению нового смысла, и у реципиента

¹ Перевод наш. – К. Б.

² URL: www.mediensprache.net

³ Перевод. – Штемпель В. Р.

⁴ URL: club-special.de

⁵ Перевод. – Озерская Т.

⁶ Перевод наш. – К. Б.

⁷ Перевод наш. – К. Б.

включается механизм семантических ассоциаций: «Выбирая конфеты Mercı, вы не ошибетесь».

Обратимся к рекламе аудиосистем фирмы Yamaha:

«Ich denke nur Musik» Johannes Brahms. Wer Musik denken kann, braucht keine Hi-Fi Anlage. Musikgenies haben ein Orchester im Kopf». *YAMAHA-Digital-Supersound (Der Spiegel 22/2003)*.

Высказывание всемирно известного композитора и пианиста Иоганнеса Брамса представляет собой цитату. Прецедентным текстом слогана служит следующая цитата композитора:

Ich denke nur Musik. Ich bin verliebt in die Musik, ich liebe die Musik, ich denke nichts als sie... (ср. рус.: «Я влюблен в музыку, мыслю только ею»¹).

Используя первое предложение данного высказывания в качестве фенотекста, автор рекламы актуализирует языковую игру, в ходе которой ассоциативные комбинации двух текстов создают дополнительный смысл: только гениальные композиторы способны мыслить звуками, всем остальным, для которых музыка – неотъемлемая часть жизни, необходима аудиосистема фирмы Yamaha. Yamaha – признанный лидер в производстве акустических систем.

ЦИТАТА КАК ЛИНГВОМЕНТАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

В структуре любого рекламного текста функционирует такая ментальная единица, как концепт. М. В. Никитин выделяет «когнитивную и прагматическую (эмотивно-оценочную) части концепта, элементы которых коррелируют между собой» [Никитин, 2002, с. 178]. Концепт представляет собой результат познания мира, психолингвистическое и лингвокультурологическое явление. В его структуре понятийно-содержательный компонент тесно связан с прагматическим.

Как правило, реклама является манипулятивной концептуальным знанием реципиента. Коллективный автор, под которым подразумевается ряд специалистов, задействованных в создании рекламного текста, пытается внушить реципиенту свою интерпретацию концептов. Таким образом происходит влияние на поведение и реакции реципиента.

Более мелким ментальным компонентом, который входит в состав концепта, является ментальная

структура. «Ментальные структуры представляют собой ментальную репрезентацию референтных ситуаций, возникающую как результат включения новой информации в систему имеющихся знаний» [Баранов, 2011, с. 144]. Формально она может соответствовать одной языковой единице – слову или выражению. Ментальная структура есть некая смысловая ассоциация, стоящая за данной единицей. Смыслорождение в рекламе нередко возникает на стыке двух ментальных структур.

В рекламе минеральной воды Apollinaris используются строки из псалма 17 (евангельский сборник церковных песнопений):

Du bist die Quelle meiner Freuden, du bist der Fels, auf dem ich steh, du bist der Ursprung allen Lebens, du bist die Kraft, der ich vertrau (*Capital 16/2005*).

Библейская цитата: «Ты – источник моей радости, Бог мой, скала моя, Ты положил начало жизни на земле, Тебе я доверяю» – помещается в новый контекст, что вызывает ее ассоциативное переосмысление: минеральная вода Apollinaris обладает целебными свойствами и уникальными вкусовыми качествами. Ментальная структура Mineralwasser «чистая натуральная природная вода, обладающая уникальным минеральным составом» сдвигает на уровень периферии концепт Gott «Бог, Творец», деактуализируя его и порождая актуальный смысл слогана: минеральная вода Apollinaris – залог здоровья и бодрости.

Многие прецедентные тексты возникают в национальных когнитивных пространствах как результат когнитивной деятельности носителей определенной этнолингвокультуры. Хорошо знакомые носителям одной этнолингвокультуры, они могут отсутствовать или вызывать затруднение при декодировании у представителей других этнолингвокультур. Переводческий пояснительный комментарий направлен на их адаптацию к новому национальному когнитивному пространству. Рассмотрим примеры.

В рекламе ювелирных изделий Max Kemper используется цитата:

«Der Ring, der ihr sagt, Sie würden sie immer wieder heiraten». *Max Kemper (Cosmopolitan 19/2005)*.

Цитата маркирована кавычками с указанием имени автора, которые являются интертекстуальными знаками. В когнитивное поле «Max Kemper» входят ментальные структуры, представленные такими языковыми единицами, как «немецкий ювелирный бренд, золотые украшения, традиции, качество». Использование цитаты интенционально

¹ Перевод. – Царева Е. М.

и направлено на усиление перлокутивного эффекта. Заложенный ассоциативный смысл декодируется следующим образом: каждое кольцо Max Kemper обладает особой ценностью и неповторимостью. Обручальное кольцо является символом брачных уз почти во всем мире, и в большинстве культур ритуалу обручения придается большое значение. Однако прецедентное имя Max Kemper отсутствует в когнитивной базе членов русскоязычного социума, поэтому при переводе мы используем текстовый комментарий, который позволит восполнить пробел в концептуальных знаниях реципиента:

«Кольцо, которое скажет, что вы женились бы на ней снова и снова». *Макс Кемпер (в 1888 году основал фабрику по производству ювелирных изделий)*¹.

Реклама одежды фирмы Windsor «*der gute Geschmack ist die Fähigkeit, fortwährend der Übertreibung entgegenzuwirken*», *Hugo von Hofmannsthal (Stern 23/2006)* содержит высказывание австрийского писателя Гуго фон Гофмансталь: «Хороший вкус – это способность во всем избегать крайностей и сохранять чувство меры» Гуго фон Гофмансталь². Оно оформлено в виде цитаты и маркировано кавычками с указанием имени автора, которые выступают интертекстуальными знаками. Когнитивная модель «Гуго фон Гофмансталь» репрезентирует такие ментальные структуры, как «писатель, поэт, драматург, аристократ, декадент, сторонник культа красоты, обладатель безупречного вкуса», актуализируя следующую интерпретацию слогана: фирма Windsor выпускает продукцию высшего качества, это сочетание классики с новыми современными решениями и, как результат – модная и стильная одежда на все времена.

Концепт прецедентного имени «Гуго фон Гофмансталь» как ментальная репрезентанта может составлять трудность для когнитивной интерпретации русскоязычным реципиентом, поэтому перевод мы снабжаем текстовым комментарием: Гуго фон Гофмансталь – австрийский писатель, поэт, драматург конца XIX – начала XX века, представитель австрийской аристократии, автор либретто к опере Рихарда Штрауса «Кавалер роз»,

¹ Ювелирные изделия Max Kemper. Перевод наш. – К. Б.

² Перевод наш. – К. Б.

поэтический стиль характеризуется изысканным вкусом и музыкальностью рифм.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной статье представлен интертекстуальный анализ немецких рекламных текстов, построенных на цитате, с последующим переводом их на русский язык.

Суггестивный способ воздействия рекламы осуществляется путем концентрированной цитации прецедентных текстов. Отличительной особенностью цитаты как приема языковой игры в рекламе является то, что она сама, не подвергаясь каким-либо трансформациям, используется в качестве фенотекста. Использование цитаты в рекламном контексте влечет за собой порождение нового смысла, ее содержание становится более емким. В немецких рекламных текстах наиболее частотными являются цитаты из Библии, произведений художественной литературы, а также цитаты известных личностей.

Заложенный смысл легко декодируется благодаря дословной передаче элементов прецедентного текста. Экспрессивную функцию несет на себе ссылка на авторитетный источник и / или автора высказывания. Таким образом, повышается имидж и престижность объекта рекламы.

Семантическая трансформация оригинального текста, происходящая за счет погружения его в новый контекст (в случае с цитатами) порождает новый смысл и вызывает необходимые ассоциации у реципиента. Важную роль играет степень маркированности интертекстуальных следов в рекламе, так как она обуславливает их узнавание. Коллективный автор рекламы всегда апеллирует к знаниям и когнитивной базе реципиента.

При переводе немецких рекламных слоганов было обнаружено, что цитаты известных личностей, как правило, имеют аналоги в русском языке, поэтому для их перевода представляется целесообразным использовать метод синтаксического уподобления. В случаях со слоганами, построенными на высказываниях людей, чьи имена отсутствуют в когнитивной базе русскоязычных реципиентов и не обладают прецедентностью, следует вводить дополнительный текстовый комментарий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: Издательский центр «Академия», 2003.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Эдиториал УРСС, 2002.

3. Мальцева Д. Г. Германия: страна и язык. Landeskunde durch die Sprache: лингвострановедческий словарь. М.: Русские словари, 1998.
4. Муравлева Н. В. Австрия. Лингвострановедческий словарь. М.: Метатекст, 1997.
5. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М.: Издательство ЛКИ, 2008.
6. Библия. Ветхий и Новый Завет. М.: Издание Московской патриархии, 1990.
7. Janich N. Werbesprache. Tübingen: Narr Verlag, 2013.
8. Janich N. Werbesprache. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2001.
9. Никитин М. В. Денотат – концепт – значение // Чествуя филолога: Сб. статей, посвященных 75-летию Ф. А. Литвина. Орел, 2002. С. 175–179.
10. Баранов К. С. Языковая игра в немецкоязычных рекламных текстах: дис. ... канд. филол. наук. М., 2011.

REFERENCES

1. Anisimova, E. E. (2003). Lingvistika teksta i mezhkulturnaja komunikacija (na materiale kreolisovannyh tekstov) = Text linguistics and intercultural communication (on the material of polycode texts). Publishing Academia. (In Russ.)
2. Karaulov, J. N. (2002). Russkij jazyk i jazykovaja lichnost = Russian language and language personality. Editorial URSS. (In Russ.)
3. Malceva, D. G. (1998). Germanija: strana i jazyk. Landeskunde durch die Sprache. Lingvostranovedcheskij slovar = Germany: country and language. Landeskunde durch die Sprache. Linguistic-cultural dictionary. Publishing Russian Dictionaries. (In Russ.)
4. Muravleva, N. V. (1997). Avstrija. Lingvostranovedcheskij slovar = Austria. Linguistic-cultural dictionary. Publishing Metatext. (In Russ.)
5. Pege-Gro, N. (2008). Vvedenie v teoriyu intertekstual'nosti = Introduction to the theory of intertextuality. Publishing LKI. (In Russ.)
6. Biblija. (1990). Vethij i Novyj Zavet = Bible. Old and New Testament. Publishing Moscow Patriarchija. (In Russ.)
7. Janich, N. Werbesprache. Tübingen: Narr Verlag, 2013.
8. Janich, N. Werbesprache. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2001.
9. Nikitin, M. V. (2002). Denotat – koncept – znachenije = Denotat – concept – meaning. Orel, pp. 175–179. (In Russ.)
10. Baranov, K. S. (2011). Jazykovaja igra v nemeckojazychnyh reklamnyh tekstah: dis. ... kand. filol. nauk = Language play in German advertising texts: PhD thesis. Moscow. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Баранов Кирилл Сергеевич

кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка и перевода переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Baranov Kirill Sergeevich

PhD (Philology), Associate Professor at the Department of the German Language and Translation, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 29.11.2021
одобрена после рецензирования 20.12.2022
принята к публикации 27.01.2022

The article was submitted 29.11.2021
approved after reviewing 20.12.2021
accepted for publication 27.01.2022

Научная статья
УДК 81.42
DOI 10.52070/2542-2197_2022_2_857_16



Интернет-мем как жанр комического

Е. Ф. Косиченко

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
ekosichenko@gmail.com

Аннотация. В статье речь идет о том, что как тип текста интернет-мем обладает рядом категориальных признаков, позволяющих считать его интернет-жанром, выполняющим в культуре развлекательную функцию. В отличие от содержания вирусов сознания, содержание интернет-мема не является статичным и, как правило, представлено двумя значениями, сформированными на основе существующих в культуре представлений о разных событиях и в логическом отношении несовместимых друг с другом, что способствует созданию комического эффекта.

Ключевые слова: интернет-мем, интернет-жанр, вирус сознания, образование значений, несовместимость значений, комический эффект

Для цитирования: Косиченко Е. Ф. Интернет-мем как жанр комического // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2 (857). С. 16–23. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_2_857_16

Original article

Internet Meme as a Genre of Entertainment

Elena F. Kosichenko

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
ekosichenko@gmail.com

Abstract. The article considers generic features of Internet memes and describes the Internet meme as a genre the main function of which is entertainment. It is stressed that the content of Internet memes is dynamic, which is not the case with viruses of the mind, whose content is totally static, and is represented by at least two incongruent meanings that evolve from two unrelated cultural events, which contributes to the creation of humorous effect.

Keywords: Internet meme, Internet genre, viruses of the mind, meaning-making, incongruity of meanings, the comic effect

For citation: Kosichenko, E. F. (2022). Internet Meme as a Genre of Entertainment. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(857), 16–23. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_2_857_16

ВВЕДЕНИЕ

В отечественной лингвистике жанровые исследования языка уходят корнями в труды М. М. Бахтина, Ю. Н. Тынянова, Б. В. Томашевского и других лингвистов и литературоведов XX века, заложивших основы современного жанроведения и в целом понимавших жанр (речевой или литературный) как тип текста, обладающий определенными структурными и языковыми признаками. Характеризуясь одновременно устойчивостью и динамикой, каждый жанр способен аккумулировать признаки других жанров, что часто приводит как к изменениям внутри самого жанра, так и к возникновению новых жанров в результате гибридизации.

Идея о динамическом характере жанров, их способности изменяться в зависимости от социокультурных условий и запросов общества, является основополагающей как для генристики в целом, так и для данной статьи, в частности. Обращение к литературно-художественным произведениям разных жанров показывает, что возникновение и становление некоторого жанра, как правило, происходит на основе одного удачно написанного произведения, когда некоторый принцип построения произведения художественной литературы начинает тиражироваться. Поскольку развитие жанров прежде всего зависит от запросов общества, некоторые литературные жанры претерпели видимые изменения, но, эволюционировав, сохранили свои первоначальные названия и существенные признаки, как например, романский жанр, известный еще в Античности. Другие жанры со временем распались на несколько самостоятельных жанров или, претерпев существенные модификации, составили основу для новых типов произведений художественной литературы. Так, например, в XVIII веке комедия распалась на чистую комедию и, так называемую, «слезную» комедию, именуемую сегодня драмой. В целом ряде случаев литературные жанры стали историей, как это произошло, например, с жанрами летописи, сказания, эпоса, или некогда популярной шуточной поэзией поэтов-вагантов.

Процессы, характерные для литературных жанров, относятся также к речевым жанрам, которые более актуальны для лингвистического исследования, поскольку являются обязательными для усвоения членами языкового сообщества и в большей степени отражают образ мышления целого народа, а не отдельного человека. Как и литературные жанры, одни речевые практики сохраняют свои дистинктивные признаки длительное время, другие существенно модифицируются или вовсе исчезают. Например, жанры извинений, ритуальных речей или тоста остались

практически неизменными на протяжении веков [Архипова, 2010; Jamieson, Campbell, 1978]. Как показывают исследования Ф. Грегерсена, то же относится к давно зародившимся и существующим в практически неизменном виде жанрам шутки, устного рассказа или сплетни [Gregersen, 2015]. Другие жанры частично модифицируются или составляют основу для новых жанров. С точки зрения культурно-исторического развития интересен жанр светской беседы, который сохраняется на протяжении долгого времени, однако характер каждой светской беседы сильно зависит от большого числа параметров, таких, как культура, социальный статус собеседников, их возрастные и половые характеристики, исключительно вариативна также тематика данного речевого жанра. В качестве примера жанровой преемственности приведем эпистолярный жанр, который, практически исчезнув в конце XX века, получил новую жизнь в форме электронной переписки в начале текущего столетия.

В современной генристике важное место занимает функциональный подход к изучению жанров, заложенный в трудах М. Хэллидея, Дж. Р. Мартина и ряда других зарубежных и отечественных лингвистов, в общих чертах понимающих жанры как риторические практики, которые обусловлены социальным фактором и используются в ситуациях определенного типа. В частности, М. А. К. Хэллидей пишет о наличии в разных языках паттернов, которые являются общепринятыми, содержат набор семантических и лексико-грамматических характеристик, соотносимых с некоторой ситуацией, и являются источником значений для носителей языка. В качестве примеров М. Хэллидей приводит инструкцию к игре, сказку, которую ребенку читают на ночь, заказ товаров по телефону и подчеркивает, что данные паттерны усваиваются детьми в раннем возрасте, что позволяет людям использовать в каждой ситуации определенный набор языковых средств [Halliday, 1978, с. 28–30].

Другим распространенным подходом к изучению жанров является социокогнитивный подход, декларирующий, что в определенных ситуациях отличные по содержанию и по лингвистической организации тексты воспроизводятся человеком в соответствии с усвоенными благодаря социальному опыту моделями (И. А. Тарасова 2018; N. M. Andersen 2015; D. Chandler 1977; A. Smedegaard 2015; R. Caballero 2008; A. S. Bawarshi, M. J. Reiff 2010). Например, поздравления с юбилеем, новым годом или рождением ребенка отличаются по содержанию, стилистике, отношениями между отправителем сообщения и его получателем, однако обнаруживают признаки,

позволяющие идентифицировать данные жанры как таковые. Несмотря на то, что в рамках социо-когнитивного подхода на первый план может выходить социальный фактор (модели наполняются новым содержанием, но по сути попросту воспроизводятся) или когнитивный (каждый раз модель конструируется заново с опорой на предыдущий опыт и в соответствии с конкретной ситуацией), среди лингвистов наблюдается единство мнений относительно того, что именно определяет каждый конкретный жанр.

Вслед за сторонниками социокогнитивного подхода к пониманию жанра мы выделяем такие сущностные характеристики речевых и литературных жанров, как культурная обусловленность, динамический характер, способность адаптироваться к культурным реалиям и потребностям общества, а также считаем, что каждый речевой жанр обладает определенными структурными и языковыми признаками, позволяющими человеку ориентироваться в неограниченном числе ситуаций, с которыми ему приходится сталкиваться.

Современная генристика активно занимается также проблемами интернет-жанров, которые характеризуются иной – компьютерной – формой представления содержания, что делает их еще более подверженными различным модификациям и процессам гибридизации. Пик исследований в области интернет-генристики пришелся на начало XXI столетия и связан с активной работой лингвистов над типологиями и классификациями интернет-жанров, описанием функций, которые виртуальные жанры выполняют в современном мире, изучением процессов жанровой гибридизации (Е. И. Горошко, Е. А. Жигалина 2010; А. А. Селютин 2009; О. Ю. Усачева 2009; Л. Ю. Щипицина 2009).

В свете изложенного актуальность предпринятого в рамках данной статьи исследования определяется сдвигом научного интереса в области жанроведения в сторону виртуальной коммуникации и особым вниманием лингвистов к способности интернет-жанров к гибридизации и разного рода модификациям. Далее мы обратимся к интернет-мему с целью обосновать, что интернет-мем – это самостоятельный комический жанр, т. е. определенный тип текста, обладающий категориальными признаками, позволяющими отличать его от текстов других типов. Исторически, данный жанр комического сложился в результате развития новых технологий, с одной стороны, и под влиянием социального фактора, связанного с существующей в любом сообществе людей тенденцией к копированию поведения друг друга, с другой стороны.

СМЕШНОЕ КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

С исторической точки зрения комические жанры, например, шутки, пародии, забавные истории являются наиболее ранними речевыми жанрами, что объясняется важностью юмора в жизни каждого конкретного человека и общества в целом. Особое место юмора в жизни людей подтверждается множественностью форм его выражения: помимо названных выше шуток, пародий и смешных историй (анекдотов), юмор проявляется в шалостях, остротах, дразнилках, подтруниваниях, загадках, может передаваться звуками, мимикой, жестами, рисунками и т. д. Будучи чисто человеческой особенностью, отличающей *homo sapiens* от других биологических видов, юмор является объектом исследования многих наук: биологии, психологии, социологии, философии, антропологии, культурологии, лингвистики и выполняет многочисленные функции, позволяя человеку интерпретировать действительность, адаптироваться к жизни в социуме, налаживать межличностные отношения, а также приобщаться к иной культуре. Однако не следует понимать юмор исключительно как средство позитивного воздействия, парадоксальным образом он может стать причиной отчуждения, барьером в коммуникации, средством разделения мира отдельных индивидуумов и целых народов на свой и чужой.

Комическое являлось объектом философских исследований еще в Древней Греции, и первые из дошедших до нас работ, посвященных смешному, принадлежат Аристотелю, полагавшему, что смешное – это нечто искаженное и безобразное, однако не причиняющее страданий и потому в целом полезное. Рассматривая шутку и иронию как поэтические приемы, древнегреческий философ, в частности, писал, что есть шутки, пригодные для свободного человека, а есть неподходящие, и каждому следует выбирать то, что для него пригодно, подчеркивая, что ирония отличается более благородным характером, чем простое шутовство [Аристотель, 2017]. В период Ренессанса смех мыслился как потребность, на что указывают исследования М. М. Бахтина, подчеркивавшего, что для ренессансной теории смеха, как и для античных источников ее, характерно именно признание за смехом положительного, возрождающего, творческого значения [Бахтин, 1965].

Впоследствии положительный эффект юмора описал И. Кант, рассматривавший смех, наряду с музыкой, как то, что дает удовольствие, бодрость, здоровье, прежде всего благодаря движению

внутренних органов и повышению жизнедеятельности тела. Отмечая, что во всем, что вызывает веселый неудержимый смех, как правило, заключается нечто бессмысленное, И. Кант определил смех как аффект, возникающий из внезапного превращения напряженного ожидания в ничто, и потому безрадостный для рассудка, однако несущий благо телу и душе [Кант, 1994, с. 207].

В XX веке к роли юмора в жизни человека обращался, в частности основоположник психоанализа З. Фрейд, полагавший, что юмор не только приносит удовольствие, но также избавляет человека от негативных эмоций, облегчает жизненные неурядицы. Анализ разных по содержанию шуток позволил З. Фрейду классифицировать их на основе социального, интеллектуального, прагматического признаков, а также с учетом критерия эмоционально-духовного развития человека, особо акцентировав при этом роль языка как средства создания комического эффекта [Freud, 1905].

Важное место среди философских исследований комического занимает теория английского философа и социолога Г. Спенсера, назвавшего два источника смеха – несообразность некоторой ситуации и чувство удовольствия, которое испытывает человек при столкновении с ситуацией, в которой он может ощутить свое превосходство от того, что некоторой индивид оказался в невыгодном для себя положении. Уделяя, как и другие философы, внимание физиологии юмора, Г. Спенсер подчеркивал положительную роль мышечных движений (например, хлопанье в ладоши, потирание рук, удары по коленям, покачивания взад и вперед и т. д.), сопровождающих смех и способствующих эмоциональной разрядке [Спенсер, 2002].

Таким образом, исторически юмор и смех, возникающий в результате столкновения с чем-то смешным, понимались как нечто весьма бесполезное, не приносящее никаких ощутимых благ, кроме удовольствия, и потому способных оказывать положительное влияние как на психику отдельного человека, так и на взаимоотношения в некотором коллективе людей. На сегодняшний день юмор хорошо изучен в самых разных аспектах как отечественными, так и зарубежными учеными, и перечень работ, посвященных исследованию того, что вызывает смех, а также языковых средств создания комического исключительно обширен и разнообразен. Для примера приведем, во-первых, сборник научных трудов российских лингвистов, где комическое исследовано на материале фольклорных текстов, художественной литературы, поэзии, живой речи, рассмотрены вербальные и невербальные средства выражения смешного

в разных языках [Арутюнова, 2007]. В плане широты охвата темы комического интересен сборник на английском языке, где представлены результаты психологических, лингвистических (в том числе сопоставительных), социологических, религиозных, философских, культурно-исторических исследований юмора, проведенных европейскими лингвистами, а также приводятся данные, полученные в ходе работы с компьютерными программами генерирования юмора [Raskin, 2008].

За последние десять лет появился ряд работ, авторы которых обращаются к новой форме комического – интернет-мему, сосредотачиваясь преимущественно на формах его существования, а также культурных, психологических и социальных аспектах данного явления. Мы, в свою очередь, предпримем попытку определить интернет-мем как речевой жанр, т. е. возникший в результате глобальной цифровизации особый тип поликодового культурного текста, характеризуемый множественностью форм существования, основной функцией которого является развлекательная функция. Специфика выполняемой интернет-мемом функции позволяет рассматривать данное явление как средство, объединяющее представителей одной культуры и в целом оказывающее положительное психологическое воздействие на людей.

ЖАНРОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИНТЕРНЕТ-МЕМА

Слово «мем» впервые появилось в середине 1970-х годов как научный термин, предложенный биологом Р. Докинзом для обозначения любой единицы информации, распространяемой в культуре благодаря ее непрерывному копированию. Вводя данный термин, Р. Докинз, писал, что, по аналогии с геном, который передает информацию от одного тела к другому, мем с огромной скоростью передает культурную информацию от одного мозга к другому, заставляя членов одной культуры подражать поведению друг друга. Р. Докинз особо отмечал, что по своей сути мем – это такой же репликатор, как и ген, но передающий информацию о культуре и заставляющий носителей этой культуры копировать музыку, идеи, крылатые фразы, одежду, знания о том, как нужно строить арки и т. д. То же относится к науке, например, когда профессор сам знакомится с интересной идеей, он немедленно передает ее своим коллегам и ученикам [Докинз, 2006, с. 192].

В результате повсеместного внедрения новых технологий и создания возможностей для быстрого распространения информации термин «мем» популяризировался и стал применяться для

обозначения некоторой идеи, которая получает множественные юмористические репрезентации и тиражируется среди пользователей Интернета. Оксфордский словарь определяет интернет-мем как шутивное изображение, видеосюжет, текстовый фрагмент, который быстро распространяется в Сети, как правило, в модифицированном виде.

«Meme – an image, video, piece of text, etc., typically humorous in nature, that is copied and spread rapidly by internet users, often with slight variations». This is the first definition of the word, found in the Oxford dictionary [Oxford English and Spanish Dictionary, 2021].

Таким образом, слово, которое возникло как научный термин, стало со временем обиходно-разговорным и относится к явлению, которое, как правило, возникает и существует в виртуальной среде в виде поликодового текста, быстро распространяется среди пользователей, является способом получить удовольствие.

Согласно американскому лингвисту П. Дэвисону, первыми интернет-мемами были эмодзи – передаваемые при помощи пунктуационной графики выражения радости и печали. С самого своего появления оба символа обладали двумя существенными характеристиками:

- 1) способностью транслировать конкретное содержание в самых разных контекстах, не оставляя возможностей для иного толкования закрепленного за ними значения;
- 2) способностью к модификации формы с сохранением закрепленного содержания.

Будучи более сложными как по форме, так и по содержанию, современные интернет-мемы выполняют преимущественно развлекательную функцию и представляет собой культурное явление в том смысле, что их понимание возможно только при условии знания культурных реалий [Davison, 2012]. Таким образом, еще одним признаком интернет-мема является его связь с культурными текстами, знание которых позволяет распознавать смыслы, транслируемые посредством самого мема.

Поскольку целью данной статьи является обоснование идеи о том, что интернет-мем представляет собой самостоятельный жанр, т. е. культурно обусловленный, динамический, способный генерировать значения тип текста, обладающий определенными структурными и языковыми признаками, важно разграничить интернет-мемы и их упрощенные аналоги, так называемые, «вирусы сознания» – явления, вариативные по форме, но неизменные по содержанию. Соглашаясь с тем,

что информационные вирусы (вирусы сознания) являются явлениями деструктивного порядка, и, все интенсивнее насыщая виртуальное пространство, отрицательно сказываются на психике людей и ограничивают возможности интеллектуального развития молодежи, мы вместе с тем полагаем, что, в отличие от вирусов сознания, интернет-мемы обладают принципиально иной природой, поскольку их содержание меняется в зависимости от формы и условий функционирования. О важности такого разграничения пишут также М. Кнобель и К. Ланкшир, отмечая, что статичное содержание, которое в разных формах передается от одного пользователя к другому является своего рода вирусом, тогда как содержание мема, равно как и гена, способно эволюционировать и адаптироваться к новым условиям [Knobel, Lankshear, 2005]. На наш взгляд, понимание мема как носителя культурной информации, способного к адаптации и репликации и обнаруживающего как содержательную стабильность, так и содержательную вариативность, значительно ближе к тому смыслу, который изначально вкладывал в данный термин Р. Докинз, сравнивая мем с геном. Содержание мема стабильно лишь отчасти, и, принимая новую форму, каждый мем приобретает и новое значение. В некотором отношении мемы сродни, к примеру, газетным статьям, целый ряд которых может быть посвящен одному событию, при этом каждая статья будет по-разному освещать данное событие, конструируя новые значения и меняя восприятие действительности.

Идея о том, что содержание мема культурно детерминировано и изменчиво, имеет для нас принципиальное значение, поскольку предпринимаемая попытка описать мем как интернет-жанр, предполагает признание того, что это динамичное явление, способное к генерированию новых значений. Для



иллюстрации идеи о подвижном характере содержательной стороны интернет-мема обратимся к примеру интернет-мема *Аквадискотека*, ставшего популярным в Рунете в начале 2021 года. Причиной для появления и распространения данного мема стала публикация на канале организации «Фонд борьбы с коррупцией», признанной в России экстремистской, информации о якобы принадлежащем президенту Путину доме в г. Геленджике, где среди предметов роскоши и многочисленных комнат были найдены аквадискотека и склад грязи. Данная идея нашла отклик у российских пользователей Интернетом, побудив их к созданию многочисленных интерпретаций, узнаваемых благодаря знанию русской популярной культуры.

Первый мем содержит изображение Президента России В. В. Путина и пресс-секретаря Д. Пескова в бассейне в виде героев из кинофильма Г. Данелии «Кин-дза-дза»; второй мем отсылает к символу 1970–1980-х годов – зеркальному шару, ставшему необходимым атрибутом стиля диско и танцевальных мероприятий того времени; третий основан на кадре из кинофильма Э. Рязанова «Служебный роман». При том что три мема объединены единым мотивом, имеющим привязку к определенному событию, связанные с данным событием культурные представления дополнены новым содержанием, вызванным к жизни новой формой. Тот факт, что новая форма не имеет непосредственной привязки к тиражируемому содержанию способствует созданию комического эффекта, что является еще одним сущностным признаком мема. О приеме соединения двух несовместимых явлений с целью создания комического эффекта писал еще Аристотель, и в наше время теория несовместимости (Incongruity Theory) достаточно широко известна; другим широко распространенным способом создания комического эффекта является, так называемый, эффект неожиданности [Mihalcea, 2007].

Таким образом, интернет-мем – это комический жанр, существующий в виртуальном пространстве в виде поликодового текста, план выражения которого, как правило, представлен изображением и / или текстом. В содержательном отношении каждый мем сочетает два логически несовместимых значения:

- 1) постоянное, сформированное на основе представлений о некотором культурно значимом событии и являющееся тиражируемым;

- 2) ситуативное, связанное с конкретной формой, которая привлекается для тиражирования постоянного значения. Тот факт, что два значения, как правило, логически не связаны друг с другом, способствует созданию юмористического эффекта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие новейших технологий привело к формированию новой информационной среды, наполненной разного рода текстами, и обусловило становление виртуального жанроведения – области научного знания, в задачи которого входит описание электронных текстов, их систематизация и типологизация на основе наиболее общих характеристик. Особое место в кругу многочисленных вопросов виртуального жанроведения занимает проблема смешения жанров, или жанровой гибридации, под которой в общих чертах понимается как процесс взаимодействия текстов разных жанров, так и результат такого взаимодействия, связанный с формированием новых жанров. Последние сто лет, на протяжении которых велись активные научные исследования в области генетики, показали, что полное и всестороннее изучение жанров возможно только с учетом социального фактора, поскольку каждый жанр возникает как ответ на запросы общества и может исчезнуть в результате изменения социокультурных ценностей. Многообразие смеховой культуры и разнообразие комических жанров, к которым относится также интернет-мем, объясняются потребностью каждого общества в развлечениях, а также положительным влиянием смеха на психическое и физическое здоровье человека.

Подводя итог изложенному в статье, еще раз отметим, что интернет-мем может быть рассмотрен как речевой жанр, т. е. возникший в результате глобальной цифровизации особый тип культурного текста, основной функцией которого является развлекательная функция. В отличие от статичного содержания, так называемых, вирусов сознания, содержание интернет-мема динамично и представлено несколькими значениями, сформированными на основе представлений о двух несвязанных друг с другом культурных событиях. Возникающий в результате сочетания двух разноплановых значений эффект неожиданности определяет основную функцию данного жанра.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Архипова Е. М. Тост как первичный речевой жанр в современной концепции научного знания // Научная мысль Кавказа. 2010. № 3. С. 151–155.

2. Jamieson K. H., Campbell K. K. The interplay of influence: News, advertising, politics, and the mass media. Belmont, CA: Wadsworth, 1992.
3. Gregersen F. Genre in everyday conversation at: Genre and ... Copenhagen studies in genre / ed. by Sune Auken, Palle Schantz Lauridsen, Anders Juhl Rasmussen. Forlaget Ekbátana, 2015. P. 56–99. URL: https://hum.ku.dk/omfakultetet/fakultetservice/alle/phdskolen/?pure=files%2F140400101%2FGenre_and.pdf
4. Halliday M. A. K. Language as social semiotic: The social interpretation of language and meaning. London: Edward Arnold, 1978. Print.
5. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965. URL: https://imwerden.de/pdf/bakhtin_rable_1990.pdf
6. Аристотель. Риторика. АСТ, 2017. Глава XVIII. URL: <https://www.litres.ru/aristotel/ritorika-24126156/chitat-onlayn/page-17/>
7. Кант И. Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994. URL: https://imwerden.de/pdf/kant_kritika_sposobnosti_suzhdeniya_1994_ocr.pdf
8. Freud S. Jokes and their relation to the unconscious = Der Witz und seine Beziehung zum Unbewußten. New York: Penguin, 1905. URL: <https://www.sigmundfreud.net/jokes-and-their-relation-to-the-unconscious-pdf-ebook.jsp>
9. Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские. 2002. Т. 3. URL: <http://lib.ru/FILOSOF/SPENSER/spenser3.txt>
10. Арутюнова Н. Д. Лексический анализ языка. Языковые механизмы комизма / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2007.
11. Raskin A. The primer of humor research / ed. by Victor Raskin. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008. URL: https://www.academia.edu/6196205/The_Primer_of_Humor_Research_Edited_by_Victor_Raskin
12. Dawkins R. The selfish gene. Oxford University Press. 2006. URL: <https://alraziuni.edu.ye/uploads/pdf/The-Selfish-Gene-R.-Dawkins-1976-WW-.pdf>
13. Oxford English and Spanish Dictionary, Synonyms, and Spanish to English Translator. 2021. URL: <https://www.lexico.com/definition/meme>
14. Davison P. The language of Internet memes. The Social Media Reader / ed. by M. Mandiberg. NYU Press, 2012. P. 120–134. URL: https://www.researchgate.net/publication/263564286_The_Language_of_Internet_Memes
15. Knobel M., Lankshear C. Online memes, affinities, and cultural production. 2005. URL: https://www.researchgate.net/publication/283968435_Online_memes_affinities_and_cultural_production
16. Mihalcea R. The multidisciplinary facets of research on humour. 2007. URL: https://www.academia.edu/1305138/The_multidisciplinary_facets_of_research_on_humour

REFERENCES

1. Arkhipova, E. M. (2010). Toast as the speech genre of the first level in the modern conception of scientific knowledge. *Scientific thought of the Caucasus*, 3, 151–155. (In Russ.)
2. Jamieson, K. H., Campbell, K. K. (1992). The interplay of influence: News, advertising, politics, and the mass media. Belmont, CA: Wadsworth.
3. Gregersen, F. (2015). Genre in everyday conversation. In S. Auken, P. S. Lauridsen, A. J. Rasmussen (eds.), *Genre and... Copenhagen Studies in Genre* (pp. 56–99). Forlaget Ekbátana. https://hum.ku.dk/omfakultetet/fakultetservice/alle/phdskolen/?pure=files%2F140400101%2FGenre_and.pdf
4. Halliday, M. A. K. (1978). *Language as social semiotic: The social interpretation of language and meaning*. London: Edward Arnold.
5. Bakhtin, M. M. (1965). *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Renessansa = Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and Renaissance*. Moscow. https://imwerden.de/pdf/bakhtin_rable_1990.pdf (in Russ.).
6. Aristotle (2017). *Ritorika = Rhetoric* (chapter XVIII). AST. (In Russ.)
7. Kant, I. (1994). *Kritika sposobnosti suzhdeniya*. Moscow: Iskustvo. (In Russ.)
8. Freud, S. (1905). *Jokes and their relation to the unconscious = Der Witz und seine Beziehung zum Unbewußten*. New York: Penguin. <https://www.sigmundfreud.net/jokes-and-their-relation-to-the-unconscious-pdf-ebook.jsp>
9. Spencer, H. (2002). *Essays: scientific, political, and speculative: in 3 vols. Vol. 3*. <http://lib.ru/FILOSOF/SPENSER/spenser3.txt> (in Russ.).
10. Arutyunova, N. D. (2007). *Leksicheskij analiz yazyka = Lexical analysis of language. Yazykovye mekhanizmy komizma*. Moscow: Indrik. (In Russ.)

11. Raskin, A. (2008). The primer of humor research, ed. by V. Raskin. Berlin: Mouton de Gruyter. https://www.academia.edu/6196205/The_Primer_of_Humor_Research_Edited_by_Victor_Raskin
12. Dawkins, R. (2006). The selfish gene. Oxford University Press.
13. Oxford English and Spanish dictionary, synonyms, and Spanish to English translator (2021). <https://www.lexico.com/definition/meme>
14. Davison, P. (2012). The language of Internet memes. In M. Mandiberg (ed.), The Social Media Reader (pp. 120–134). NYU Press. https://www.researchgate.net/publication/263564286_The_Language_of_Internet_Memes
15. Knobel, M., Lankshear, C. (2005). Online memes, affinities, and cultural production. URL: https://www.researchgate.net/publication/283968435_Online_memes_affinities_and_cultural_production
16. Mihalcea, R. (2007). The multidisciplinary facets of research on humour. https://www.academia.edu/1305138/The_multidisciplinary_facets_of_research_on_humour

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Косиченко Елена Федоровна

доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой общего и сравнительного языкознания Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kosichenko Elena Fedorovna

Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor, Head of the Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 29.11.2021
одобрена после рецензирования 20.12.2022
принята к публикации 27.01.2022

The article was submitted 29.11.2021
approved after reviewing 20.12.2021
accepted for publication 27.01.2022

Научная статья
 УДК 811.581.11
 DOI 10.52070/2542-2197_2022_2_857_24



Речевая агрессия в интернет-коммуникации (на примере комментариев в китайском микроблоге Sina Weibo)

Лю Цици^{1,2}

¹Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

²Синьцзянский педагогический университет, Урумчи, Китай

^{1,2}602680780@qq.com

Аннотация. Речевая агрессия – это речевой акт с четким намерением, целью которого является причинение психологического или духовного ущерба адресату (группе). Сетевой язык – это язык, который выражает содержание разговорной речи в письменной форме. Он воплощает взаимопроникновение и интеграцию письменной и устной речи, демонстрируя ее уникальные характеристики. Исследования показали, что в комментариях Sina Weibo пользователи применяли различные тактики, нацеленные на реализацию речевой агрессии.

Ключевые слова: речевая агрессия, комментарий, способы агрессии, интернет-коммуникация, Sina Weibo

Для цитирования: Лю Цици. Речевая агрессия в интернет-коммуникации (на примере комментариев в китайском микроблоге Sina Weibo) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2 (857). С. 24–31. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_2_857_24

Original article

A Study on Aggressive Speech in Online Commentaries of Sina Weibo

Liu Qiqi^{1,2}

¹Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

²Xinjiang Normal University, Urumqi, China

^{1,2}602680780@qq.com

Abstract. Aggressive speech is a verbal act with a clear intention, its purpose is to cause psychological or mental harm to the addressee (group). Internet language is a language that expresses the content of spoken language in written form, which reflects the infiltration and integration of written and spoken language and shows its unique characteristics. Research shows that in Sina Weibo online comments, various verbal means can be used to verbally attack the addressee (group) in order to achieve the purpose of inflicting harm.

Keywords: aggressive speech, online commentaries, aggressive means, online communication, Sina Weibo

For citation: Liu Qiqi (2022). A study on aggressive speech in online commentaries of Sina Weibo. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2 (857), 24–31. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_2_857_24

ВВЕДЕНИЕ

С тех пор, как Интернет был впервые представлен в Китае в 1987 году, прошло уже более 30 лет. С развитием технологии и распространением Интернета и смартфона Интернет постепенно стал неотъемлемой частью жизни людей. Согласно 47-му «Статистическому отчету о развитии Интернета в Китае», выпущенному Китайским информационным центром Интернета (CNNIC) в феврале 2021 года, до декабря 2020 года количество пользователей Интернета в Китае составляло 989 млн, а количество мобильных Интернет-пользователей – 986 млн. Доля интернет-пользователей, которые используют мобильные телефоны для выхода в Интернет, составляет 99,7 % [中国互联网络信息中心, 2021]. С начала нашего века лингвисты начали обращать особенное внимание на Интернет как новое пространство общения и провели обширные и глубокие исследования различных языковых явлений, возникающих в интернет-коммуникации.

Хотя Интернет и обеспечивает коммуникантам оптимальные условия общения, он также является «рассадником» языкового насилия и вульгарной лексики, вызывая «языковое загрязнение» в публичном интернет-пространстве и оказывая негативное влияние на молодежь в изучении языка. Агрессия как обычное поведение в повседневной жизни также проявляется в интернет-коммуникации в форме речевой агрессии. В данной статье делается попытка проанализировать и обобщить характеристики речевой агрессии, а также выявить способы реализации речевой агрессии в китайском микроблоге Sina Weibo.

Объектом исследования в данной статье являются комментарии пользователей Sina Weibo, содержащие примеры речевой агрессии. Особое внимание при отборе материала уделяется *скрытому деструктивному общению* и использованию различных средств выражения инвективы. Данное приложение привлекло наше внимание, поскольку его характеризуют:

- а) большое количество активных пользователей. В отчете о развитии базы пользователей Weibo (микроблога) компании Sina число активных пользователей в сентябре 2020 года достигло 511 млн человек¹;
- б) растущая популярность приложения. Если в 2013 году число пользователей сети www.weibo.com превысило 500 млн, то к 2017 году оно снизилось примерно до 300 млн в связи с возрастанием конкуренции услуг на рынке сетевых коммуникаций.

¹ URL: https://weibo.com/reportcenter?is_hot=1#_0

В нашей статье предпринимается попытка ответить на ряд вопросов, в том числе: Чем характеризуется речевая агрессия в Sina Weibo? Какими средствами выражается речевая агрессия в комментариях Sina Weibo?

ОСОБЕННОСТИ КОММЕНТАРИЕВ В SINA WEIBO

Преднамеренность

Судя по проведенным ранее исследованиям, агрессия – это поведение, которое намеренно причиняет вред телу и духу других людей. Под речевой агрессией в «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» понимается использование языковых средств для выражения неприязненности, враждебности; манера речи, оскорбляющая чье-либо самолюбие, достоинство [Кожина, 2006]. Двумя наиболее фундаментальными характеристиками агрессии являются вредоносное намерение и мотивация к нападению. При этом агрессивность предусматривает не только поведение, связанное с нанесением физического вреда другим, но также и попытку причинить психологический вред. Речевая агрессия, обсуждаемая в данной статье, – это сознательно использование говорящим оскорбительных и агрессивных речевых единиц, чтобы нанести именно психологический и духовный вред коммуниканту.

Основная функция обсуждаемого дискурса – активное общение, и, когда возникают конфликты между коммуникативными субъектами или их собственные желания не реализуются, ожидаемые цели не достигаются, возникают и негативные эмоции, такие, как напряжение, тревога, гнев, разочарование и т. д. Когда такие отрицательные эмоции достигают определенной степени и возникает необходимость выплеснуть такие эмоции, они неизбежно превращаются в речевую агрессию. Следовательно, с точки зрения коммуникативного намерения, речевая агрессия преследует явную цель и демонстрирует преднамеренный характер.

Причинение вреда

Язык служит выражением некоего духовного «содержания»: это содержание соотносится с опытом говорящего в реальном мире, включая его внутренний мир, его самосознание. Психологи по-разному объясняют причины возникновения речевой агрессии. Американский психолог Э. Аронсон считает, что агрессия – это поведение, направленное на причинение вреда или боли

[杨治良, 郝兴昌, 2016]. По мнению Д. Долларда, агрессия представляется собой резкую реакцию, она проявляется, когда мотивационное поведение человека нарушается в его стремлении к осуществлению цели [там же]. Вредность тесно связана с преднамеренностью. Будь то сторона, которая активно участвует в речевой агрессии в общении, или сторона, которая нападает для самозащиты, обе характеризуются враждебностью, их цель – причинить психологический или иной духовный ущерб коммуниканту, вызвать у него / нее чувство разочарования.

СРЕДСТВА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ

Речевая агрессия как речевой акт обладает интерперсональной функцией: резиденты сети выражают отрицательные эмоции и чувства с помощью разнообразных речевых средств и употребляют слова как «оружие» с целью психологической или духовной атаки. Средства осуществления речевой агрессии варьируются под влиянием разнообразных сложных факторов. Так, 24 марта 2021 года блогер 浪里赤条小粗林 выложил фото-заявление компании Nike на Sina Weibo. В нем говорилось, что компания Nike должна прекратить использовать хлопок из Синьзян-Уйгурского автономного района из-за так называемого «принуждения к труду» в этом регионе. Одни пользователи Sina Weibo осудили компанию Nike, другие рекомендовали, чтобы «бренд-амбассадор» Ван Ибо (китайский певец, кинозвезда) не расторгал из-за этого обвинения свой контракт с компанией Nike¹. В этой связи следует обратить внимание на основные средства осуществления речевой агрессии: лексические, синтаксические и стилистические.

Лексические средства

В интернет-коммуникации часто употребляются эмоционально-экспрессивно окрашенная, обценная лексика и неологизмы – для выражения отращения и неудовлетворенности коммуниканта, а также для реализации агрессивной интенции.

а) Эмоционально-экспрессивно окрашенная лексика

В комментариях Sina Weibo в основном употребляются два способа передачи негативных эмоций в целях осуществления речевой агрессии:

¹ Источник: https://weibo.com/1645255202/K7ldmCHO2?filter=hot&root_comment_id=4618382941360535&type=comment#_rnd1617811944385 [2021-03-30]

- слова с ярким коннотативным значением, содержащие оценку фактов, явлений, признаков, дающие однозначную пейоративную характеристику другим участникам коммуникации или объектам дискуссии;

- слова с нейтральным основным значением, приобретающие качественно-эмоциональный оттенок при употреблении в интернет-коммуникации.

1. 吃相真是难看哦。 – «Поведение (Ван Ибо) порочное».
2. 饭圈文化真恶心。 – «Культура среди фэндомов отвратительная».
3. 借着由头集中攻击的黑粉恶心嘴脸现场。 – «Хейтеры атакуют Ван Ибо по поводу этого события, в комментариях отлично просматривается их морда».

В примерах 1–3 пользователи сети употребляют такие уничижительные лексемы, как «порочный», «отвратительный» и «морда». Употребление этих слов позволяет пользователям выражать свои внутренние негативные чувства (неприязнь к компании Nike, презрение к бренд-амбассадору, неудовлетворенность поклонников звезды из-за неприязни либо игнорирования мнения других). С другой стороны, эти комментарии пользователей нацелены на причинение психологического ущерба компании Nike, бренд-амбассадору и его поклонникам.

4. 就是打着某些旗号披着羊皮的狼干着鸡鸣狗盗的事。 – «Волк в овечьей шкуре с какой-то целью устраивает свинство».
5. 某些人是真爱国还是只是为了趁机黑别人啊 🤔。 – «Некоторые люди – действительно патриоты или просто пользуются возможностью, чтобы бросать грязь в других 🤔».

Слово 某 (в примерах 4–5) относится в китайском языке к нейтральной лексике. Оно может касаться определенного или неопределенного человека или предмета. В данном случае адресант четко знает, кто написал эти комментарии, но все-таки употребляет неопределенное местоимение 某, которое на самом деле подчеркивает иронию и презрение к другим, придавая комментарию уничижительный оттенок.

Слово «черный» в примере 5 имеет нейтральное значение, оно означает цвет, подобный углю или чернилам, нечто темное, ночное и нераскрытое. Он также имеет уничижительный оттенок, означает плохое и порочное. С развитием Интернета пользователи сети придали слову «черный» новое

значение. В текущем контексте «черный» – это глагол, обозначающий нападение или клевету. Подразумеваемое значение этого слова в двух примерах состоит в том, что другая сторона искажает факты, сознательно усложняет ситуацию. Хотя само слово «черный» имеет уничижительный оттенок, пейоративное значение клеветы на самом деле является новым.

В «Словаре современного китайского языка» для лексемы 黑 приводятся следующие значения:

- ①像墨和煤那样的颜色, 与“白”相对 (цвет туши и угля, в отличие от «белого»);
- ②暗, 光线不足 (темный, отсутствие света);
- ③隐蔽的, 非法的 (скрытый, незаконный);
- ④恶毒 (злой);
- ⑤姓 (фамилия) [中国社会科学院语言研究所词典编辑室, 2010].

В приведенном примере 5 присутствует новая, используемая в рамках интернет-коммуникации семантика лексемы 黑, которая может быть передана как словосочетание «забросать грязью кого-либо» или как глагол «клеветать», причем адресант сознательно придает лексеме крайне негативную окраску.

б) Общественная лексика

В повседневной жизни люди обычно демонстрируют себя другим с наилучшей стороны, чтобы завоевать их расположение и обеспечить плавный прогресс в общении. Употребляя общественную лексику, пользователи чаще всего хотят выразить недовольство, но анонимность киберпространства, несомненно, стала «защитным зонтиком», и некоторые пользователи сети активно используют общественную лексику для выражения своего мнения без каких-либо сомнений в ее уместности и нападают на других с ее помощью:

6. nike这个比hm的声明更不要脸啊。 – «Заявление компании Nike *поскуднее*, чем компании H&M».
7. 闭嘴吧你 傻子。 – «Заткнись, *дурак*».
8. 呵呵, 楼里的人, 不如再睁大你的狗眼看看。 – «Хе-хе, комментаторы, лучше откройте *свои собачьи зенки*, внимательно прочитайте (заявление)».

Общественные лексемы, используемые в примерах 6–8, в основном служат нападкам с точки зрения морали, касательно физического состояния, уровня интеллектуального развития и внешнего вида реципиента. По сравнению со словами с пейоративной окраской эти лексемы явно обладают большей силой воздействия, и степень агрессии также выше.

9. 我擦这个声明……吐了。 – «Блин, такое же заявление... Меня воротит от него».

10. 中国李宁是得罪评论区那位了吗, 你TM和美国佬过去吧!!!!!! 卅。 – «Человек, ругающий (китайский спортивный бренд) Ли Нин, он тебя оскорбил? *Твою мать*, живи с янки!!!!!! Блин».

11. 王一博粉丝还在这里抵制国货, 要点b脸吧。 – «Поклонники Ван Ибо до сих пор бойкотируют здесь отечественные товары, *охренели* совсем».

12. 声明了2货带点b脑子吧。 – «Компания Ван Ибо заявила о расторжении контракта. Дура, носи с собой мозги».

13. 西巴!!!!!! . – «*Твою мать!!!!!!*»

С целью оптимизации регулирования подобного агрессивного киберпространства правительство КНР последовательно издало ряд нормативных актов, требующих от интернет-компаний создавать соответствующие механизмы для ограничения или запрещения использования обценной лексики. Однако, чтобы избежать цензуры в Интернете, пользователи сети прибегают к другим средствам для выражения агрессии. Так, в примере 9 лексема 擦 означает в современном китайском языке «стирать», но в последние годы она употребляется и в значении «совершать половой акт» из-за того, что в китайском языке иероглифы 擦 (стирать) и 操 (груб. трахать) сходно произносятся. Иероглифический ключ, графический элемент или простой иероглиф китайской письменности, из которых состоят сложные иероглифы, может выступать в качестве смыслового или фонетического показателя. В примере 10 иероглифический ключ «卅» является частью слова «草» (трава), а слова «草» и 操 (груб. трахать) также звучат одинаково, поэтому иероглифический ключ «卅» употребляется в значении «трахать».

Согласно 47-му «Статистическому отчету о развитии Интернета в Китае», до декабря 2020 года доля пользователей Интернета в возрасте 20–29, 30–39 и 40–49 лет составляла 17,8, 30,5 и 18,8 % [中国互联网络信息中心, 2021]. Эти данные показывают, что китайские пользователи сети – это в основном молодые люди. Они, как правило, хорошо образованы и обладают относительно высокой способностью воспринимать новое. Следовательно, они в состоянии изобретать все больше приемов, чтобы избежать цензуры. Пиньинь (запись звуков китайского языка) – система романизации для китайского языка. В примере 10 ТМ

является акронимом «Ta Ma他妈 (его мать)», обычно сочетается с 你 (ты), в данном случае Ta他 (его) нет значения. Это словосочетание означает «твою мать»; английская буква «b» и китайское слово 屌 (женский половой орган) звучат одинаково, и 屌 (женский половой орган) часто обозначается как «b»; цифра «2» или «二» в китайском языке употреблена как замена для «дурак», «дурацкий» или «неумный». В примере 13 выражение «西巴» (твою мать) было написано транслитерацией из корейского языка «씨발».

в) Неологизм

А. Д. Васильев считает, что лексика как наиболее подвижный, динамичный уровень языковой системы реагирует на происходящие в обществе перемены весьма чутко и исторически быстро [Васильев, 2003]. Лексическая система является открытой, и некоторые новые слова будут исключены или добавлены с развитием времени. Киберпространство – чрезвычайно открытое, инклюзивное и коммуникативное явление, поэтому многие новые слова будут рождены под влиянием определенного социального события или употребления знаменитыми резидентами сети. К примеру:

14. 🐷b 别打nm的女拳了.- «Свиньи, не пропагандируйте феминизм».
15. 九漏鱼fs开始泼脏水了👊辱华你还有脸洗?? – «Поклонники Ван Ибо опять закидали грязью других👊, это оскорбление Китая, как тебе не стыдно отделяться софистикой??»

В примерах 14–15 использованы выражения «女拳» и «九漏鱼», которых нет в китайском языке. Эти слова создаются пользователями сети на основе определенных методов словообразования в тесной связи с развитием Интернета. «女拳» является омонимом «феминистских прав», а слово «拳» обозначает «кулак» или «боксировать».

Поскольку бренд-амбассадор Ван Ибо – мужского пола и он не расторгнул контракт с компанией Nike, некоторые пользователи Sina Weibo начали обвинять его в безответственности. «九漏鱼» представляет собой сокращенное 九年制义务教育漏网之鱼 (те, кто не получили обязательное девятилетнее образование в Китае), т. е. люди с низким уровнем образования. Используя это выражение, адресант издевается над Ван Ибо и его поклонниками. Вышеупомянутые две лексемы – неологизмы, но они содержат четкую личную или групповую ориентацию на других, нацелены на насмешку

и атаку на идентичность или характеристики определенного человека или группы.

Синтаксические средства

Как известно, с точки зрения цели (или установки) сообщения (коммуникативного задания) все предложения распределяются по двум большим классам: предложения невопросительные и вопросительные. Традиционно невопросительные предложения делятся на повествовательные, побудительные и предложения со значением желаний [Шведова, 1980]. Резиденты Интернета часто употребляют побудительные и восклицательные предложения, чтобы проявить агрессию.

а) Побудительные предложения

Побудительные предложения выражают волеизъявление, требование, просьбу, которые предполагают исполнение (но далеко не всегда обязательно конкретного исполнителя). Кроме того, побуждение может выражаться в повествовательном предложении лексическими средствами: Я требую послушания, приказываю, настаиваю, чтобы ты подчинился [Шведова, 1980]. Рассмотрим примеры:

16. 一起滚干净吧.- «Убирайся к черту!»
17. 闭嘴吧你 傻子.- «Заткнись, дурак».
18. 那就请滚出中国市场! – «Убирайся, пожалуйста, с китайского рынка!»
19. 这是公司谈的合约又不是王一博自己能决定的, 你再怎么酸他都比你 有钱, 我劝你还是好好上上大学多读点书吧.- «Это контракт между двумя компаниями, Ван Ибо сам не решает, (с какими компаниями) сотрудничать, как бы тебе ни было кисло, он будет богаче тебя, советую поступить в институт и почитать побольше книг».
20. 求你下次帮一博选择行不, 你说代言啥他就代言啥行不, 或者你来代言个东西我绝对支持你, 行不大佬.- «Прошу помочь Ибо в следующий раз решить, делать это или нет, если ты станешь бренд-амбассадором какого-нибудь бренда, я обязательно поддержу тебя, биг шот».

Побудительные предложения со значением просьбы обычно разряжает атмосферу, адресант принижает себя, но в этих комментариях «пожалуйста», «советую», «прошу» имеют иронический

оттенки, эти лексемы не разряжают атмосферу, а, наоборот, усиливают противоречие между сторонами. Употребления этих слов адресантом имеют однозначную направленность на проявление агрессии.

б) Восклицательные предложения

Восклицательные предложения способны, помимо сообщения, вопроса или побуждения к действию, создавать эмоциональный фон, когда говорящий выражает свое отношение к сообщаемому, вносит в него чувства или эмоции.

21. 评论怕是有病吧，凭什么扯上一博，能不能嘴巴积点德，我靠，相当无语了，一天的黑人家，有病吧！ – «Комментаторы дурацкие, зачем ругать Ван Ибо, прикуси язык, блин, у меня нет слов, что тут скажешь, ненормальные что ли – бесконечно клеветать на него!»
22. A: 回复@B: 你行，你敲键盘行的一批 B: 回复@A: 我起码不会又当又立 A: 回复@B: 那当然是了，你可多棒！ – A: @B: Ты способный, у тебя ярко выраженная способность стучать по клавиатуре (т. е. нападать на других только в виртуальном мире, в реальном ничего не уметь делать). B: @A: По меньшей мере я не вел жизнь распутницы и ожидал при этом памятника своему целомудрию (в значении «совершать дурные поступки, стремясь сохранить хорошую репутацию»). A: @B: Конечно, ты молодец!

Сама обценная лексика уже носит пейоративный характер, а посредством восклицательных предложений с обценной лексикой говорящий демонстрирует, что гадливость в душе достигла крайней степени. В примере 22 предложение «ты молодец!» в обычной ситуации выражает восхищение, но в данном контексте, наоборот, коммуникант А высмеивает В.

Стилистические средства

Основным средством выражения речевой агрессии в Sina Weibo на стилистическом уровне выступают ирония и риторический вопрос.

а) Ирония

Ирония является одним из самых распространенных приемов речевой агрессии. В стилистике ирония – «выражающее насмешку или лукавство иносказание, когда слово или высказывание

обретают в контексте речи значения, противоположное буквальному смыслу или отрицающее его, ставящее под сомнение» [Кожина, 2006]. Она рассматривается как сатирический прием, в котором скрывается истинный смысл, наблюдаются цель осмеивания и проявления критического отношения к объекту речи. Хотя в ней имеют место элементы насмешки, она, в отличие от сатиры, выражает эту насмешку в завуалированной форме. Ирония в интернет-коммуникации является одним из самых обычных явлений и распространенных средств выражения своей оценки и отношения к объекту речи:

23. 某些人自己粉圈思维，还一副高高在上看不起粉圈人的姿态，你好牛哦 🤔 – «Некоторые мыслят в своем собственном фан-клубе, но также демонстрируют превосходство и презрение к членам фан-клуба, какие же вы классные 🤔».
24. 笑死，原来月华这么爱捡漏吗？前段时间范思哲，现在又是施华洛世奇 🤔 – «Ха-ха, компания Юехуа (где работает Ван Ибо) так любит пользоваться случаем? Недавно заключила контракт с компанией VERSACE, а теперь с компанией SWAROVSKI 🤔».

В примере 23 слово 牛 (классный, молодец) в китайской разговорной речи выражает положительную оценку, но в данном контексте – это не настоящая похвала, а ирония, направленная против адресата. Эмодзи 🤔 обозначает обычно «веселое настроение», эмодзи 🤔 толкуется в китайской культуре как «молодец, восхищение», но в примерах 23–24 адресант придал этим эмодзи негативную оценку, употребляя иронию с целью повысить эмоциональный фон, проявить агрессивное отношение.

б) Риторический вопрос

Наконец, риторический вопрос – предложение, которое по интонации и структуре является вопросительным, а по цели высказывания – повествовательным или побудительным и не требует ответа. Его цели: привлечь внимание и сформировать у адресата желательное отношение к содержанию высказывания. К примеру:

25. 那些有点钱的总买耐克的中国人真的得有点骨气！国家都不在了，你们以为你们能活的有尊严？ – «Тем китайцам, которые всегда покупают Nike, действительно нужна твердость духа! Страна распалась, ты думаешь, что можешь жить достойно??»

26. 饭圈难道在国家前面???? NIKE都发疯了嘲中国, 你TM在这因为个人恩怨抵制国货???? – «Фэндом важнее Родины????? Компания издевается над Китаем, вы бойкотируете отечественные товары из-за личных обид????»

В примерах 25–26 адресанты полемизируют при помощи вопросительных предложений, но на самом деле в них уже содержатся ответы на задаваемые вопросы. Риторический вопрос усиливает в этих примерах тональность полемики, ясно выражает намерение говорящего. Кроме того, включение риторического вопроса активизирует мыслительные операции у адресата и накаляет агрессивность дискурса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Язык в современной интернет-коммуникации характеризуется его стилистической демократизацией и расширением границ нормы. Очевидно то,

что в интернет-коммуникации употребление ненормативных слов и выражений встречается довольно часто, что отражает общие тенденции развития китайского языка в последние годы. Из-за этого феномен речевой агрессии стал актуальным предметом современных лингвистических и социально-культурологических исследований. Речевая агрессия – специфический речевой акт. Резиденты сети используют слова в качестве «оружия» для нападения на отдельных пользователей или их группы. Она имеет явные преднамеренность и враждебность и стремится в качестве конечной цели к тому, чтобы причинить психологический или духовный вред коммуникантам. Для вербализации агрессии применяются лексические, синтаксические и стилистические ресурсы современного китайского языка. Предлагаемая статья, посвященная рассмотрению данного языкового феномена в лингвокультурологическом аспекте, является первым шагом к тому, чтобы раскрыть облик речевой агрессии в китайской интернет-коммуникации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. 中国互联网络信息中心. 第47次中国互联网络发展状况统计报告. 2021 = Китайский информационный центр Интернета. 47-й статистический отчет о развитии Интернета в Китае. 2021. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2021-02/03/content_5584518.htm
2. 新浪微博数据中心. 微博2020用户发展报告. 2021 = Центр данных по микроблогу Sina Weibo. Отчет о развитии пользователей Sina Weibo. URL: https://weibo.com/reportcenter?is_hot=1#_0
3. Кожина М. Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Наука, 2006.
4. 杨治良, 郝兴昌. 心理学辞典. 上海: 上海辞书出版社. 2016 = Ян Чжилян, Хао Синчан, Словарь психологии. Шанхай: Шанхайское лексикографическое издательство, 2016.
5. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室. 现代汉语词典 (第5版). 北京: 商务印书馆, 2010 = Современный китайский словарь / Кафедра лексикографии Института языкознания Китайской академии социальных наук. Пекин: Бизнес-издательство, 2010. 5-е изд.
6. Васильев А. Д. Слово в российском телеграфе. М.: Наука, 2003.
7. Русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведова : в 2 т. М.: Наука, 1980. Т. 2: Синтаксис.

REFERENCES

1. 中国互联网络信息中心. 第47次中国互联网络发展状况统计报告. 2021 = China Internet Network Information Center. The 47th China Statistical Report on Internet Development, 2021. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2021-02/03/content_5584518.htm
2. 新浪微博数据中心. 微博2020用户发展报告. 2021 = Sina Weibo Data Center. Report on User's Development in Sina Weibo, 2021. URL: https://weibo.com/reportcenter?is_hot=1#_0
3. Kozhina, M. N. (2006). Stilisticheskij enciklopedicheskij slovar' russkogo yazyka = Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language. Moscow: Nauka. (In Russ.)
4. 杨治良, 郝兴昌. 心理学辞典 // 上海: 上海辞书出版社 = Yang Zhiliang, Hao Xingchang (2016). The dictionary of psychology. Shanghai: Shanghai Lexicographical Publishing House.
5. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室. 现代汉语词典 (第5版). 北京: 商务印书馆, 2010 = Institute of Linguistics, CASS. Modern Chinese Dictionary (2010). Beijing: The Commercial Press. 5th ed. (In Chinese)

6. Vasil'ev, A. D. (2003). Slovo v rossijskom telegraf = Word on the Russian telegraph. Moscow: Nauka. (In Russ.)
7. Shvedova, N. Yu. (Ed.). (1980). Russkaya grammatika = Russian grammar: in 2 vols. Moscow: Nauka. Vol. 2. Syntax. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лю Цици

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания Института иностранных языков Московского государственного лингвистического университета, преподаватель кафедры русского языка Института иностранных языков Синьцзянского педагогического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Liu Qiqi

PhD student, Department of General and Comparative Linguistics, the Maurice Thorez Institute of Foreign Languages, Moscow State Linguistic University; Teacher, Department of the Russian Language, Institute of Foreign Languages, Xinjiang Normal University

Статья поступила в редакцию 29.11.2021
одобрена после рецензирования 20.12.2021
принята к публикации 27.01.2022

The article was submitted 29.11.2021
approved after reviewing 20.12.2021
accepted for publication 27.01.2022

Научная статья
 УДК 81'27
 DOI 10.52070/2542-2197_2022_2_857_32



Образ Южной Осетии в материалах СМИ как детерминанта социоэкономической привлекательности региона

Л. В. Моисеенко¹, М. А. Викулина², Т. В. Ускова³

^{1,2,3}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹liliamoiseenko@gmail.com

²vikulina_maria@mail.ru

³t-uskova@bk.ru

Аннотация. Данное исследование посвящено формированию образа Южной Осетии на международной арене посредством публикаций в СМИ и его влиянию на социоэкономическую привлекательность региона. В статье также представлены результаты социологического опроса, обнаруживающего скудные знания современных молодых людей о Республике Южная Осетия, ее истории и культуре, а также существующие в обществе негативные стереотипы. Авторы приходят к выводу о том, что молодежь не обладает достаточными знаниями о происходящем в регионе, и предлагают способы повышения социокультурной и экономической привлекательности региона.

Ключевые слова: Южная Осетия, стереотип, специфические структуры знаний, социальный опыт, долговременная память, система ценностей

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-512-07003.

Для цитирования: Моисеенко Л. В., Викулина М. А., Ускова Т. В. Образ Южной Осетии в материалах СМИ как детерминанта социоэкономической привлекательности региона // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2 (857). С. 32–38. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_2_857_32

Original article

South Ossetia Media Image as the Determinant of the Social and Economic Attractiveness of the Region

Lilia V. Moiseenko¹, Maria A. Vikulina², Tatiana V. Uskova³

^{1,2,3}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹liliamoiseenko@gmail.com

²vikulina_maria@mail.ru

³t-uskova@bk.ru

Abstract. The article focuses on the image of South Ossetia in the world and the influence of the Mass Media on its formation. It also presents the results of a sociological survey aimed at revealing modern youngsters' knowledge about the Republic of South Ossetia, its history and culture, as well as at determining the existing stereotypes. The authors come to the conclusion that young people are not sufficiently aware of the situation in South Ossetia and suggest possible solutions.

Keywords: South Ossetia, stereotype, specific structures of knowledge, social experience, long-term memory, value system

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR, project number № 20-512-07003.

For citation: Moiseenko, L. V.; Vikulina, M. A.; Uskova, T. V. (2022). South Ossetia Media Image as the Determinant of the Social and Economic Attractiveness of the Region. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2 (857), 32–38. 10.52070/2542-2197_2022_2_857_32

ВВЕДЕНИЕ

Современный мир находится в состоянии неустойчивого равновесия. Мелкие и крупные региональные конфликты, истоки которых уходят в далекое прошлое, возникали на протяжении XX века и продолжают возникать в XXI веке. Небольшие народы, выбравшие путь независимости и заявившие миру об этом, сталкиваются с негативными последствиями, среди которых экономическая и политическая изоляция, непризнание страны на международном уровне, санкции и иные «трудности», которые, по мнению «международной общественности», должны заставить эти страны отказаться от собственной независимой политики, желания жить по правилам и традициям, с которыми согласны все жители страны, а не которые диктует «международная общественность» [Moiseenko et al., 2020]. Такие государства, решившие стать независимыми, нередко проходят непростой путь в установлении собственной идентичности и урегулировании языковой политики [Moiseenko, Viragova, 2021].

Среди стран, столкнувшихся с подобными проблемами, оказалась и Южная Осетия, провозгласившая свою независимость от Грузии. Не вызывает сомнения тот факт, что, если бы не помощь России, Республика Южная Осетия не смогла бы самостоятельно отстаивать свою позицию и продолжить свое существование. Русский язык функционирует в республике как минимум наравне с осетинским [Моисеенко и др., 2020], на территории страны применяются законы РФ, и Российская Федерация оказывает поддержку в экономической, политической и военной сфере. Однако, для плодотворного развития республики необходимо усилить деловую активность, что возможно только при формировании положительного, экономически привлекательного образа республики.

ФОРМИРОВАНИЕ СТЕРЕОТИПНОГО ВОСПРИЯТИЯ ОСЕТИНСКОГО РЕГИОНА В МАТЕРИАЛАХ СМИ

«Шквал» статей, посвященных Южной Осетии, пришелся на 2008–2009 годы. В центре внимания журналистов и общественных деятелей оказался вооруженный конфликт на территории РЮО. 1-го августа 2008 года грузинские войска атаковали Цхинвал и ряд других населенных пунктов, в результате обстрелов из минометов и гранатометов пострадали мирные граждане, были значительно разрушены жилые дома и другие строения. Несмотря на заявления госминистра Грузии по

вопросам реинтеграции Темура Якобашвили, что альтернативы прямым переговорам между Тбилиси и Цхинвалом нет, Грузия продолжила стягивать войска к границам Южной Осетии. В ночь на 5-е августа грузинская сторона дважды обстреляла посты правоохранительных органов республики, а в ночь на 6-е августа над зоной конфликта были зафиксированы полеты реактивной авиации: Грузия продолжала сосредотачивать артиллерийские и ракетные системы в непосредственной близости от границ Южной Осетии. Активные военные действия развернулись в ночь на 8-е августа, когда на фоне артиллерийского обстрела началось продвижение грузинских войска в восточной части Цхинвала. Грузинская авиация нанесла удары по объектам в Южной Осетии: пять самолетов Су-25 бомбили район населенного пункта Тквернети, бомбардировке также подверглась колонна с гуманитарной помощью из Северной Осетии.

Учитывая угрозу жизни для граждан РЮО и опираясь на нормы международного права, в частности, апеллируя правом на самооборону, Россия направила в Южную Осетию дополнительные силы для поддержки российских миротворцев и защиты мирных жителей. Российские войска вступили в бой, разблокировали дорогу к Цхинвалу, и вскоре главком Сухопутных войска генерал армии Владимир Болдырев сообщил, что батальоны и тактические группы полностью освободили Цхинвал от грузинских вооруженных сил. В итоге 10-го августа МИД Грузии передал в посольство РФ ноту, согласно которой президентом Грузии был отдан приказ с 5:00 10-го августа прекратить боевые действия и вывести вооруженные силы Грузии из зоны конфликта.

Описанные выше события широко освещались, как в отечественных, так и в зарубежных изданиях: СМИ пестрели броскими и достаточно агрессивными заголовками, например, «Война в Южной Осетии», «Вооруженные силы конфликтующих сторон», «Россия переиграла Европу и НАТО», «Enemies united in pain as Russia trumpets victory» и т. д. В прессе активно использовалась военная терминология и иная лексика, семантически связанная с подобного рода конфликтами, при этом «военизированными» представлялись не только новостные сообщения, непосредственно отражавшие происходящее в зоне боевых действий, но и интервью, блоги, репортажи и т. д. Приведем пример:

I came here **to fight**, – said Nikolai, a muscular 30-year-old from Stavropol, the birthplace of Mikhail Gorbachev. When Nikolai heard that **war had broken out** in Georgia's breakaway province of South Ossetia

he left his job, jumped in the car and drove 600 miles through the night to sign up *to help defend* the Russia cause. – I came here *to defend* my people from *genocide*». Nikolai is far from alone. Since *the fighting broke out* on Thursday night, hundreds and perhaps thousands of *upstart fighters* from Siberia to Chechnya have flocked to the border with Georgia *to sign up to fight* in what they describe as *the first front in a full-scale war* between Russia and the United States. «This *war*, – barked a stocky young man at a *military recruitment centre* in Vladikavkaz, the North Ossetian capital [in Russia], – is absolutely *a war* between Russia and America. The biggest mistake was in underestimating us. Now you'll see what happens¹.

Как наглядно иллюстрирует приведенный выше пример, взятый из статьи *The Independent*, среди наиболее частотных лексем, используемых в англоязычных публикациях, можно выделить *war*, *fight* (и производные), *defend* и *break out*. «Концентрация» военной терминологии и слов с «военным» значением в пределах небольшого контекста способствовала формированию у читателей соответствующих ассоциативно-вербальных связей: «Южная Осетия – война – конфликт – оружие».

Аналогичная риторика наблюдается и в отечественных СМИ:

В августе 2008 года «горячие головы» в Тбилиси совершили то, что в современной истории не делало ни одно цивилизованное государство. Они не только *отутюжили «Градами» мирное население Цхинвала*, но и *прямой наводкой из танков расстреляли российских миротворцев*, которые находились в республике в соответствии с международными соглашениями и по мандату ООН².

В результате «массированной информационной атаки» с преобладанием военной и конфликтно-агрессивной лексики в сознании как русскоговорящих, так и англоговорящих читателей формируется стереотип Южной Осетии как страны, раздираемой вооруженными конфликтами, страны, где страдают мирные граждане, и куда отправляться не безопасно. Мы понимаем стереотип как максимально обобщенный набор базовых категориальных свойств объекта [Ирисханова, 2012], и в данном случае «образ» Южной Осетии обнаруживает такие признаки, как «война», «убить», «беженцы», «конфликт», а также иные признаки, связанные со страданиями, агрессией и кровопролитием.

¹ URL: <https://www.independent.co.uk/voices/commentators/matt-siegel-i-came-here-to-defend-my-people-from-genocide-rsquo-891497.html>

² URL: <https://rg.ru/2013/08/08/osetia.html>

После 2009 года число упоминаний о Южной Осетии в прессе резко сокращается, и к 2011 году публикации, посвященные РЮО, практически сходят на нет. В тех редких случаях, когда СМИ вспоминают республику, используемые языковые средства способствуют тиражированию уже сформированного стереотипа. Преимущественно это связано с тем, что, во-первых, публикации связаны с вооруженным конфликтом в РЮО своими последствиями или же приводят его в качестве примера, и во-вторых, «воспоминания» о событиях 2008 года вызывают целый ряд публикаций, посвященных «годовщине», в различных российских и иностранных изданиях. Например, «Спустя 10 лет: что важно знать о пятидневной войне России и Грузии»:

В ночь на 8 августа 2008 года *грузинские военные вошли в Цхинвал*, затем были *выбиты оттуда армией России*, дошедшей почти до Тбилиси. Что говорили *о той войне* тогда и как видят сейчас – у DW <...> Поражение *в пятидневной войне* с Россией практически полностью лишило Тбилиси шансов на урегулирование в ближайшем будущем *конфликта* с двумя мятежными грузинскими регионами. С момента *пятидневной войны* между грузинским руководством и властями Южной Осетии и Абхазии практически нет связи³.

Публикации подобного рода фактически возвращают читателя в события 10-летней давности и за счет «военизированных» языковых средств и агрессивной тональности навязывают образ раздираемой врагами Южной Осетии как региона бесконечного вооруженного конфликта, актуализируя сформировавшийся десятилетием ранее стереотип. Основным признаком в образе Южной Осетии становится «война», и в дальнейшем концептуализация РЮО как «поля боя» и места «страданий мирных граждан» активно эксплуатируется в аналитических статьях англоязычной прессы, например:

The responsibility for *a war* between Georgia and Russia in August last year in which 850 *people were killed* and over 100,000 *fled their homes* turns on one key point. Was a *Russian invasion* of the breakaway province of South Ossetia already under way on the night of 7 August when Georgia *opened fire*? Had Russian *tank columns* passed through the *strategic* Roki tunnel, between North and South Ossetia, as Tbilisi claimed? Or did Georgia *fire first*, with *an artillery and rocket barrage* on Tskhinvali, as Russia maintained?⁴

³ URL: <https://www.dw.com/ru>

⁴ URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2009/oct/01/russia-georgia-south-ossetia>

И в идеологически ориентированных отечественных материалах СМИ:

События, сопровождавшие усиление агентов американского влияния как в руководстве СССР, так и в союзных республиках, сопровождались **кровопролитными войнами** и **принесли народам много крови, боли и страданий**¹.

Или:

Южную Осетию, Абхазию и Приднестровье США и Запад уже считали своими **охотничьими угодьями**. В этих республиках их приспешники **военной силой разрушали города и села, массово убивая местных жителей** только за хорошее отношение к России и русскому народу. А западные радиоголоса вместо того, чтобы урезонить своих **головорезов**, сыпали разными обвинениями в адрес осетин, абхазов и приднестровцев. Как видим, вмешательство США во внутреннюю политику зарубежных стран приводит к **вооруженным конфликтам** на их территории².

Выбор языковых средств с определенной семантикой, а также стилистические приемы, используемые журналистами (как, например, метафора «охотничьи угодья» в приведенном выше примере), навязывают будущим поколениям уже существующий стереотип, во многом способствуя закреплению не только фактически-информационного, но и эмоционально-оценочного компонентов: читатель «переживает» описанные события, пропуская их через себя и формируя собственное отношение к происходящему. Поскольку стереотипы представляют собой «специфические структуры знаний, которые возникают у представителей того или иного общества (культуры) на основе многократно повторяющегося социального опыта» и «разделяются большинством носителей данной культуры, хранятся в долговременной памяти в виде гештальтов и связаны с системой ценностей той или иной культуры» [Ирисханова, 2014, с. 6], мы полагаем, что события 15-летней давности влияют на представления молодежи о современной Южной Осетии.

ВОЗДЕЙСТВИЕ СФОРМИРОВАННОГО В СМИ СТЕРЕОТИПА НА СОВРЕМЕННУЮ МОЛОДЕЖЬ

Подтверждением этому являются данные социологического опроса, проведенного среди

¹ URL: <https://cominf.org>

² URL: <https://cominf.org>

студентов МГЛУ в возрасте от 18 до 22 лет. Самым популярным (64 %) ответом на вопрос: «Какие важные исторические события, связанные с Южной Осетией и Северной Осетией, вы можете назвать?» был «вооруженный конфликт 2008 года». Мы полагаем, что данный ответ является результатом сформировавшихся и тиражируемых в молодежной среде стереотипов, в том числе закрепившихся посредством влияния СМИ, поскольку, исходя из среднего возраста респондентов, можно утверждать, что на момент самих политических событий им было от 4 до 6 лет, и они не могут помнить происходившее в 2008 году. Следовательно, данный стереотип, основанный на опыте старшего поколения, был воспринят российской молодежью в результате общения в семье, в образовательных учреждениях и в других социальных институтах в целом.

Стоит также отметить, что 20 % респондентов признались, что не обладают соответствующими знаниями о Республике Южная Осетия и не могут назвать никакие исторические события. Столь высокий процент ответов, продемонстрировавших отсутствие знаний об осетинском регионе, включающем Республику Южная Осетия и Республику Северная Осетия – Алания, говорит о том, что в данный момент в медийном пространстве, и шире в интернет-пространстве, информация о регионе отсутствует: значительная часть современной российской молодежи не только не знакома с историческими событиями республик, но и не осведомлена о происходящем там в данный момент.

Интересно, что среди единичных ответов также прозвучали следующие: «терпимость к чему-то иному», «нашествие монголов в XIII веке», «в 1992 году из-за вторжения бандформирований на территорию республики начался вооруженный конфликт», «разделение», «установление дипломатических отношений с Россией», «присоединение к России в 1774 году», «принуждение Грузии к миру». Мы считаем, что данные ответы являются «отголоском» знаний, почерпнутых из школьных учебников по истории.

Возвращаясь к навязанному СМИ «воинственному» образу региона и стереотипу «войны на Кавказе», мы полагаем, что данный стереотип выступает в качестве своего рода блокатора интеграции и затрудняет гармоничное российско-осетинское взаимодействие. Влияние стереотипа проявляется в восприятии современного состояния региона и в анализе возможных перспектив его развития.

Так, при ответе на вопрос: «Как бы вы охарактеризовали политическую обстановку в Южной Осетии и Северной Осетии?» подавляющее число ответов имели негативную окраску:

«нестабильная» – 9 %, «напряженная» – 23 %, «политический кризис в Южной Осетии» – 6 %; и еще 25 % озвучили свою неосведомленность относительно происходящего в регионе. Полученные результаты, на наш взгляд, напрямую связаны с созданным в СМИ образом Осетии в 2008 году (образом «войны на Кавказе») и полной информационной засухой относительно осетинского региона в данный период времени. Это способствует тому, что стереотип Осетии как нестабильной, подверженной войнам, «пороховой бочки» продолжает муссироваться и передается из поколения в поколение, что только усиливается отсутствием информации о современном состоянии региона.

Единичные ответы (9 %) также отражают скептическое отношение к положению дел в Осетии: «давление на общественное мнение», «кампания по обвинению парламента республики в срыве финансовых обязательств перед бюджетниками и пенсионерами», «специфическая», «более или менее, но не идеал», «Северная Осетия является субъектом РФ, Южная в процессе раздумывания, на перепутье двух дорог». Только 11 % отвечавших воспринимает обстановку как «стабильную» и «мирную».

Второй аспект, на который оказывает влияние сформированный посредством СМИ стереотип, – это прогнозирование возможного пути развития региона. При ответе на вопрос: «Что бы вы предложили улучшить в отношениях с Республиками Южная Осетия и Северная Осетия?» абсолютным лидером среди ответов был «не знаю» – 37 %. Тем не менее предлагались и следующие варианты:

- наладить туристические маршруты: 15 %;
- развивать экономические связи: 9 %;
- развивать культурные связи: 5 %;
- объединение Южной Осетии и РФ, провести референдум о вхождении в РФ: 15 %.

Среди единичных ответов можно выделить такие, как «развивать внешнюю политику относительно друг друга», «взаимопонимание», «взаимодействие», «найти компромисс», «возможно открытие учебных заведений с осетинским языком, чтобы там могли учиться дети как из Южной, так и из Северной Осетии», «заниматься внутренней политикой, улучшать условия жизни граждан».

Не можем не привести в рамках данного исследования единственный полный и развернутый ответ на вопрос, с одной стороны, демонстрирующий осведомленность о происходящих в регионе политических процессах, а с другой стороны, обнаруживающий явную ориентацию на сближение Осетии с Россией и одновременное сохранение

национальной идентичности¹: «В рамках решения проблемы глобальной безопасности и укрепления международных позиций РФ в ближайшей перспективе следует поддержать курс на независимость РЮО. В то же время следует усилить процессы интеграции между РЮО и РСО-А с тем, чтобы в конечном итоге политическое развитие РЮО, согласно волеизъявлению ее народа, получило логическое завершение в воссоединении с Северной Осетией в составе РФ без какого-либо ущерба для РФ».

Таким образом, с нашей точки зрения, сформированные в медиапространстве негативные стереотипы в значительной степени затрудняют интеграцию Южной Осетии в единое социокультурное и экономическое пространство с Россией и существенно снижают социоэкономическую привлекательность осетинского региона в целом.

ПОВЫШЕНИЕ СОЦИОЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНА

С нашей точки зрения, стоит обратить внимание на ответы, предложенные респондентами в плане улучшения социокультурного и экономического взаимодействия с Россией. В первую очередь развитие туризма напрямую связано с улучшением инвестиционного климата, укреплением экономики региона, повышением осведомленности представителей других государств о культурной и этнической специфике осетинского народа, а также с популяризацией региона в целом. Новые туристические маршруты могут способствовать развитию инфраструктуры республики и созданию новых рабочих мест, одновременно знакомство иностранцев и россиян с бытом, культурой и историей Осетии сформирует положительное отношение к осетинам и их ценностям ориентирам и традициям, что, в свою очередь, повысит уровень толерантности и снизит вероятность агрессии и дискриминации. При этом велика вероятность, что данные направления пользовались бы спросом.

Уже сейчас можно судить, что интерес к посещению региона проявляют не только российские туристы, но и иностранцы. Так, известный бразильский путешественник Гильерме Каневвер в интервью CNN («What it's like to visit a country that doesn't officially exist») рассказывает о своих впечатлениях от посещения Абхазии и Южной Осетии:

There are also beautiful mountains and a lot of places you can visit safely, – adds Canever. South Ossetia,

¹ Пунктуация и стиль респондента сохранены.

a mountainous territory between Georgia and Russia that's officially part of the former, is seemingly less of a tourist draw. – Not many people go there¹.

Автор, во-первых, отмечает, что в данный момент нет никакой опасности в посещении Абхазии и Южной Осетии, подчеркивая при этом, что кавказским республикам есть, что предложить своим гостям, и, во-вторых, констатирует, что направление не пользуется особым спросом, и мало кто отваживается там путешествовать.

Мы полагаем, что развитию туризма и повышению социокультурной и экономической привлекательности региона, а, следовательно, и его интеграции в единое политико-экономическое и цивилизационное пространство с Россией, могли бы способствовать:

- а) деактивация («ломка») сформированных негативных стереотипов за счет создания у современной молодежи нового, позитивного образа Осетии, в том числе за счет материалов СМИ; и
- б) популяризация осетинской культуры и осетинского языка, в частности, в рамках российско-осетинских культурных программ и благодаря их освещению в медиапространстве.

Мы особенно акцентируем роль СМИ в достижении поставленных целей, поскольку, на наш взгляд, именно всестороннее информирование читателей по всему миру позволит последним

¹ URL: <https://edition.cnn.com/travel/article/visit-country-that-doesnt-exist/index.html>

сформировать представление о происходящем в республиках и составить свое мнение о регионе. Это приведет к формированию нового образа Осетии как мирного и гостеприимного региона и надежного партнера в экономическом и культурном взаимодействии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представления граждан России о Южной Осетии в значительной мере сформировались благодаря сообщениям СМИ о боевых действиях, которые происходили в республике в 2008–2009 годах, что доказывается анализом газетных публикаций. В результате в обществе закрепился устойчивый негативный стереотип, связанный с опасностью какого-либо сотрудничества с новым государством. Результаты социологического опроса, проведенного авторами статьи, подтверждают не только существование стереотипов, но и их тиражирование в обществе.

Учитывая все вышесказанное, можно сделать вывод о необходимости развития экономического и социокультурного сотрудничества, особенно посредством развития туризма, разработки новых туристических маршрутов и содействия расширению и укреплению связей между политическими, экономическими, образовательными институтами обеих стран. Подобное многостороннее взаимодействие, подкрепленное подробным освещением в СМИ, позволит нивелировать негативные стереотипы, развеять мифы о «нестабильности» и «опасности» и создать привлекательный образ РЮО на международной арене.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Moiseenko L. V., Uskova T. V., Vikulina M. A., Dumina E. V. Approaches to national identity in Russia, in the Republic of North Ossetia and in South Ossetia // Functional aspects of intercultural communication / Translation and interpreting issues [Collection of articles]. Moscow, 2020. С. 446–453.
2. Moiseenko L. V., Biragova F. R. Bilingual Language Environment: Experience of Spain and Russia // Российский журнал исследований билингвизма / Теоретические и прикладные аспекты исследования билингвизма в фокусе научных дискуссий. 2021. С. 34–42. URL: <https://bilingualism.ru/s/27129187/0017122-0-1/>
2. Моисеенко Л. В., Ускова Т. В., Думина Е. В., Викулина М. А. Особенности осетинского билингвизма // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. Вып. 13(842). С. 90–101.
3. Ирисханова О. К. Стереотипы, эталоны и другие социокультурные модели в дискурсе: сходство и различия // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. Вып. 638. С. 173–184.
4. Ирисханова О. К. Социокогнитивная лингвистика: структуры социальных знаний и проблемы их описания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. Вып. 4 (041). С. 5–17.

REFERENCES

1. Moiseenko, L. V., Uskova, T. V., Vikulina, M. A., Dumina E. V. (2020). Approaches to national identity in Russia, in the Republic of North Ossetia and in South Ossetia. *Functional aspects of intercultural communication. Translation and interpreting issues*. Moscow. P. 446–453.
2. Moiseenko, L. V., Biragova F. R. (2021). Bilingual Language Environment: Experience of Spain and Russia. *Russian Journal of Bilingualism Studies. Theoretical and Applied Aspects of the Bilingualism Research in the Focus of Scientific Discussions*. P. 34–42.
3. Moiseenko, L. V., Uskova, T. V., Dumina, E. V., Vikulina, M. A. (2020). Specific features of the Ossetian bilingualism. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 13(842), 90–101. (In Russ.)
4. Iriskhanova, O. K. (2012) Stereotypes, benchmarks and other social and cultural models in the discourse: similarities and differences. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 638, 173–184. (In Russ.)
5. Iriskhanova, O. K. (2014). Sociocognitive linguistics: the structure of the social knowledge and the problem of their description). *Issues of Cognitive Linguistics*, 4(041), 5–17. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Моисеенко Лилия Васильевна

доцент, доктор филологических наук, заведующая кафедрой лингвистики и профессиональной коммуникации в области права Института права и правосудия Московского государственного лингвистического университета

Викулина Мария Алексеевна

старший преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права Института права и правосудия Московского государственного лингвистического университета

Ускова Татьяна Владимировна

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права Института права и правосудия Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Moiseenko Lilia Vasiljevna

Doctor of Philology (Dr. habil), tenured Associate Professor, Head of the Department of Linguistics and Professional Communication in Law, Moscow State Linguistic University

Vikulina Maria Alekseevna

Senior Lecturer, Department of Linguistics and Professional Communication in Law, Moscow State Linguistic University

Uskova Tatiana Vladimirovna

PhD (Philology), tenured Associate Professor, Assistant Professor at the Department of Linguistics and Professional Communication in Law, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 29.11.2021
одобрена после рецензирования 20.12.2022
принята к публикации 27.01.2022

The article was submitted 29.11.2021
approved after reviewing 20.12.2021
accepted for publication 27.01.2022

Научная статья

УДК 81'23

DOI 10.52070/2542-2197_2022_2_857_39



Продвижение форматов агрессивной коммуникации в цифровом информационном пространстве: «Про жарка»

В. А. Пищальникова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

pishchalnikova@mail.ru

Аннотация. Автор исследует процесс распространения форм агрессивной коммуникации в цифровом медиапространстве на примере телепрограммы «Про жарка» и связывает его с воздействием нескольких факторов: 1) деструктивными процессами в базовых ценностях социума; 2) укреплением в культуре новых поведенческих мемов (как следствие становления новых ценностей); 3) закреплением новых мемов в нейрофизиологических паттернах; 4) использованием психофизиологических особенностей некоторых групп молодежи для внедрения агрессивных речевых практик с целью материальной выгоды.

Ключевые слова: речевая агрессия, социальные ценности, социальные стереотипы, мем, операция имитации, медиа, цифровое коммуникативное пространство

Для цитирования: Пищальникова В. А. Продвижение форматов агрессивной коммуникации в цифровом информационном пространстве: «Про жарка» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2 (857). С. 39–46. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_2_857_39

Original article

Promotion of Aggressive Communication Formats in the Digital Information Space: “Roast”

Vera A. Pishchalnikova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

pishchalnikova@mail.ru

Abstract. The author explores the process of purposeful dissemination of aggressive communication formats in digital media environment on the example of TV show “Roast”. End suggests the process is conditioned by a few factors: 1) destructive processes in the system of society’s values, 2) strengthening of memes as consequences of formation of new values in a culture, 3) consolidation of new memes in neurophysiological patters, 4) deliberate usage of psychophysiological peculiarities of youth groups for dissemination of aggressive speech practices for the purpose of material gain.

Keywords: verbal aggression, social values, social stereotypes, meme, simulation operation, media, digital communication space

For citation: Pishchalnikova, V. A. (2022). Promotion of Aggressive Communication Formats in The Digital Information Space: “Roast”. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2 (857), 39–46. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_2_857_39

ВВЕДЕНИЕ. ЦИФРОВОЕ КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК СРЕДА ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ МЕМОВ

Изучение (базовых) ценностей общества приводит, во-первых, к осознанию того, что в рамках современной культуры существенная перестройка их иерархии осуществляется гораздо быстрее, чем это предполагалось социологами и психологами.

Во-вторых, утрата доминирующего воздействия одних ценностей и социальная актуализация других закономерно приводит к фиксации в языке отрицательной оценки первых и развитию экспрессивной положительной – у вторых. Увеличению темпов этого процесса способствует коммуникация в цифровом коммуникативном пространстве, частотно редуцирующем социально одобряемые мемы.

В-третьих, убыстрению деструкции систем ценностей способствуют и весьма специфические дискурсивные практики, которые не только демонстрируют, но и пропагандируют отклонения от морально-этических норм, реализующих «устаревшие» ценности.

Отрицание (любой) нормы как необходимого коррекционного фактора общественного бытия становится привычным, хотя не только исследователи, но и носители лингвокультуры начинают ощущать разрушительность этого процесса для существования социума.

Новые социально одобряемые формы поведения, в том числе речевого, в свою очередь, оказывают воздействие на содержание картины мира, укрепляя отношение к норме как к требованию, ограничивающему свободу личности, а потому не обязательному и даже вредному.

Эти процессы активизируются и быстро утверждаются в цифровом информационном пространстве в силу технологической возможности моментального и неограниченного копирования любого содержания. Эти возможности вполне соответствуют целям владельцев медиа- и интернет-ресурсов – продать информацию как можно большему числу реципиентов (подписчиков, пользователей, читателей и т. д.) и одновременно получить право на рекламирование товаров и услуг, также позволяющее зарабатывать.

В жестких условиях конкуренции одним из ресурсов привлечения к себе внимания становится демонстративное попираание морально-этических норм, активно проявляющееся сейчас в намеренном акцентировании циничного отношения к ранее табуированным темам – физическим особенностям конкретного человека, его половой жизни, негативной оценке внешности и др. В этой

ситуации естественно изменение и норм речевой коммуникации. Так, И. В. Хорошунова перечисляет интегрированные ею из разных источников отступления от ранее принятых норм медиаобщения: употребление этически табуированной грубопросторечной, инвективной и обценной лексики, лексики жаргона «социального дна» (наркоманов, криминальных элементов и под.), слов сексуальной тематики, обозначающих непристойные понятия и действия, и др. [Хорошунова, 2020]. Все перечисленные языковые средства репрезентируют агрессивное речевое поведение, целью которого является прямое эксплицитное оскорбление.

Мы не станем говорить о неоднократно обсуждавшихся в научной и особенно публицистической литературе таких причинах состояния языка медиапространства, как влияние философии постмодернизма или понимание свободы слова как вседозволенности. Нас более интересует прагматическое воздействие «коммуникации без правил», пропагандируемой в цифровом пространстве, на становление ментальных операций и нейрофизиологию мозга и, следовательно, на формирование доминирующих стратегий коммуникативного поведения.

Отрицание любого типа нормы – проявление «позиции критического нигилизма», так или иначе затрагивающего все сферы существования современного человека как в собственно профессиональном, так и в этическом аспекте. Люди, воплощающие интересы владельцев медиа-ресурсов в жизнь, вынуждены искать разные, все более эффективные и часто прямолинейные способы и средства воздействия на пользователей медиа и форматы технологической реализации этих способов. Это требует серьезной активизации ментальных ресурсов, что, однако, не предполагается пользователями Интернета и, к сожалению, значительной частью тех, кто причисляет себя к служителям медиапространства.

Кроме того, журналистика для достижения своей основной цели – продать информационный продукт, в том числе и фейковый, – в настоящее время часто идет за аудиторией и ее вкусами, используя технологии, отдаленное воздействие которых на познавательные структуры пользователей вообще не принимается во внимание, даже если осознается.

НЕЙРОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ «МЕМИФИКАЦИИ» СОЗНАНИЯ

Исследователи отмечают, что в современном информационном пространстве наблюдается деprivация текста – «сужение смысловой сферы

публичного текста, ее свертывание, капсулирование, атомизация, фрагментация, клишированность, стремление к одномерности» [Голубева, Семилет, 2017], и все перечисленные свойства, отражающие смысловую специфику сообщений, возникают вследствие использования мема как специфического способа структурирования текста. (С трактовкой мема цитируемыми исследователями как *текстовой единицы* едва ли можно согласиться, но это положение требует отдельного обсуждения.) Такая ситуация поддерживается и рядом технологических требований: так, сообщения в Твиттере ограничиваются определенным количеством знаков, заголовки выделяются всеми средствами поликодовых текстов и часто содержательно провокативны. Принципиальная поликодовость цифрового текста также оказывает серьезное воздействие на становление новых представлений о нем. Эти и многие другие признаки современной цифровой коммуникативной культуры рефлексированы постоянно.

Уже в конце 80-х годов прошлого века Р. Докинз писал: «Большую часть всего, что есть необычного в человеке, можно вместить в одно слово: культура. <...> Передача культурного наследия аналогична генетической передаче: *будучи в своей основе консервативной, она может породить новую форму эволюции*» [Докинз, 2021, с. 291] (курсив наш. – В. П.).

Говоря о возникновении новых агрессивных практик, мы хотим акцентировать известную мысль о том, что определенные культурные условия, рождающие специфические формы передачи опыта, естественно меняются, но сам *способ передачи* может закрепиться в качестве доминирующего и, в свою очередь, существенно влиять на характер культуры. Для нас важно, что это закрепление осуществляется нейрофизиологически и входит в процесс смыслопорождения. Известно, что Р. Докинз предложил «...имя для нового репликатора... которое отражало бы идею о единице передачи культурного наследия или о единице *имитации*» [Докинз, 2021, с. 295] – мем, аргументируя положение о том, что «всякий раз, когда возникают условия, в которых какой-либо новый репликатор *может* создавать собственные копии, эти новые репликаторы *будут* стремиться взять верх и начать собственную эволюцию нового типа» [Докинз, 2021, с. 297], т. е., по сути, основная функция мемов – *принудительная* интерпретация мира. Р. Докинз пишет, что долговечность мема не существенна – гораздо важнее «плодовитость», и, следовательно, необходима *точность* его копирования.

Однако, на наш взгляд, важнее, что нейрофизиологически *операция копирования* становится

доминирующей, и она, в силу простоты и энергетической малозатратности, активно используется в разных видах деятельности. По сути, мем – это номинация имитации как способа получения информации. Нейрофизиологически опаснее не копирование какой-то конкретной информации, а закрепление клишированного способа ее получения, особенно в языке, т. к. здесь осуществляется речесмыслопорождение, которое, чтобы реализовать все необходимые человеку функции и развиваться, должно подчиняться принципу самоорганизации. Под влиянием цифровых технологий в коммуникации «отбор благоприятствует мемам, которые *эксплуатируют среду себе на благо*», а «мемфонд в конечном счете приобретает атрибуты *эволюционно стабильного набора, проникнуть в который новым мемам оказывается трудно*» [Докинз, 2021, с. 304] (курсив наш. – В. П.). При этом очень важно, по Мейнард Смиуту, что «эволюционно стабильная стратегия поведения определяется как стратегия, которая, если она будет принята большинством членов данной популяции, не может быть превзойдена никакой другой стратегией» [Докинз, 2021, с. 129], и эффективная стратегия поведения индивидуума, таким образом, зависит от большинства членов коллектива. Поэтому в обществе всегда представлены разные модели поведения, в их доминировании наблюдаются постоянные колебания, и, в силу законов самоорганизации сложных систем, никогда не достигается «поведенческий оптимум».

Развивая аналогию Р. Докинза ген – мем и повторяя мысль о меме как частотно воспроизводящейся единице культурной эволюции, Т. Бретт метафорически подчеркивает, что мем – информационный *паттерн* [Бретт, 1995]. Но, по сути, мем действительно нейрофизиологически формируется как устойчивый способ представления и восприятия информации, который частотно активируется в силу социальной востребованности формы поведения, представляемой им. То же было в свое время подчеркнуто Д. Рашкоффом, сравнившим мемы как особую знаковую форму представления информации в медиа с вирусами [Rushkoff, 1994]. При этом содержание мема со временем деактуализируется, но имитация быстро распространяется, во-первых, как нейрофизиологически простой способ получения информации, во-вторых, в связи с реализацией мемами базовых потребностей и соответствующих им ценностей: защищенность индивида в группе и чувство социальной идентичности, стремление к самоутверждению и необходимость социального одобрения, принятие ценностей и авторитетов группы и др.

Следовательно, в функционировании мема нейрофизиологически гораздо важнее, что он представляет собой определенный тип познавательной структуры, представляющей имитацию как способ получения знания. И поскольку такие и способы, и структуры социально востребованы, они быстро закрепляются в реальных формах поведения, практических действиях, языке, невербальных средствах коммуникации – различных типах носителей. Естественно, что такое воплощение способствует укреплению паттернов активации, характерных для того или иного мема, и в целом устойчивости имитационных процессов в мозгу носителя культуры. Кроме того, быстрому распространению мемов вообще способствует то, что «язык, по-видимому, “эволюционирует” негенетическими способами и со скоростью на несколько порядков выше, чем эволюция генетическая» [Доккинз, 2021, с. 291].

ИЗМЕНЕНИЕ ПРИНЦИПОВ СЕМИОЗИСА

Систематическая редупликация имитации как способа познания приводит к созданию как специфических знаков в цифровой коммуникации, так и в целом к ее принципиально поликодовому характеру. Следовательно, такие знаки, чтобы выполнять прагматически актуальные функции, должны быстро встраиваться не только в цифровой коммуникативный процесс, но и в существующие процессы естественного семиозиса. Мы уже отмечали, что около двадцати лет назад цифровое коммуникативное пространство стало наполняться мемами, которые, помимо нейрофизиологически мало затратного способа закрепления имитации, имели значительные коммуникативные преимущества: представляли конкретное событие, социально значимое, пусть и для определенной группы, были наглядными в силу использования разных систем кодирования информации (визуальной, акустической и др.), а употребление таких знаков многими участниками интернет-коммуникации воспринималось еще и как модная и увлекательная игра [Пищальникова, 2019]. Такое накопление малоэффективных, но простых способов познания отражает известную закономерность, в соответствии с которой в социуме только 2 % населения использует сложные ментальные и поведенческие структуры.

В настоящее время производство мемов как специфических знаков цифрового коммуникативного пространства значительно снизило темпы роста и перестало быть престижной формой присутствия в Интернете. Однако имитация как нейрофизиологическая операция уже не только

основательно внедрена в деятельность пользователей Интернета, но и стала у их значительной части доминирующей, выйдя за пределы цифровой коммуникации в другие сферы ментальной деятельности.

В аспекте включения мемов в процесс естественного семиозиса наблюдается глубинное противоречие между знаками естественного языка и мемами как компонентами поликодового вербального произведения: мем по своей сущности противоположен языковому знаку: он вариативен по форме при сохранении стабильности познавательной структуры и значения. Следовательно, у детей, проводящих в цифровом пространстве, по свидетельству психологов, до 9 часов в день, наблюдаются проблемы когнитивного характера, детерминированные тем, что редупликация стала преобладать над аналитическими операциями. Активные игры в мемы не прошло бесследно: 80–90 % комментариев к большинству постов на разных платформах теперь – невербальные. И если раньше гифы сопровождалась хоть каким-то текстом, то сейчас есть гифы на все случаи жизни, в том числе и для выражения различных эмоций: цифровая среда не ждет от пользователя креативной мыслительной активности – ей нужна только техническая активность (действие, которое обнаруживает участие пользователя в процессе пусть и псевдокоммуникации: лайк, пересылка гифа, эмодзи и пр., что позволяет владельцам интернет-ресурсов зарабатывать деньги). Полагаем, что человеку, у которого имитация стала доминирующей познавательной операцией, легко навязать использование знаков, которые не требуют никакого ментального напряжения.

РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ: НОВЫЕ ПРАКТИКИ МЕДИА

На этом фоне объяснимо не только усиление агрессии активных участников цифрового коммуникативного пространства, но и намеренное внедрение, пропаганда новых «коммуникативных практик», демонстрирующих всё возрастающую степень агрессивности участников общения. Речевая агрессия понимается нами как вербальная форма преднамеренного, целенаправленного психологического насилия. Она реализует негативное, чаще немотивированное, отношение к коммуниканту или к предмету коммуникации и проявляется в использовании оскорбляющим не просто грубой, но бранной лексики, цель употребления которой – обидеть, унижить, морально подавить собеседника: «существует устойчивая ассоциативная связь между отрицательными эмоциями

и степени инвективности: чем негативнее эмоция, тем выше степень инвективности слова» [Семенова, 2008, с. 15].

Проблема оскорбления в медиа констатируется и осознается давно (см., например: [Горбаневский, Караулов, Шаклеин, 2000]). Усиление речевой агрессии в нашем обществе связывают с экстралингвистическими факторами, прежде всего, с нестабильностью во всех сферах его бытия, приводящей к смене ценностных систем, но это не вполне объясняет доминирование негативного контента в современных медиа. Причина увеличения негативного содержания, в том числе пропаганда агрессивных практик коммуникации, вызвана, на наш взгляд, и желанием быстро и много заработать на новых форматах передач в культуре, где продолжают намеренно размываться традиции, обычаи, этические и иные нормы, а отрицательное отношение к ним давно и успешно формируется средствами массовой информации. На фоне укрепления когнитивной операции имитации у значительного числа пользователей медиаконтентом такие процессы активизируются, чему способствует и явно снизившийся уровень образования «среднестатистического» журналиста, и установка на «непосредственность» коммуникации любого медиаформата, на скандал и «бесцензурное» проявление негативных эмоций.

Речевая агрессия может быть интерпретирована в рамках теории речевой деятельности А. А. Леонтьева, в соответствии с которой агрессивный речевой акт рассматривается как интериоризация специфического агрессивного поступка и способа представления содержания деятельности.

В определенных форматах интернет- и медиапространства коммуникация как таковая не осуществляется, а создается видимость спонтанного общения. Так, «Про жарка» – одно из быстро набирающих популярность шоу канала ТНТ4, которое первоначально задумывалось как юмористическое: в нем малоизвестные комики во главе с ведущим шутят над приглашенным гостем, не оскорбляя его. Однако сейчас эти шоу реализуют цели, далекие от первоначальных, подвергая людей грубым и непристойным оскорблениям, нарушающим все возможные табу.

Формат современной передачи предполагает, что несколько человек заранее знают, кого они будут оскорблять. О спонтанной коммуникации и ситуативном проявлении юмористических способностей в таком шоу говорить не приходится: комики в строгом соответствии со сценарием выходят к трибуне по одному, читают заготовленный текст, в котором гости шоу подвергаются жесткому осмеянию. При этом целенаправленным

является каждое речевое действие всех участников шоу, кроме действий приглашенного. Особенно тщательно в таких текстах подготовлены реплики, важные для самопрезентации, которая становится, по существу, основной целью выступления комиков, успевающих оскорбить не только «прожариваемого», но и друг друга, и даже ведущего. Человек, которого оскорбляют, добровольно соглашается на такое «общение» (мотивы, позволяющие приглашенному идти на подобную коммуникацию, – предмет особого разговора). Достаточность / недостаточность оскорбительных речевых действий определяется ведущим, который тоже готовит оскорбительные тексты, затрагивающие всех участников шоу.

Таким образом, как и любая другая деятельность, деятельность устроителей шоу организуется несколькими мотивами, ведущим из которых является получение материальной выгоды, а реализация этого мотива средствами, выходящими за рамки принятых морально-этических норм, с одной стороны, привлекает к шоу определенную аудиторию, с другой – позволяет реализовать еще один из иерархии мотивов, организующих деятельность, – внедрение агрессивной формы коммуникации как поведенческой нормы, что способствует более эффективному достижению цели, сформированной ведущим мотивом. Эта цель реализуется в определенной последовательности действий устроителей шоу: (1) построение сценария шоу как демонстрации способов речевой реализации *намерения оскорбить*, следовательно, (2) избирается *речевой акт оскорбления*, (3) экспрессия оскорбления целенаправленно реализуется в ряде *речевых действий*, в формировании которых используются (4) *средства всех уровней языка*.

Речевая деятельность в этом случае становится средством разрушения социальных стереотипов допустимого и вежливого поведения и языковых норм, одновременно формируя отрицательное отношение к ним и создавая почву для актуализации иных ценностей и в целом для становления новой, по сути асоциальной культуры. Паттерны нейронной активности, формируемые в условиях такой коммуникации и закрепляющие агрессивные формы поведения, частотно активизируются и в других видах деятельности индивида, поскольку они востребованы определенными группами общества, вхождение в которые индивид считает престижным. Формируется культурный мем, существующие способы и скорость распространения которого приводят к усилению немотивированной агрессивности определенных групп социума, что отмечается современными психологами и социологами [Щербинина, 2006]. Интернет переполнен

рекомендациями, как можно словесно унижить человека.

Рассмотрим некоторые реализуемые в шоу стратегии речевого поведения, которые преподносятся как престижные, характеризующие активность, востребованность, успешность и творческое начало говорящего субъекта, а на деле подпадающие под статью 5.61. «Оскорбление» действующего КоАП РФ, который определяет оскорбление как «унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме» (курсив мой. – В. П.).

Одно из оснований внедрения агрессивных речевых актов – снятие табу с ряда тем, ранее не допускаемых в медиакоммуникации, т. е. игнорирование определенных морально-этических норм. Так, распространенной темой для «шуток» становится **осмеяние внешности человека**, причем осмеянию подвергаются как сами комики со стороны друг друга («После твоей смерти твой нос заберут для восстановления сфинкса; если Гурам сбреет все волосы со всего тела, его размер станет XS; Слышал, что летом ты сбросила 7 килограммов, а зачем снова нос пришила? Он со всеми на короткой ноге – такие уж у него короткие ноги; Когда парень целуется с Настей, выглядит так, что он пьет воду из-под крана; У нее губы из того же материала, что и юбка; Настя – кивин в стремном» и под.), так и приглашенный гость («Огромное кресло для маленького Галустяна; Он сбегал из кунсткамеры; Бесконечно можно смотреть на огонь, воду и на то, как Миша забирается на барный стул; Ты никогда не узнаешь, что значит прокатиться на взрослой горке в аквапарке; волосатая сракуля; носакуля» и под.).

Издевательство над чертами внешности человека всегда воспринималось как агрессивное, порицаемое обществом поведение, хотя и широко распространенное. Одной из основных причин такого поведения психологи называют желание самоутвердиться за счет унижения другого человека или развлечься; второе, как правило, связывают с «плохим воспитанием», т. е., по сути, с несформированностью у индивида норм социального поведения. Благодаря «прожаркам» и другим подобным передачам такое поведение становится не только допустимым, но и одобряемым, поскольку рассматривается как свободное, раскованное, а потому приоритетное, и присваивается индивидом как социально одобряемый поведенческий мем.

Табу снимаются и с других тем. Для анализируемого шоу характерны **оскорбительные оценки национальной принадлежности** участников (армякуля – окказионализм по аналогии с Дракула;

«В отличие от Миши панда наполовину черная») и их **сексуальной ориентации** («Бебур и пидор просто созвучны; Мы все абсолютно одинаковы, кроме Бебура. Он пидор; У тебя от Майкла Джексона только то, что ты сделал больно чужому ребенку»).

В «прожарке» вышучивается и **профессиональная деятельность человека**, как правило, в реальности успешная: на шоу в качестве гостей приглашают людей, достигших высокого профессионального уровня и широко известных (Миша выступает на всех корпоративах, у которых не хватило денег на Ревву; Его клипы стесняются смотреть при людях; Я готова простить тебе все твои фильмы и песни; Работает на свадьбах. Что ты там делаешь за 4 миллиона? Не включаешь свои треки? Ты принципиально снимаешься в кино, которое будут показывать в международных автобусах).

Демонстрация агрессивности по отношению к вышучиваемому осуществляется разными средствами: использованием (1) уничижительных сравнений и аналогий и ассоциативным увязыванием с ними негативных эмоций высокой экспрессивности, (2) инвективной лексики как для выражения отрицательного отношения к приглашенному, так и для одновременной самопрезентации себя как человека, предельно свободного от норм и правил; (3) обценных слов как маркеров внутренней немотивированной агрессивности и принадлежности к определенной группе. «Культурная эволюция – опасный ребенок для любого вида выпускающего ее на свою планету. Родители еще не осознали, что происходит, а малыш уже начал бегать, оставляя вокруг себя хаос, и обратно в живот его уже не вернешь. Мы, люди, – земной вид, открывший ящик Пандоры. Это мы выпустили на свободу второй репликатор, а обратно в ящик мы его уже не загоним. Последствия этого уже повсюду» [Блэкмор, 2009].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Шоу «Прожарка» демонстрирует очевидное упрощение *инструментальной* стороны общения, когда речь, во-первых, лишена естественности, спонтанности и, по сути, предполагает только самопрезентацию говорящего, не являясь ответной реакцией собеседнику. Во-вторых, упрощению речевых действий способствует редупликация клишированных средств словесного оскорбления, перечисленных выше, и немотивированных отрицательных эмоций. Все это повышает степень агрессивности общения, заданной целью шоу, и формированию стереотипов агрессивного

речевого поведения – культурных мемов, которые быстро и некритично присваиваются определенными группами молодежи и распространяются на все сферы ее деятельности. Частотное употребление эмоционально-оценочных образований с размытой семантикой, обценной / инвективной лексики, специфических просодических характеристик речи, подчеркивающих усиление степени агрессивности говорящего, также упрощает речевое действие, обнажая его цель – унизить и оскорбить собеседника, демонстрируя агрессивность, не сдерживаемую никакими морально-

этическими нормами. Такие модели поведения, будучи востребованными, закрепляются нейрофизиологически и определяют характер поведения индивида в социуме. Сама цель подобных передач формирует ситуацию, когда снимаются все социальные условности, деформируются компоненты базовых этических стереотипов, люди становятся, по сути, асоциальными, готовыми к восприятию любых ценностей и присвоению любых пропагандируемых медиаобразов. Культурный мем выполняет при этом функцию репликатора агрессивного речевого поведения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Хорошунова И. В. Лингвоэтические девиации современных СМИ // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2020. № 2. С. 75–78.
2. Голубева А. Р., Семилет Т. А. Мем как феномен культуры // Культура и текст. 2017. № 3 (30). С. 193–205.
3. Докинз Р. Эгоистичный ген. М.: АСТ: CORPUS, 2021.
4. Бретт Т. Руководство по мемам: путеводитель пользователя по вирусам сознания. URL: <http://www.stihi.ru/2012/10/28/6333>
5. Rushkoff D. Media Virus! New York: Ballantine Books, 1994. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Gurn/Rashk/06.php
6. Пищальникова В. А. Amabilis insania, или Трансформация знакообразования в масс-медиа // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2019. Том 2. № 2. С. 124–130.
7. Семенова Н. В. Лингвистическая диагностика инвективного слова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2008.
8. Горбаневский М. В., Караулов Ю. Н., Шаклеин В. М. Не говори шершавым языком: О нарушении норм литературной речи в электронных печатных СМИ / Фонд защиты гласности. 2-е изд. М.: Галерея, 2000.
9. Щербинина Ю. В. Вербальная агрессия. М.: УРСС, 2006.
10. Blackmore S. Evolution's third replicator: Genes, memes, and now what? // New Scientist. 2009. № 2719. URL: <http://meme.networklinguistics.com/4-ssylki/5-suzen-blekmor-susan-blackmore-tretij-replikator-evolicii-geny-memy-cto-dalse>

REFERENCES

1. Horoshunova, I. V. (2020). Linguoethical deviations of modern mass media. Proceedings of Voronezh state university. Series: Philology. Journalism, 2, 75–78. (In Russ.)
2. Golubeva, A. R., Semilet, T. A. (2017). Meme as a phenomenon of culture. Culture and text, 3(30), 193–205. (In Russ.)
3. Dokinz, R. (2021). Egoistichnyj gen = The selfish gene. Moscow: AST: CORPUS. (In Russ.)
4. Brett, T. (1995). Rukovodstvo po memam: putevoditel' pol'zovatelya po virusam soznaniya. <http://www.stihi.ru/2012/10/28/6333> = Excerpted from: Meme Manual: A Cybernaut's User's Guide to Mind Viruses.
5. Rushkoff, D. (1994). Media Virus! New York: Ballantine Books. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Gurn/Rashk/06.php
6. Pishchal'nikova, V. A. (2019). Amabilis insania, ili Transformaciya znakoobrazovaniya v mass-media. Filosoficheskie pis'ma. Russko-evropejskij dialog = Amabilis insania, or Transformation of sign formation in mass media. Philosophical Letters. Russian-European dialogue, 2(2), 124–130. Moscow. (In Russ.)
7. Semenova, N. V. (2008). Lingvisticheskaya diagnostika invektivnogo slova = Linguistic diagnostics of the invective word: abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
8. Gorbanevskij, M. V., Karaulov, Yu. N., Shaklein, V. M. (2000). Ne govori shershavym yazykom: O narushenii norm literaturnoj rechi v elektronnyh pechatnyh SMI. Fond zashchity glasnosti = Do not speak in a rough language:

- On the violation of the norms of literary speech in electronic print media. Glasnost Defense Foundation. 2nd ed. Moscow. (In Russ.)
9. Shcherbinina, Yu. V. (2006). Verbal'naya agressiya = Verbal aggression. Moscow. (In Russ.)
 10. Blackmore, S. (2009). Evolution's third replicator: Genes, memes, and now what? *New Scientist*. 2719. <http://meme.networklinguistics.com/4-ssylki/5-suzen-blekmor-susan-blackmore-tretij-replikator-evolicii-geny-memy-cto-dalse>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пищальникова Вера Анатольевна

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и сравнительного языкознания
Института иностранных языков Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pishchalnikova Vera Anatoljevna

Doctor of Philology (Dr. habil), Professor, Professor at the Department of General and Comparative Linguistics,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 29.11.2021
одобрена после рецензирования 20.12.2022
принята к публикации 27.01.2022

The article was submitted 29.11.2021
approved after reviewing 20.12.2021
accepted for publication 27.01.2022

Научная статья
УДК 81-114.2
DOI 10.52070/2542-2197_2022_2_857_47



Особенности динамизации событий в интернет-новостях

О. В. Романенко

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
olga.romanenkos@yandex.ru

Аннотация. Исследование нацелено на установление характера распределения схем динамических событий в компонентах интернет-новости, а также на выявление диахронических изменений в выборе схем за период 2001–2021 годов. Наибольшая динамизация обнаруживается в заголовке статьи, при этом наблюдается повышение роли схем нефиктивного движения, движения с указанием локации, сопровождающегося другим движением, что демонстрирует дискурсивные тенденции конструирования события через фокусирование компонентов пространства и динамических компонентов других событий.

Ключевые слова: интернет-новость, динамизация, событие, схема конструирования события

Для цитирования: Романенко О. В. Особенности динамизации событий в интернет-новостях // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2 (857). С. 47–55. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_2_857_47

Original article

Event Dynamicity in Internet News

Olga V. Romanenko

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
olga.romanenkos@yandex.ru

Abstract. In the study, we establish the distribution of event construal schemas in the news components, and also look into the diachronic event construal shifts which have occurred in 2001–2021. The headline manifests higher dynamicity in construal which also displays the growth of non-fictive construal schemas and move schemas specifying the ground and co-motion. Therefore, we observe the discourse trends of event construal focusing space (less frequently time or manner) and focusing dynamic components of other events.

Keywords: Internet news, dynamicity, event, event construal schema

For citation: Romanenko, O. V. (2022). Event dynamicity in Internet News. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities. 2 (857), 47–55. 10.52070/2542-2197_2022_2_857_47

ВВЕДЕНИЕ

Тенденция к стимулированию динамики новостных событий, даже тех, информационное содержание которых высокой динамики не демонстрирует, является определяющей в новостном интернет-дискурсе (помимо его идеологичности [van Dijk, 2006]). Динамичность медийного дискурса обусловлена скоростью распространения информации и быстрой сменой обсуждаемой проблематики в медиа. Можно предположить, что указанная тенденция будет проявляться в большей степени в новостном интернет-дискурсе новейшего периода, при этом распределение динамики в разных компонентах новостной статьи также способно демонстрировать различия. Исследование типов динамических структур (моделей, конструкций, схем) характерно для многих лингвистических подходов, для формальной и функциональной семантики [Vendler, 1957; Firbas, 1971; Апресян, 1974; Падучева, 2004], грамматики конструкций [Goldberg, 1995], когнитивной семантики [Talmy, 2000], когнитивной дискурсологии [van Dijk, 2006; Демьянков, 2006] и нарратологии [Лотман, 2005]. Объектом настоящего исследования становятся типы динамических схем, которые реализуются в интернет-новостях; их наполнение слабо зависит от лингвистических маркеров конкретного языка, поэтому они демонстрируют универсальный характер. В связи с этим используется инструментарий динамических схем, или конструкторов динамических событий, предложенный когнитивной семантикой в рамках пространственно-конструкционной грамматики Л. Талми. Согласно концепции исследователя, типы событий разграничиваются на основе характера их динамического развития в пространстве (которое понимается максимально широко). Однако настоящее исследование не ограничивается установлением самих схем и их активности (частотности). Следуя постулатам когнитивной дискурсологии, выявляются дискурсивные тенденции конструирования информации, определяемые принципом динамизации. При этом тенденции определяются по отношению ко всей интернет-новости и по отношению к ее компонентам: заголовку, аннотации и тексту (началу текста).

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ДИНАМИЗАЦИИ СОБЫТИЯ

Интерес к феномену коммуникативного динамизма связан с появлением функционального подхода к изучению языка, который берет свое начало в работах Я. Фирбаса. В учении Пражской

лингвистической школы коммуникативный динамизм (коммуникативная динамика) рассматривается как функциональное свойство предложения [Firbas, 1971]. Однако обращение к динамическим классам событий характерно и для более ранних формально-синтаксических концепций, в которых событие рассматривается в связи с семантикой типов глаголов-предикатов. Так, З. Вендлер описывает такие типы или классы событий, как accomplishments (совершения), achievements (достижения), activities (процессы), states (состояния) [Vendler, 1957]. Московская семантическая школа [Апресян, 1974; Падучева, 2004, 2009] также рассматривает событие с опорой на лексико-семантическое оформление глаголов.

Внимание к функциональным и когнитивным особенностям динамических событий характерно для конструкционной грамматики, которая наследует подход Ч. Филлмора. Так, А. Голдберг применяет конструкционно-семантический анализ уже не для инвентаризации лексических единиц (глаголов), а для инвентаризации самих когнитивных конструкций, реализующих такие типы отношений, как причинность, характер и манера (способ) действия. В ходе анализа используется инструментарий конструкций, или схем-конструкторов [Goldberg, 1995; Лингвистика конструкций, 2010].

Динамические события также становятся объектом исследования дискурсологии, нарратологии и текстологии. В нарратологии событие рассматривается как единица нарратива, формирующая его сюжет. Установление модели сюжета позволяет, в свою очередь, описать особенности его функционирования посредством анализа типов персонажей, характера пространственных отношений [Лотман, 2005]. В дискурсологии Т. ван Дейка структура события рассматривается в ходе анализа семантического и прагматического уровней представления дискурса [van Dijk, 1980]. В. З. Демьянков развивает семантический и текстологический подход к анализу события, систематизируя ключевые признаки события (через их оппозиции) и выделяя следующие типы события: событие-идея, референтное событие и «событие текста» [Демьянков, 1983]. В более поздних работах исследователь вводит термин *динамика художественного повествования*, а также *дискурсивная динамика*. Если динамика (динамизм) может рассматриваться как некая подвижность, вариативность, то динамизация подразумевает нарастание скорости процесса, нарастание подвижности. В. З. Демьянков определяет термин *динамизация* как приращение динамики повествования [Демьянков, 2006]. Отмечается, что динамика нарратива устанавливается в потоке речи через

отрицательное и положительное приращение. Положительная динамизация, к примеру, выражается в увеличении объема того, что сообщается, в пропорции ко всему тексту, а также в приросте самого объема речи как реакции на использование динамизирующих повествование элементов, или «динамизаторов (повествования)» [Демьянков, 2006]. Такие диалогические частицы, как *да* и *нет*, выступают в качестве «динамизаторов», которые способствуют ускорению процесса нарратива, варьируемому в зависимости от коммуникативной ситуации в определенной культуре, и привносят драматичность в нарратив.

В настоящем исследовании, однако, мы будем рассматривать динамизацию не только как процесс ускорения динамики дискурса, но и как механизм конструирования события, вслед за Л. Талми [Talmy, 2000]. Такое понимание динамизации позволяет говорить о схемах реализации данного механизма, которые демонстрируют разные типы динамических отношений. Пространственно-конструкционная грамматика Л. Талми во многом опирается на положения грамматики конструкций [Goldberg, 1995], однако рассматривает не сами конструкции, а пространственные схемы событий, интегрирующие роли компонентов динамического события (например, роли Агониста и Антагониста).

Так, рассматривая компоненты схем динамического события, Л. Талми выделяет следующие роли в составе схемы MOTION EVENT: FIGURE, например Агент, который осуществляет или не осуществляет движение или некое действие, характеризующееся определенной манерой, характером действия MANNER относительно GROUND, или точки опоры в пространстве, двигаясь по траектории PATH [Talmy, 2000]. Л. Талми отмечает, что схемы могут быть как агентивными, например, в *I spat into the cuspidor* так и неагентивными, как, например, в безличном предложении *It rained in through the bedroom window* [Talmy, 2000, с. 57]. Исследователь устанавливает ряд основных схем динамических событий, например, [MOVE], [FICTIVE MOTION], [MOVE+GROUND], [MOVE+PATH], [MOVE+MANNER], [MOTION-EVENT + CO-EVENT], которые позволяют описывать характер любых типов динамических событий в разных типах дискурса и нарратива разных языков.

В настоящей работе для анализа особенностей динамизации дискурса интернет-новостей мы будем опираться на типологию схем динамических событий Л. Талми при установлении активности данных схем в разных компонентах новостей и с учетом диахронических изменений в их характере с 2001 по 2021 год.

МАТЕРИАЛ, МЕТОД И ПРОЦЕДУРА ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование обращено к анализу новостного интернет-дискурса. Как известно, дискурс интернет-новости диктует определенные требования к формату статьи. К. Коттер отмечает, что контекст, структура и взаимодействие компонентов новости играют значимую прагматическую роль [Cotter, 2010, с. 24–26]. Среди ее компонентов определяются слаглайн (slug line), заголовок (headline), дейтлайн (dateline), трэшлайн, или справочная строка, лид (аннотация новостной статьи, lead), цитата, контекст, детали и бэкграунд [Технология новостей..., 2011, с. 9–11]. Слаглайн используется для того, чтобы облегчить навигацию в новостях издания по их содержанию; в качестве примеров приведем слаглайны *В МИРЕ, В РОССИИ*. В слаглайне также может указываться страна, организация, личность, мероприятие (встреча, визит), жанр (интервью, репортаж). Такой элемент новости как дейтлайн обычно располагается после заголовка, лид (аннотации), в первом абзаце новости. Дейтлайн (строка с датой) ориентирует читателя не только во времени, когда сообщается новость, но и показывает, когда и откуда передается новость, также указывается местонахождение журналиста, автора новостной статьи, дата публикации и новостное агентство, которое новость публикует. Справочная строка обычно следует после дейтлайна и информирует о том, была ли изменена или отредактирована статья после ее публикации [Технология новостей..., 2011, с. 9–21]. Важно отметить, что не все из вышеуказанных элементов (слаглайн, дейтлайн и справочная строка) могут встречаться в новостной статье.

Предварительный анализ материала показал, что такие компоненты статьи, как заголовок, лид (аннотация статьи) и текст статьи определяются во всех случаях, поэтому в настоящей работе мы рассмотрим особенности динамизации интернет-новостей именно на материале этих трех компонентов. Кратко представим характерные черты данных компонентов. Заголовок является важнейшим элементом новостной интернет-статьи, так как именно заголовок обращает на себя первичное внимание читателя. Среди функций заголовка отметим не только привлечение внимания читателя, но и очерчивание информационного содержания, которое послужило толчком, или поводом к написанию новостной статьи. Лид, или аннотация, во многом дублирует содержание заголовка, но характеризуется большей детализацией. Лид представляет собой краткое сообщение, определяющее основные координаты события (что случилось, где

и когда), а также указывает источник данной информации. Третий анализируемый в данной работе компонент структуры интернет-новости представляет собой начало основной части новости; для удобства описания мы будем называть его сообщением. Сообщение расширяет контекст события, раскрывая его перспективу и характер изменений. Все три компонента интернет-новости нацелены на динамизацию повествования, однако будет ли их характер одинаковым? Мы предполагаем, что типы схем динамических событий, представленных в заголовке, аннотации и сообщении, должны демонстрировать некоторые различия, проявляющиеся в активности (частотности) схем, при этом, учитывая тенденции медиа, динамический характер схем должен увеличиваться в более современных публикациях.

Материалом исследования являются 50 новостных интернет-статей, отобранных методом сплошной выборки на 15 сайтах российских интернет-изданий, газет, телеканалов и информационных агентств, а именно информационных агентств «Интерфакс», «РИА Новости», «РосБизнесКонсалтинг» и «Росбалт», интернет-изданий «RT на русском», «Лента.ру» и «Newsru.com», газет «Правда», «Комсомольская правда», «Известия», «Российская газета», «Коммерсант», «Аргументы и факты», а также сайта телеканала «Первый канал» и сайта новостной телепередачи «Вести» и радио «Вести FM».

Для проведения процедуры диахронического анализа были выделены пять временных периодов с 2001 года по 2021 год: 2001, 2006, 2011, 2016, 2021 год. Выбор периодов связан с тем, что в начале 2000-х годов происходило быстрое расширение средств массовой информации в сети Интернет. Первые российские интернет-сайты новостных агентств, телеканалов, газет и онлайн-изданий, публикующих новости, стали появляться в конце 1990-х годов, но уже к началу 2000-х годов их количество начинает расти. 50 текстов русскоязычных интернет-новостей, отобранных для процедуры анализа, объединены темой выборов и типом новости. Для каждого года собран материал из десяти интернет-новостей, в которых далее анализировались такие структурные составляющие, как заголовок, аннотация и сообщение, представленное первыми тремя предложениями основной части интернет-новости.

Анализ включал три этапа. На первом этапе определен состав схем динамических событий, использующихся в интернет-новостях; при реализации данного этапа мы опирались на типологию схем Л. Талми. На втором этапе проведена процедура аннотирования предложений компонентов статей на предмет присутствия данных схем;

единицей анализа становится простое предложение. На третьем этапе осуществлена статистическая обработка результатов с определением активности схем в каждом из компонентов статей и с учетом временных периодов. При этом установлены основные тенденции реализации динамизации в новостном интернет-дискурсе.

Продемонстрируем процедуру исследования. Схема [MOVE] часто используется в интернет-новостях для оформления цитат, иногда со ссылкой на источник, например, в: *пишет ТАСС¹ и имя президента Болгарии станет известно после второго тура выборов главы государства, который пройдет 18 ноября²*.

Движение MOVE далее рассматривается с учетом детализации (при ее наличии в предложении). Следующий пример демонстрирует схему [MOVE+GROUND]:

В Германии началось голосование на парламентских выборах³.

Схема [MOVE+PATH] подразумевает наличие некоторой траектории движения, как, например, в данном фрагменте аннотации интернет-новости, в данном примере также реализуется схема [FICTIVE MOTION]:

Предвыборная гонка на Украине вышла на финишную прямую⁴.

Вложенный характер событий [MOTION-EVENT + CO-EVENT] наблюдается в примере:

Между тем до выборов, которые назначены на 8 июня, доберутся очень немногие⁵.

По итогам первого этапа анализа определены типы встречающихся схем, для их последующего аннотирования в предложениях использовалась кодовая разметка (см. табл. 1). События рассмотрены с учетом:

- 1) степени выраженности динамического характера;
- 2) степени фиктивности динамического характера (где фиктивное определяется как конструируемое с помощью образных схем);
- 3) типа движения;
- 4) наличия сопровождающего события.

¹ URL: <https://www.vesti.ru/hitech/article/2610424>

² URL: <https://ria.ru/20011111/12795.html>

³ URL: <https://ria.ru/s/20210926/germaniya-1751847490.html>

⁴ URL: <https://iz.ru/news/375333>

⁵ URL: <https://m.lenta.ru/news/2001/05/07/iran>

Таблица 1

ТИПЫ СХЕМ СОБЫТИЙ

Степень выраженности динамического характера	Степень фиктивности динамического характера	Тип движения	Наличие сопровождающего события
101 DYNAMIC 102 NON-DYNAMIC	201 NON-FICTIVE 202 FICTIVE	301 MOVE 302 MOVE+MANNER 303 MOVE+PATH 304 MOVE+GROUND	401 MOTION-EVENT 402 MOTION-EVENT + CO-EVENT

Таблица 2

ОБЩАЯ АКТИВНОСТЬ СХЕМ ПО ПЕРИОДАМ

Период	101	102	201	202	301	302	303	304	401	402
2001	82	12	61	37	53	11	8	42	62	32
2006	65	23	46	38	48	8	7	22	39	30
2011	71	11	48	32	45	10	12	25	51	22
2016	70	9	61	21	62	16	1	23	45	35
2021	65	9	45	30	34	13	5	25	35	29

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотирование проведено в формате Microsoft Excel, данные обработаны в программе HETEROSTAT [Киосе, Ефремов, 2020]. Получены результаты, демонстрирующие активность каждой схемы в каждом из трех компонентов новости по каждому из пяти периодов. Это позволило подвергать данные контрастивному анализу. Данные были вначале представлены в абсолютных величинах (абсолютная активность), далее были переведены в доли (относительная активность), так как количество предложений в заголовке, аннотации и сообщении отличалось и необходимо было нивелировать эти различия.

В таблице 2 приведем данные по абсолютной активности схем по периодам.

Как видно из таблицы 2, активность схем при такой демонстрации, не учитывающей тип компонента новости, не может быть корректно оценена на предмет диахронических изменений, так как не наблюдаются стабильные (стабильно уменьшающиеся или увеличивающиеся) изменения активности. Однако это наблюдение позволяет сделать вывод о сохранении (в целом) динамического характера события интернет-новости. Рассмотрим относительные данные по отдельным компонентам.

На рисунке 1 (диаграммы 1–5) продемонстрируем результаты относительной (процентной) активности схем новостного события.

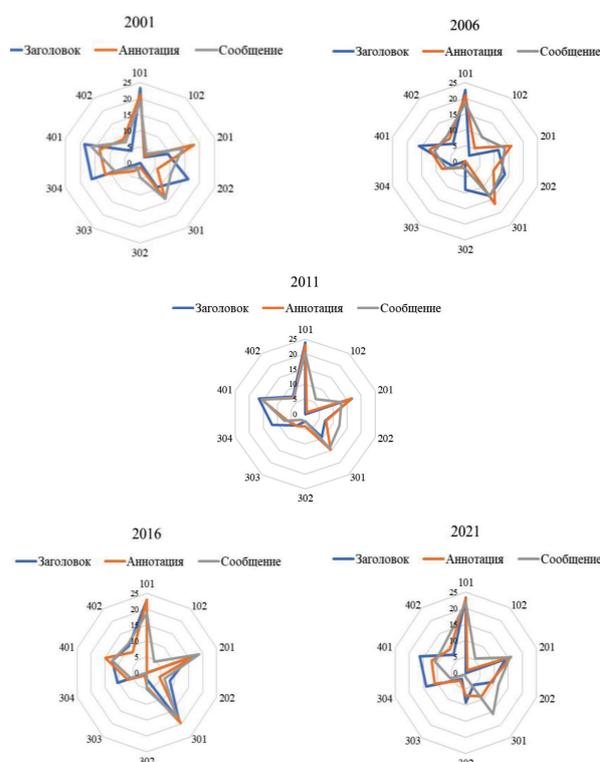


Рис. 1. Диаграммы распределения относительной активности схем

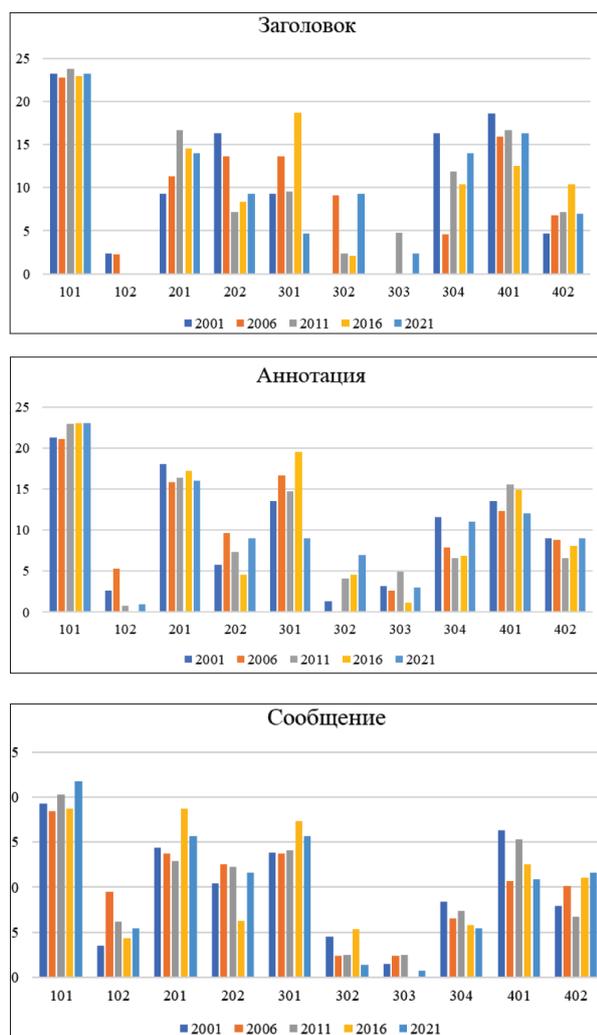


Рис. 2. Диаграммы распределения относительной активности схем в трех компонентах интернет-новости по периодам

Полученные результаты подтвердили первое предположение о различной активности схем в трех компонентах интернет-новости. В процентном соотношении динамические схемы построения события в интернет-новости сокращаются от заголовка к сообщению. Полученный результат может быть объяснен тем, что с расширением контекста и большей детализацией постепенно снижается роль динамизации событий. Также диаграммы демонстрируют значительное перераспределение активности схем в трех компонентах по периодам, что свидетельствует о большой вариативности моделей их реализации и возможном отсутствии преобладающих моделей распределения активности по периодам. Далее обратимся к показателям относительной активности схем по периодам. На рисунке 2 приведены данные показатели по трем компонентам интернет-новости.

Рассмотрим выявленную активность схем более подробно. Активность схемы 101 [DYNAMIC] остается стабильно высокой на протяжении всего временного периода во всех компонентах интернет-новости. Схема 102 [NON-DYNAMIC], напротив, используется реже. Тем не менее, схема 102, которая характеризуется отсутствием динамики, может фигурировать в основной части интернет-новости (сообщение), которая раскрывает детали, дает подробности описываемой ситуации в заголовке и аннотации. Нединамическая схема проявляется в цитатах, деталях описываемых ситуаций в новости.

Приведем пример из основной части интернет-новости, опубликованной 7 сентября 2021 года:

Несколько дней все желающие могли проверить работоспособность системы дистанционного электронного голосования и найти в ней уязвимости.¹

В данном примере переданы в косвенной речи слова президента компании «Ростелеком», которая разработала систему голосования. Конструкция в косвенной речи с модальным глаголом *мочь* выражает потенциальную возможность действия, но не само совершенное действие (подразумевается, что была возможность проверить систему). Нединамическая схема примера из основной части детализирует информацию, оформленную в заголовке и аннотации интернет-новости, которые, напротив, демонстрируют динамические схемы, к примеру *уязвимостей не нашли, система работает эффективно*.

Рассмотрим иной пример, опубликованный 19 декабря 2016 года, который также иллюстрирует особенности использования нединамических схем в интернет-новостях:

Первыми будут голосовать штаты Нью-Гэмпшир, Индиана, Теннесси и Западная Вирджиния, передает CNN. Телеканал отмечает, что голосование выборщиков носит скорее формальный характер.²

Во втором предложении схема 101 [DYNAMIC] в *Телеканал отмечает* предшествует схеме 102 [NON-DYNAMIC] *голосование выборщиков носит скорее формальный характер*. Такой характер построения события достаточно типичен для интернет-новости и позволяет нединамическое событие (ср.: *По информации телеканала голосование выборщиков носит скорее формальный характер*)

¹ URL: <https://www.vesti.ru/hitech/article/2610424>

² URL: https://aif.ru/politics/world/v_ssha_nachalos_golosovanie_vyborshchikov

представить как динамическое, что в целом повышает динамический потенциал новости.

На графиках также заметно сокращение использования схем 202 [FICTIVE MOTION], 302 [MOVE + MANNER] и возрастание активности схем 201 [NON-FICTIVE MOTION] и 301 [MOVE]. Тем не менее, данная тенденция справедлива не для всех структурных компонентов интернет-новостей. Похожая ситуация наблюдается в отношении схемы 304 [MOVE + GROUND]. Рассмотрим пример новости:

В Гонконге прошли выборы депутатов Законодательного совета. Голосование на выборах в Законодательный совет Гонконга завершилось вечером 19 декабря.¹

В заголовке и в аннотации интернет-новости схема 304 используется активно, но в то же время мы отметили снижение ее роли в самом сообщении. Такая динамика может быть объяснена тем, что возросло использование конструкций, где местоположение скорее передается определением, чем обстоятельством места. При этом использование 304 [MOVE + GROUND] увеличилось в заголовке. Активность по схеме 303 [MOVE + PATH] существенно не изменилась. Необходимо отметить, что наблюдается постепенное увеличение активности схемы 402 [MOTION + CO-EVENT] относительно 401 [MOTION-EVENT]. Данное наблюдение свидетельствует о том, что авторы стремятся представить событие более компактно, интегрировав в него микрособытия, это позволяет «упаковать» в меньший объем больше динамической информации и повысить таким образом динамический потенциал статьи.

Проведенное исследование позволило сформулировать два важных наблюдения в отношении тенденций конструирования современных интернет-новостей. Во-первых, наблюдается постепенное

повышение роли схем нефиктивного движения, движения с указанием локации, что демонстрирует дискурсивные тенденции конструирования события через фокусирование компонентов пространства (а не времени или способа действия). Во-вторых, повышается значимость конструирования движения, сопровождающегося другим движением, что определяет в качестве значимой тенденцию конструирования события через фокусирование динамических компонентов других событий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование было нацелено на определение роли динамизации в конструировании информации в дискурсе интернет-новостей. При том, что роль динамизации изначально представлялась высокой, значимым оказалось установление распределения схем динамизации событий в трех компонентах новости: заголовке, аннотации и сообщении. События рассмотрены с учетом степени выраженности динамического характера, степени фиктивности динамического характера, типа движения, наличия сопровождающего события. Результаты позволили сформулировать различия в использовании схем построения события по трем компонентам за период 2001–2021 годов. Так, наибольшая динамизация выявлена в заголовке статьи, в аннотации динамические схемы часто сопровождаются нединамическими.

В ходе анализа установлены некоторые особенности диахронических изменений активности схем, что позволило сформулировать тенденции конструирования современных интернет-новостей. К ним относятся постепенное повышение роли пространственного конструирования и повышение роли интегративного конструирования событий (что обеспечивает большую компактность информации). Можно отметить, что фактор динамичности играет значимую роль в конструировании информации в интернет-новости во все рассмотренные периоды, что доказывает его определяющую роль для данного типа дискурса в целом.

¹ URL: https://aif.ru/politics/world/v_gonkonge_proshli_vybory_deputatov_zakonodatel'nogo_soveta

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Van Dijk T.A. Ideology and discourse analysis // Journal of Political Ideologies. 2006. Vol. 11 № 2. P. 115–140.
2. Vendler Z. Verbs and Times. The Philosophical review. 1957. Vol. 66. № 2. P. 143–160.
3. Firbas J. On the concept of communicative dynamism in the theory of functional sentence perspective // Brno Studies in English. 1971. Vol. 7. P. 12–47.
4. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974.

5. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 25–34.
6. Goldberg A. E. A Construction Grammar Approach to Argument Structure. Cognitive Theory of Language and Culture Series. Chicago: University of Chicago Press, 1995.
7. Talmy L. Toward Cognitive Semantics, Volume 1: Concept Structuring Systems. Volume 2: Typology and Process in Concept Structuring. Cambridge, MA: MIT Press, 2000.
8. Демьянков В. З. Можно ли измерить динамику нарратива // Художественный текст как динамическая система. М.: Управление технологиями, 2006. С. 118–123.
9. Лотман Ю. М. Структура художественного текста / Об искусстве Искусство-СПБ, СПб, 2005. С. 221–229.
10. Падучева Е. В. Структура события: семантические роли, аспектуальность, каузация // Научно-техническая информация. Серия 2, 2009. № 6. С. 38–45.
11. Лингвистика конструкций / отв. ред. Рахилина Е. В. М.: Азбуковник, 2010.
12. Демьянков В. З. «Событие» в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста. М.: Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1983. Т. 42. № 4. С. 320–329.
13. Cotter C. News Talk. Investigating the Language of Journalism. Cambridge and New York: Cambridge University Press, 2010. P. 24–26.
14. Герасимов В. В., Ромов Р. Б., Новиков А. А. и др. Технология новостей от Интерфакса: учебное пособие для студентов вузов / под ред. Ю. А. Погорелого. М.: Аспект Пресс, 2011.
15. Киосе М. И., Ефремов А. А. Программа HETEROSTAT комплексного расчета параметров дискурса. Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ 2020661240, 21.09.2020. Заявка № 2020618434 от 30.07.2020.

REFERENCES

1. Van Dijk, T.A. (2006). Ideology and discourse analysis. *Journal of Political Ideologies*, 11(2), 115–140.
2. Vendler, Z. (1957). Verbs and Times. *The Philosophical review*, 66(2), 143–160.
3. Firbas, J. (1971). On the concept of communicative dynamism in the theory of functional sentence perspective. *Brno Studies in English*, 7, 12–47.
4. Apresyan, Yu. D. (1974). *Leksicheskaya semantika: Sinonimicheskiye sredstva yazyka = Lexical semantics: Synonymic means of language*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
5. Paducheva, E. V. (2004). *Dinamicheskiye modeli v semantike leksiki = Dynamic models in lexical semantics*. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury. (In Russ.)
6. Goldberg, A. E. (1995). *A Construction Grammar Approach to Argument Structure*. Cognitive Theory of Language and Culture Series. Chicago: University of Chicago Press.
7. Talmy, L. (2000). *Toward Cognitive Semantics, Volume 1: Concept Structuring Systems. Volume 2: Typology and Process in Concept Structuring*. Cambridge, MA: MIT Press.
8. Demiyankov, V. Z. (2006). *Mozhno li izmerit' dinamiku narrativna? = Can we measure the dynamics of narrative? In Khudozhestvennij tekst kak dinamicheskaya sistema (pp. 118–123)*. Moscow: Upravlenie Tekhnologiyami. (In Russ.)
9. Lotman, Yu. M. (2005). *Struktura hudozhestvennogo teksta = The structure of fiction*. In *Ob iskusstve*. St. Petersburg: Iskusstvo SPB, 221–229. (In Russ.)
10. Paducheva, E. V. (2009). *Struktura sobytiya: semanticheskiye roli, aspektual'nost', kauzatsiya = The structure of event: semantic roles, aspectuality, causality*. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Seriya 2*, 6, 38–45. (In Russ.)
11. *Lingvistika konstruksiy = Linguistics of constructions (2010)*. Rakhilina, E.V. (ed.-in-chief). Moscow: Azbukovnik. (In Russ.)
12. Demiyankov, V. Z. (1983). *“Sobytie” v semantike, pragmatike i v koordinatakh interpretatsii teksta = Event in semantics, pragmatics and interpretation coordinates in text*. Moscow: Izvestia AN SSSR. Seriya literatury i yazyka, 42, 4, 320–329. (In Russ.)
13. Cotter, C. (2010). *News Talk. Investigating the Language of Journalism (pp. 24–26)*. Cambridge and New York: Cambridge University Press.
14. Gerasimov, V. V., Romov, R. B., Novikov, A. A. et al. (2011). *Tekhnologiya novostej ot Interfaksa = News technologies of Interfax*, ed. by Yu. A. Pogorelyj. Moscow: Aspekt Press. (In Russ.)
15. Kiose, M. I., Efremov, A. A. *Program HETEROSTAT for complex processing of discourse parameters*. Reg. number 2020661240, 21.09.2020. Application number 2020618434, 30.07.2020.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Романенко Ольга Васильевна

преподаватель кафедры второго иностранного языка Института иностранных языков им. Мориса Тореза Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Romanenko Olga Vasiljevna

Lecturer, Department of Second Foreign Languages, the Maurice Thorez Institute of Foreign Languages, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 29.11.2021
одобрена после рецензирования 20.12.2022
принята к публикации 27.01.2022

The article was submitted 29.11.2021
approved after reviewing 20.12.2021
accepted for publication 27.01.2022

КОГНИТИВНАЯ СЕМАНТИКА: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научная статья
УДК 81-114.2
DOI 10.52070/2542-2197_2022_2_857_56



Глазодвигательное поведение при восприятии фразеологизмов абстрактной семантики. Влияние факторов телесности и конвенциональности

М. И. Киосе

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, maria_kiose@mail.ru

Аннотация. В работе изучается влияние факторов телесности и конвенциональности на глазодвигательные реакции при восприятии читателем фразеологизмов абстрактной семантики и структурного типа «глагол + дополнение». В ходе окулографического эксперимента подтверждается теоретическое предположение о том, что образ-схемы фразеологизмов с абстрактной семантикой самостоятельны и не предполагают интеграции телесных образ-схем глагольных компонентов при их восприятии. Влияние фактора конвенциональности идиом не было установлено, что предположительно объясняется разной ролью образ-схем в конструировании всего текстового события в контексте.

Ключевые слова: образ-схемы, фразеологизмы, телесность, конвенциональность, окулографический эксперимент

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-01754 «Исследование экономии когнитивных ресурсов человека при интерпретации медиа текстов: Разработка Мультимодального Корпуса Окулографических Реакций MultiCOR» в Московском государственном лингвистическом университете.

Для цитирования: Kiose M. I. Gaze costs in nonimaginistic idioms perception. Are they modified by embodiment and entrenchment factors? // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2 (857). С. 56–64. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_2_857_56

Original article

Gaze Costs in Nonimaginistic Idioms Perception. Are They Modified by Embodiment and Entrenchment Factors?

Maria I. Kiose

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, maria_kiose@mail.ru

Abstract. This study explores the gaze effects produced by embodiment and entrenchment in the nonimaginistic idioms of verb + object type in context. In the eye-tracking experiment we verify the theoretical assumption that bodily and nonbodily construal schemas in their verbal components do not affect the gaze costs, which means that their construal is autonomous. At the same time, gaze behavior is found insensitive to entrenched and non-entrenched idioms, which may be the result of varied event construal schemas employed in context.

Keywords: image schemas, idioms, embodiment, entrenchment, oculographic experiment

For citation: Kiose, M. I. (2022). Gaze costs in nonimaginistic idioms perception. Are they modified by embodiment and entrenchment factors? Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2 (857), 56–64. 10.52070/2542-2197_2022_2_857_56

INTRODUCTION

Conceptual construal or the ability to conceive the same objects or events from different perspectives [Talmy, 2000; Langacker, 2013], is a fundamental cognitive ability explored in the construal studies; when expressed in language it also becomes a cornerstone in cognitive linguistics. The studies identify multiple construal schemas manifested in various types of lexical and syntactic units, however if we address idiomatic expressions, the question is still unclear about the role of the construal schemas activated in their components within the construal schema representing the whole idiom. In cognitive semantics following the pioneering works of A. Langlotz, idioms are considered as “complex linguistic units that can be activated as mental standards to encode or decode a concrete usage-event” [Langlotz, 2006, p. 185]. This definition admits the autonomous status of the construal schema of the whole idiom. However, the multitude of idioms representing the same phenomena results from multiple construal ways of conceptualizing objects and events [Zykova, 2018]. Therefore, can it be true that the construal schemas of idiom components, for instance of their verbal components do not affect the construal of the idiom?

In this study, we will explore whether different construal schemas, bodily and non-bodily, representing the images of these objects or events – the image schemas [Lakoff, 1987; Grady, 2005] in the idiom components, affect the gaze costs produced in the whole idiom. One of the possible ways to study these effects is to consider the idioms displaying nonimaginistic domains [Lakoff, 1987] with the components manifesting either bodily or non-bodily schemas. In case no differences are observed in the gaze costs, we may claim that the construal of components does not influence the construal of the whole idiom. Idiomatic expressions manifesting nonimaginistic domains *love* and *hate*, *kindness* and *anger*, *happiness* and *sadness*, alongside with many others may serve to explore the case. They foreground different ways of construal which are based on component image schemas, for instance the schema MOTION is manifested in such idioms as *to set one's teeth on edge*, *to bite someone's head off*, *to spit in someone's eyes*, which becomes BODILY MOTION in *to bite someone's head off* and *to spit in someone's eyes*, and FICTIVE MOTION in *to set one's teeth on edge*. Will the idioms manifesting BODILY MOTION and FICTIVE MOTION schemas produce different gaze costs?

At the same time, there is one factor that may influence the gaze costs variance, which is the degree of idiom entrenchment. If the idioms are

highly entrenched [Schmid, 2007], the effects of bodily construal are more likely to be neglected. Presumably, lower entrenchment degree in the idiom necessitates the construal of its components, which in turn produces higher gaze costs since several construal schemas will have to be exploited to represent one idiom. With a view of exploring the balance between these two factors, embodiment in construal and idiom entrenchment, we experimentally test their role in the oculographic experiment.

EMBODIMENT AND ENTRENCHMENT IN IDIOMS

One of the key directions in construal studies in cognitive linguistics employs the instrument of image schemas since they are presumed to affect the distribution of cognitive construal mechanisms. Image schemas are seen as the construal patterns of events or their components, referents, actions, time, or place [Lakoff, 1987; Gibbs & Colston, 1995, among others]. Images are schematic representations of grounded experience, which following G. Lakoff (1987) means that they refer to physical experience. The first image schemas considered by Lakoff (1987) were CONTAINER, SPACE, FORCE, SCALE image schemas which involved the imaginistic domains such as *containers*, *paths*, *links*, *forces*, *balance*, etc. which allowed to explore the human experience represented in these image schemas. For instance, the image schema SCALE emerges from our physical experience and is based on the domains and concepts *up*, *more*, *less*, *amount*. In the works of Talmy (2000) the image schemas of MOTION and MOVE were later described in detail. They incorporated the schemas PATH, MANNER as well as their subschemas. Image schemas allow to explore the relations in nonimaginistic domains such as *thought*, *death* and *time*, *wakefulness*, *alertness* and *living*.

In one of their seminal papers on image schemas, T. C. Clausner and W. Croft assume that “image schemas are more than elements of linguistic theory: they have psychological reality for which there is supporting evidence from experimental research in psycholinguistics, cognitive psychology, and developmental psychology” [Clausner & Croft, 1999, p. 14]. Recent experimental studies have shown that image schemas may suffice to explore the specifics of sensory-motor (for example, oculographic) and nonimaginistic (abstract, non-perceptual) construal [Grady, 2005; Mandler, Cánovas, 2014]. However, there is still scarce consistent experimental research on how the image schemas exploiting different imaginistic (grounded in bodily experience) domains

affect the construal of nonimaginistic (not grounded in bodily experience) domains. This case is frequently observed with idioms [Tsaroucha, 2020]. For instance, the idiom *to be the apple of someone's eye* ('the person who someone loves most and is very proud of') (Cambridge Dictionary of the English Language) is an example of CONTAINER image schema; it is construed employing the relations of the imaginistic domains *in, inside*. This image schema represents a nonimaginistic domain *love*. The same domain *love* can be illustrated by the idiom *to steal (someone's) heart* ('to cause someone to feel love or affection') (Collins Dictionary of the English Language) which manifests MOTION image schema. Both idioms have the semantics of the reflexive action of person 2 (person 2 falls in love with person 1) initiated by a prior incentive on the part of person 1. It is noticeable although that idiom *to steal (someone's) heart* in its linguistic semantics focuses on the incentive of person 1 and not on the reflexive action of person 2. The linguistic semantics of the idiom *to be the apple of someone's eye* does not include any identification of either action (the actions of person 1 and of person 2). At the same time, they both activate the same nonimaginistic non-bodily domain *love*, still they represent different image schemas CONTAINER and MOTION and display the linguistic semantic of state (*be in to be the apple of someone's eye*) and transitive action (*steal in to steal (someone's) heart*). These and other examples of different image schemas representing the same nonimaginistic domains have stimulated the research question of their contrastive interpretation. In the current study, we will experimentally test how two image schemas BODILY MOTION and FICTIVE MOTION which represent the domains *love* and *hate* in idioms, affect their gaze interpretation. If we find the significant contingencies, we may deduce that idiom construal still depends on the construal of its components.

At the same time, we have to consider the fact that idioms display different degrees of entrenchment [Langacker, 2016]. In cognitive linguistics and cognitive semiotics entrenchment is a most common indicator of less creative language use. As A. Langlotz (2006) claims, the linguistically creative use of idioms is their use in modifications, which allows to infer that other idiom uses are not creative and consequently entrenched. Presumably, the processes of construal in this case will be operationalized differently. Still, does it mean that non-modified idioms do not employ the construal schemas of their components and are construed as an autonomous whole being non-creative and completely entrenched? Depending on the outcome of the balance between these

two factors – embodiment in construal and entrenchment, a set of contingency patterns of gaze costs with the image schema types can be deduced which encapsulate idiom perception (at least of the selected type) most effectively.

Following the methods and procedure developed to test the gaze costs of different construal schemas [Coulson & van Petten, 2002; Gibbs & Matlock, 2008; Giora et al., 2015; Kiose, 2020], we design the oculographic experiment which allows to identify these costs in the gaze interpretation of four selected Russian language idioms. In the study, we will test two hypotheses:

- 1) gaze costs are affected by two image schemas BODILY MOTION and FICTIVE MOTION in the idioms components illustrating the domains *love* and *hate*;
- 2) gaze costs are modified by the entrenchment factor in the way that it decreases the gaze costs.

THIS STUDY.

METHODS AND PROCEDURE

To select the stimulus idioms illustrating different image schemas we addressed the idiom dictionary which served to compile a list of idioms illustrating the pattern verb+object and manifesting the nonimaginistic domains *love* and *hate*. The list involved 35 Russian language (Phraseological Dictionary of the Russian Literal Language, 2008) idioms of the verb+object type; we did not extend the lists further since the research aim was not to explore all possible idioms but to identify possible types of image schemas present in their verbal component. There were 8 schemas which displayed different activity, FICTIVE MOTION Schema (e. g., in *строить глазки*), BODILY MOTION Schema (*смотреть косо, любить ушами*), COMMUNICATION Schema (*не прикажешь сердцу*), FEELING Schema (*души не чаять, жаждать крови*), EXISTENCE Schema (*быть на ножках*), CHANGE-OF-STATE Schema (*умирать от любви*), POSSESSION Schema (*завладеть сердцем*), KNOWLEDGE Schema (*муки любви познать*). To identify the degree of entrenchment of these idioms, we applied the procedure of corpus frequency analysis¹. With the total frequency of 15 idioms displaying the domain *hate*, their frequency in the National Corpus of the Russian language (NCRL) is 822; the highest frequency is displayed by *быть на ножках* (22.74 %), *быть в натянутых отношениях* (14.84 %), *путь*

¹ The author is grateful to Albina Shamsuarova, the student at Moscow State Linguistic University for the help with stimulus idioms selection.

кровь (14 %). With the total frequency of 20 idioms displaying the domain *love*, their frequency in the NCRL is 1387; the highest frequency is displayed by *души не чаять* (15.93 %), *любить (всей) душой* (14.2 %), *поразить (в самое) сердце* (13.84 %). The least frequent from the first group were *мазать дегтем* (2.06 %), *подставить подножку* (1.82 %), from the second group they were *любить без оглядки* (0.86 %), *любить до дрожи* (0.86 %). Since we had to consider both factors, the factor of embodiment and the factor of entrenchment in one experiment, we decided to select the idioms displaying different image schema type and different degree of corpus frequency.

To verify the influence of embodiment factor, we selected two image schemas, BODILY MOTION and FICTIVE MOTION which display difference in the motion type, stimulated by the bodily movements or not directly stimulated by them. Overall, we selected four idioms for the stimulus, they were *пить кровь*, *мазать дегтем* illustrating the domain *hate*, and *прикипеть душой*, *поразить сердце* illustrating the domain *love*. These four idioms manifest the schema MOTION through transitive action affecting the person we love and hate so that this person becomes subjected to these effects. However, in two cases in idioms *пить кровь*, *мазать дегтем* this motion is bodily controlled (in *пить кровь* the mouth movements are engaged, in *мазать дегтем* the hand movements are engaged); and in *прикипеть душой* and *поразить сердце* due to the figurative meaning of *прикипеть* and *поразить*, the bodily control is not present, the motion is of a fictive type. Thus, we observe the differences in embodiment as potentially significant for idioms gaze perception. Secondly, there are differences in their entrenchment since two idioms *пить кровь* and *поразить сердце* are highly entrenched, and two idioms *мазать дегтем* and *прикипеть душой* are non-entrenched. These factors might affect the gaze costs. These idioms appeared in the four text fragments in the stimulus:

- 1) Ведь это подлец на подлеце. Грабить пять-сот лет крепостных, *пить кровь* народа. А ты с ними хочешь идеальничать;
- 2) Его неминуемо бы освистали. Постоянная ложь, спорт не перестают *мазать дегтем* скандалов. И он не стал говорить пустые слова;
- 3) Приятель *поразил его сердце*, своей привязанностью и любовью он отличался от всех, этот обозный солдат Серега;

- 4) Старик *прикипел к ней душой*, хотя и подобрал в Ростове голой да босой, будто батрачкой нанял.

The fragments were selected from NCRL; they displayed the use of the idioms in syntactically and thematically different positions, which might produce specific gaze costs. However, in case they appeared in the similar positions, it would produce the priming effects; for this reason, we still decided in favor of their different syntactic use.

The experiment was conducted with SMI Red eye tracker with a recording rate of 60 Hz, the participants were seated 60 cm from the screen. The whole experiment for each participant lasted about 7 minutes with the instruction, calibration time and the gaze record. The participants had to read the sentences. They received a prior task to read the sentences attentively to be ready to answer the questions of the experimenter after the experiment. However, in this study we will not consider the comprehension check results. 14 students participated in the experiment; the average age was 22 years. Oculographic data processing was carried out considering the fixation duration, gaze count, and revisits in the Areas of Interest corresponding to the text fragments with the idioms.

RESULTS AND DISCUSSION

We proceed to the analysis of gaze costs contingent on the idioms displaying variance in terms of two factors, embodiment and entrenchment. To establish the contingencies, we first conducted a series of Student's t-tests for 3 gaze characteristics, fixation duration, gaze count and revisits, these were followed with a series of regression tests to establish the prognostic models of gaze costs. The length of the idioms was slightly different (10, 13, 15, 15 signs) and could have influenced the gaze costs, however since the window of attention allowed variety [Rayner & Liversedge, 2011], we still decided to use the absolute values of gaze characteristics. In Table 1 we present the Descriptives for the gaze results for fixation duration, gaze count and revisits.

With 56 probes we conducted 6 Independent samples t-tests expecting the statistically significant differences in fixation duration, gaze count and revisits as affected by BODILY / FICTIVE MOTION schemas, entrenched / non-entrenched idioms. However, in all the 6 tests the t-statistics ($df = 54$) did not display significance and we could not reject the null hypothesis that there is no statistically significant variance in gaze costs as affected by each of two factors. The results are given in Table 2.

Table 1

GAZE CHARACTERISTICS

Descriptives	Fixation Duration, ms	Gaze Count	Revisits
N	56	56	56
Mean	395	1.88	0.393
Median	233	1	0
Min	0	0	0
Max	2108	7	1

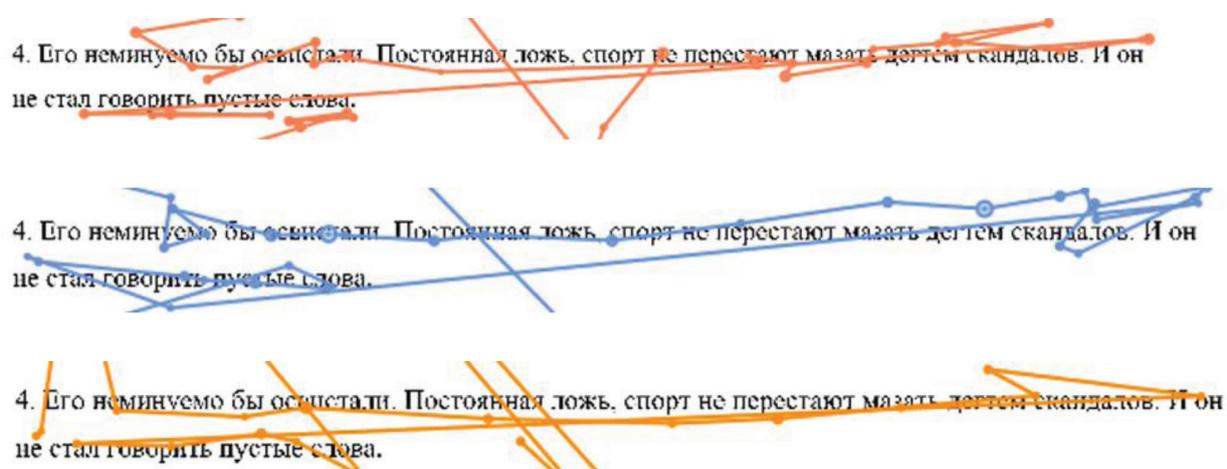
Table 2

STUDENT'T-TEST RESULTS

Factors	Fixation Duration, Student's t, p	Gaze Count, Student's t, p	Revisits, Student's t, p
Embodiment	-0.89 [0.28]	-1.15 [0.254]	-1.09 [0.282]
Entrenchment	-0.769 [0.445]	-0.541 [0.591]	-0.539 [0.592]

The results show that rigid contingencies in embodiment are not observable, therefore our first hypothesis that gaze costs are affected by two image schemas BODILY MOTION and FICTIVE MOTION in the idioms components illustrating the domains *love* and *hate* is not verified. The results confirm the theoretical assumption that idiom construal is not dependent on its components construal, at least in the selected idiom types.

If we address the second hypothesis claiming that the gaze costs are modified by the entrenchment factor in the way that it decreases the gaze costs, we must acclaim that it was not attested since we did not reveal any rigid contingencies of gaze behavior and more and less entrenched idioms. In Figure 1 we present several gaze paths of the less entrenched idiom *мазать дегтем* manifesting BODILY MOTION schema.

Fig. 1. Gaze paths in reading the idiom *мазать дегтем*

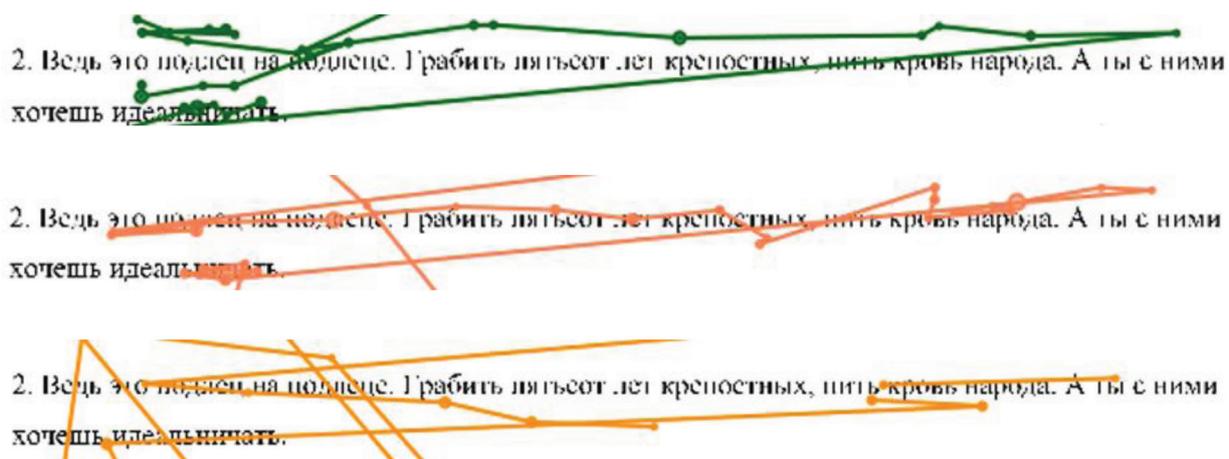


Fig. 2. Gaze paths in reading the idiom *пить кровь*

The first gaze path demonstrates multiple fixations in the Area of *мазать дегтем*, besides several revisits are present. This gaze path was most expected. The second gaze path has no revisits, still there is one longer fixation which may evidence in favor of higher gaze costs. The third gaze path has two short fixations and one revisit, which may also indicate the increase in gaze costs. Overall, we observe the evidence of higher gaze costs. However, will we observe fewer gaze costs in case of a more entrenched idiom *пить кровь* manifesting BODILY MOTION schema? In Figure 2 we present several gaze paths demonstrating the differences in gaze behavior.

The first gaze path shows three short fixations, the second one has three fixations and a revisit, the third path has two fixations also accompanied by a revisit. Contrasting the gaze paths in Figures 1 and 2 we may hardly specify any significant gaze differences which will help differentiate more and less entrenched idioms reading modes.

However, we presumed that we could elicit the general tendencies in gaze behavior as affected by each of the factors. In Table 3 we present the average values of 3 gaze characteristics, fixation duration, gaze count and revisits corresponding to BODILY / FICTIVE MOTION schemas, entrenched / non-entrenched idioms.

Although not statistically significant, these results demonstrate that gaze costs are higher in the cases of Embodiment schema and Entrenchment. The data received suffice to prove that embodied construal enhanced higher gaze costs, which proves the embodiment construal effects described in Grady (2005), Mandler, Cánovas (2014). At the same time, the fact that entrenchment produces higher gaze costs is hardly expected and does not agree with the statistically proven results on entrenchment effects received in Giora et al. (2015); Kiose (2020). This may be explained by the fact that other factors might influence the gaze costs in entrenched and non-entrenched idioms. Following this logic, we conducted 3 regression tests to establish the regression models (linear regression with Fixation Duration and Gaze Count, and binomial regression with Revisits) with two factors affecting the gaze costs. In all the three cases the model predictability was low: R^2 for fixation duration was 0.025, R^2 for gaze count was 0.03, R^2 for fixation duration was 0.02. Low predictability values suffice to claim that other factors apart from these two affect gaze costs. These might be other event construal factors like the actor type, event frame type or the type of perspective construal which could have affected the gaze costs [Talmy, 2000; Langacker, 2013]. At

Table 3

AVERAGE GAZE VALUES

Factors	Fixation Duration, ms	Gaze Count	Revisits
Embodiment / Lack of Embodiment	454.79 / 335.68	2.21 / 1.54	0.46 / 0.31
Entrenchment / Lack of Entrenchment	446.82 / 343.64	2.04 / 1.71	0.43 / 0.36

the same time, we assume that higher gaze costs accompanying entrenchment may be explained by the fact that the participants understood very fast that they faced the sentences with idioms in each sentence and that there was something to be observed in these idioms. Consequently, their gaze costs were higher in case they recognized the idioms and tried to explore their specificity; and in case they met with less entrenched idioms they might have ignored them. This assumption must however be explored in more detail. The third assumption is that the idioms in the stimulus fragments appeared in syntactically and thematically different position, which in all probability might have influenced their perception. However, the use of idioms in similar syntactic positions would have produced the priming effects and consequently would have stimulated undesirable gaze costs.

Overall, the study has not proved that idiom construal is dependent on their component construal, therefore idioms really seem to be construed as “mental standards” [Langlotz, 2006]. Entrenchment effects on gaze although are not steady being more context dependent. Still, the gaze costs are affected by embodiment and entrenchment (corpus frequency) factors in the way that they stimulate the gaze costs increase in idioms perception.

FINAL REMARKS

In the current study, we explored the effects of two factors, embodiment and entrenchment as potentially influencing the gaze costs in idioms demonstrating MOTION image schema. Multiple studies claim the importance of embodiment as affecting the schema selection [Grady, 2005; Mandler, Cánovas, 2014] and the influence of entrenchment onto the construal and gaze reactions [Giora et al., 2018; Shmid, 2016];

however, their combined effects are seldom tested, and they are not tested in relation to idioms. Idioms possess a specific semantic character which is displayed in their high degree of entrenchment since they reflect “mental standards” [Langlotz, 2006] and their components most frequently lose their primary dictionary meanings, among these meanings there may be the meanings expressing bodily semantics. These facts considered, we decided to experimentally test the influence of both embodiment and entrenchment in the gaze costs.

We produced two hypotheses claiming that 1) gaze costs are affected by two image schemas BODILY MOTION and FICTIVE MOTION in the idioms components illustrating the domains *love* and *hate*, 2) gaze costs are modified by the entrenchment factor in the way that it decreases the gaze costs. The first hypothesis did not seem valid since we did not observe any rigid contingencies of bodily construal within the idiom components on gaze characteristics. The results therefore confirm the view that idioms are construed as whole unities and do not necessitate the prior construal of their components. In terms of the second hypothesis, it was not valid either since the results did not show any statistically significant contingencies on either gaze cost characteristics, also the regression models predictability was low in all the cases. At the same time, we observed several tendencies in the construal effects onto gaze. In general, embodiment and higher entrenchment produced higher gaze costs, which was unpredictable in the case of entrenchment. We produced several possible explanations for this result, among them we listed the activity of other construal factors which might have influenced the gaze behavior, the changes in the reading model, and the context variations; however, they should be verified in further experiments.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Clausner T. C., Croft W. Domains and Image Schemas // *Cognitive Linguistics*. 1999. Vol. 10. № 1. P. 1–31.
2. Coulson S., van Petten C. Conceptual integration and metaphor: an event-related potential study // *Memory and Cognition*. 2002. Vol. 30. № 6. P. 958–968.
3. Gibbs R. W. Jr., Colston H. L. The cognitive psychological reality of image schemas and their transformations // *Cognitive Linguistics*. 1995. Vol. 6. P. 347–378.
4. Gibbs R. W., Matlock T. Metaphor, imagination, and simulation: Psycholinguistic evidence / R. W. Gibbs (Ed.) // *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought*. New York: Cambridge University Press, 2008. P. 161–176.
5. Giora R., Givoni S., Fein O. Defaultness reigns: The case of sarcasm // *Metaphor and symbol*. 2015. Vol. 30. № 4. P. 290–313.
6. Grady J. E. Image schemas and perception: Refining a definition / B. Hampe, J. E. Grady (Eds.) // *From perception to meaning: Image schemas in cognitive linguistics*. Berlin: Mouton, 2005. P. 35–56.

7. Kiose M. I. The interplay of syntactic and lexical salience and its effect on default figurative responses // *Studies in Logic, Grammar and Rhetoric*. 2020. Vol. 6. № 74. P. 161–178.
8. Lakoff G. *Women, Fire and Dangerous Things. What Categories reveal about the Mind*. Chicago: The University of Chicago Press, 1987.
9. Langacker R. W. *Essentials of Cognitive Grammar*. Oxford: Oxford University Press, 2013.
10. Langacker R. W. Entrenchment in cognitive grammar / H.-J. Schmid (Ed.) // *Entrenchment and the psychology of language learning. How we reorganize and adapt linguistic knowledge*. Washington DC: Mouton de Gruyter, 2016. P. 39–56.
11. Langlotz A. *Idiomatic creativity: A cognitive-linguistic model of idiom-representation and idiom-variation in English*. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2006.
12. Mandler J. M., Cánovas C. P. On defining image schemas // *Language and Cognition*. 2014. Vol. 0 . P. 1–23.
13. Rayner K., Liversedge S. P. Linguistic and cognitive influences on eye movements during reading / S. P. Liversedge, I. D. Gilchrist & S. Everling (Eds.) // *The Oxford Handbook of Eye Movements*. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 751–766.
14. Schmid H.-J. Entrenchment, salience, and basic levels / D. Geeraerts & H. Cuyckens (Eds.) // *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics*. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 117–138.
15. Talmy L. *Toward a Cognitive Semantics*. Two volumes. Cambridge: MIT Press, 2000.
16. Tsaroucha E. Embodiment and Image Schemas: Interpreting the Figurative Meanings of English Phrasal Verbs // *Languages*. 2020. Vol. 5. № 1. P. 1–12.
17. Zykova I. V. Synesthesia in the process of phraseologism-formation: a new approach // *Yearbook on phraseology*. 2018. Vol. 9. № 1. P. 85–110.

REFERENCES

1. Clausner, T. C. & Croft, W. (1999). Domains and Image Schemas. *Cognitive Linguistics*, 10 (1), 1–31.
2. Coulson, S. & van Petten, C. (2002). Conceptual integration and metaphor: an event-related potential study. *Memory and Cognition*, 30 (6), 958–968.
3. Gibbs, R. W. Jr. & Colston, H. L. (1995). The cognitive psychological reality of image schemas and their transformations. *Cognitive Linguistics*, 6, 347–378.
4. Gibbs, R. W. & Matlock, T. (2008). Metaphor, imagination, and simulation: Psycholinguistic evidence. In R. W. Gibbs (Ed.), *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought* (pp. 161–176). New York: Cambridge University Press.
5. Giora, R., Givoni, S. & Fein, O. (2015). Defaultness reigns: The case of sarcasm. *Metaphor and symbol*, 30 (4), 290–313.
6. Grady, J. E. (2005). Image schemas and perception: Refining a definition. In B. Hampe, J. E. Grady (Eds.). *From perception to meaning: Image schemas in cognitive linguistics* (pp. 35–56). Berlin: Mouton.
7. Kiose, M. I. (2020). The interplay of syntactic and lexical salience and its effect on default figurative responses. *Studies in Logic, Grammar and Rhetoric*, 6 (74), 161–178.
8. Lakoff, G. (1987). *Women, Fire and Dangerous Things. What Categories reveal about the Mind*. Chicago: The University of Chicago Press.
9. Langacker, R. W. (2013). *Essentials of Cognitive Grammar*. Oxford: Oxford University Press.
10. Langacker, R. W. (2016). Entrenchment in cognitive grammar. In H.-J. Schmid (Ed.), *Entrenchment and the psychology of language learning. How we reorganize and adapt linguistic knowledge* (pp. 39–56). Washington DC: Mouton de Gruyter.
11. Langlotz, A. (2006). *Idiomatic creativity: A cognitive-linguistic model of idiom-representation and idiom-variation in English*. Amsterdam: John Benjamins Publishing.
12. Mandler, J. M. & Cánovas, C. P. (2014). On defining image schemas. *Language and Cognition*, 0, 1–23.
13. Rayner, K. & Liversedge, S. P. (2011). Linguistic and cognitive influences on eye movements during reading. In S. P. Liversedge, I. D. Gilchrist, & S. Everling (Eds.). *The Oxford Handbook of Eye Movements* (pp. 751–766). Oxford: Oxford University Press.
14. Schmid, H.-J. (2007). Entrenchment, salience, and basic levels. In D. Geeraerts & H. Cuyckens (Eds.). *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics* (pp. 117–138). Oxford: Oxford University Press.
15. Talmy, L. (2000). *Toward a Cognitive Semantics*. Two volumes. Cambridge: MIT Press.

16. Tsaroucha, E. (2020). Embodiment and Image Schemas: Interpreting the Figurative Meanings of English Phrasal Verbs. *Languages*, 5 (1), 1–12.
17. Zyкова, I. V. (2018). Synesthesia in the process of phraseologism-formation: a new approach. *Yearbook on phraseology*, 9 (1), 85–110.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Киосе Мария Ивановна

доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
Центра социокогнитивных исследований дискурса
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kiose Maria Ivanovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor, Leading Research Scientist,
Centre for SocioCognitive Discourse Studies, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 29.11.2021
одобрена после рецензирования 20.12.2022
принята к публикации 27.01.2022

The article was submitted 29.11.2021
approved after reviewing 20.12.2021
accepted for publication 27.01.2022



Сохранение и модификация информации при вторичной интерпретации дискурса (на примере драматургического дискурса)

А. А. Ржешевская

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
arlen_nastyu@rambler.ru*

Аннотация. Настоящая работа ставит целью выявление типов модификации информации в процессе вторичной интерпретации исходного драматургического дискурса респондентами-участниками окулографического эксперимента. В статье демонстрируется алгоритм определения особенностей сохранения и модификации информации в речи респондентов. Результатом проведенного исследования стало уточнение концептуальных компонентов анализируемых когнитивных категорий субъекта, события и перспективы, характеризующих универсальные и индивидуальные свойства конструирования.

Ключевые слова: драматургический дискурс, исходный дискурс, модифицированный дискурс, вторичная интерпретация, модификация информации в речи, параметризация

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20-012-00370 «Гетерогенность текста и факторы ее успешной интерпретации читателем» в Московском государственном лингвистическом университете.

Для цитирования: Ржешевская А. А. Сохранение и модификация информации при вторичной интерпретации дискурса (на примере драматургического дискурса) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2 (857). С. 65–73. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_2_857_65

Original article

Secondary Interpretation of Discourse in Terms of Its Preserved and Modified Information (based on drama discourse)

Anastasia A. Rzheshesvkaya

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
arlen_nastyu@rambler.ru*

Abstract. The research aims at identifying types of information modification during secondary interpretation of the original drama discourse by respondents-participants of oculographic experiment. The article demonstrates a step-by-step algorithm defining preserved and modified information in respondents' speech. The study identifies the semantic elements of analysed cognitive categories of subject, event and perspective specifying general as well as individual construal characteristics.

Keywords: drama discourse, original discourse, modified discourse, secondary interpretation, information modification in speech, parametric annotation

For citation: Rzheshesvkaya, A. A. (2022). Secondary interpretation of discourse in terms of its preserved and modified information (based on drama discourse). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2 (857), 65–73. 10.52070/2542-2197_2022_2_857_65

ВВЕДЕНИЕ

Конструирование субъектов, объектов и событий окружающего мира неразрывно связано с их интерпретацией и, как следствие, «наполнением» этих образов новыми свойствами и характеристиками, т. е. их модификацией. Определенный набор языковых средств в речи позволяет выявить особенности конструирования образа события и участвующих в нем субъектов с точки зрения респондента. Данное исследование посвящено изучению особенностей сохранения и модификации информации в исходном и модифицированном видах дискурса в речи респондентов-участников окулографического эксперимента, использующего в качестве стимулов отрывки из современных драматургических произведений российских авторов. Таким образом, речь пойдет об особенностях вторичной интерпретации [Болдырев, 2021] текстовых событий в речи респондентов.

Художественный дискурс в целом и драматургический в частности представляют собой индивидуальную интерпретацию автора событий окружающего мира и, соответственно, конструирование образов субъектов и объектов, связанных с данным событием. Введение параметров конструирования участника, события, перспективы позволяет уточнить структуру самих названных категорий в аспекте их интерпретации и конструирования. Вербальные и невербальные средства, используемые респондентом для передачи информации о событии и его участниках, задействуют некоторые когнитивные механизмы ((де)фокусирование, приближение / отдаление, субъективация / объективация и др.), которые, с одной стороны, формируют смысл высказывания и, с другой стороны, позволяют интерпретировать особенности представления ранее полученных знаний о событии, субъектах и перспективе. Лингвистическая репрезентация полученной информации в речи респондентов отражает знания о событии и субъекте и ведет к уточнению этих знаний за счет новых характеристик, оценки, различной характеристики, означающей модификацию конфигурации имеющихся знаний на уровне отдельных параметрических данных.

Изучение особенностей вторичного конструирования субъектов и объектов события в модифицированной речи участников-респондентов проводится с опорой на теории конструирования как когнитивного явления, обеспечивающего активацию ментальных структур и связанных с ними языковых средств в процессе

интерпретации дискурса [Verhagen, 2007; Talmy, 2007; Ирисханова, 2013], концептуализации как процесса выделения объекта и его отдельных характеристик в результате которого формируется знание об этом объекте [Болдырев, 2021], а также концептуальной системы в целом как явления, создающего актуальное на данный момент конструирование событий и референтов [Кубрякова, 2012].

Группы параметров, выявляющие особенности сохранения и модификации информации, сформировались благодаря различным исследованиям в области когнитологии, например, концепциям анализа дискурса при установлении стратегий, категорий, механизмов интерпретации [Демьянков, 1989; Graumann, Kallmeyer, 2002]; конструирования события в дискурсе [Vandelanotte, Dancygier, 2017; Iriskhanova, Cienki, 2018]; фокусирования и распределения внимания [Dancygier, Sweetser, 2015; Wårwik, 2004; Ирисханова, 2014]; конструирования события в драматургическом дискурсе; методам исследования гетеросемиотических единств [Киосе, 2021]; параметризации дискурса [Зыкова, Киосе, 2020]. Кроме этого значимую роль играют исследования в области психологии и социологии, в частности, референциальной отнесенности ответов респондентов и характеристики индивидуума посредством анализа речевого поведения и самих методик организации психолингвистического эксперимента.

Целью настоящей работы является уточнение состава концептуальных компонентов анализируемых когнитивных категорий субъекта, события и перспективы при вторичной интерпретации дискурса из его письменной формы в устную.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Методика определения сохраненной и модифицированной информации в речи респондентов-участников окулографического эксперимента включает несколько этапов.

Первый этап – проведение окулографического эксперимента (в нем участвовали 18 человек возрастом 19–28 лет), которым вначале были предоставлены два пробных стимульных текста – отрывки из классических драматургических произведений «Горе от ума» А. С. Грибоедова и «Вишневый сад» А. П. Чехова, и впоследствии – четыре стимульных текста – фрагменты из драматургических произведений современных российских авторов «Воспоминание» А. Н. Арбузова, «Квартирант» А. В. Вампилова, «Уроки музыки»

Л. С. Петрушевской, «Биография» Л. Н. Разумовской. Данный окулографический эксперимент включает в себя оценку двух компонентов: глазо двигательного поведения в ходе восприятия информации и модификаций исходного типа дискурса. Результаты анализа глазо двигательных реакций при интерпретации зон интердискурсивных переключений изложены в [Izmalkova, Rzheshhevskaya, 2022]. Настоящее исследование представляет результаты анализа второго компонента (модификаций исходного дискурса при вторичной интерпретации).

На втором этапе осуществляется параметрический анализ речевых фрагментов на основе указанных выше теорий конструирования с опорой на три группы параметров. К первой группе – модификация участника и / или объекта – относятся параметры:

полное имя участника (персонажа) (код 101), неполное имя персонажа (код 102), модификации в имени персонажа (103), лексема с более широким значением (104), лексема с более узким значением (105), название другого имени персонажа (106), название роли персонажа в тексте (107), название другого ракурса персонажа (108), не название персонажа (109); точное название объекта (201), модификации в названии объекта (202), не название объекта (203); точное название действия (301), обобщенная информация о действии (302), не название действия (303), дополнение к действию (304).

Вторая группа – модификация события – представлена следующими параметрами:

точное название события (401), неточное название события (402), обобщение информации о событии (403), детализация информации о событии (404), не название события (405); точное указание характеристики (501), модификация характеристики (502), обобщенная характеристика (503), детализация характеристики (504), неполная характеристика (505), не название характеристики (506); точное упоминание в речи даты / дня недели / времени года (701), неточное упоминание даты / дня недели / времени года (702); точное название места события или действия (801), неточное название места (803).

Третья группа – модификация перспективы – включает в себя такие параметры, как:

субъективация (901), объективация (902), интерсубъективация (903), рассказ в настоящем времени (601),

рассказ в прошедшем времени (602), точная цитата из стимульного текста (603), неточная цитата (604).

Общее количество параметров аннотирования речи респондентов составляет 38 единиц. Как можно заметить, система включает в себя параметры, описывающие три типа модификаций:

- 1) отсутствие модификаций;
- 2) отсутствие исходных компонентов в речи;
- 3) собственно трансформации исходного содержания дискурса.

Для настоящего исследования особый интерес представляют именно трансформации исходного содержания.

Третий этап связан с определением единицы анализа. Драматургический дискурс может быть условно разделен на макро- и микродискурсивные единицы, макроединица представляет собой акт пьесы, в то время как микроединица является репликой персонажа или автора. Выбор единицы анализа обусловлен сменой участников коммуникативного акта, времени и места.

На четвертом этапе осуществляется параметрический анализ микро дискурсивных единиц. Для данного исследования были отобраны фрагменты десяти пьес современных российских драматургов общим объемом 44 244 знаков, среди которых «Воспоминание» А. Н. Арбузова, «Квартирант» А. В. Вампилова, «В день свадьбы» В. С. Розова, «Мать Иисуса» А. М. Володина, «Уроки музыки» Л. С. Петрушевской, «Картина» В. И. Славкина, «Биография» Л. Н. Разумовской, «Анна Ивановна» В. Т. Шаламова, «Ремонт» М. М. Рощина, «Свет который в тебе» А. И. Солженицына. Каждое произведение было проанализировано на предмет установления особенностей параметрической активности дискурса автора и дискурса персонажей в современном драматургическом дискурсе (см. подробнее в: [Ржешевская, 2021а]).

На пятом этапе с помощью статистического анализа полученных данных в отношении частотности проявлений параметров отбираются стимульные фрагменты для эксперимента. Основное требование к ним заключается в том, что они должны демонстрировать разные возможности конструирования дискурса. Отобранные макро и микро дискурсивные единицы были проаннотированы и статистически обработаны с помощью программы HETEROSTAT [Киосе, Ефремов, 2020]. Результатом статистического анализа материала исследования стало выявление фрагментов драматургического дискурса с наиболее и наименее проявленной параметрической активностью (см. подробнее в: [Ржешевская, 2021б]).

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СОХРАНЕНИЯ И МОДИФИКАЦИИ ИНФОРМАЦИИ В РЕЧИ РЕСПОНДЕНТОВ

Шестой этап сопряжен с анализом речи респондентов-участников окулографического эксперимента для выявления сохранившейся и модифицированной информации в исходном и модифицированном типах дискурса. Рассмотрим в качестве примеров фрагменты исходного и модифицированного типов дискурса в четырех стимульных текстах. Последовательное представление фрагментов позволяет обосновать значимость выделенных параметров модификации.

Исходный дискурс (1):

Сцена представляет собой большую комнату в квартире Гавриловых. Чисто, прибрано, хотя на всем лежит печать недостаточности. В углу работает телевизор. Гавриловы – Граня, Нина, Витя – смотрят телевизор. Звонок. Витя срывается открывать: «Кто там?». **Женский голос.** Открой, детка, открой. Это я. Нина открывает дверь, долго смотрит, затем впускает соседку Анну Степановну. Анна Степановна – маленькая, сухая женщина, работает ночным сторожем и поэтому днем всегда свободна. Она в переднике, с закатанными рукавами. Лицо ее выражает глубокое горе. **Анна Степановна.** (*в пространстве*). Что же это делается, а? Разлегся, боров немыйтый, а? Надо милицию срочно вызывать. Позвонить по автомату. (*Обращается к Гране.*) Девочка-то спит? **Граня.** Спит вроде. (*На лице Граня все время слабая улыбка.* Это высокая, худая, кроткая женщина с сережками, с металлическими зубами. Она говорит тихо даже в минуты волнения.) **Анна Степановна.** Что за ребенок, что за ребенок золотой! А? у меня такой только первый был, Гена: наестся и спит, как бутуз. Все говорили: бутуз и бутуз. А твоя Галька – тоже откуда что взялось: вроде отец (*осторожно показывает головой на входную дверь*) худущий, одни стропила. Ваши тоже, Гавриловские, худые.

Модифицированный дискурс:

Здесь происходит встреча. Соседка приходит в гости к Гавриловым, это семья...э ...и они разговаривают о детях, потому что соседка интересуется как дочка, это Галя, о которой дальше идет речь, как она ся чувствует, она ее хвалит... эм... она явно плохо относится к отцу семейства, потому что он ничего не делает... а... вот, она худая женщина...э в то время мать, с которой ведет разговор, это робкая женщина, тоже худощавая, с металлическими зубами, говорит довольно тихо, ну и в общем, да они обсуждают детей и соседка говорит о том, как вот по сравнению с ее

дочкой, которая тихая э такая вся хорошая ее э сын любит э похулиганить.

Данный образец демонстрирует сохраненную и модифицированную информацию через параметрическую активность в модифицированном дискурсе. Например, сохранение информации наблюдается в назывании полного имени персонажа (*Галя, Гавриловы*), модификация информации проявляется в использовании леммы с более широкой семантикой (*это семья*), отсутствии упоминания субъекта в речи, в назывании субъекта по роли в тексте (*соседка*), генерализации информации о событии (*здесь происходит встреча*), модификации характеристики персонажа Анны Степановны (*худая женщина вместо маленькая, сухая женщина*), неполной характеристики персонажа Граня (*робкая женщина, тоже худощавая, с металлическими зубами, говорит довольно тихо*), модификации в характеристике персонажа Гены (*любит похулиганить*).

Рассмотрим следующий фрагмент.

Исходный дискурс (2):

Софья Васильевна. Нет, совершенная ерундистика... На днях, например, он сел за обеденный стол, забыв снять головной убор. Представляете, Шурочка, сидит в шляпе и ест макароны! Я обомлела, когда вошла. *Все смеются еще сильнее.*

Кира. Вчера пытался есть суп вилкой! (*Она сидит у пианино, сыграла несколько тактов очень шуточной музыки.*)

Остальные продолжают смеяться.

Шурочка. Владимир Евгеньевич? Вилкой суп...

Софья Васильевна. Но ведь в шляпе. В шляпе – заметьте! Отец семейства сорока пяти лет!

Снова взрыв веселья.

Люба. А в четверг – ну, ей-богу, ну, клянусь – сидел в кресле и минут пятнадцать внимательнейшим образом держал газету вверх ногами... и перелистывал ее! Он был убежден, он предполагал, что ее читает. *Опять все долго смеются.*

Модифицированный дискурс:

Один человек играет на пианино, все рассказывают веселую шутку, говорят, сначала смеются над тем, что человек сидел в шляпе за столом, представьте себе в шляпе, потом говорят, что он в другой день ел суп вилкой, в промежутках между первым там действием все смеются, играет шуточная музыка, ел вилкой, потом добавляют, что снова, да и заметьте в шляпе отец семейства сорока пяти лет, что в другой день он вообще сидел читал газету вверх ногами и полагал, что он ее читает.

Приведенный в качестве примера дискурс респондента обнаруживает следующую параметрическую активность, указывающую на модификацию информации по сравнению с исходным дискурсом: употребление лексемы с более широкой семантикой (*один человек*), обобщение информации о событии, неточности в указании события (*все рассказывают веселую шутку, говорят*). Сохранение информации обнаруживается в употреблении цитаты из исходного дискурса (*ел суп вилкой, представьте себе в шляпе, заметьте в шляпе отец семейства сорока пяти лет, читал газету вверх ногами и полагал, что он ее читает*).

Обратимся к фрагменту (3).

Исходный дискурс (3):

«МАТЬ (нервно). У меня не было молодости. У нас ни у кого ее не было. Нашу молодость украла война, вши съели, окопы. В семнадцать лет девчонками ушли мы на фронт. Боже мой, что мы знали о войне, о жизни? Что понимали? Ехали на фронт весело, с песнями, как на праздник. А потом нас стали убивать. Всех. Подряд. Столько полегло наших, что у нас обуглились рты и засохли глаза, и мы уже не плакали, а лишь убивали в ответ. О, как мы их убивали! До Берлина!.. Но не только ненавистью мы жили, нет. И шуткой, и песней, и радостью, и любовью. Да, да, любовью. Скольких людей перетасовала война, сколько романов прошло на наших глазах. Как мы любили! И как мы были горды и чисты! Когда Василий Пермяков, красавец, сибиряк, черноволосый и белозубый, с которым у меня была любовь, захотел остаться у меня на ночь перед отправкой на передовую, я сказала ему: «Нет!» Хотя он плакал и говорил, что возможно его завтра убьют. Но я сказала ему «нет», и когда я узнала, что через два дня он погиб в атаке под деревней Обуховка, я не раскаялась!

ДОЧЬ (усмехаясь). Мать считает себя гордой, а сама родила меня внебрачно, да еще от однорукого, которого, как говорит, пожалела.

МАТЬ (задумчиво). Да, пожалела... Его я пожалела. Правда, потом я всю жизнь проклинала себя за тогдашнюю свою жалость.

Пауза. (С тоской.) Добрый он, хороший... Ах, кабы не был он таким добрым, мне б легче было.

Модифицированный дискурс:

Мать рассказывает о молодости ее поколения, приведенном на фронте, утверждает, насколько чистым и нравственным было ее поколение несмотря на ужасы войны, на что дочь, неодобрительно ухмыляясь, указывает на некоторые нравственные моменты... на некоторые моменты ее биографии, которые можно истолковать неоднозначно.

Данный образец речи одного из респондентов иллюстрирует модификацию информации в действии таких параметров как: обобщение информации о событии (*рассказывает о молодости ее поколения, проведенном на фронте, насколько чистым и нравственным было ее поколение, указывает на некоторые моменты ее биографии, которые можно истолковать неоднозначно*), неточная цитата (*неодобрительно ухмыляясь*).

Приведем пример модификации в отношении фрагмента (4).

Исходный дискурс (4):

Действие начинается в начале осени, в тихий предвечерний час, в большом современном городе. Под черемухой, сидя на скамейке и двух вынесенных из дома стульях, расположились Габудулин, Михалев, Варя и Евгения. Видно, что они только что напились чаю, и теперь – чайник, стаканы, хлеб и все прочее для чаепития сдвинуты на край стола – заняты игрой в карты. Суббота, суббота – хороший вечерок. Песенка Варя подбрасывает карты, Михалев отбивается.

ЕВГЕНИЯ. (Варе). Дай ему, дай!.. Так!.. Еще!

ВАРЯ. Все.

МИХАЛЕВ. Бито.

ЕВГЕНИЯ. Думаешь? Ошибаешься! (Бросает карту.)

МИХАЛЕВ. Навалились. (Кроет.)

ЕВГЕНИЯ. (Варе). Есть?

ВАРЯ. Нету. (Зевает.)

МИХАЛЕВ. Бито.

Модифицированный дискурс:

На скамейке под черемухой четыре человека, два мужчины, две женщины, э они попили чаю, сдвинули на край стола э все все стаканы и так далее, и мы узнаем что они играют в карты, э на улице суббота, они играют в карты и в основном кричат «бито», «крою», э «больше нету», диалог состоит из коротких фраз, где они обсуждают карточную игру.

Проиллюстрированный пример речи респондента позволяет выявить следующие типы модификации информации: употребление лексемы с более широкой семантикой (*четыре человека*), обобщение события (*диалог состоит из коротких фраз, где они обсуждают карточную игру*). Сохранение информации соблюдается в использовании цитат из исходного дискурса (*Бито*), детализированной характеристики (*под черемухой, на скамейке*), точном назывании дни недели (*суббота*).

Как показал проведенный анализ двух типов дискурса (исходного и модифицированного), основными параметрами сохранения информации

в речи респондентов выступают параметры группы субъект (называние полного имени субъекта); параметры группы действие (точное название действия); параметры группы перспектива (точные цитаты из исходного дискурса). Кроме этого, к наиболее частотным параметрам, характеризующих речь респондентов, относятся не название субъекта, отсутствие объекта в речи, не название действия, не название события, отсутствие в речи параметров характеристики (см. рис. 1).

Интересным, на наш взгляд, становится исследование не столько отсутствия в речи респондентов упоминания субъекта, его действия или характеристики, сколько присутствия в речи респондентов параметров, иллюстрирующих модификацию информации по сравнению с исходным дискурсом. Статистический анализ параметрической частотности с намеренно опущенными параметрами не названия субъекта, объекта, действия и характеристики позволяет обнаружить следующие основные модификации в речи респондентов в параметрах группы субъект (40 %): употребление лексики с более широкой семантикой, модификация в имени персонажа, название роли субъекта по тексту; параметры группы действие (35,3 %): генерализация информации о действии; параметры группы перспектива (9,6 %): объективация, нарратив в настоящем времени; параметры группы характеристика (4,4 %): генерализация информации о событии. Примечательным становится активная проявленность такого параметра как «употребление грамматических категорий настоящего времени в ответе респондента»,

которая указывает на влияние формата исходного драматургического дискурса на модифицированный дискурс респондента. Так, преобладание форм настоящего времени в авторских ремарках стимульных текстов способствует дальнейшему формированию пространственно-временной системы координат респондентов в соответствии с заданными координатами представленного отрывка пьесы. Это находит отражение в употреблении респондентами грамматических форм настоящего времени, дейктических единиц (в частности, *здесь*), а также когнитивных параметров субъективации и интерсубъективации, свидетельствующих об отождествлении времени и места нахождения респондента, а также его перспективы с теми, что представлены в стимульном фрагменте (см. рис. 2).

Кроме параметров, устанавливающих сохранение и модификацию информации в модифицированном дискурсе, мы также обратили внимание на сопряженность (совместное присутствие) параметрической активности, определяющей сочетаемость параметров в модифицированном дискурсе. Обратимся к примерам:

1. Действие происходит в большом городе, но при этом, насколько я поняла, несколько друзей, пьют чай на улице и играют в карты. Заключается отрывок диалогом, где они просто играют в карты.

В данном фрагменте модифицированного дискурса сопряженными параметрами являются субъективация (*насколько я поняла*), объективация,

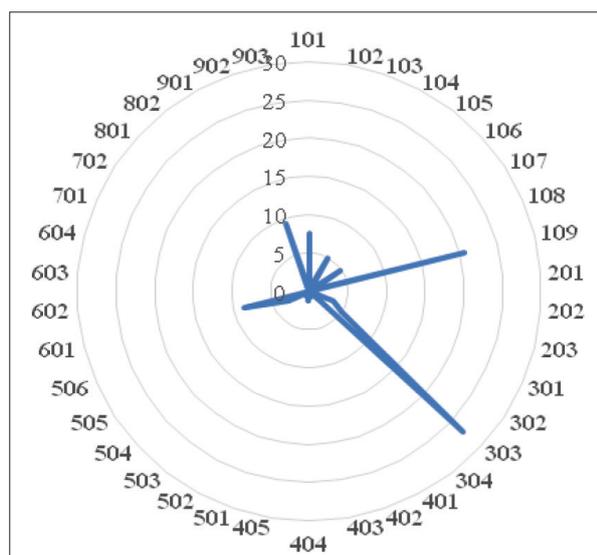


Рис. 1. Параметрическая активность модифицированного дискурса

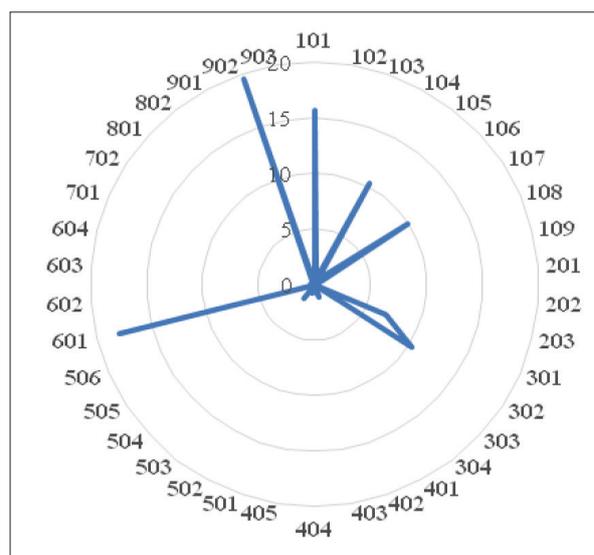


Рис. 2. Параметры модифицированного дискурса, отражающие проявленность модификаций

обобщение информации о событии, точное название места действия (*в большом городе*), название ракурса субъекта (*несколько друзей*), точное название действия (*пьют чай на улице, играют в карты*).

2. «Здесь сцена с несколькими девушками, Шурочка, Кира, Люба. Они обсуждают мужчину, который делает разные нелепые вещи, например, ест суп вилкой или читает газету вверх ногами. И вот они обсуждают этого человека и смеются над ним.

Сопряженные параметры в данном примере модифицированного дискурса это – объективация, использование лексемы с более широким значением (*мужчину, человека*), название полного имени субъекта (*Шурочка, Кира, Люба*), обобщенное названия действия (*делает разные нелепые вещи*), точное название действия (*ест суп вилкой, читает газету вверх ногами*).

3. Это разговор матери и дочери. Мать рассказывает о своей юности, молодости, о войне, и рассказывает о...отце своей дочери.

Сопряженные параметры в указанном отрывке: объективация, обобщение информации о событии (*разговор матери и дочери*), генерализация информации о действии (*мать рассказывает о своей юности, молодости, о войне, отце своей дочери*), название роли субъекта по тексту.

4. Мы по тексту находимся в квартире семьи Гавриловых, к ним приходит соседка, в разговоре обе женщины жалуются на мужчин, не совсем понятно, я так понимаю, что один из них приходится наверное мужем, другой непонятно. В общем, они обсуждают, осуждают мужчин, то, что они объелись, лежат и так далее.

Данный пример выявил следующие сопряженные параметры: объективация, интерсубъективация (*мы по тексту находимся*), лексема с более широкой семантикой (*семьи Гавриловых*), название роли субъекта по тексту (*соседка*), точное название места действия (*в квартире семьи Гавриловых*), неточная информация о событии (*обе женщины жалуются на мужчин; осуждают мужчин, то, что они объелись, лежат и так далее*).

Сопряженность параметров в речи респондентов позволяет охарактеризовать как общие (например, склонность к генерализации информации о событии или действии), так и индивидуальные

особенности конструирования образов субъектов, событий и перспективы во вторичной интерпретации референтов (в частности, сочетание обобщенной и детализированной информации о событии, месте действия, характеристики субъекта, отождествление референта с происходящим событием посредством интерсубъективации и объективации в дальнейшем нарративе о событии и его участниках).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вторичное конструирование образов участников событий и самих событий в дискурсе респондентов представляет собой многоаспектный процесс построения и наполнения новыми характеристиками когнитивных категорий *субъект, событие, перспектива*. Несмотря на то, что художественный (в частности, драматургический) дискурс подразумевает большое количество индивидуальных интерпретаций, анализ модифицированного дискурса устанавливает сходство интерпретации указанных в исходном дискурсе событий, участников и как следствие схожие схемы конструирования образов данных событий, участников и перспективы в речи респондентов.

Проведенное исследование позволяет сделать выводы о значимости разработанного поэтапного алгоритма выявления сохраненной и модифицированной информации в устной интерпретации референтов исходного дискурса, а также роли параметров групп субъект, действие, характеристика, которые не только способствуют и дополняют процесс конструирования образов субъектов, объектов событий и перспективы в речи респондентов, но и оказывают влияние на модификацию названных когнитивных категорий. Результатом исследования стало уточнение роли когнитивных категорий субъекта, события, перспективы при вторичной интерпретации дискурса. Так, в дополнение к компонентам, описанным в работах [Graumann, Kallmeyer, 2002; Wårwik, 2004; Кубрякова, Петрова, 2012; Ирисханова, 2014] значимыми оказались такие компоненты параметров как «название неполного имени», «не название характеристики», «модификации в имени», «не название имени», «использование лексемы с более широкой / узкой семантикой», «название роли субъекта по тексту», «название другого ракурса субъекта», «не название объекта», «не название события», «неполная характеристика», «не название характеристики», «дополнение информации о действии», «искажение информации о событии», «генерализация информации о событии».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Болдырев Н. Н. Грамматические схемы вторичной интерпретации мира // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021. № 4. С. 22–35.
2. Verhagen A. Construal and perspectivization. The Oxford handbook of cognitive linguistics / Eds. D. Geeraerts, H. Cuycckens. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 48–81.
3. Talmy L. Attention phenomena. The Oxford Handbook of cognitive Linguistics. D. Geeraerts, H. Cuycckens (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 264–293.
4. Ирисханова О. К. О понятии перспективизации в когнитивной лингвистике // Когнитивные исследования языка. Вып. XV. Механизмы языковой когниции. Москва-Тамбов: Ин-т языкознания РАН, Издательский дом ТГУ имени Г. Р. Державина, 2013. С. 43–58.
5. Кубрякова Е. С. К проблеме ментальных репрезентаций. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: Знак. 2012. С. 95–113.
6. Демьянков В. З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты моделирования на ЭВМ. М.: Издательство Московского университета, 1989.
7. Graumann C. F., Kallmeyer W. (eds.). Perspective and perspectivation in discourse. Amsterdam: John Benjamins Publishing company, 2002.
8. Vandelanotte L., Dancygier B. Multimodal artefacts and the texture of viewpoint // Journal of Pragmatics. 2017. P. 1–9.
9. Iriskhanova O. K., Cienki A. The semiotics of gestures in cognitive linguistics: Contribution and challenges // Issues of cognitive linguistics. 2018. Vol. 4. P. 25–36.
10. Dancygier B., Sweetser E. (eds.). Viewpoint in Language: A Multimodal Perspective. Cambridge: Cambridge University Press. 2015.
11. Wårvik B. What is foregrounded in narratives? Hypotheses for the cognitive basis of foregrounding // Approaches to Cognition through Text and Discourse / T. Virtanen (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2004. P. 99–122.
12. Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014.
13. Киосе М. И. Секреты интерпретации текста и изображения. Конструирование и окулографический эксперимент. М.: Р. Валент, 2021.
14. Зыкова И. В., Киосе М. И. Параметризация лингвистической креативности в междискурсивном аспекте: кинодискурс vs. дискурс детской литературы // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 2. С. 26–40.
15. Izmalkova A. I., Rzheshesvskaya A. A. Graphological and semantic foregrounding as affecting gaze and speech of impulsive and reflective readers // Languages and Modalities. 2022. Vol. 2. P. 19–26. DOI 10.3897/lamo.2.78721
16. Ржешевская А. А. Модификации дискурса в речи респондентов: алгоритм оценки (на примере драматургического дискурса). Когнитивные исследования языка. 2021а. № 4 (47). С. 137–147.
17. Киосе М. И., Ефремов А. А. HETEROSTAT. Программа HETEROSTAT комплексного расчета параметров дискурса. Дата регистрации: 21.09.2020. Государственный номер регистрации: 2020661240.
18. Ржешевская А. А. Оценка вариативности конструирования современного драматургического дискурса. Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021б. № 2 (844). С. 50–59.

REFERENCES

1. Boldyrev, N. N. (2021). Grammar schemes of secondary interpretation of world. Issues of cognitive studies, 4, 22–35. (In Russ.)
2. Verhagen, A. (2007). Construal and perspectivization. In D. Geeraerts, H. Cuycckens (eds.), The Oxford handbook of cognitive linguistics (pp. 48–81). Oxford: Oxford University Press.
3. Talmy, L. (2007). Attention phenomena. In D. Geeraerts, H. Cuycckens (eds.), The Oxford Handbook of cognitive Linguistics (pp. 264–293). Oxford: Oxford University Press.
4. Iriskhanova, O. K. (2013). On the notion of perspectivization in cognitive linguistics. Cognitive studies of language. XV. Mechanisms of language cognition (pp. 43–58). Moscow–Tambov: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Derzhavin Tambov State University. (In Russ.)
5. Kubryakova, E. S. (2012). K probleme mentalnyh reprezentatsij, V poiskah suschnosti yazyka = On the problem of mental representations. In Kognitivnie issledovaniya (pp. 95–113). Moscow: Znak. (In Russ.)

6. Demyankov, V. Z. (1989). Interpretatsia, ponimanie i lingvisticheskie aspekty modelirovaniya na EVM = Interpretation, understanding and linguistic aspects of modelling at EVM. Moscow: Moscow University Press. (In Russ.)
7. Graumann, C. F., Kallmeyer, W. (eds.), (2002). Perspective and perspectivation in discourse. Amsterdam: John Benjamins Publishing company.
8. Vandelandotte, L., Dancygier, B. (2017). Multimodal artefacts and the texture of viewpoint. *Journal of Pragmatics*, 1–9.
9. Iriskhanova, O. K., Cienki, A. (2018). The semiotics of gestures in cognitive linguistics: Contribution and challenges. *Issues of cognitive linguistics*, Vol. 4, 25–36.
10. Dancygier, B., Sweetser, E. (eds.), (2015). *Viewpoint in language: A multimodal perspective*. Cambridge: Cambridge University Press.
11. Wårvik, B. (2004). What is foregrounded in narratives? Hypotheses for the cognitive basis of foregrounding. In T. Virtanen (ed.), *Approaches to Cognition through Text and Discourse* (pp. 99–122). Berlin: Mouton de Gruyter.
12. Iriskhanova, O. K. (2014). Igri fokusa v jazike. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniia = Focus play in language. *Semantics, syntax and pragmatics of focusing*. Moscow: Jaziki slavjanskoi kulturi. (In Russ.)
13. Kiose, M. I. (2021). Sekrety interpretaci teksta i izobrazheniya. Konstruirovanie i okulograficheskij eksperiment = Secrets of Text and Image Interpretation. Construal Operations and Oculographic Experiment. Moscow: R. Valent. (In Russ.)
14. Zyкова, I. V., Kiose, M. I. (2020). Parametric analysis of linguistic creativity in the interdiscursive aspect: cinema discourse vs. discourse of literature for children). *Issues of cognitive linguistics*, 2, 26–40. (In Russ.)
15. Izmalkova, A. I., Rzheshhevskaya, A. A. (2022). Graphological and semantic foregrounding as affecting gaze and speech of impulsive and reflective readers. *Languages and Modalities*, 2, 19–26. 10.3897/lamo.2.78721
16. Rzheshhevskaya, A. A. (2021a). Featuring drama discourse: an algorithm of the assessment of discourse modifications in speech. *Cognitive studies of language*, 4 (47), 137–147. (In Russ.)
17. Kiose, M. I., Efremov, A. A. (2020). HETEROSTAT software. Registered in FIPI 21.09.2020, registration number 2020661240.
18. Rzheshhevskaya, A. A. (2021b). Variance assessment in the construal of contemporary drama discourse. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2(844), 50–59. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ржешевская Анастасия Алексеевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и перевода
Института международных образовательных программ
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rzheshhevskaya Anastasia Alekseevna

PhD (Philology), Assistant Professor at the Department of Foreign Languages and Translation,
Institute of International Educational Programmes, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 29.11.2021
одобрена после рецензирования 20.12.2021
принята к публикации 27.01.2022

The article was submitted 29.11.2021
approved after reviewing 20.12.2021
accepted for publication 27.01.2022

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ: ЖЕНЩИНЫ В ИСТОРИИ ЛИНГВИСТИКИ

Научная статья
УДК 81(091), 81'374.221
DOI 10.52070/2542-2197_2022_2_857_74



Женщины в британской лингвистике XVIII века: Э. Л. Трейл Пьоцци, автор словаря синонимов английского языка

Н. Н. Германова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, nata-germanova@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется вклад Э. Л. Трейл Пьоцци в британскую лексикографию XVIII века. Автор рассматривает принципы составления словника и способы толкования слов в ее словаре «Британская синонимия». Подчеркивается связь Э. Л. Трейл Пьоцци с группой Синих Чулок, определившая ее стремление использовать словарь синонимов для выработки у читателей «элегантного» стиля, уместного в светской беседе, что способствовало развитию разговорно-литературного варианта английского языка.

Ключевые слова: женщины-лингвисты, британская лексикография, словарь синонимов, Эстер Линч Трейл Пьоцци, Общество Синих Чулок

Для цитирования: Германова Н. Н. Женщины в британской лингвистике XVIII века: Э. Л. Трейл Пьоцци, автор словаря синонимов английского языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2 (857). 74–80. С. DOI:10.52070/2542-2197_2022_2_857_74

Original article

Women in the Eighteenth-Century British Linguistics: H. L. Thrale Piozzi and Her Dictionary of Synonyms of the English Language

Natalia N. Guermanova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, nata-germanova@yandex.ru

Abstract. The article analyses the contribution of H. L. Thrale Piozzi, the author of 'British synonymy', to 18th-century British lexicography. The choice of words and the structure of entries in the dictionary are discussed. The author also focuses on Piozzi's connections with the Blue Stocking Society, which determined her attempt to use her dictionary as a means of acquainting her readers with the "elegant" conversational style of the genteel society, promoting the development of the oral form of Standard English.

Keywords: female linguists, British lexicography, dictionary of synonyms, Hester Linch Thrale Piozzi, Blue Stocking Society

For citation: Guermanova, N. N. (2022). Women in the Eighteenth-Century British linguistics: H. L. Thrale Piozzi and her dictionary of synonyms of the English language. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities. 2 (857), 74–80. 10.52070/2542-2197_2022_2_857_74

ВВЕДЕНИЕ. ЭСТЕР ЛИНЧ ТРЕЙЛ ПЬОЦЦИ: СУДЬБА И ТВОРЧЕСТВО

Женский вклад в лингвистическую науку прошлых столетий остается в истории языкознания в большой степени недооцененным [Радченко, 2021]. Во многом это объясняется тем, что общественное положение женщин не позволяло им в полной мере раскрыть свои исследовательские способности, так что нередко их роль сводилась к поддержке и помощи лингвистам-мужчинам. Чтобы ввести имена этих женщин в лингвистическую историографию, О. А. Радченко предлагает термин «литофаническая историография»: она должна восстановить «неявную, скрытую, негласную историю того, как удалось классикам стать таковыми, кто был соавтором их научного успеха» [Радченко, 2021, с. 44]. Однако были и женщины, оставившие в истории лингвистики свой собственный, порой весомый след – авторы словарей, грамматик, научных сочинений (обзор работ женщин-лингвистов см. в «Women in the History of Linguistics» (2021)).

В истории британской лингвистики эпохи Просвещения такой женщиной была Эстер Линч Трейл, во втором замужестве – Эстер Линч Пьюцци (1741–1821). Ее имя должно занять достойное место в истории британской лексикографии XVIII века: в качестве близкого друга знаменитого лексикографа Сэмюэля Джонсона она является частью литофанической истории; как автор оригинального словаря синонимов английского языка она внесла свою собственную лепту в становление британской словарной традиции.

Эстер Трейл Пьюцци была женщиной, по оценкам многих, не просто яркой, но экстравагантной, готовой нарушать установленные правила своего социального круга. Ее принято относить ко второму поколению движения Синих Чулок. Дружба с леди Монтагю, главой первого поколения этого своеобразного женского «клуба», длившаяся до ее второго скандального замужества, позволила ей стать своего рода связующим звеном между двумя поколениями женщин, входивших в круг Синих Чулок. Как и другие представительницы этого неформального сообщества, она была хорошо образована, знала несколько иностранных языков, как живых, так и мертвых, занималась литературной практикой, поддерживала дружбу с выдающимися людьми своего времени, была покровительницей людей искусства.

Выйдя замуж за богатого владельца пивоварни, Эстер Трейл родила двенадцать детей.

Материнские обязанности не помешали ей стать хозяйкой популярного салона, завсегдатаями которого были, в числе прочих, художник Джошуа Рейнольдс, актер Давид Гэррик, композитор Чарльз Берни и, самое главное, литературный критик и будущий автор толкового словаря английского языка Сэмюэль Джонсон. Последний подолгу жил у нее в доме; дружба с молодой обаятельной женщиной благотворно сказывалась на его психическом здоровье, помогая бороться с мучавшими его приступами депрессии.

Однако после смерти мужа вместо того, чтобы, как ожидали многие, выйти замуж за Самуэля Джонсона, Эстер Трейл отдала предпочтение учителю музыки своих дочерей – певцу и композитору Габриэлю Пьюцци, вышла за него замуж и уехала жить в Италию. Британское общество было шокировано ее поступком и практически все социальные связи с прежними друзьями и знакомыми были оборваны. Впрочем, когда семья Пьюцци вернулась в 1787 году в Англию, Эстер Пьюцци удалось восстановить свое положение в свете и стать хозяйкой нового популярного светского салона.

Всю свою жизнь Э. Л. Трейл Пьюцци вела активную литературную деятельность. Ее первой публикацией стали мемуарные «Истории из жизни покойного Сэмюэля Джонсона, доктора права, в течение последних двадцати лет его жизни» («Anecdotes of the late Samuel Johnson, LL.D., during the last Twenty Years of his Life», 1784). В 1787 году она опубликовала свою переписку со знаменитым лексикографом («Letters to and from the late Samuel Johnson, LL.D.»). За этой публикацией последовали заметки о путешествиях во Францию, Италию и Германию («Observations and Reflections Made in the Course of a Journey through France, Italy and Germany» (1789)). Словарь «Британская синонимия, или попытка регулировать выбор слов в обычной беседе» [Piozzi, 1794], являющийся предметом рассмотрения в данной статье, был опубликован в 1794 году. Последней прижизненной публикацией (1801) стал обзор событий исторического характера («Retrospection: or a Review of the most striking and important Events, Characters, Situations, and their Consequences which the last eighteen hundred years have presented to the Views of Mankind»). В 1951 году были опубликованы дневники Эстер Линч Трейл Пьюцци, написанные в характерном для автора беллетристическом стиле («Thraliana: the Diary of Mrs Hester Lynch Thrale» (later Mrs Piozzi)).

«БРИТАНСКАЯ СИНОНИМИЯ, ИЛИ ПОПЫТКА РЕГУЛИРОВАТЬ ВЫБОР СЛОВ В ОБЫЧНОЙ БЕСЕДЕ»: ОЧЕНЬ «ЖЕНСКИЙ» СЛОВАРЬ

Хотя хронологически словарь синонимов Эстер Линч Пьюцци¹ «British synonymy, or, An attempt at regulating the choice of words in familiar conversation» (1794) был вторым словарем синонимов английского языка, его по праву можно назвать первым оригинальным словарем этого рода. Дело в том, что первый словарь английских синонимов «Difference between Words Esteemed Synonymous in the English Language» (1766), принадлежавший перу Дж. Траслера, был откровенным подражанием словарю синонимов французского языка Г. Жирара, вплоть до того, что многие словарные статьи словаря Траслера были, фактически, переводом соответствующих статей из французского словаря.

Словарь Э. Л. Пьюцци, напротив, был самостоятельным и весьма своеобразным, хотя в известной мере любительским сочинением. Он был далек от академических канонов: словарные статьи не строились по определенному плану, в них, по большей части, отсутствовали дефиниции, не указывалась этимология, лексикографическая информация чередовалась с непринужденными рассказами о событиях из жизни автора, а также с литературными и историческими комментариями, стихотворными отрывками и т. п.

Впрочем, все это не было недосмотром автора, а, напротив, входило в ее замысел. Свои цели Э. Л. Пьюцци сформулировала в предисловии к словарю. Они могут несколько разочаровать современных феминисток, готовых записать Э. Л. Пьюцци в свое число. Автор несколько раз подчеркивает, что не претендует на лавры серьезного ученого – эту роль она охотно уступает мужчинам, в частности, аббату Жирару, чей словарь синонимов французского языка [Girard, 1718] заслуживает, с ее точки зрения, наивысших похвал. Однако она выражает надежду, что ее словарь – хотя он и не достоин занять место на книжной полке ученого – поможет читателям выбрать слова в «беседе и элегантно разговорном языке» [Piozzi, 1794, с. II]. Именно в этом, как она полагала, автор-женщина может помочь читателям: «В то время как мужчины учат правильно писать, женщина, по меньшей мере, может быть способна – благодаря долгой

практике – руководить выбором слов в обычной (familiar) речи» [там же].

Слово «обычный» в данном контексте близко по значению к слову «неофициальный»; под «обычной» речью», как следует из дальнейших рассуждений Э. Л. Пьюцци, она понимает непринужденную речь в светском салоне, где особую роль играет «элегантность» выражения. Не претендуя на то, чтобы дать словам дефиниции (возможно, это был с ее стороны сознательный шаг с целью исключить сравнение со словарем С. Джонсона), она предлагает читателям образцы «элегантного» – по крайней мере, с ее точки зрения – употребления близких по значению слов в светской беседе, ибо если дефиниции, как она утверждает, имеют отношение к логике, то «синонимия имеет больше отношения к элегантности, чем к истине» [там же, с. V].

В качестве целевой аудитории автор видела иностранцев, пытающихся поддержать в светских гостиных разговорах на английском языке. По-видимому, это был хороший «маркетинговый» ход: Э. Л. Пьюцци долго жила за границей и могла считаться в кругу своих знакомых знатоком характерных промахов иностранцев, пытающихся говорить на английском языке. Однако, хотя автор не упоминает этого обстоятельства, ее словарь мог быть весьма полезен и тем носителям английского языка, кто только надеялся завоевать место в свете и еще не был искусен в разговорном языке светского салона.

Для того чтобы понять акцент автора на светской беседе, надо учесть тесные связи Э. Л. Трейл Пьюцци с кругом Синих Чулок. Одной из целей этого неформального общества, к которому относились образованные британские дамы с достаточно прогрессивными для того времени взглядами, была организация свободного обмена мнениями в светских салонах, преимущественно на темы культуры и искусства [Eger, 2010, 2013].

Это была не такая тривиальная, как может показаться на первый взгляд, задача. В Великобритании XVIII века возможность женщин участвовать в интеллектуальных дискуссиях была достаточно ограничена. В то время как для британцев XVIII века площадками, где они могли высказывать свои взгляды и участвовать в дебатах, стали кофейни и клубы, женщины должны были довольствоваться семейным и дружеским кругом. Но и в светской гостиной доминировали мужчины, так что дамы не всегда могли принять участие в интеллектуальной беседе и зачастую были вынуждены довольствоваться обсуждением бытовых вопросов в узком женском кругу.

Приемы, которые организовывали представительницы Синих Чулок (Элизабет Монтагю, Элизабет Визи и, несколько позднее, сама Эстер Трейл

¹ Словарь вышел под именем Эстер Линч Пьюцци, в дальнейшем при его обсуждении для обозначения авторства мы будем использовать имя Э. Л. Пьюцци, в других контекстах используется имя «Эстер Трейл Линч Пьюцци»; в контекстах, когда речь идет о периоде первого замужества, используется имя Эстер Трейл.

Пьюцци), были призваны сгладить это гендерное неравенство. На этих приемах в общей беседе принимали участие представители обоих полов; для обсуждения избирались преимущественно литературные темы. Деятельность общества Синих Чулок блестяще доказывала, что уделом женщин могут быть не только пустая болтовня и сплетни, но также интеллектуальный обмен мнениями и литературное творчество (многие представительницы этого общества были успешными литераторами). Сами дамы считали, что им удалось облагородить стиль времяпровождения в светской гостиной, предложив альтернативу «мужским развлечениям» – выпивке, карточным играм и грубому языку.

Таким образом, в XVIII веке ключевая роль в просвещении и интеллектуализации общества отводилась беседе как обмену просвещенными мнениями. О роли беседы для распространения знаний писал такой выдающийся мыслитель, как Д. Юм («Of Essay-Writing», 1741–1742); на страницах журналов «Болтун» («The Tatler») и «Зритель» («The Spectator») пользу беседы обсуждал Дж. Аддисон. Неудивительно, что исследователи нередко называют XVIII век «веком беседы» («the age of conversation») и пишут о просвещенном обществе как о мире тех, кто способен к общению – «the conversable world» (Miller, 2008; Mee, 2011).

Настоящим панегириком беседе стало стихотворение «The Bas Bleu, or Conversation» (1787) Ханны Мор, представительницы второго поколения Синих чулок, которая восторженно называет беседу ‘heav’nly fair’, ‘bliss of life and balm of care’, ‘soft polisher of rugged man’, ‘refiner of the social plan’, ‘noblest commerce of mankind, whose precious merchandize is mind’. Как утверждает Ханна Мор, именно беседа позволяет донести до общества знания, которые в противном случае останутся невостребованными (*the else neglected knowledge, of school, of travel, and of college*) (H. More. *The Bas Bleu, or Conversation*).

Однако такая интеллектуальная беседа требует определенного словесного искусства. Именно это качество Э. Л. Пьюцци обозначила словом «элегантность»; именно этому «элегантному стилю» выражения мыслей она намеревалась научить своих читателей.

Попробуем разобраться, что для Э. Л. Пьюцци могло означать слово «элегантность». Надо заметить, что слова «элегантность» и «элегантный», а также другие прилагательные, отражающие вкусовое эстетическое основание оценки языковых явлений (например, *harsh, harmonious, gracious*) часто встречаются на страницах нормативных сочинений [Германова, 2014]. Так, по данным Янез-Буза, наиболее частотной характеристикой

явления, известного в грамматике как ‘prepositional stranding’, было именно *inelegant* [Yáñez-Bouza, 2008]. Это означает, что в XVIII веке грамматическая правильность и лексическая точность выражения мыслей оценивались, в том числе, и с эстетической точки зрения [Германова, 2018].

Свое понимание слова *elegant* Э. Л. Пьюцци дает в словарной статье BEAUTIFUL, HANDSOME, GRACEFUL, ELEGANT, PLEASING, PRETTY, FINE. Элегантность, как следует из словарной статьи, напрямую связана со вкусом: это слово подходит для тех контекстов, когда «люди *выбирают* (курсив Э. Л. Пьюцци) в качестве приятного (pleasing) то, что дает ход мыслям, наиболее соответствующим нашим собственным особенным идеям» [Piozzi, 1794, с. 37]. Автор поясняет это положение следующим примером: «жемчуг ...считается многими людьми более элегантно, чем бриллианты, хотя мы признаем последние “finer, handsomer и неизмеримо more beautiful”» [там же]. Таким образом, элегантность выражения мыслей в глазах Пьюцци связана с точностью выражения мысли и допускает проявление индивидуальности.

Фактически «Британская синонимия» способствовала становлению разговорно-литературного стиля и воспитанию литературного вкуса. Словарь, помимо комментариев к отдельным лексемам, содержит достаточно пространственные тексты. Некоторые из этих текстов иллюстрируют возможности употребления синонимов, другие выходят далеко за пределы проблематики словаря. Э. Л. Пьюцци выражает свое отношение к политическим событиям, критикует общественные нравы, комментирует произведения античных и современных ей авторов, описывает исторические события, цитирует отрывки из поэтических сочинений. Таким образом, она предлагает читателю не только рекомендации по употреблению отдельных слов, но и образцы изящной словесности. Эти тексты не являются «разговорными» в прямом смысле слова – их отличает обилие слов с отвлеченным значением и сложный синтаксис с большим числом придаточных предложений и оборотов с потенциальной предикативностью. Вероятно, стиль речи в светских салонах был несколько проще, но общее направление – семантическая точность, изящество, легкость выражения, которому читателю предлагалось следовать, – было выражено достаточно четко. О дидактической направленности многих пассажей свидетельствует, в частности, подзаголовок ‘Example’ («Пример»), который во многих статьях предваряет авторские рассуждения, ясно указывающий, что автор предлагает читателям образцы словесного искусства для подражания.

ПРИНЦИПЫ СОСТАВЛЕНИЯ СЛОВНИКА И ТОЛКОВАНИЯ СЛОВ В СЛОВАРЕ Э. Л. ПЬОЦЦИ

«Британскую синонимию» принято считать словарем прескриптивного типа. Однако его анализ демонстрирует, сколь зыбкой является на практике граница между прескриптивизмом и дескриптивизмом. С одной стороны, словарь Э. Л. Пьюцци дает четкие рекомендации по употреблению слов; автор нередко указывает, что допустивший ошибку в выборе слова может быть осмеян аудиторией. С другой стороны, все рекомендации основываются на узусе, так что часто основным аргументом в пользу употребления слова в том или ином контексте оказывается тот факт, что «так принято говорить». Последнее обстоятельство делает словарь ценным источником информации о речевой практике того времени, которая далеко не всегда совпадала с современной (например, как следует из словаря, слово *aweful* имело именно такое написание и означало не «ужасный», а «внушающий благоговение», прилагательное *fine* означало наивысшую степень похвалы, которой мог удостоиться только значимый объект, слово *main* являлось поэтическим обозначением океана и т. п.).

Поскольку словарь Э. Л. Пьюцци не претендует на охват всей лексики английского языка, особый интерес представляют ее принципы отбора слов. Изучение словника показывает, что при отборе доминировал антропоцентрический принцип отбора лексики. В словаре всего 28 словарных статей, описывающих реалии окружающего мира или их свойства (BLAZE, FIRE; GROVE, WOOD, FOREST; HILL, MOUNTAIN, ROCK). Впрочем, даже в этих случаях автор нередко рассматривает такие слова преимущественно в переносном значении, когда они употребляются по отношению к людям и обществу (*an old flame, branch of business*). Так, слова *warmth* и *heat* рассматриваются в начале соответствующей словарной статьи в применении к человеческим чувствам (*the heat of passion, the warmth of affection*); далее автор сравнивает плачущую британскую нацию «теплоту патриотизма», с одной стороны, и «жар демократической ярости» революционной Франции, который «сжег страну дотла», с другой. Сокращение числа слов, отражающих материальные объекты, было присуще уже словарю Г. Жирара, это отличало его труд от словарей трудных слов и тезаурусов прежних эпох, которые ставили целью создать таксономию объектов окружающей реальности [Cowie, 2008, с. 38].

Существенная часть словника «Британской синонимии» включает слова с отвлеченным значением. Широко представлены слова,

обозначающие человеческие качества, прежде всего черты характера, эмоционального состояния и поведения (ср. словарные статьи MALICE, MALICIOUSNESS, MALIGNITY; OSTENTATION, PRIDE, VANITY, SELF SUFFICIENCY; MALAPERT, SAUCY, IMPERTINENT) и, значительно реже, описывающие характеристики внешности и физические движения (PACE, STEP, GAIT, MARCH, WALK). В словаре присутствуют обозначения социального и профессионального статуса людей (например, в словарных статьях KING, SOVEREIGN, MONARCH, PRINCE, DUKE; POET, WRITER, AUTHOR) и слова, характеризующие социально-политические отношения (TYRANNY, OPPRESSION), а также имеющие отношение к творчеству (MELODY, HARMONY, MUSIC; TALE, STORY, NOVEL, ROMANCE). Глаголы, которых в целом немного, в своем большинстве также относятся к сфере человеческих отношений и эмоций (ср. словарные статьи TO ABHOR, TO LOATH, TO DETEST, TO HATE; TO VEX, TO TORMENT, TO PLAGUE, TO HARASS и т. п.).

Как следует из приведенных выше примеров, Э. Л. Пьюцци понимает синонимы – и это сблизает ее словарь с современной традицией – как слова, имеющие нечто общее в семантике. Надо заметить, что в XVIII веке ряд авторов признавал синонимами в полном смысле слова лишь абсолютные синонимы, о чем свидетельствует, к примеру, следующее рассуждение из предисловия Дж. Траслера ко второму изданию его словаря: «мы должны быть разборчивыми со словами, не воображая, что слова, которые называются синонимами, действительно являются таковыми, то есть абсолютно совпадающими по смыслу, и напоминают друг друга как две капли воды» [Trusler, 1783, с. VII]. Аналогичное узкое понимание синонимов находим и у других авторов, в частности, у автора первого европейского словаря синонимов Г. Жирара и автора авторитетной риторики XVIII века Дж. Кэмбелла. Э. Л. Пьюцци, как следует из ее словаря, без всяких оговорок называет синонимами и те лексические единицы, которые в современной лингвистике принято называть стилистическими и семантическими синонимами.

Однако во многих случаях ее понимание синонимии оказывается слишком широким. В ряде случаев речь идет, скорее, о словах, относящихся к одной тематической группе, употребление которых может вызвать затруднение у неискушенного в тонкостях английского языка и быта человека (вспомним, что Э. Л. Пьюцци адресовала свой словарь преимущественно иностранцам). Такова, например, словарная статья KING, SOVEREIGN, MONARCH, PRINCE, DUKE или HOUND, GREYHOUND, HARRIER, TERRIER.

Если воспользоваться современной терминологией, то можно сказать, что в некоторых случаях словарная статья представляет собой своего рода фрейм-сценарий: автор группирует в одной словарной статье слова, которые подходят для описания определенной стереотипной ситуации. Такова, к примеру, словарная статья *ABASEMENT, DEPRESSION, DERELICTION, BEING BROUGHT LOW*. Вместо объяснения разницы между этими словами, автор вставляет их в рассказ: «...вероятно, правильно будет сказать об одной знаменитой даме, чье падение с самого высокого положения в обществе привлекло к себе недавно всеобщее внимание, что хотя она была *brought exceedingly low* в результате странного сочетания неожиданных событий, жестоко страдала от *depression of spirits*, не без частого *dereliction* своих прекрасных способностей, никто до сих пор не мог заметить ни малейшего отклонения в сторону *abatement* в ее полном достоинства характере» [Piozzi, 1794, с. 5].

Как уже отмечалось выше, излюбленным приемом Э. Л. Пьюэци было пояснение различий между синонимами не через дефиниции (или не только через дефиниции), а через контексты их употребления, которые демонстрировали разницу в семантике и, в ряде случаев, стилистической и экспрессивной окраске слов. Например, разница между словами, обозначающими разные оттенки прекрасного, иллюстрируется в словаре следующим образом: по мнению автора, к Пантеону в Риме подойдет определение *fine*, к собору Святого Петра – *beautiful*, к собору Святого Павла в Лондоне – *handsome*, к Церкви Иль Реденторе в Венеции – *elegant*, к Кинз Колледжу в Кембридже – *pretty*, а к красивому дому в Лондоне – *handsome* [там же, с. 39–40]. Следует признать, что в словарной статье *BEAUTIFUL, HANDSOME, GRACEFUL, ELEGANT, PLEASING, PRETTY, FINE* автор не ограничивается примерами, а делает попытку объяснить разницу в употреблении этих прилагательных (например,

pretty подходит для описания некрупных изящных объектов, *handsome* подразумевает положительную, но более сдержанную оценку и т. п.).

Однако в других случаях объяснение сводится к примерам: так, в словарной статье *WAVY, UNDULATING* употребление этих слов иллюстрируется, без дальнейших пояснений, контекстами их употребления (*wavy corn*, но *undulating downs*, *wavy hair*, но *undulating air*). Такой подход отражает ориентацию автора на узус, понимаемый как общепринятая разговорная практика британского светского салона.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вклад Э. Л. Пьюэци в британскую лексикографию остается недооцененным. В своем словаре синонимов она «нащупывает» целый ряд принципов, которые в будущем получат развитие в британской лексикографии. Ее интерес к тонким семантическим различиям – которые автор скорее чувствует, чем может точно определить – получил дальнейшее, уже более академическое развитие в словарях синонимов XIX–XXI веков. Характерное для Пьюэци широкое понимание синонимии, граничащее с идеографическим принципом организации словника, нашло в будущем последовательное отражение в знаменитом «Тезаурусе английских слов и фраз» М. П. Роже (1852). Внимание к контекстам употребления слов, многочисленные текстовые примеры, отличающие словарь Пьюэци, также стали характерной чертой британской лексикографии (хотя другие лексикографы предпочитали цитаты из авторитетных источников). Кроме того, ее словарь является ценным источником информации о разговорной практике британских светских салонов XVIII века, а также, за счет многочисленных рассуждений и комментариев автора – о нравах, моральных установках, политических взглядах и социальных нормах этого времени.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Радченко О. А. Женщины в лингвистике XIX века: к основаниям литофанической историографии науки о языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Москва. 2021. Вып. 9 (851). С. 36–47.
2. Piozzi H. L. *British Synonymy: Or, An Attempt at Regulating the Choice of Words in Familiar Conversation: in 2 Vols.* London: G. G. and J. Robinson, 1794.
3. Германова Н. Н. История нормирования английского языка. Лингвокультурные основания британской нормативной грамматики. М.: ЛЕЛАНД, 2014.
4. Yáñez-Bouza N. To end or not to end a sentence with a preposition: an 18th century debate // *Perspectives on Prescriptivism* / J. C. Beal, C. Nocera, M. Sturiale (eds.). Berlin–Bern: Peter Lang, 2008. P. 237–264.

5. Германова Н. Н. Британская нормативная грамматика эпохи Просвещения и литературная теория классицизма: точки соприкосновения // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 9 (801). С. 13–24.
6. Cowie A. P. The Oxford History of English Lexicography: in 2 vols. Oxford: Oxford University Press, 2008. Vol. I: General-Purpose Dictionaries.
7. Trusler J. The Distinction Between Words Esteemed Synonymous, in the English Language, Pointed Out, and the Proper Choice of Them Determined. 2nd ed. London: Rivington, 1783.

REFERENCES

1. Radchenko, O. A. (2021). Women in the 20th century linguistics: towards a lithophanic historiography of the language sciences. *Vestnik of Moscow State University. Humanities*, 9(851), 36–47. (In Russ).
2. Piozzi, H. L. (1794). *British synonymy: Or, An attempt at regulating the choice of words in familiar conversation: in 2 vols.* London: G. G. and J. Robinson.
3. Guermanova, N. N. (2014). *Istoriya normirovaniya anglijskogo yazyka. Lingvokul'turnye osnovaniya britanskoj normativnoj grammatiki = The History of Standardization of the English Language. Linguo-cultural foundations of British Normative Grammar.* Moscow: LELAND. (In Russ).
4. Yáñez-Bouza, N. (2008). To end or not to end a sentence with a preposition: an 18th century debate. In J. C. Beal, C. Nocera, M. Sturiale (eds.), *Perspectives on Prescriptivism* (pp. 237–264). Berlin–Bern: Peter Lang.
5. Guermanova, N. N. (2018). Rhetoric and grammar in 18th-century Great Britain: Some points of convergence. *Vestnik of Moscow State University. Humanities*, 9(801), 13–24. (In Russ).
6. Cowie, A. P. (2008). *The Oxford History of English Lexicography* (vol. I. General-Purpose Dictionaries): in 2 vols. Oxford: Oxford University Press.
7. Trusler, J. (1783). *The distinction between words esteemed synonymous, in the English language, pointed out, and the proper choice of them determined.* 2nd ed. London: Rivington.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Германова Наталия Николаевна

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Guermanova Natalia Nikolaevna

Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor, Professor at the Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 29.11.2021
одобрена после рецензирования 20.12.2021
принята к публикации 27.01.2022

The article was submitted 29.11.2021
approved after reviewing 20.12.2021
accepted for publication 27.01.2022

Научная статья
УДК 81-119
DOI 10.52070/2542-2197_2022_2_857_81



Женщины-лингвисты в тоталитарных государствах XX века

В. М. Костева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
vmkosteva@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена сопоставлению научной и общественной деятельности женщин-языковедов в тоталитарную эпоху, а именно Р. О. Шор и А. Бретшнайдер. Актуальность статьи определяется несколькими факторами, среди которых как обращение к теме женщин в науке вообще и лингвистике в частности, так и использование нового инструментария лингвоисториографического описания – исследования с позиций дискурсивных практик тоталитаризма (в трактовке М. Фуко), что предполагает анализ поведения ученых как людей, находящихся в критической жизненной ситуации и действующих в рамках сложившихся условий работы.

Ключевые слова: языкознание, дискурсивные практики, диалектология, социолингвистика, идеология

Для цитирования: Костева В. М. Женщины-лингвисты в тоталитарных государствах XX века // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2 (857). С. 81–87. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_2_857_81

Original article

Women Linguists in Totalitarian States of the 20th Century

Victoria M. Kosteva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
vmkosteva@gmail.com

Abstract. The article is devoted to comparing the scientific and social activities of women linguists in the totalitarian era, namely R. O. Shore and A. Bretschneider. The relevance of the article is determined by several factors, including both the appeal to the topic of women in science in general and linguistics, in particular, and the use of new tools for linguo-historiographic description – research from the position of discursive practices (in the interpretation of M. Foucault) of totalitarianism, which involves an analysis of the behavior of scientists as people in a critical life situation and acting within the framework of the prevailing working conditions.

Keywords: linguistics, discursive practices, dialectology, sociolinguistics, ideology

For citation: Kosteva, V. M. (2022). Women linguists in totalitarian states of the 20th century. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2 (857), 81–87. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_2_857_81

ВВЕДЕНИЕ

Исследование роли женщины-ученой в развитии и становлении определенной науки – тема, безусловно, актуальная не только с точки зрения сторонников и сторонниц феминистского движения, но и с точки зрения исследования гендерного поведения ученых в определенных политико-социальных условиях. В рамках лингвоисториографического исследования такие данные способствуют более глубокому пониманию истоков научного поведения лингвистов в сложившейся политической ситуации, позволяют выявить особые дискурсивные практики (в трактовке М. Фуко) научного пути женщин, посвятивших себя лингвистике.

В представленной статье анализируются дискурсивные практики женщин-языковедов, научная деятельность которых пришлась на первую половину XX века в условиях государств с тоталитарным общественным устройством. В фокусе нашего внимания – первая советская лингвистка Розалия Осиповна Шор (1894–1939) и немецкая лингвистка Аннелизе Бретшнайдер (Anneliese Bretschneider) (1898–1984). Выбор этих женщин-языковедов объясняется попыткой показать реализацию дискурсивных практик тоталитаризма с позиций безусловной поддержки режима и мягкой оппозиции ему.

МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ

Особым инструментарием современной лингвоисториографии нам представляется использование дискурсивных практик (в трактовке М. Фуко), что подразумевает определенные правила поведения лингвистов, обуславливаемых сложившимися историческими, общественно-политическими условиями. Выявление этих правил позволяет определить причины и условия создания научных концепций, а также выявить лакуны в истории лингвистики той или иной страны.

Р. О. ШОР И А. БРЕТШНАЙДЕР. БИОГРАФИЧЕСКИЕ И НАУЧНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Розалия Осиповна Шор родилась в семье врачей, с детства интересовалась литературой, писала небольшие произведения, собиралась после окончания университета посвятить себя литературным занятиям. Но волею случая она стала языковедом. По воспоминаниям ее дочери, это решение было принято только потому, что в университете было место на кафедре языкознания, так Шор стала

заниматься языкознанием [Шор, 2006]. По окончании курса историко-филологического факультета ей было предложено место на кафедре сравнительного языкознания. Отметим, что довольно удачное начало ее карьеры во многом было связано с революцией 1917 года, которая, по воспоминаниям дочери Шор, устранила дискриминацию женщин и евреев [там же].

Немецкая языковед Аннелизе Бретшнайдер происходила из семьи крупных торговцев, получила серьезное образование в университетах Йены и Марбурга, где изучала германистику, историю, индогерманистику, философию, диалектологию, общее языкознание, завершив свое обучение написанием диссертации на тему «Язык Гелианда и его диалектально-географическое развитие» (Die Sprache des Heliand und ihre dialektgeographische Entwicklung) [Simon, 1998, с. 6].

Таким образом, Р. О. Шор и А. Бретшнайдер входили в лингвистику как хорошо образованные женщины с большим научным потенциалом. Отметим также, что А. Бретшнайдер, в отличие от Р. О. Шор, не была первой женщиной ученой национал-социалистической Германии, в области диалектологии у нее были предшественницы, например, Луизе Бертольд (Luise Berthold), первая женщина-доцент в немецком вузе. Однако научная и политическая деятельность Бретшнайдер более известна в Германии, чем работа Бертольд.

Приняв решение о работе в области науки в условиях государства с тоталитарным общественным устройством, практически все ученые, предполагавшие сделать академическую карьеру, должны были в общем и целом соблюдать следующие дискурсивные практики:

- 1) исследовать направления, пользующиеся государственной поддержкой и в случае необходимости менять тематику и содержательный аспект;
- 2) вступать в партию, поддерживать на уровне своей деятельности идеи государственной доктрины;
- 3) использовать идеологические установки в языковой работе;
- 4) заниматься относительно «мирными» темами, не имеющими отношения к основной лингвофилософской парадигме;
- 5) участвовать в организованной диффамации неугодных ученых [Костева, 2019, с. 25–26].

Перечисленные дискурсивные практики не означают, что все без исключения ученые действовали в соответствии с ними или участвовали во всех аспектах их реализации. Во многом это определялось личными качествами, стремлениями

и желаниями лингвистов. Очевидно, что согласие действовать по существующим дискурсивным практикам давало ученым больше возможностей для построения научной карьеры, получения ряда преференций, отличий и т.д. и наоборот, отказ от работы в рамках дискурсивных практик мог привести к негативным последствиям, вплоть до уничтожения человека в профессии или физической гибели.

Несмотря на возможности, предоставленные Р. О. Шор властью большевиков, она была беспартийной, что создавало определенные трудности в построении ее карьеры. Это стало, возможно, одной из причин ее не избрания в члены-корреспонденты Академии наук СССР, хотя не помешало ей быть приглашенной на прием в Кремль [Шор, 2006]. Другим показательным примером препоны такого рода стал ее «самокритический» доклад в 1932 году и последующее за ним заявление Шор, в котором она, оправдываясь в возводимых на нее обвинениях, говорила о себе как о представителе «левой беспартийной профессуры», «мелкобуржуазном интеллигенте», которого, вместо перевоспитания, превращают во врага народа и вредителя [там же].

В плане политической активности А. Бретшнайдер выступает полной противоположностью Р. О. Шор, ее научная карьера развивалась параллельно и вместе с политической карьерой. Уже в 1932 году она вступает в НСДАП, активно работает в Имперском обществе радиовещателей (Reichsverband deutscher Rundfunkteilnehmer), далее в Национал-социалистической культурной общине (NS-Kulturgemeinde) в качестве референта по языкознанию и этнологии, а после организации ведомства А. Розенберга была сотрудницей культурно-политического архива (Kulturpolitisches Archiv) [Simon, 1998, с. 10], а также Союза борьбы за немецкую культуру (Kampfbund für deutsche Kultur) [там же, с. 22]. Работа в этих организациях позволила Бретшнайдер познакомиться с представителями службы безопасности (Sicherheitsdienst), связями с которыми она, по мнению немецких исследователей, пользовалась и после прекращения своей политической деятельности в связи с решением полностью посвятить себя работе над диалектологическим атласом. В качестве примера приводят ее попытки последнего трудоустройства в педагогический университет на должность профессора с помощью знакомых из этого круга [там же, с. 12].

Как Шор, так и Бретшнайдер, начинали свою научную деятельность в мужском окружении. Свою диссертацию Бретшнайдер писала под руководством известного диалектолога, руководителя Языкового атласа Фердинанда Вреде (Ferdinand

Wrede), была вхожа в круг ведущих лексикографов того времени, например, Артура Хюбнера (Arthur Hübner), Густава Рете (Gustav Roethe). В мужском же окружении она трудилась в ведомстве Розенберга [там же, с. 11].

Шор, начиная со студенческих лет, активно работала в таких научных объединениях, как Московское лингвистическое общество, Московский лингвистический кружок, участниками которых были мужчины (подробнее см.: [Алпатов, 2012]).

Но круг знакомств Шор и Бретшнайдер не ограничивался только мужчинами-лингвистами. Следует упомянуть также представителей партийной и государственной элиты. Так, вместе с А. В. Луначарским Шор издала книгу «Диккенс» (1931), Луначарский также написал предисловие к ее книге «На путях к марксистской лингвистике» (1931).

Проект Словаря бранденбургско-немецкого диалекта (Das Brandenburg-Berlinische Wörterbuch) был поддержан не только Берлинской академией наук, мэром Берлина и издательством Ваххольц, но и лично Вальтером Вюстом (Walther Wüst), занимающим в то время пост ректора Мюнхенского университета и выразившим в 1944 году свою готовность привлечь к участию в проекте Мюнхенскую Академию наук [Simon, 1998, с. 8]. Работа в мужском окружении, по-видимому, способствовала развитию мужских качеств характера, упорства и пробивной силы женщин-лингвистов, которые демонстрировали высокую продуктивность и работоспособность.

Мы уже упоминали деятельность А. Бретшнайдер в ведомстве А. Розенберга, работа в котором занимала от восьми до девяти часов в неделю [там же, с. 11]. Культурно-политический архив был главным отделом внешнеполитического управления НСДАП. Его заключения служили основой для других учреждений партии и государства. К числу таких документов относились рецензии на научные доклады и оценка личности самого докладчика. В компетенции отдела Бретшнайдер входили также поддержка мероприятий национал-социалистического характера, недопущение проведения культурных мероприятий, не имеющих такой направленности, переписка с вышестоящими партийными организациями и государственными органами, с националистическими газетами, частными органами, подготовка докладов для служебного руководства, управления рейхсвера и других партийных органов [там же, с. 55].

Р. О. Шор только в рамках общественной работы принимала активное участие в масштабных конференциях, была одним из организаторов и участников Московской конференции женщин-ученых, консультировала ряд университетов,

организовывала выставки, например, «Письменность народов СССР» в Коммунистической академии в 1930 году. Она также работала в местках, на общественных началах читала доклады для различных категорий слушателей и т. д. [Шор, 2006]. По воспоминаниям дочери, Шор поздно приходила домой и уже дома работала до двух часов ночи, не брала отпуск, в выходные приезжала на дачу с верстками, рецензиями и т. д. [там же].

Вся эта работа осуществлялась на фоне основной научной деятельности Шор, которая, как и многие ученые того времени, совмещала несколько мест работы. Например, в 1935 году она имела работу в 10 организациях: была профессором четырех университетов, редактором отдела языкознания Большой советской энциклопедии, Литературной энциклопедии, различных методологических и методических отделов, редактором серии «Средневековая литература» издательства «Academia» [там же].

Сравнивая биографические данные Р. О. Шор и А. Бретшнайдер отметим их активность, касающуюся не только научной, но и общественной жизни. Так, обе они интересовались женскими вопросами. Шор выполняла задания женского движения Коммунистической академии [там же], а Бретшнайдер, например, писала на тему обучения девушек в народной школе [Bretschneider, 1935].

Свою активную жизненную позицию Шор продемонстрировала, например, когда после научной встречи у нее в квартире большинство ее участников были арестованы, а она отделалась выговором и, возмущаясь таким положением дел, звонила в дирекцию института [Шор, 2006].

В 1933 году после известия о том, что пост руководителя Языкового атласа (*der Deutsche Sprachatlas*) будет передан Адольфу Баху (*Adolf Bach*), Бретшнайдер написала большое обращение в Союз борьбы за немецкую культуру, в котором представила свой план создания Института по исследованию немецкой народности в Берлине (*Errichtung eines Volkstumsforschungsinstitutes in Berlin*). При этом в рамках пропагандируемого антисемитизма Бретшнайдер указывала на то, что во главу Института поставлен ученый еврейского происхождения, который, по ее мнению, относится враждебно к целям института и имеет небольшое количество публикаций по данной тематике [Simon, 1998, с. 15–16].

Отметим личные качества Шор и Бретшнайдер. Большинство исследователей научной деятельности женщин-ученых склоняются к тому, что в Третьей рейхе у женщин было довольно мало возможностей занять руководящую должность, если речь, например, не шла о родственных связях. Проявить

себя можно было только в том случае, если личные качества и профессиональная квалификация женщины представлялись просто необходимыми для функционирования какой-либо области исследования. Особенно ценились напористость и упорство, а также отсутствие семьи. Все это присутствовало в личности Бретшнайдер [там же, с. 6].

По свидетельству современников, многие коллеги-мужчины в культурно-политическом архиве чувствовали себя просто раздавленными под напором Бретшнайдер [там же, с. 11]. С другой стороны, непосредственно в области научной деятельности коллеги противоположного пола относились к Бретшнайдер с большим уважением, так как она действительно профессионально осуществляла свой лексикографический проект. Ее диалектологические карты высоко ценил Теодор Фрингс (*Theodor Frings*), указывая на то, что они должны быть приняты за образец („*die anderen Wörterbücher zum Muster nehmen*“) [там же, с. 9].

Шор представляется человеком совсем иного склада, современники считали ее интересной и экстравагантной женщиной [Алпатов, 2012]. Но, несмотря на такой имидж, Шор обладала большой научной смелостью и пробивной энергией. Так, она ознакомила научную общественность с редкими для того времени трудами Ф. де Соссюра, вместе со студентами организовала перевод трудов нескольких западноевропейских ученых, в том числе В. Томсена, А. Мейе и др. [Дебец, Дубровина, Ижевская, 1958].

Будучи человеком с энциклопедическими знаниями, а также автором статей для энциклопедий разного вида (отметим, что ее статьями, написанными для «Большой советской энциклопедии», пользовался И. В. Сталин [Алпатов, 2009, с. 109]), Шор интересовалась работой над проектом по созданию «Лингвистической энциклопедии», который, несмотря на определенную конъюнктурность содержания, должен был заполнить существующие пробелы в изучении и преподавании языкознания [Никитин, 2018].

Научные интересы Шор и Бретшнайдер лежали в актуальной на тот момент сфере. В фокусе внимания Бретшнайдер была диалектология, исследования которой пользовались поддержкой на государственном уровне. Начиная с 1938 года, Берлинская Академия наук установила, например, специальную стипендию для работы над Словарем Бранденбургско-берлинского диалекта (*das Brandenburg-Berlinische Wörterbuch*). Основательные суммы на создание словаря выделялись также после 1939 года [Simon, 1998, с. 7].

Немецкие лингвоисториографы полагают, что интерес к диалектологическим исследованиям

был вызван несколькими причинами: во-первых, конкурентной борьбой между представителями научной элиты, суть которой сводилась к определению основы «этничности»: диалекты противопоставлялись литературному языку. К первой группировке относилась Бретшнайдер, ко второй – Г. Шмидт-Рор (G. Schmidt-Rohr), Л. Вайсгербер (L. Weisgerber), Ф. Тирфельдер (F. Thierfelder) и др. [Knobloch, 2005, с. 243].

С другой стороны, диалектальные исследования были достаточно конъюнктурны и удачно подходили к новой парадигме народности [там же, с. 391]. Успешное проведение лексикографических работ Бретшнайдер может быть объяснено хорошим финансированием проекта, скорее исключительного факта для того периода, причиной чего могли стать ее связи в политических кругах.

В соответствии с научными дискурсивными практиками того периода Р. О. Шор не осталась в стороне от создания новой марксистской лингвистики и озвучила свои представления о ней, опубликовав ряд статей по отдельным вопросам марксизма и языкознания, среди которых «На путях к марксистской лингвистике» [Шор, 1931а], «Неотложная задача» [Шор, 1931б]. Изначальным посылом работ является утверждение о том, что новая лингвистика – это прежде всего марксистская социология. Вопросы новой лингвистики были освещены Шор также в проекте «Лингвистической энциклопедии», где она в соответствии с духом времени критикует идеи старой школы, нашедшие свое отражение в вузовских и школьных учебниках, из-за их антимарксистских, формалистских и идеалистических воззрениях на язык [Никитин, 2018, с. 615]. Не упускает Шор возможности использовать риторику того исторического момента, упоминая международное положение СССР и его врагов. Для этого, считает она, необходимо ознакомить пролетариат с языковой ситуацией за пределами СССР, показать классовую борьбу в языке и с помощью языка [там же, с. 616].

Большой интерес представляют отношения внутри научного сообщества.

Современные лингвистологи полагают, что Бретшнайдер составляла досье на деятелей науки и искусства, а также писала обличительные статьи в адрес ученых, неугодным властям. Показательной представляется критика работы Георга Шмидт-Рора, впоследствии видного деятеля расового языкознания. В 1932 году появилась его книга «Язык как творец народов» (Die Sprache als Bildnerin der Völker), которая получила негативную оценку в ведомстве А. Розенберга. Против этой книги первой из лингвистов выступила Бретшнайдер, обвиняя автора в конечном итоге в том, что он

не является ученым, и в том, что текст книги носит полунаучный характер [Simon, 1998, с. 72–73].

Выступая от имени ведомства Розенберга, Бретшнайдер призвала Шмидт-Рора публично отказаться от своих тезисов и объяснить причину этого. Но самым тяжелым пунктом обвинения стало высказывание Бретшнайдер о невозможности продолжения Шмидт-Рором партийной работы [там же, с. 75]. Шмидт-Рору стоило больших усилий вернуть себе лояльность новой власти. Свою полемику с Шмидт-Рором Бретшнайдер продолжила в открытых научных журналах после появления второго измененного издания его книги. В этой связи упомянем ее статью «Язык как создатель или создание, Творец или творение» (Die Sprache: Bildnerin oder Gebilde?) с прямыми аллюзиями на работу Шмидт-Рора [Bretschneider, 1934].

Научная деятельность Шор пришлась на период превращения теории Марра в доминирующую концепцию. Представляется, что с самого начала появления Марра в языкознании Шор демонстрировала довольно благожелательное отношение к нему самому и к его концепции. В архивах сохранилось несколько писем Шор к Марру. В одном из них (от 3/IX/1925 года) помимо благодарности за помощь в предоставлении квартиры, содержится краткий отчет о ее поездке по Кавказу для ознакомления с местной работой по яфетидологии с просьбой указать неточности и ошибки в ее интерпретации [Шор, 1925].

Свою лояльность Марру и марризму Шор демонстрировала в дальнейших работах и дискуссиях, что, например, было отмечено П. С. Кузнецовым в его воспоминаниях о «Поливановской дискуссии», о дискуссии между марристами и «Языкофронтом» (подробнее см.: [Алпатов, 2012]).

Полагаем, что это могло быть объяснено также осознанием опасности и попытками приспособления к складывающейся расстановке сил в советском языкознании. Для этого Шор, очевидно, избрала особую методику научных выступлений. Так, например, в одной из статей, посвященных Марру, Шор ни строчки не написала о четырех элементах, посвятив всю статью другим положениям концепции Марра [там же].

Р. О. Шор умерла в 45 лет, а вот карьера Бретшнайдер активно развивалась после войны. Несмотря на подозрения о ее причастности к деятельности спецслужб, ее вновь сделали руководителем Берлинско-Бранденбургского словаря. Таким образом, в ГДР началась ее вторая академическая карьера, она была сотрудником Академии наук, профессором педагогического института и продолжала публиковать научные статьи в области диалектологии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Очевидно, что реализация дискурсивных практик тоталитаризма как в отношении страны, так и в отношении индивидуумов не может быть совершенно одинаковой, она зависит от многих факторов, например, от степени тоталитаризации страны, личных человеческих качеств и убеждений. Тем не менее сопоставление научной и общественной

деятельности двух женщин – языковедов в рамках реализации дискурсивных практик помогает составлению более полной картины развития лингвистики в первой половине XX века. Полагаем, что такого рода исследования с использованием нарративного подхода могут способствовать решению проблемы создания целостной картины истории развития лингвистики XX века.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шор Е. Н. Стоило ли родиться, или Не лезь на сосну с голой задницей. М.: Новое литературное обозрение, 2006. URL: <https://libcat.ru/knigi/dokumentalnye-knigi/biografii-i-memuary/42635-evgeniya-shor-stoilo-li-roditsya-ili-ne-ez-na-sosnu-s-goloy-zadnicej.html>
2. Simon G. Blut- und Boden-Dialektologie: eine NS-Linguistin zwischen Wissenschaft und Politik; Anneliese Bretschneider und das «Brandenburg-Berlinische Wörterbuch». Tübingen: GIFT e.V, 1998.
3. Костева В. М. Лингвистика тоталитаризма в лингвофилософской парадигме XX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Пермь, 2019.
4. Алпатов В. М. Первая женщина (Р. О. Шор) // Языковеды, востоковеды, историки М.: Языки славянских культур, 2012. URL: <https://biography.wikireading.ru/56383>
5. Bretschneider A. Zur Neugestaltung des Mädchenunterrichts in Volksschulen. Neue Mädchenerziehung, 1, 2. 1935.
6. Дебец Н. П., Дубровина В. Ф., Ижевская М. Г. Библиографический указатель литературы по языкознанию, изданной в СССР с 1918 по 1957 год М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1958. Вып. I: Книги и сборники по русскому языку, изданные в СССР, 1918–1955.
7. Алпатов В. М. Розалия Осиповна Шор // Вопросы языкознания. 2009. № 5. С. 114–131.
8. Knobloch C. Volkhafte Sprachforschung: Studien zum Umbau der Sprachwissenschaft in Deutschland zwischen 1918 und 1945. Tübingen: Niemeyer, 2005.
9. Шор Р. О. На путях к марксистской лингвистике. М.; Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1931а.
10. Шор Р. О. Неотложная задача (К построению марксистской философии языка) // Русский язык в советской школе. 1931б. № 1. С. 29–37.
11. Никитин О. В. «Лингвистическая энциклопедия» – неизвестный лексикографический проект 1930-х годов // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9. № 3. С. 612–624.
12. Bretschneider A. Die Sprache-Bildhauerin oder Gebilde? // Die Deutsche Schule 8. 1934. S. 366–373.
13. Шор Р. О. Письмо к Н. Я. Марру от 3/IX/1925 г. // Санкт-Петербургский филиал архива Академии наук. URL: <http://crecleco.seriot.ch>

REFERENCES

1. Shor, E. N. (2006). Stoilo li rodit'sya, ili Ne lez' na sosnu s goloy zadnicej = Was it worth it to be born, or Don't climb a pine tree with a bare ass. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. <https://libcat.ru/knigi/dokumentalnye-knigi/biografii-i-memuary/42635-evgeniya-shor-stoilo-li-roditsya-ili-ne-ez-na-sosnu-s-goloy-zadnicej.html> (In Russ.)
2. Simon, G. Blut- und Boden-Dialektologie: eine NS-Linguistin zwischen Wissenschaft und Politik; Anneliese Bretschneider und das «Brandenburg-Berlinische Wörterbuch» Tübingen: GIFT e.V, 1998.
3. Kosteva, V. M. (2019). Lingvistika totalitarizma v lingvofilosofskoj paradigme XX veka = Linguistics of totalitarianism in the linguo-philosophical paradigm of the 20th century: abstract of Senior Doctorate in Philology. Perm'. (In Russ.)
4. Alpatov, V. M. (2012). Pervaya zhenshchina (R. O. Shor) = The First Woman (R. O. Shor). Yzykovedy, vostokovedy, istoriki. Moscow: Yazyki slavyanskih kul'tur. <https://biography.wikireading.ru/56383> (In Russ.)
5. Bretschneider, A. (1935). Zur Neugestaltung des Mädchenunterrichts in Volksschulen. Neue Mädchenerziehung, 1, 2.

6. Debec, N. P., Dubrovina, V. F., Izhevskaya, M. G. (1958). Bibliograficheskij ukazatel' literatury po yazykoznaniiyu, izdannoj v SSSR s 1918 po 1957 god = Bibliographic index of literature on linguistics published in the USSR from 1918 to 1957. Moscow: Izd-vo Akademii Nauk SSSR. Vyp. I: Knigi i sborniki po russkomu yazyku, izdannye v SSSR, 1918–1955. (In Russ.)
7. Alpatov, V. M. (2009). Rozaliya Osipovna Shor. Voprosy yazykoznanija, 5, 114–131. (In Russ.)
8. Knobloch, C. (2005). Volkhafte Sprachforschung: Studien zum Umbau der Sprachwissenschaft in Deutschland zwischen 1918 und 1945. Tübingen: Niemeyer.
9. Shor, R. O. (1931a). Na putyah k marksistskoj lingvistike = On the way to Marxist linguistics. Moscow, Leningrad: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo. (In Russ.)
10. Shor, R. O. (1931b). Neotlozhnaya zadacha (K postroeniyu marksistkoj filosofii yazyka) = An urgent task (Toward the construction of a Marxist philosophy of language). Russkij yazyk v sovetskoj shkole, 1, 29–37. (In Russ.)
11. Nikitin, O. V. (2018). «Lingvisticheskaya enciklopediya» – neizvestnyj leksikograficheskij proekt 1930-h godov = “Linguistic Encyclopedia” – an unknown lexicographical project of the 1930s. RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 9(3), 612–624. (In Russ.)
12. Bretschneider, A. (1934). Die Sprache-Bildhauerin oder Gebilde? Die Deutsche Schule, 8, 366–373.
13. Shor, R. O. (1925). Pis'mo k N. Ya. Marru ot 3/IX/1925 g. = A letter to N. Y. Marr from 3/IX/1925. Sankt-Peterburgskij filial arhiva Akademii nauk. <http://crecleco.seriot.ch> (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Костева Виктория Михайловна

доктор филологических наук, доцент, кафедра общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kosteva Victoria Mikhailovna

Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor,
Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 29.11.2021
одобрена после рецензирования 20.12.2021
принята к публикации 27.01.2022

The article was submitted 29.11.2021
approved after reviewing 20.12.2021
accepted for publication 27.01.2022

ЯЗЫК В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

Научная статья

УДК 81-37

DOI 10.52070/2542-2197_2022_2_857_88



Текстоформирующий потенциал когнитивных доминант-классификаторов лексико-семантической группы «часть – целое» (на материале английского языка)

Е. А. Красикова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, krasikova.liza@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена анализу текстовой реализации лексических единиц, формирующих лексико-семантическую группу «часть целого», с целью определения роли когнитивных оснований их классификации в формировании текстов разных стилей и жанров. Проведенное исследование показало наличие в тексте контекстуальных маркеров, имеющих смысловую связь с когнитивными доминантами, обеспечивающими категоризацию в структуре ЛСГ. Это свидетельствует о том, что выбор слова при формировании текста обусловлен той когнитивной доминантой, которая определяет классификационный разряд лексемы. В результате исследования корпусов BNC и COCA было установлено, что когнитивные доминанты обладают разным текстоформирующим потенциалом в разных типах дискурса.

Ключевые слова: английский язык, категоризация, структура лексико-семантической группы, дискурс, когнитивные доминанты-классификаторы, контекстуальный анализ, формирование текста

Для цитирования: Красикова Е. А. Текстоформирующий потенциал когнитивных доминант-классификаторов лексико-семантической группы «часть – целое» (на материале английского языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2 (857). С. 88–94. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_2_857_88

Original article

Text-Forming Potential of Cognitive Dominant Classifiers in the Semantics of English Nouns Denoting “Part of the Whole”

Elizaveta A. Krasikova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, krasikova.liza@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the textual implementation of the words belonging to the lexical-semantic group “part of the whole” aimed at studying the role of cognitive structures underlying their categorization in the texts of different styles and genres. It was revealed that there are certain contextual markers in the text, which are semantically related to the cognitive dominants accounting for the categorization within the group. It confirms the assumption that the choice of a word in the process of text formation is determined by the cognitive dominant that determines the classification category of the lexeme. As a result of the study of the BNC and COCA corpora, it was found that cognitive dominants have different text-forming potential in different types of discourse.

Keywords: the English language, categorization, structure of the lexico-semantic group, discourse, cognitive dominants as classifiers, contextual analysis, text formation

For citation: Krasikova, E. A. Text-forming potential of cognitive dominant classifiers in the semantics of English nouns denoting “part of the whole”. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(857), 88–94. 10.52070/2542-2197_2022_2_857_88

ВВЕДЕНИЕ

Исследование когнитивных оснований категоризация лексики, выполненное на материале лексико-семантической группы «часть целого» в современном английском языке, позволяет говорить о том, что в основе выделения семантических группировок слов лежат концептуальными структурами, и значительную роль в формировании таких структур играют когнитивные доминанты семантики слов, входящих в лексико-семантическую группу. Вслед за Н. Н. Болдыревым, под когнитивными доминантами (далее КД) мы понимаем «конкретные концепты и категории, концептуально-тематические области, системы ценностей и оценок, стереотипы, модели и схемы восприятия и репрезентации мира в языке» [Болдырев, Григорьева, 2018, с. 15], которые определяют семантическое своеобразие различных языковых сущностей, обладающих смысловым содержанием.

В рамках рассматриваемой лексико-семантической группы (далее – ЛСГ) выделенные нами в ходе исследования КД выступают в роли классификаторов, формирующих когнитивную «матрицу», которая обуславливает разделение ЛСГ на подгруппы.

Е. С. Кубрякова утверждает, что «для характеристики каждого слова с синхронной точки зрения важно установить и то, какую когнитивную структуру (концепт или совокупность концептов) оно объективирует, и то, в какой функции может выступать оно в дискурсе и тексте» [Кубрякова, 2004, с. 37]. Принимая позицию Е. С. Кубряковой, мы полагаем, что рассмотрение только словарных значений недостаточно для понимания и реконструкции языковой картины мира, поэтому при исследовании семантики слов и других языковых единиц следует также рассматривать «контексты, в которых осуществляется коммуникативная деятельность человека» [Манерко, 2017]. Иными словами, контекстуальный анализ является неотъемлемой частью изучения смыслового содержания слова.

В данной статье мы выдвигаем и обосновываем гипотезу о том, что КД, обуславливающие категоризацию лексики, не только выполняют классифицирующую функцию, но также обладают текстоформирующим потенциалом и влияют на конструирование контекстов реализации лексических единиц.

МЕТОДИКА АНАЛИЗА: ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ РАССМОТРЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА

На первом этапе исследования при помощи выделения концептуальной внутренней формы (КВФ)

семантики лексических единиц [Беляевская, 1992; 2005], входящих в ЛСГ «часть целого», были установлены систематически воспроизводимые концептуальные представления – базовые концепты (БК) и концептуальные операторы (КО), полагая, что некоторые из них могут выступать в качестве КД-классификаторов, определяющих структуру всей ЛСГ. В качестве КВФ мы рассматриваем сложную концептуальную структуру, которая лежит в основе семантики лексической единицы, и в которой могут быть выделены более простые составляющие [Беляевская, 2021]. Дальнейшее изучение гиперонимов ЛСГ обеспечило корректировку списка БК и, таким образом, были выделены КД, которые формируют классификационную «матрицу» ЛСГ, состоящую из концептов, которые репрезентуют различные аспекты соотношения части и целого в языковой картине мира английского языка.

Наиболее продуктивными в ЛСГ оказались такие КД, как «часть на фоне целого» (43,5 % лексических единиц), второй по продуктивности выступает КД-классификатор «часть от утерянного целого» (23,2 % лексических единиц), наименьшее количество лексических единиц выделяется КД-классификатором «несоизмеримо малой части целого» (19,8 % лексических единиц).

В ходе анализа словарных статей в таких лексикографических источниках, как: The Concise Oxford Dictionary¹ [COD], Oxford Advanced Learners' Dictionary² [OALD], Collins English Dictionary³ [CED], Merriam Webster English Dictionary⁴ [MWED] было установлено, что в типовых примерах реализации лексических единиц, входящих в ЛСГ, реализуются были выявлены концептуальные составляющие, которые указывают на ту или иную КД. Однако словарная статья не всегда располагает полным представлением о семантике ЛЕ и не позволяет в полной мере рассмотреть его семантическую структуру, т. е. все те предметные области, в которых оно используется [Беляевская, 2005, с. 7], поэтому на следующем этапе нами был проведен анализ ЛЕ в текстовой реализации.

Контекстуальный анализ семантики слов, входящих в рассматриваемую ЛСГ, показал, что конструируемые с их помощью контексты имеют в своем составе своеобразные «контекстуальные

¹ COD – The Concise Oxford Dictionary. 6-th ed. / by J. B. Sykes. Oxford: Clarendon Press, 1976.

² OALD – Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English Online. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/remainder_1?q=remainder (дата обращения: 05.09.2021)

³ CED – Collins English Dictionary Online. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/share> (дата обращения: 05.09.2021)

⁴ MWO: D&T – Merriam-Webster Online: Dictionary and Thesaurus. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/share> (дата обращения: 05.09.2021)

маркеры», которые выступают в качестве семантических коррелятов тех КД, которые определяют классификационный разряд этих слов в языковой системе. Таким образом, КД, будучи системным языковым фактором категоризации лексики, одновременно участвуют в процессе формирования текста и дискурса.

В качестве источников контекстов мы использовали British National Corpus (BNC) и Corpus of Contemporary American English (COCA), поскольку в эпоху больших данных только статистически значимые объемы текстовых материалов могут служить основанием для обоснованных выводов.

МАРКЕРЫ КОГНИТИВНЫХ ДОМИНАНТ В КОНТЕКСТЕ

Так же, как и на предыдущих этапах исследования, изучение текстоформирующего потенциала когнитивных доминант-классификаторов мы начинали с тех лексических единиц, которые наиболее активно указывают на КД-классификаторы, т. е. с гиперонимов ЛСГ, таких, как *piece, part, portion, fragment, bit, item*. Были рассмотрены контексты, в которых реализуются вышеперечисленные гиперонимы, с тем чтобы выявить контекстуальные маркеры КД, т. е. лексические единицы, связанные с КД в смысловом плане. Контекстуальные маркеры КД являются семантическими коррелятами КД и указывают косвенным образом на внутреннюю категоризацию лексических единиц в пределах той ЛСГ, куда эти единицы входят.

Например, рассматривая семантику гиперонима-форманта КД «часть на фоне целого» *part*, было выявлено, что это слово обозначает часть целого, на которой фокусируется внимание говорящего, но при этом эта часть рассматривается как неотъемлемая составляющая целого, которая изымается из целого только мысленно (е. г.: *part of the body*).

Анализ контекстуальных маркеров, присутствующих в различных контекстах реализации слова *part*, позволил дополнить семантическую картину реализации рассматриваемой ЛЕ в тексте. Рассмотрим следующий контекст:

1. I looked through the key-hole; but the door opening into an odd corner of the room, the key-hole prospect was but a crooked and sinister one. I could only see part of the foot-board of the bed and a line of the wall, but nothing more¹ [COCA].

¹ COCA – Corpus of Contemporary American English. 2021. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/>

В данном контексте можно выделить несколько маркеров КД слова *part*, которое в нем реализуется. Во-первых, следует обратить внимание на наречие *only*, которое имплицитно указывает на то, что говорящий видит не целый объект (*bed*), а только его часть (*the foot-board*), то есть логически ясно, что часть репрезентирует целый объект, который не виден говорящему полностью. На это также указывает маркер «*of-phrase*» *of the foot-board of the bed* (часть изножья кровати), который эксплицитно указывает на то, что в роли части выступает «изножье», которое рассматривается на фоне целого «кровать» и неотделимо от него. Кроме того, в контексте есть указание на то, почему объект, часть которого описывается в контексте, не виден полностью – *an odd corner of the room, the key-hole prospect*.

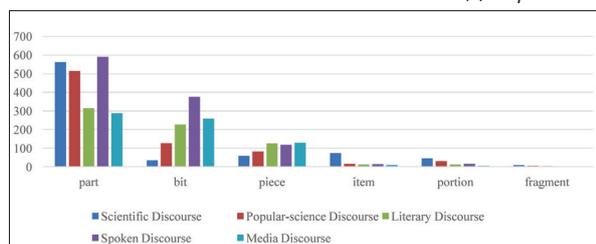
Проведенный анализ показал, что контексты реализации слова *part* обязательно должны содержать указание на целый объект, часть которого привлекает внимание говорящего, а также на причины того, почему в центре внимания находится «часть». Чаще всего это указание на то, что полностью весь объект не виден и поэтому в контексте реализуются глаголы со значением «видеть, замечать» (*to look, to see, to notice, etc.*).

В ходе анализа контекстных данных было установлено, что в контексты реализации слов, входящих в ЛСГ «часть целого», всегда формируются с указанием на некоторые особенности целого или его части, которые семантически связаны с соответствующей КД-классификатором.

Наиболее ярким примером, иллюстрирующим данное положение, является КД «часть на фоне целого», которая сопряжена с КД «часть структуры» (*department, compartment, division, factor, section allotment, etc.*). В контексте может уточняться форма, тип, количество целого, а также то, каким образом и для чего происходит деление целого на части, каким образом формируется целое (синтезируется или распадается на части), и почему присутствует или отсутствует целое. Рассмотрим следующие контексты:

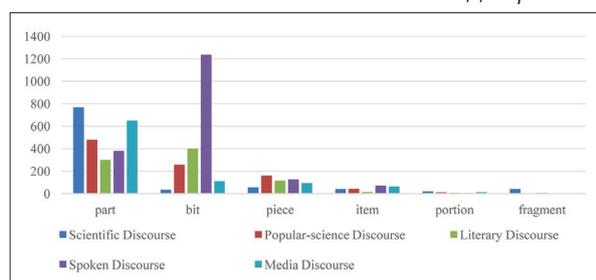
2. Meat sales would plummet if for marketing purposes they instead used images of animals in their actual habitat: crammed next to hundreds of other animals in a waste-filled CAFO. That is the truth of conventional animal production, not green pastures. My shift at the meat and seafood department started at noon [COCA, 2019].
3. Tap into the urge to do good because we are creatures who are motivated to solve the problems of the world, we need to add a new component [COCA, 2008].

Диаграмма 1



Гиперонимы-форманты ЛСГ «часть целого» в разных типах дискурса (СОСА)

Диаграмма 2



Гиперонимы-форманты ЛСГ «часть целого» в разных типах дискурса (BNC)

4. They must be replacements after damage, but the style is faithfully modelled on the originals. The cushion seems to be cut from the fragment of a statue¹ [BNC, 1992].
5. I unsnapped my harness and pushed myself free, floating to the control cabin at the forward end of the ship. The moment I did that, there was a blew-bleep sound back at the stern, and Hopkins yelled out, "Boyd! Get back in your seat! "I ignored him and floated forward, into the center compartment. There were metal doors and storage bins, and overhead the wide docking ring, which should have been connected with Hyatt-Star many long minutes ago [COCA, 2019].
6. They have the lion's share of responsibility if they want to be successful, not the government [COCA, 2012].

В контексте (2) в роли маркера КД выступает выражение *meat sales*, которое уточняет цель, для которой предназначена часть, т. е. часть – это специальный отдел, который занимается поставками мяса и морепродуктов (*meat and seafood department*). На основании знаний о мире становится понятно, что данное подразделение представляет

¹ BNC – British National Corpus, 2021. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/95>

собой одну из частей более широкой организации, куда входят и другие отделы (*departments*). В контексте (3) роль контекстуального маркера-коррелята КД играет глагол *to add*, который имплицитно указывает на то, что целое синтезируется из более мелких частей (*components*). В контексте (4) уточняется, что целое было утрачено и часть была отделена (точнее, отрезана) от целого (*seemed to be cut from*), причем действие было произведено насильственно посредством внешней силы (*after damage*). В контексте (5) уточняется характер целого, то есть словосочетание *central compartment* имплицитно подразумевает, что есть и другие отсеки, помимо центрального или главного. Иными словами, подразумевается, что в качестве целого выступает космический корабль, включающий в себя разные отсеки, т. е. имеющий определенную сложную структуру. В контексте (6) посредством фразеологической единицы (*the lion's share*) реализуется идея «большой части» целого, причем в качестве целого выступает абстрактная сущность – ответственность за свои действия (*responsibility*).

Проведенный нами анализ контекстов показал, что в тех контекстах, где реализуются лексические единицы, принадлежащие ЛСГ «часть целого», присутствуют маркеры, которые коррелируют с КД-классификаторами, обеспечивающими выделение различных участков ЛСГ.

ВЛИЯНИЕ ЖАНРОВОЙ ОТНЕСЕННОСТИ ТЕКСТА

На следующем этапе нами был проведен сравнительный анализ частотности употребления рассматриваемых единиц в текстах разных стилей и жанров, который показал, что выбор лексем зависит от того стиля / жанра, которому принадлежит текст. Например, в ходе анализа корпусных данных BNC и СОСА было установлено, что гипероним *part*, наиболее часто реализуется в устной разговорной речи, в научном и научно-популярном дискурсе, однако, его многочисленные реализации отмечены также и в текстах художественной прозы (в рассматриваемых корпусах он обозначается как *literary discourse*).

Таким образом, анализ корпусных данных BNC и СОСА показал, что каждая из лексических единиц, принадлежащих ЛСГ «часть целого», имеет разную частотность в разных типах дискурса. На приведенных ниже диаграммах представлены данные относительно реализации гиперонимов рассматриваемой ЛСГ (см. диаграммы 1, 2).

Наиболее часто встречающейся ЛЕ для всех типов дискурса является слово *part*, поскольку данная лексема является гиперонимом и обладает самым широким в ЛСГ семантическим потенциалом.

Выше мы уже отмечали, что гипероним *part* частотен и в разговорном дискурсе, и в литературном дискурсе. Однако для большинства лексических единиц, объединяемых КД «часть на фоне целого», характерно наиболее частотное употребление в научно-популярном дискурсе, в частности в таких тематических блоках, как наука, образование, технологии, бизнес, медицина и т. д.

Такое распределение лексических единиц в ходе их реализации в текстах разных дискурсов может быть объяснено тем, что КД «часть на фоне целого» обычно сочетается с КД «часть структуры». Описание различных явлений с точки зрения их структуры, т. е. внутреннего устройства, характерно именно для научного и научно-популярного дискурсов, что и обуславливает частотность в них таких слов, как *constituent*, *department*, *compartment*, например:

7. ...Anorthosite, a rock made up primarily of the mineral plagioclase feldspar, is the main constituent of the highlands.
8. The other constituent of the central nervous system is the spinal cord. Damage to the spinal cord, or spinal cord injury (SCI), shares many similarities with TBI but can lead independently to pain and / or motor impairments ranging from incontinence to paralysis) [COCA, 2019].

Связка КД «часть на фоне целого» / «часть структуры» и КД «малая часть» часто сочетается с указанием на то, что в качестве целого выступает некоторое вещество или некоторая субстанция. Соответственно, употребление ЛЕ, классифицируемых описанным выше сочетанием КД, предполагает формирование контекстов, где описывались бы мелкие составляющие вещества. Подобное смысловое содержание характерно для текстов научного дискурса, куда логично включаются такие сочетания, как: *an electron from an atom*; *a fibroin molecule*; etc. [COCA, 2018].

Представление о «малой части» играет в рассматриваемой связке важную роль и часто именно эта КД является основанием выбора слова для его реализации в речи (тексте). Поэтому, когда лексемы *modicum*, *mote* и *grain* начинают реализовываться в литературном дискурсе, т. е. в художественной прозе или в художественной публицистике, то логично ожидать, что значение «малой части» может метафоризироваться. Например, обычно в метафорическом значении слова, группирующиеся вокруг КД «малая часть», реализуются с абстрактными существительными (*a modicum of dignity*; *a modicum of courage*) или участвуют

в формировании текстовых метафор (*Earth was just a mote through the telescope*) [COCA, 2018].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что именно КД ЛСГ «часть целого» обладают текстоформирующим потенциалом. С одной стороны, КД являются основанием выбора лексических единиц при формировании текста, поскольку именно они определяют смысловое содержание сообщения. Во-вторых, благодаря КД отбираются лексические корреляты, реализующиеся в контексте. Кроме того, как показало проведенное исследование, текстоформирующий потенциал КД различен в разных типах дискурса, что подтверждается разной частотностью слов, относящихся к ЛСГ «часть целого», в текстах, разных по стилю / жанру.

СОПОСТАВЛЕНИЕ ДАННЫХ КОРПУСОВ BNC И COCA

На заключительном этапе был проведен сравнительный анализ данных двух корпусов, в ходе которого были отмечены количественные и семантические особенности употребления рассматриваемых ЛЕ в британском варианте и в американском варианте английского языка.

В ходе сопоставительного анализа корпусов COCA и BNC было установлено, что различия в частотности реализации слов ЛСГ «часть целого» отмечаются не только в разных дискурсах, но и в разных территориальных вариантах современного английского языка. Такие различия хорошо заметны уже на приведенных нами диаграммах (см. диаграммы 1, 2).

Наиболее употребляемой ЛЕ в обоих корпусах является *part*, хотя в американском английском она употребляется чаще во всех типах дискурса по сравнению с британским английским. Кроме того, как мы уже отмечали выше, имеются и существенные различия по отдельным видам дискурса.

Наименее употребляемой для обоих корпусов является ЛЕ *fragment*, хотя она одинаково редко используется в обоих вариантах английского языка, однако в британском корпусе данная лексема более характерна для научного типа дискурса.

Наиболее употребляемым гиперонимом корпуса BNC является гипероним *bit* (*a bit of clothing*, *a bit of a laugh*, *a bit of information*) [BNC].

ЛЕ *bit* в обоих корпусах в большей степени характерна для устной речи, однако, по данным BNC ее словоупотребление в три раза превышает количество словоупотреблений американского корпуса (*a bit of time*, *a good bit of information*, *a tiny bit of honey*) [COCA].

Примечательно, что для британского варианта характерно частотное употребление фразеологической единицы *bits and bobs* в устном (разговорном)

дискурсе, а в американском варианте данная идиома почти не используется. Например:

1. See you'll be able to get your Christmas cheese and all the bits and bobs.
2. There are quite a lot of other bits and bobs floating about, asteroids, meteors, little bits of chunks flying all over the place. Now can we think of a famous thing that sometimes appears in space? [BNC].

Примечательно, что одна и та же лексическая единица в разных корпусах может чаще реализовываться в разных значениях. Например, ЛЕ *item* по сведениям из корпуса BNC наиболее часто употребляется в разговорном и медиа дискурсах со значением *пункт (the next item on the agenda), статья (her editor want to publish an item about me)*. В свою очередь, по данным COCA лексема *item* чаще появляется в научном дискурсе. Эта единица частотна в сфере бизнеса и экономики, когда она реализует значение *товар, продукт* (например, *customers either do not pay for the item upon delivery; that is surprisingly affordable when compared to buying a single item of similar size and material, to start start advertising an item online, every item has a price tag*). Кроме того, в американском английском частотны значения *вопрос, предложение, задание* (например, *each item on the AIC test consisted of four choices; the only item on the list, the second major item was of equally beastly complexity*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ВЫВОДЫ

Проведенное нами исследование позволяет заключить, что когнитивные доминанты,

обеспечивающие категоризацию лексики в пределах лексико-семантической группы «часть целого» в современном английском языке, выполняют не только роль классификаторов, но также выполняют и другие функции. Выдвинутая нами гипотеза о том, что КД выступают в качестве классификаторов лексики и одновременно выполняют текстоформирующую функцию, подтверждается анализом контекстов реализации лексических единиц, входящих в ЛСГ «часть целого». В ходе исследования было установлено, что частотность реализации лексических единиц теснейшим образом связана с типом дискурса: когнитивная доминанта, которая определяет классификационный разряд единицы, обуславливает ее более частое появление в одних типах дискурса по сравнению с другими типами дискурса. Контекстуальный анализ употребления элементов ЛСГ «часть целого» показывает, что в контексте обязательно присутствуют корреляты соответствующих КД. Более того, ЛЕ рассматриваемой ЛСГ имеют некоторые особенности употребления в британском и в американском вариантах английского языка, о чем свидетельствуют данные корпусов BNC и COCA. Сравнение материалов BNC и COCA позволяет заключить, что маркеры КД присутствуют в контекстах употребления лексических единиц со значением «часть целого» независимо от того, какому территориальному варианту принадлежат контексты, что было доказано на примере сравнения контекстов двух корпусов. Однако текстоформирующий потенциал лексических единиц, т. е. их способность реализовываться в текстах разных стилей и жанров, и основания выбора лексем связаны с территориальным вариантом, что указывает на интересное направление дальнейших исследований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Болдырев Н. Н., Григорьева В. С. Когнитивные доминанты речевого взаимодействия // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. Вып. 4. С. 15–24.
2. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.
3. Манерко Л. А. Перспективизация как один из принципов концептуализации семантики в дискурсе // Язык. Сознание. Коммуникация. 2017. Вып. 57. С. 177–186.
4. Беляевская Е. Г. Воспроизводимы ли результаты концептуализации? (К вопросу о методике когнитивного анализа) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. Вып. 1. С. 5–15.
5. Беляевская Е. Г., Семантическая структура слова в номинативном и коммуникативном аспектах (когнитивные основания формирования и функционирования семантической структуры слова): дис. ... д-ра филол. наук. М., 1992.
6. Беляевская Е. Г. Когнитивные доминанты в структуре лексико-семантических групп // Когнитивные исследования языка. 2021. № 1 (44). С. 65–73.

REFERENCES

1. Boldyrev, N. N., Grigor'eva, V. S. (2018). Cognitive dominants of speech interaction. *Issues of cognitive linguistics*, 4, 15–24. (In Russ.)
2. Kubryakova, E. S. (2004). *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke = Language and knowledge: Towards acquiring knowledge*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2004. (In Russ.)
3. Manerko, L. A. (2017). Perspectivisation as one of the principles of semantics conceptualization in discourse. *Language – Mind – Communication*, 57, 177–186. (In Russ.)
4. Belyaevskaya, E. G. (2005). Towards a uniform procedure of conceptual analysis. *Issues of cognitive linguistics*, 1, 5–15. (In Russ.)
5. Belyaevskaya, E. G. (1992). *Semanticheskaya struktura slova v nominativnom i kommunikativnom aspektah (kognitivnye osnovaniya formirovaniya i funkcionirovaniya semanticheskoy struktury slova) = Semantic structure of a word in nominative and communicative aspects (cognitive foundations of the formation and functioning of the semantic structure of a word): Senior Doctorate in Philology*. Moscow. (In Russ.)
6. Belyaevskaya, E. G. (2021). Cognitive dominants in the structure of lexico-semantic groups. *Cognitive studies of language*, 1 (44), 65–73. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Красикова Елизавета Александровна

преподаватель кафедры лексикологии английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Krasikova Elizaveta Alexandrovna

Lecturer, Department of English Lexicology, Faculty of the English Language,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 29.11.2021
одобрена после рецензирования 20.12.2021
принята к публикации 27.01.2022

The article was submitted 29.11.2021
approved after reviewing 20.12.2021
accepted for publication 27.01.2022



Образ природы в политическом дискурсе бывшего президента Республики Коста-Рика Лауры Чинчильи Миранды

Д. А. Кушнерева

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
kushnereva.daria@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена исследованию манипулятивного потенциала образа природы в политическом дискурсе бывшего президента Республики Коста-Рика Лауры Чинчильи Миранды (2010–2014). Результатом работы является репрезентация и анализ особенностей применения образа природы, а также природных метафор с целью реализации стратегий и тактик политического дискурса. В ходе исследования были использованы методы семантического, контекстуального и стилистического анализа, а также метод количественного и качественного анализа результатов.

Ключевые слова: политический дискурс, метафора природы, фитоморфная метафора, Лаура Чинчилья, Коста-Рика

Для цитирования: Кушнерева Д. А. Образ природы в политическом дискурсе бывшего президента Республики Коста-Рика Лауры Чинчильи Миранды // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2 (857). С. 95–102. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_2_857_95

Original article

The Image of Nature in the Political Discourse of the Former President of the Republic of Costa Rica Laura Chinchilla Miranda

Daria A. Kushnereva

*St Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
kushnereva.daria@gmail.com*

Abstract. The article studies the manipulative potential of the image of nature in the political discourse of the former President of the Republic of Costa Rica Laura Chinchilla Miranda (2010–2014). The result of the study is the analysis and presentation of the features of the use of the image of nature, as well as nature's metaphor to implement the strategies and tactics of political discourse. Methods: continuous sampling; method of semantic, contextual, and stylistic analysis; method of quantitative and qualitative analysis of research results.

Keywords: political discourse, metaphor of nature, phytomorphic metaphor, Laura Chinchilla, Costa Rica

For citation: Kushnereva, D. A. (2022). The image of nature in the political discourse of the former president of the Republic of Costa Rica, Laura Chinchilla Miranda. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(857), 95–102. 10.52070/2542-2197_2022_2_857_95

ВВЕДЕНИЕ

В 2008 году Лаура Чинчиля Миранда, воодушевленная высоким рейтингом своей популярности в Коста-Рике, уволилась со всех государственных должностей и год спустя она победила на президентских выборах 2010 года, представив свою кандидатуру от Партии Национального Освобождения (Partido Liberación Nacional) [Rodríguez, 2011]. Сохранение окружающей среды – один из важных аспектов предвыборной кампании Чинчиля, поскольку Коста-Рика отличается богатым биоразнообразием, множеством экосистем и стратегическим положением в центре американского континента [Báez, 2017]. Политическая конституция Коста-Рики не только гарантирует здоровую окружающую среду, но и предоставляет право на экологически сбалансированную окружающую среду [Quesada, 2009]. В связи с этим неудивительно, что природа страны, а также природная метафора занимают важное место в политическом дискурсе президента. Цель данной работы состоит в том, чтобы рассмотреть, как именно явления живой и неживой природы помогают президенту добиться реализации главного предназначения политического дискурса – внушить адресатам – гражданам сообщества – необходимость «политически правильных» действий и/или оценок [Bauley, 1985], а также проследить каким образом реализуются стратегии и тактики политического дискурса. В рамках данного исследования мы берем за основу стратегии и тактики, предложенные О. Л. Михалевой, в том числе основываясь на работах Г. А. Копниной и Д. Р. Акоповой. При проведении анализа метафоры и непосредственно образов живой и неживой природы в политическом дискурсе, в качестве теоретической базы для данного исследования использовались работы отечественных и зарубежных лингвистов, таких как А. П. Чудинов, Т. С. Вершинина, О. Хиральдо, П. Рикер, и др.

Данное исследование представляется актуальным для современного анализа политического дискурса, поскольку затрагивает такой малоизученный аспект, как метафора природы в политических речах. В том числе актуальность для современной испанистики представляет важность изучения женского политического дискурса Латинской Америки, и непосредственно речей первой женщины президента в истории Коста-Рики, ранее не являвшиеся предметом исследования отечественных лингвистов. Материалом для данной работы послужили речи Лауры Чинчиля Миранды, произнесенные ею в период президентства с 2010 по 2014 год, всего было рассмотрено 12 речей и обнаружено 38 примеров, в рамках данной работы представлен 21 пример.

ОБРАЗ ПРИРОДЫ

В РЕЧАХ ЛАУРЫ ЧИНЧИЛЬИ

В первую очередь отметим, что природа Коста-Рики выполняет в речах Лауры Чинчиля роль объединяющего фактора. Довольно часто бывший президент упоминает природное разнообразие страны с целью кооперации ее граждан, чаще всего ссылаясь не на названия городов или провинций, но на природные достопримечательности страны:

Tuve la dicha de compartir con la gente de muchísimos pueblos. Desde el que habita en la península, la pampa o la altura Guanacasteca, hasta el que habita las zonas costeras y fronterizas de Puntarenas. Desde el que puebla los hermosos valles, playas, y cordilleras de Limón, hasta los vecinos de los volcanes, lagos y monumentos históricos de Cartago. Desde las aglomeraciones urbanas de San José, Heredia y Alajuela, hasta los pueblos que habitan en las faldas de las hermosas montañas de nuestra cordillera central. – «Я хочу разделить мою радость с жителями самых разных регионов страны. С теми, кто живет на полуострове, в степях или на высокогорье Гуанакасте и с теми, кто живет в прибрежных и приграничных районах Пунтаренаса. С теми, кто населяет прекрасные долины, пляжные местности и горные хребты Лимона, с теми, кто проживает возле вулканов, озер и исторических памятников Картаго. В городских агломерациях Сан-Хосе, Эредиа и Алахуэла и в городах, расположенных у основания прекрасных гор нашего центрального хребта» (*Mensaje de la Señora Presidenta de la República ante la Asamblea Legislativa. Laura Chinchilla Miranda, 1 de Mayo 2014*).

Природа в речах Лауры Чинчиля наделена антропоморфными чертами, это не просто область, пространство, в котором обитают костариканцы, но и полноправный житель этой страны. Природа страны не просто прекрасна, но и наделена человеческими качествами, в первую очередь президент отмечает ее способность побуждать людей становиться лучше:

Nos hemos congregado aquí, al aire libre y bajo el Sol, circundados de montañas, más allá de las cuales se enfilan cordilleras y llanuras para arribar, en una distancia de solo kilómetros entre sí, a la inmensidad de dos océanos. **Las montañas nos elevan al infinito, como invocación de trascendencia, y la majestad de los océanos nos señalan la senda de la universalidad y de la hermandad.** – «Мы собрались здесь, под открытым небом и под солнцем, в окружении гор, за которыми

выстраиваются кордильеры и равнины, чтобы на расстоянии всего нескольких километров друг от друга приблизиться к необъятным двум океанам. **Горы возносят нас к бесконечности, призывая к мудрости, а величие океанов указывает нам путь единения и братства**» (*Discurso Toma De Posesión, Laura Chinchilla Miranda, 8 De Mayo De 2010*).

Но не только функцию объединения граждан выполняет образ природы в речах бывшего президента, но еще и тактику презентации самих костариканцев. Основная цель данной тактики заключается в презентации какого-либо лица в положительном свете, «говорящий, используя лексические единицы с положительной коннотацией, рассказывает о положительных качествах представляемого им объекта» [Акопова, 2013, с. 406]:

En un mundo que exige de nuestra tierra más de lo que ella puede dar, los y las **costarricenses nos sentimos comprometidos a servir de ejemplo al mundo**, en la difícil tarea de conciliar sus necesidades de crecimiento económico con la preservación del medio ambiente. – «В мире, который требует от нашей земли большего, чем она может дать, мы, **костариканцы, чувствуем себя обязанными служить примером для всего человечества** в этой трудной задаче согласования своих потребностей экономического роста с сохранением окружающей среды» (*Discurso de Laura Chinchilla Miranda, Presidenta de Costa Rica Conferencia de las Naciones Unidas sobre Desarrollo Sostenible (Río+20) 20 de junio 2012*).

Таким образом, кооперация достигается за счет общей цели – сохранения окружающей среды, одновременно с этим Лаура Чинчилиа выделяет костариканцев среди других жителей планеты, что свидетельствует о стремлении президента создать позитивную презентацию Коста-Рики.

МЕТАФОРА ПРИРОДЫ В РЕЧАХ ЛАУРЫ ЧИНЧИЛЫ

Далее рассмотрим более подробно самые часто употребляемые метафорические образы, которые использует в своих речах бывший президент Коста-Рики.

По образному выражению П. Рикера, метафора – это фигура речи, одна нога которой стоит на стороне риторики, а другая на стороне поэтики. Это означает, что метафора как риторический прием пытается «убедить», «заставляя нас чувствовать», расширяя знания до аффективного поля [Ricoeur, 1980]. Широкое использование природных метафорических моделей, скорее всего, связано с тем,

что мир природы традиционно значим для национального сознания граждан любой страны. Как писал А. П. Чудинов, по отношению к природе: «человек чувствовал себя ее частью, искал в ней образцы для осмысления общественной жизни и своего отношения к социуму» [Чудинов, 2001, с. 132]. «Фитоморфные образы – одна из традиционных понятийных сфер политической метафоры. В ее основе лежат базовые метафоры, связанные с архетипическим восприятием мира, в котором все имеет корни и плоды, происходит из каких-то семян и зерен» [Чудинов, 2001, с. 145].

В результате анализа использования природной метафоры в речах Лауры Чинчилиа мы выделили несколько групп:

Плоды, семена, процветание и урожай

Самым частотным образом, который использует президент, становится образ плодов как результат эффективной работы правительства в разных сферах жизни страны, от спорта и образования до торговли и экономики:

Hemos realizado las más altas inversiones de la historia en la preparación de nuestros deportistas, lo cual **dio sus frutos** en los recién pasados Juegos Deportivos Centroamericanos que con gran éxito se organizaron en nuestro país. – «Мы сделали самые большие вложения в истории страны в подготовку наших спортсменов, которые **принесли свои плоды** на недавних Центральноамериканских спортивных играх, прошедшие с большим успехом в нашей стране» (*Informe de Labores de Gobierno Alocución a la Asamblea Legislativa 1 de Mayo 2013*).

La mejora en la educación y la capacitación **darán sus frutos** en el mediano plazo. – Улучшение образования и профессиональной подготовки **даст свои плоды** в среднесрочной перспективе (*Informe de Labores de Gobierno Alocución a la Asamblea Legislativa 1 de Mayo 2013*).

El vigor mostrado por nuestra economía en estos últimos años, ha sido también **el fruto** de muchos pequeños y medianos empresarios. – «Мощь, продемонстрированная нашей экономикой в последние годы, – **плод** труда многих малых и средних предпринимателей» (*Informe de Labores de Gobierno Alocución a la Asamblea Legislativa 1 de Mayo 2013*).

Помимо этого, образ «плода», как результат успешной деятельности, служит реализации тактики побуждения – стремление «подтолкнуть»

слушателей к совершению определенных действий, к принятию какой-либо точки зрения или же решения:

Es cierto que la apertura comercial no constituye por sí misma la garantía para el desarrollo; pero la evidencia demuestra, que el comercio internacional es un importante motor del crecimiento y que rinde **sus mayores frutos** cuando se impulsa junto al fortalecimiento de adecuados instrumentos de política interna. – «Верно то, что открытость торговли сама по себе не является гарантией развития; но факты показывают, что международная торговля является важным двигателем роста и приносит **свои наибольшие плоды**, когда развивается одновременно с укреплением соответствующих инструментов внутренней политики» (*Mensaje de la Señora Presidenta de la República ante la Asamblea Legislativa. Laura Chinchilla Miranda. 1 de Mayo 2014*).

В том числе довольно часто мы встречаем упоминание семян и урожая:

En este período, miles de niños y jóvenes se sumaron a las escuelas de música que están por todo el país, o a las competencias deportivas que visitaron hasta las regiones más alejadas. Estoy convencida de que con estas actividades, **dejamos sembradas las semillas** de una generación que sorprenderá a Costa Rica por sus victorias futuras. – «За это время тысячи детей и молодых людей записались в музыкальные школы по всей стране или в спортивные кружки, которые они смогли посетить даже в самых отдаленных регионах. Я убеждена, что этими действиями **мы сеем семена того поколения**, которое удивит Коста-Рику своими будущими победами» (*Mensaje de la Señora Presidenta de la República ante la Asamblea Legislativa. Laura Chinchilla Miranda. 1 de Mayo 2014*).

Los triunfos **cosechados** en tres años de gobierno nos dan la seguridad de que podemos avanzar aún más. – «Собранный за эти три года **урожай побед** дает нам уверенность, что мы сможем достигнуть большего» (*Informe de Labores de Gobierno Alocución a la Asamblea Legislativa 1 de Mayo 2013*).

Семена – причины, зарождение чего-то нового, а плоды и урожай – «следствие успешно пройденного цикла жизни, – это символ результатов и целей деятельности» [Кропотухина, 2011, с. 142]. Таким образом, как указывает Т. С. Вершинина: «Использование фитоморфной метафоры в политическом дискурсе позволяет подчеркнуть сложность политической деятельности, направленной на совершенствование политической действительности.

Для того чтобы растение дало плоды, надо вспахать землю, посеять семена, ухаживать за посевами, оберегать их от непогоды и желающих поживиться, своевременно и по возможности без потерь собрать урожай» [Вершинина, 2006, с. 121]. Как следствие президент, используя данные образы, демонстрирует усилия своего правительства и те успехи, которых удалось достичь, что является проявлением тактики самопрезентации.

Еще один положительный образ, который использует Чинчилья, это образ «цветения». «Способность к цветению – свидетельство того, что растение способно давать плоды, соответственно в метафорическом плане цветение предвещает некие положительные результаты политической деятельности» [Кропотухина, 2011, с. 142]:

En este momento, alrededor del mundo, esos valores y los compromisos que implican **florece**n, pero también sufren. – «Сейчас во всем мире эти ценности и обязательства, которые они подразумевают, **процветают**, но также и подвергаются испытаниям» (*Discurso de la Presidenta de la República de Costa Rica, Laura Chinchilla Miranda, en el Debate General de la Asamblea General de las Naciones Unidas Nueva York, 23 de setiembre de 2010*).

Корни, деревья, почва

Как пишет А. П. Чудинов: «Традиционно корни символизируют источник силы и могущества дерева, именно благодаря корням живет верхушка дерева, развиваются его ветви. В политической метафоре при помощи этого образа часто отражаются причинно-следственные связи и верность политика родному региону» [Чудинов, 2001, с. 147]:

Estos problemas los tenemos que enfrentar desde **sus raíces**, con políticas fundamentadas en nuestros principios de solidaridad, que privilegien la prevención y la reinserción. – «Мы должны решать эти проблемы, **начиная с корней**, проводя политику, основанную на наших принципах солидарности, в которых приоритет отдается предупредительным мерам и реинтеграции» (*Avanzamos en la Ruta de la Seguridad Humana Discurso Presidencial 1ero de mayo, 2012*).

Hemos avanzado en desarrollo, pero aún no hemos podido consolidarlo al punto de prescindir de la cooperación internacional. Aún requerimos de ella para **enraizar** plenamente nuestros logros. – «Мы добились прогресса в развитии, но пока не смогли укрепить его с тем, чтобы отказаться от международного сотрудничества. Мы по-прежнему нуждаемся в нем, чтобы

окончательно **укоренить** наши достижения» (*Discurso de la Presidenta de Costa Rica, Laura Chinchilla Miranda, en el Debate General de la sexagésimo sexta sesión de la Asamblea General de las Naciones Unidas, 2011*).

El sector agropecuario **está enraizado** en nuestra historia y es parte de nuestra identidad. – Сельскохозяйственный сектор **уходит корнями** в нашу историю и является частью нашей идентичности (*Discurso pronunciado en la Asamblea Legislativa el 5 de mayo del 2011*).

Лаура Чинчилья также сравнивает демократию с растущим деревом подчеркивая тем самым важность голосования на выборах:

Ustedes son parte de **la savia con que el árbol de nuestra democracia reactiva sus bríos** con cada elección. – «Вы – **часть сока, с помощью которого дерево нашей демократии восстанавливает свою силу** с каждым выборами» (*Mensaje de la Señora Presidenta de la República ante la Asamblea Legislativa. Laura Chinchilla Miranda. 1 de Mayo 2014*).

Т. С. Вершинина в своих исследованиях фитоморфной метафоры отмечает, что для нее «в целом нехарактерна негативная эмоциональная оценка; подобные образы акцентируют естественность и непрерывность развития жизни, всеобщую взаимосвязь в природе и обществе, необходимость затраты значительных усилий для получения нужных результатов, благотворную роль местной почвы и другие традиционные ценности» [Вершинина, 2002, с. 14]. Однако в речах Лауры Чинчильи, к примеру фразеологизм «благодатная почва» используется для реализации тактики «анализ-минус», при которой манипулирование происходит за счет демонстрации отрицательных сторон, констатации слабых мест или ошибок [Малюкова, 2011, с. 24]:

Igualmente, la disfuncionalidad de algunas instituciones, pone a prueba nuestras responsabilidades cívicas. Algunas de estas disfuncionalidades, se han convertido en **terreno fértil** para que individuos o grupos impidan el avance de importantes políticas que nuestro país requiere. – «Точно так же несостоятельность некоторых институтов подвергает испытанию нашу гражданскую ответственность. Некоторые из этих недееспособных организаций стали для отдельных лиц или групп лиц **благодатной почвой**, препятствующей продвижению важных политических решений, необходимых нашей стране» (*Mensaje de la Señora Presidenta de la República ante la Asamblea Legislativa. Laura Chinchilla Miranda. 1 de Mayo 2014*).

Облака, тучи, туман и ветер

Фитоморфная метафора охватывает не только наименования растений и их частей, но и включает знания о некоторых объектах ландшафта, их структуре и представлениях о некоторых климатических явлениях [Mishankina, Deeva, 2015]. Образы «неживой природы» используются в речах бывшего президента Коста-Рики в большинстве случаев для создания негативной коннотации, самыми популярными образами становятся «облака», «тучи», а также глагол «затуманивать»:

El crimen violento crecía de manera incontenible y se posaba **como nubarrón** cargado de malos augurios, empañando nuestra tradición de paz y armonía. – «Жестокие преступления бесконтрольно росли и накрывали нас, **как черное облако**, полное дурных предзнаменований, пятнающее нашу традицию мира и гармонии» (*Mensaje de la Señora Presidenta de la República ante la Asamblea Legislativa. Laura Chinchilla Miranda. 1 de Mayo 2014*).

Aunque los acontecimientos legislativos de ese día **parecían nublar** momentáneamente algunas de esas tradiciones de nuestra centenaria democracia, terminó imperando la cordura para fortuna de nuestra institucionalidad. – «Хотя законодательные события того дня, казалось, на мгновение **затуманили** некоторые из этих традиций нашей многовековой демократии, в конечном итоге здравомыслие повлияло на состояние наших институтов власти» (*Discurso pronunciado en la Asamblea Legislativa el 5 de mayo del 2011*).

Помимо этого, образы неживой природы в речах бывшего президента Коста-Рики реализуют тактику предупреждения, а также усиливают тактику неявного обвинения:

Tampoco debemos permitir que esos problemas y esas divergencias, nos **nublen** los grandes desafíos que aún nos aguardan y nos impidan vencer diferencias para poder superarlos. – «Мы также не должны позволять этим проблемам и расхождениям **затуманивать** те большие трудности, которые все еще ждут нас, и мешают нам устранить различия для их преодоления» (*Informe de Labores de Gobierno Alocución a la Asamblea Legislativa 1 de Mayo 2013*).

A nuestro Gobierno le correspondió actuar en tiempos **plagados de nubes**, que pusieron constantemente a prueba nuestro espíritu y nuestra capacidad de lucha por las causas que debíamos emprender y defender. – «Нашему правительству пришлось действовать во

времена, **окутанные облаками**, постоянно подвергавшимися испытанию наш дух и нашу способность бороться за дела, которые мы должны были совершать и защищать» (*Mensaje de la Señora Presidenta de la República ante la Asamblea Legislativa. Laura Chinchilla Miranda. 1 de Mayo 2014*).

Образы неживой природы помогают также усилить тактику самопрезентации, демонстрируя, что в даже непростые времена, правительству Лауры Чинчили удалось достигнуть успехов:

El informe que me he permitido brindar habla ya no de aspiraciones como lo hicimos hace cuatro años, sino de realizaciones y de cómo esas realizaciones impactaron positivamente el estado de la nación. **Pese a las nubes** que para algunos opacan la percepción sobre la situación del país, lo cierto es que Costa Rica ha mantenido su liderazgo en diversas áreas, y más recientemente, ha conquistado nuevos reconocimientos. – «В докладе, который я сегодня представила, говорится больше не о чаяниях четырехлетней давности, а о достижениях и о том, как эти достижения положительно повлияли на состояние нации. **Несмотря на тучи**, которым омрачают восприятие ситуации в стране, правда в том, что Коста-Рика сохранила свое лидерство в различных областях, а в последнее время получила новое признание» (*Mensaje de la Señora Presidenta de la República ante la Asamblea Legislativa. Laura Chinchilla Miranda. 1 de Mayo 2014*).

Si la voluntad es seguir generando prosperidad, ahí quedan los sólidos cimientos de una economía que en medio de **los vientos más huracanados** se mantuvo estable, creciendo, con bajos niveles de inflación y que incursiona con éxito en el mundo de la innovación. – «Если воля и дальше будет способствовать развитию, у нас будет прочная основа для экономики, которая в разгар самых **ураганных ветров** оставалась стабильной, растущей, с низким уровнем инфляции и которая успешно интегрируется в мир инноваций» (*Mensaje de la Señora Presidenta de la República ante la Asamblea Legislativa. Laura Chinchilla Miranda. 1 de Mayo 2014*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Метафора в политике является одним из самых мощных языковых ресурсов, который применяется

для образного построения реальности в постоянном взаимодействии с окружающим миром. Анализ метафор позволяет нам глубже взглянуть на мотивы и значения, которые эксплицитно не указываются в речах. В результате мы можем увидеть, как говорящий применяет метафоры с целью повлиять на свою аудиторию и передавать сообщения и мнения, что мы не всегда осознаем [Flensburg, 2011]. Таким образом, в отношении использования образа природы в речах Лауры Миранды Чинчили, мы можем отметить следующее:

1. Отсылки к природным достоениям Республики Коста-Рики, способствуют реализации тактики кооперации и тактики презентации. Сама природа в речах Л. Чинчили наделена антропоморфными чертами и выступает не как фон, на котором разворачивается жизнь людей, но как еще один полноправный житель страны. Данная идея может трактоваться как риторическая стратегия, поскольку сохранение и защита природы Коста-Рики – важная политическая задача, которую поставила перед собой президент еще в своей предвыборной кампании.
2. Образы «живой» природы, которые представлены в речах Чинчили: плоды, семена, процветание и урожай, а также корни, деревья и почва. Образы «неживой» природы: облака, тучи, туман и ветер. Самыми частыми становятся образы плодов и корней. Также используются глаголы, основанные на природных или растительных явлениях, к примеру, «укорениться» или «затуманить».
3. В речах политика фитоморфная метафора в большей степени применяется для создания положительных образов, в основном для реализации тактики самопрезентации, в то время как явления неживой природы используются с негативной коннотацией, реализуя стратегию на понижение, а именно тактику «анализ-минус». Однако стоит отметить, что образы неживой природы помогают также усилить тактику самопрезентации, демонстрируя достижения правительства Чинчили.
4. Метафоры природы используются также для реализации и усиления тактики побуждения, самопрезентации, предупреждения и неявного обвинения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Rodríguez M. ¿Casualidad o causalidad? América Latina y sus mujeres presidentes: cinco casos específicos. Leiboenandi: Hólmfriour, 2011.

2. Báez L. A. Sistematización de las experiencias de ecoturismo / turismo sostenible y su contribución a la conservación de la biodiversidad de Costa Rica. MINAE, SINAC y JICA. San José, Costa Rica: MINAE, SINAC, 2017.
3. Quesada G. C. El reconocimiento del derecho a un medio ambiente sano en el derecho internacional y en Costa Rica // Revista Cejil Debates sobre Derechos Humanos y el Sistema Interamericano, 2009. Año IV. Nº 5. P. 104–113.
4. Bayley P. Live oratory in the television age: The language of formal speeches // G. Ragazzini, D. R. B. P. Miller (eds). Campaign language: Language, image, myth in the U.S. presidential elections 1984. Bologna: Cooperativa Libreria Universitaria Editrice Bologna, 1985. P. 77–174.
5. Акопова Д. Р. Стратегии и тактики политического дискурса // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 6 (1). С. 403–409.
6. Ricoeur P. The Rule of Metaphor [Book Review]. Harrison Hall, Philosophical Review. 1980. Vol. 89(1). P. 117–121.
7. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): Монография / Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург, 2001.
8. Кропотухина П. В. Метафорическая модель «Демократия это растение в политических дискурсах России и Великобритании» // Политическая лингвистика. 2011. № 2 (36). С. 141–145.
9. Вершинина Т. С. Метафоры с исходной биологической основой и политический режим // Уральский вестник международных исследований. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2006. Вып. 5. С. 118–123.
10. Вершинина Т. С. Зооморфная, фитоморфная и антропоморфная метафора в современном политическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.
11. Малюкова Д. С. О примерах использования тактик манипулирования в современном медийном дискурсе // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 347. С. 24–27.
12. Mishankina N. A., Deeva A. I. Lingvocognitive Specificity of Metaphorical Modeling in Russian Oil and Gas Terminology // Procedia Social and Behavioral Sciences. 2015. P. 293–300.
13. Flensburg A. El uso de la metáfora en los discursos de Evo Morales (Un análisis de los discursos del Presidente boliviano en la Asamblea General de las Naciones Unidas) / Trad. Fernando Bermúdez. Estocolmo: Editorial UPPSALA, 2010.

REFERENCES

1. Rodríguez, M. (2011). ¿Casualidad o causalidad? América Latina y sus mujeres presidentes: cinco casos específicos. Leiboenandi: Hólmfriour.
2. Báez, L. A. (2017). Sistematización de las experiencias de ecoturismo / turismo sostenible y su contribución a la conservación de la biodiversidad de Costa Rica. MINAE, SINAC y JICA. San José, Costa Rica: MINAE, SINAC.
3. Quesada, G. C. (2009). El reconocimiento del derecho a un medio ambiente sano en el derecho internacional y en Costa Rica. Revista Cejil Debates sobre Derechos Humanos y el Sistema Interamericano, 5, 104–113.
4. Bayley, P. (1985). Live oratory in the television age: The language of formal speeches. In G. Ragazzini, D. R. B. P. Miller eds. Campaign language: Language, image, myth in the U.S. presidential elections 1984 (pp. 77–174). Bologna: Cooperativa Libreria Universitaria Editrice. Bologna.
5. Akopova, D. R. (2013). Strategii i taktiki politicheskogo diskursa = Strategies and tactics of political discourse. Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod, 6(1), 403–409. (In Russ.)
6. Ricoeur, P. (1980). The role of metaphor [Book Review]. Harrison Hall, Philosophical Review, 89(1), 117–121.
7. Chudinov, A. P. (2001). Rossiya v metaforicheskom zerkale: Kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991–2000) = Russia in a metaphorical mirror: Cognitive study of political metaphor (1991–2000): monograph. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. (In Russ.)
8. Kropotukhina, P. V. (2011). Metaforicheskaya model' «Demokratiya eto rastenie v politicheskikh diskursah Rossii i Velikobritanii» = Metaphorical model «Democracy is a plant» in political discourses of Russia and Great Britain. Political linguistics, 2(36), 141–145. (In Russ.)
9. Verшинina, T. S. (2006). Metaphors with an initial biological basis and political regime. Ural'skii vestnik mezhdunarodnykh issledovaniy, 5, 118–123. (In Russ.)
10. Verшинina, T. S. (2002). Zoomorfnaya, fitomorfnaya i antropomorfnaya metafora v sovremennom politicheskom diskurse = Zoomorphic, phytomorphic and anthropomorphic metaphor in modern political discourse: abstract of PhD in Philology. Ekaterinburg. (In Russ.)
11. Malyukova, D. S. (2011). Examples of manipulation tactics usage in modern media discourse. Tomsk State University Journal, 347, 24–27. (In Russ.)

12. Mishankina, N. A., Deeva, A. I. (2015). Lingvocognitive specificity of metaphorical modeling in Russian oil and gas terminology. *Procedia social and behavioral sciences* (pp. 293–300).
13. Flensburg, A. (2010). *El uso de la metáfora en los discursos de Evo Morales (Un análisis de los discursos del Presidente boliviano en la Asamblea General de las Naciones Unidas)*, Trad. Fernando Bermúdez. Estocolmo: Editorial UPPSALA.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кушнерева Дарья Андреевна

аспирант филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kushnereva Daria Andreevna

Postgraduate Student of the Faculty of Philology, St. Petersburg State University

Статья поступила в редакцию 10.01.2022
одобрена после рецензирования 24.01.2022
принята к публикации 27.01.2022

The article was submitted 10.01.2022
approved after reviewing 24.01.2022
accepted for publication 27.01.2022



Фразеологическая репрезентация образа «ловушки» в Веспасиановой псалтири

С. В. Мухин¹, С. В. Иноземцева²

^{1,2}Московский государственный институт международных отношений МИД России, Москва, Россия

¹s.muhi@inno.mgimo.ru

²inozemtsevasv@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено изучению семантических и стилистических особенностей ветхозаветных фразеологизмов с компонентом *ziren* (ловушка) в древнеанглийской версии Веспасиановой псалтири IX века. Представляя собой ранние фразеологические кальки с латинского языка, рассматриваемые фразеологизмы демонстрируют значительный фразообразовательный потенциал лексемы *ziren*, которая посредством метафоры вербализует концепт ЛОВУШКА и создает образ человека, выступающего в роли добычи на охоте. Большинство фразеологизмов с данным образом отличаются негативной оценочностью.

Ключевые слова: фразеология, Веспасианова псалтирь, лингвокультурология, история английского языка, калькирование

Для цитирования: С. В. Мухин, С. В. Иноземцева. Фразеологическая репрезентация образа «ловушки» в Веспасиановой псалтири // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2(857). С. 103–109. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_2_857_103

Original article

Phraseological Representation of the Image of a Snare in the Vespasian Psalter

Sergei V. Mukhin¹, Svetlana V. Inozemtseva²

^{1,2}Moscow State Institute of International Relations of the Foreign Ministry of Russia, Moscow, Russia

¹s.muhi@inno.mgimo.ru

²inozemtsevasv@mail.ru

Abstract. The research concentrates on studying the semantic and stylistic properties of the idioms with the lexical component *ziren* (snare) in the 9th century Anglo-Saxon gloss of the Vespasian Psalter. Being early phraseological loan-translations from Latin, the idioms demonstrate a considerable phrase-building potential of the lexeme *ziren*, which metaphorically verbalizes the concept SNARE and builds the image of a person hunted down into trouble. Most often the idioms with that image possess the capacity to express negative evaluation.

Keywords: phraseology, Vespasian Psalter, linguoculturology, history of English, loan-translation

For citation: Mukhin, S. V., Inozemtseva, S. V. Phraseological representation of the image of a snare in the Vespasian psalter. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(857), 103–109. 10.52070/2542-2197_2022_2_857_103

ВВЕДЕНИЕ

Одна из главных проблем при изучении фразеологии древних языков – это крайняя ограниченность доступного языкового материала. В этом отношении не является исключением и древнеанглийский язык. Вполне оправданным представляется допущение, что идиоматика повседневной разговорной речи носителей языка менее всего была подвержена письменной фиксации. Фразеологизмы, обнаруживаемые в манускриптах, относятся, как правило, к высокому языковому регистру, обслуживая поэзию, терминологию и духовную литературу.

Особое место во фразеологической подсистеме занимала религиозная фразеология, поскольку для Раннего Средневековья понятия «религия» и «духовная культура» были во многом тождественными. Ведущим нравственным ориентиром, законом жизни и высшим авторитетом было Священное Писание, в котором помимо собственно моральных предписаний люди Средневековья находили сумму научного знания, источник антропологических, космологических и теологических представлений [Гладков, 2017, с. 527]. Для фразеологии древнеанглийского языка неопределимым источником языкового материала выступают библейские тексты. В результате принятия христианства в Англии латинские традиции и язык заметно усилили свое воздействие на развитие древнеанглийского языка. Это отразилось в освоении последним новых сфер коммуникации [Соколова, 2018].

Настоящее исследование ставит своей целью рассмотреть функционально-семантические и стилистические характеристики фразеологических калек Веспасиановой псалтири, созданных на основе образа «ловушки», с использованием методов концептуального и лингвокультурологического анализа, компонентного и контекстуального анализа, семантико-стилистической интерпретации и приема соотношения компонентов фразеологизмов со знаками различных семиотических областей культуры.

ИСТОЧНИК И ЯЗЫКОВОЙ МАТЕРИАЛ

Нами рассматривается редакция Г. Свита [The Oldest English Texts, 1885] рукописи *MS Cotton Vespasian A I*, созданной на латинском языке в первой половине VIII века. Такая датировка делает этот памятник письменности первой псалтирью Древней Англии. Спустя примерно столетие, во второй четверти IX века, к рукописи был составлен подстрочник – древнеанглийские глоссы к латинскому тексту. Подстрочный перевод внесен в рукопись рукой королевского писца, чей почерк также

идентифицируется в других манускриптах, принадлежавших аббатству Св. Августина в Кентерберри или созданных в нем [Cotton MS Vespasian A I, 2022]. Таким образом, помимо того, что рассматриваемый манускрипт является первой псалтирью на Британских островах, в части, представленной глоссами, его также следует признать самой ранней англоязычной версией псалтири и вообще первым образцом перевода библейского текста на английский язык.

Создание подстрочника на местном языке, очевидно, было вызвано необходимостью обеспечить максимально точное и буквальное понимание сакрального текста носителями древнеанглийского языка. Наряду с этим требованием буквальности обусловило использование переводчиками Кентерберийского скриптория – предполагаемыми создателями глосс – фразеологического калькирования как главного и практически единственного способа передачи латинской ветхозаветной фразеологии. Таким образом, благодаря единому набору культурных концептов, существовавшему в подавляющем большинстве семиотических областей концептосферы культуры, была создана и поддерживалась непрерывная письменная фразеологическая традиция в древнеиудейской, латинской и англосаксонской культурных и языковых общностях.

Приведем в качестве примера действия механизма фразеологического калькирования ветхозаветную идиому *венчать милостью и щедротами* из 102-го псалма Веспасиановой псалтири:

...coronat te in miseratione et misericordia (102: 4)
 ...zebezað¹ ðec in mildse & mildheortnisse –
 «...венчает тебя милостью и щедротами»²

Древнеанглийская версия данного контекста представляет собой типичную фразеологическую кальку с латинского оригинала, свидетельством чего выступают следующие признаки: 1) количество компонентов словосочетания на обоих языках одинаково – шесть единиц; 2) порядок слов в древнеанглийском переводе по-прежнему воспроизводит латинский; 3) имеет место тождество грамматических форм в двух языках, например *coronat* – *zebezað* (3-е л. ед. ч. презенса индикатива), *te* – *ðec* (2-е л. ед. ч. аккузатива)

¹ Орфография древнеанглийских слов приводится в соответствии с отечественной учебно-исследовательской и издательской традицией. – С. М.

² Здесь и далее русский вариант приводится по тексту Псалтири Полного православного молитвослова [Полный православный молитвослов, 2021]. Нумерация псалмов в русской версии и Веспасиановой псалтири совпадает. Нумерация стихов дается по Веспасиановой псалтири.

и т. д.; 3) стилистическим средством подкрепления фразеологического единства компонентов в обеих версиях выступает тавтологический повтор *miseratione et misericordia – mildse & mildheortnisse*; 4) образ, лежащий в основе метафорического переноса значения латинской идиомы, полностью сохраняется в древнеанглийском варианте: такие абстракции, как «милость» и «щедрость», уподобляются артефакту – венцу, возлагаемому на голову героя или царя в качестве награды или знака избранности.

Для истории английского языка и фразеологии большой интерес представляют такие ранние фразеологические кальки, буквально передающие значение и структуру латинских оригинальных словосочетаний. В древнеанглийском тексте Веспасиановой псалтири с учетом вариативности некоторых единиц нами отмечено девять фразеологизмов с субстантивным компонентом *ziren*, вербализующим концепт ЛОВУШКА.

Для библейских текстов характерна рекуррентность образов, лежащих в основе фразеологических единиц (ФЕ) [Федуленкова, 2019, с. 110–111]. Один и тот же образ может воспроизводиться в различных ФЕ в нескольких книгах Ветхого и Нового Заветов. Фразеологический образ трактуется нами как наглядное представление, «картинка», на фоне которой воспринимается целостное значение фразеологизма как обобщенно-переносное, как метафорический или метонимический дериват, возникающий в результате переосмысления первоначального смысла словесного комплекса-прототипа [Солодуб, 1990].

Значимым фактором, определяющим семантические характеристики ФЕ-библейских, выступает их компонентный состав. В зависимости от семантики стержневого лексического компонента, идиомы подразделяются на ряд семантических типов, соотносимых с определенными кодами культуры: соматизмы, зоонимы, природные ФЕ и т. д. Один из самых распространенных в Библии семантических типов ФЕ – это артефактизмы, в составе которых присутствует субстантивный компонент с предметно-вещественным значением, причем денотатом этого субстантива обычно является предмет искусственного происхождения. Некоторые существительные, называющие артефакты, на регулярной основе выполняют в библейских текстах фразеобразующую функцию. В качестве примеров можно назвать такие лексемы, как *hus* (дом), *strælc* (стрела), *calic* (чаша), *zeat* (ворота) и др.

Характерным является то, что устойчивые словосочетания с ведущим компонентом-артефактизмом, как правило, демонстрируют идиоматический вид фразеологической связи, поскольку именно

компонент-артефактизм в составе словосочетания претерпевает метафорический перенос значения, например *byrzen open* (речи грешника, букв.: 'гроб открытый'), где существительное *byrzen* (н.-англ. *a burying, grave, sepulchre, tomb*; лат. *sepulcrum, monumentum, tumba*) используется в целях создания образа:

...forðon nis in muðe heara soðfestnis heorte heara idel is **byrzen open** is hræce heara (6: 10–11) – «...Ибо нет в устах их истины, сердце их суетно, **гроб открытый** – гортань их».

В приведенном примере можно видеть одновременно метонимизацию и метафоризацию: лживые речи, произносимые грешниками – это открытая гортань (*hræce*), которая, в свою очередь, уподобляется разверстой могиле, посредством чего создается яркий и резко отрицательный образ.

В рамках настоящего исследования рассматриваются ФЕ с компонентом *ziren* (н.-англ. *snares*, лат. *laqueus*) – *сеть, силок, тенета, петля, ловушка, капкан, западня*. Новоанглийские и латинские значения приводятся по классическому словарю древнеанглийского языка Bosworth-Toller [Bosworth-Toller, 2021].

Анализ контекстов со словоформами лексемы *ziren* показывает, что ей свойствен значительный фразеобразовательный потенциал. В 150 псалмах нами обнаружено до десятка фразеологизмов с данным компонентом, отличительной особенностью которых выступает общая образная основа. В структурном отношении большинство данных ФЕ представляют собой глагольные словосочетания, в которых компонент *ziren* может выполнять самые различные синтаксические функции. Рассмотрим конкретные контексты из псалтири в лингвокультурологическом ключе.

КОНТЕКСТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Анализ контекстов, в которых присутствуют словосочетания с существительным *ziren*, позволяет говорить о том, что данная лексема выступает фразеобразующим, стержневым компонентом для целого ряда образных идиом, в основе которых лежит макрометафорическая концептуальная модель – глубинное основание образа [Зыкова, 2014, с. 11]: ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЗЛОДЕЯМИ И ПРАВЕДНЫМИ ЛЮДЬМИ – ЭТО ОХОТА. В рамках этой модели конкретный артефакт – охотничья снасть, называемая лексемой *ziren*, предстает как культурный символ опасности и гибели.

Образ «ловушки» во всех фразеологизмах Веспасиановой псалтири соотносится с вещным

кодом культуры, т. е. с совокупностью представлений о предметном мире, объекты которого или их атрибуты могут выполнять функции символов или эталонов. Фразеологизмы содержат вещную метафору. В основе создаваемого образа здесь лежит стереотипное и общее для различных культур представление ловушки как инструмента охоты на дичь. В понимании древних англосаксов, равно как и носителей древнеиудейской и латинской культур, ловушка, поставленная охотником, скорее всего предполагала гибель попавшегося в нее животного. Если же жертве удавалось выбраться из ловушки, то это было равнозначно спасению.

...sar helle yumbsaldon me forecswomon me **zerene deaðes** (17: 6) – «...муки ада окружили меня, встретили меня **сети смертные**».

В приведенном контексте словосочетание *zerene deaðes* (букв.: 'силки смерти') символизирует саму смерть. Как множество других библейских идиом, данный фразеологизм метафорически описывает духовное понятие (в данном случае духовную гибель) посредством его сопоставления с явлением окружающей реальности, то есть физической смертью жертвы, загнанной в ловушку.

Это же свойство библейских ФЕ просматривается в следующем примере:

...ezan mine aa to dryhtne forðon he **aluced of zirene foet** mine (24: 15) – «...Очи мои – всегда ко Господу, ибо Он **извлечет из сети ноги** мои».

Глагольная ФЕ *alucan of zirene foet* основана на метафоре, изображающей духовное спасение как физическое действие – освобождение (*alucan* – н.-англ. *withdraw*; лат. *evellere*) ног из капкана. Фразеологическое значение словосочетания – спасти от беды, от смертельной опасности. Аналогичный образ присутствует и в другом контексте:

...**zirene zearwadon fotum** minum (56: 7) – «...**сеть приготовили ногам** моим».

В данном, равно как и в предыдущем, примере следует отметить взаимодействие вещного и соматического кодов культуры. Охотничий силок или капкан устроены так, что зверь или птица попадают в ловушку, наступив на нее. Таким же образом в ловушке может оказаться человек, запутавшись в ней ногами.

Отношения между честными, праведными людьми и злонамеренными грешниками уподоблены охоте, на которой первые – это добыча,

а вторые – охотники. Схожий образ создается в следующем контексте:

utaledes mec of zerene ðisse ða zedezlodon mec (30: 4) – «**выведешь меня из этой сети**, которую скрыли для меня».

В контексте сема скрытости, входящая составной частью в семантическую структуру существительного *ziren* (*силок, капкан*), эксплицитно усиливается глаголом *zedizlian* – «скрывать, прятать» (н.-англ. *conceal, hide, cover*; лат. *occulere*). Скрытность опасности предполагает ее неожиданность. В некоторых случаях сема скрытости явно выражается глагольным компонентом самой ФЕ, как в следующем примере:

...trymedun him word yfel fleotun ðæt hie **ahydden zirene** (63: 6) – «...укрепились в злом намерении, сговорились **скрытно поставить силки**».

У глагола *ahydan* (н.-англ. *hide*; лат. *abscondere*) сема скрытости выступает архисемой.

Как можно видеть, во всех приведенных примерах коннотативные характеристики фразеологизмов обуславливают их употребление в качестве средств негативной оценки. Обратное является редким исключением:

...ðu **zeleddes usic in zirene** ðu settes zeswencednisse in bece urum (65: 11) – «...**ввел нас в сеть**, возложил скорби на плечи наши».

В данном контексте в образе охотника, загоняющего дичь в силки, выступает Бог, испытывающий людей трудностями, чтобы укрепить их в вере. В данном случае о негативной оценке речи не идет.

В следующем контексте можно отметить две идиомы с компонентом *ziren*:

...**cyme him ziren** ða hie neoton & zeheftednis ða zedezlodon zezriped hie **in zirene inzefallen hie** in ðæt ilce (34: 8) – «Да **настигнет его сеть**, которой не знает он, и ловушка, которую скрыл, да захватит его, и **в сеть – да падет** в нее».

Здесь ловушка предстает как орудие справедливого возмездия, настигающего грешника. В следующем контексте также присутствуют две идиомы подряд:

...sawul ur swe swe spearwa **zenered is of zirene huntendra ziren forðrested** is & we zefreode sind (123: 7) – «Душа наша, как птичка, **избавилась из сети ловцов: сеть порвалась**, и мы избавились».

В приведенном примере ФЕ *zenered beon of zirene huntendra* (букв.: 'избавленным быть от сетей охотящихся'¹) глубинное основание образа просматривается наиболее четко по сравнению со всеми другими анализируемыми идиомами, благодаря наличию компонента *huntiende* – активному причастию глагола *huntian* (охотиться). Отношение «охотник – добыча» получает максимально явное выражение в данном контексте также посредством контекстуального противопоставления лексем, соотносимых, соответственно, с антропным и зоонимным кодами культуры: *huntiende* – «охотящийся» (н.-англ. *hunting*; лат. *venans*) и *spearwa* – «птичка, воробей» (н.-англ. *sparrow*; лат. *passer*). Контекст также демонстрирует распространение метафоры, поскольку еще одно физическое действие, нормативно выражаемое глаголом *fordræstan* – «разбиваться, разрываться» (н.-англ. *to entirely bruise, break*; лат. *conterere*), символизирует духовное освобождение.

Как транзитивный вариант той же идиомы можно трактовать словосочетание из 90-го псалма с глаголом (*ze*)*freozan* – «освободить» (н.-англ. *to free, make free*; лат. *manumittere, liberare*):

...*zefriað* дес *of zirene huntiendra* (90: 3) –
«...избавит тебя от сети ловцов».

В следующем контексте с помощью компонента *ziren* (ловушка) создается довольно неожиданный образ:

...*sie beod* heara biforan him *in zirene* (68: 22) –
«...Да станет их трапеза сетью для них».

Для точного понимания образа узкий контекст самого фразеологизма недостаточен и требует расширения:

...*saldun* *in mete minne zallan* & *in ðurste minum drynctun mec mid ecede sie beod* heara biforan him *in zirene* & *in edlean* & *in eswic* (68: 22–23) – «...И дали мне в пищу желчь, и в жажде моей напоили меня уксусом. Да станет их трапеза сетью для них, и воздаянием, и западней».

¹ Показателен набор н.-англ. эквивалентов др.-англ. активного причастия *huntiende* из различных версий псалтири. Так, в The New International Version, English Standard Version, King James Version, The New King James Version 1900, American Standard Version 1901, 1890 Darby Bible, The New Revised Standard Version и в The Lexham English Bible, употреблено в единственном или множественном числе существительное *fowler* (птицелов). В New Living Translation, New Century Version, God's Word Translation, The Holman Christian Standard Bible и в New International Reader's Version используется лексема *hunter* (охотник). В New American Standard Bible: 1995 Update отмечается лексема *trapper* (зверолов, зверобой) [Biblia. Psalm 123: 7–8].

В более широком контексте становится очевидным взаимодействие вещного кода культуры, с которым соотносятся существительные *ziren* (ловушка), и пищевого кода, с которым соотносятся лексемы *mete* – «пища, еда» (н.-англ. *food*; лат. *cibus, esca*), *eced* – «уксус, кислота» (н.-англ. *acid, vinegar*, лат. *acetum*), *beod* – «стол, трапеза» (н.-англ. *table*; лат. *mensa*). В данном случае Давид взывает о справедливом воздаянии преследующим его врагам, и, соответственно, ловушка осознается как орудие такого отмщения².

Выводы

Не подлежит сомнению большая значимость ветхозаветной фразеологии для формирования раннего фразеологического фонда древнеанглийского языка. С учетом той роли, которую играли библейские тексты в культуре раннесредневековой Европы и, в частности, Древней Англии, их повсеместной цитируемости и прецедентности, можно утверждать, что библейские идиомы уже в ту эпоху были не только явлением идиостилия конкретных авторов или произведений, но и языка в целом.

На основании проведенного анализа представляется возможным сделать следующие выводы в основном лингвокультурологического характера:

- 1) образ «ловушки» в Псалтире регулярно воспроизводится, выступая культурным символом смерти и опасности. Вызволение из ловушки, соответственно, символизирует духовное спасение;
- 2) образность, присущая ветхозаветным ФЕ с компонентом *ziren* (ловушка), основывается на общей для всех них макрометафорической модели ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЗЛОДЕЯМИ И ПРАВЕДНЫМИ ЛЮДЬМИ – ЭТО ОХОТА;
- 3) в рамках данной макрометафорической модели честные праведники исполняют роль жертвы, а злонамеренные грешники предстают охотниками, которые стараются загнать добычу в ловушку;

² Представляется адекватной следующая интерпретация рассматриваемых стихов 68-го псалма: «Отношение врагов к Давиду полно зложелательства <...> измученный преследованиями, он нуждается в сочувствии, ободрении и деятельной помощи, ему же вместо того дают при жажде «уксус», а при голоде – «желчь». Желчь – растение горького вкуса, похоже на полынь, уксус – одуряющий напиток кислотавый, уксусный, обладающий свойством притуплять на некоторое время сознание: Давиду дают то, что ослабляет его силы и делает его еще более беспомощным. <...> Под трапезой можно разуть все внешнее довольство, богатство врагов Давида. Пусть их счастье обратится в несчастье, т. е. накажи их отнятием внешних благ; так как в этих внешних благах они видят ценность жизни» [Псалом 68, 2022].

- 4) лексема *ziren*, вербализующая концепт ЛОВУШКА, обладает значительным фразообразовательным потенциалом, поскольку она входит составным компонентом в состав ряда преимущественно глагольных идиоматических словосочетаний,
- 5) идиомы, объединенные образом «ловушки», отличаются преимущественно негативной оценочностью, что обусловлено наличием такого составляющего их концептуального содержания, как ЛОВУШКА – ЭТО ОПАСНОСТЬ И ГИБЕЛЬ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гладков А. К. Культура и духовная жизнь на средневековом Западе (XI–XIII века) // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2017. Т. 27. Вып. 4. С. 525–534.
2. Соколова А. Ю. Особенности языковой ситуации в раннесредневековой Англии // Филология: научные исследования. 2018. № 3. С. 266–272.
3. The Oldest English Texts / ed. H. Sweet. London, 1885.
4. Cotton MS Vespasian A I. British Library. URL: http://www.bl.uk/manuscripts/FullDisplay.aspx?ref=Cotton_MS_Vespasian_A_I (дата обращения: 11.01.2022)
5. Полный православный молитвослов. Псалтирь. URL: <https://www.molitvoslov.com/text262.htm> (дата обращения: 21.11.2021).
6. Федуленикова Т. Н. Характеристика прототипов библейской фразеологии и способы их преобразования в языковые единицы // Язык и культура. 2019. № 46. С. 108–120.
7. Солодуб Ю. П. Национальная специфика и универсальные свойства фразеологии как объект лингвистического исследования // Филологические науки. 1990. № 6. С. 55–65.
8. Bosworth-Toller Anglo-Saxon Dictionary Online. URL: <https://bosworthtoller.com/> (дата обращения: 21.11.2021)
9. Зыкова И. В. Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2014.
10. Biblia. Psalm 123: 7–8. URL: <https://biblia.com/bible/douayrheims/Ps124.7-8> (дата обращения: 13.01.2022)
11. Псалом 68. Толковая Библия Лопухина. URL: <https://bible.by/lopukhin-bible/19/68/> (дата обращения: 14.01.2022)

REFERENCES

1. Gladkov, A. K. (2017). Culture and spirituality in the Medieval West. Udmurt University Bulletin. Series: History and Philology, 27, 4, 525–534. (In Russ.)
2. Sokolova, A. J. (2018). Osobennosti jazykovoj situacii v rannesrednevekovoj Anglii = Peculiarities of the linguistic situation in Early Medieval England. Philology: Scientific Research, 3, 266–272. (In Russ.)
3. Sweet, H. (ed.). (1885). The oldest English texts. London.
4. Cotton MS Vespasian A I. British Library. http://www.bl.uk/manuscripts/FullDisplay.aspx?ref=Cotton_MS_Vespasian_A_I (accessed: 01.01.2022).
5. Polnyj pravoslavnyj molitvoslov. Psaltir' = Complete Orthodox Prayer Book. Psalter. <https://www.molitvoslov.com/text262.htm> (accessed: 21.11.2021). (In Russ.)
6. Fedulenkova, T. N. (2019). Characterizing prototypes of Biblical phraseology and ways of its transformation into linguistic units. Language and Culture, 46, 108–120. (In Russ.)
7. Solodub, J. P. (1990). National specificity and universal properties of phraseology as an object of linguistic research. Philological Studies, 6. P. 55–65. (In Russ.)
8. Bosworth-Toller Anglo-Saxon dictionary online. <https://bosworthtoller.com/> (accessed: 21.11.2021).
9. Zyкова, I. V. (2014). Rol' konceptosfery kul'tury v formirovanii frazeologizmov kak kul'turno-jazykovyh znakov = Role of conceptosphere of culture in forming phraseologisms as cultural-linguistic symbols: Senior Doctoral Thesis in Philology. Moscow. (In Russ.)
10. Biblia. Psalm 123: 7–8. <https://biblia.com/bible/douayrheims/Ps124.7-8> (accessed: 13.01.2022).
11. Psalom 68. Tolkovaia Bibliia Lopukhina = Psalm 68. Explanatory Bible by Lopukhin. URL: <https://bible.by/lopukhin-bible/19/68/> (accessed: 14.01.2022) (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мухин Сергей Владимирович

кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 1
Московского государственного института международных отношений МИД России

Иноземцева Светлана Валерьевна

старший преподаватель кафедры английского языка № 1 Московского государственного института
международных отношений МИД России

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mukhin Sergei Vladimirovich

PhD (Philology), Associate Professor of the English Language Department 1,
Moscow State Institute of International Relations of the Foreign Ministry of Russia

Inozemtseva Svetlana Valerievna

Senior Lecturer of the English Language Department 1,
Moscow State Institute of International Relations of the Foreign Ministry of Russia

Статья поступила в редакцию 29.11.2021
одобрена после рецензирования 20.12.2021
принята к публикации 27.01.2022

The article was submitted 29.11.2021
approved after reviewing 20.12.2021
accepted for publication 27.01.2022

Научная статья
УДК 81.271, 811.612.91
DOI 10.52070/2542-2197_2022_2_857_110



Концепт «вежливость» во вьетнамской культуре

Тхи Минь Нгуэт Нгуен

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
minhnguyetbel@yandex.com

Аннотация. В статье рассматриваются семантический и функциональный аспекты концепта «вежливость» во вьетнамской культуре. Материалом исследования служат данные опроса представителей вьетнамской лингвокультуры. Результаты исследования, полученные методом статистического подсчета и корпусного анализа, говорят о первостепенной важности уважения, учтивости, деликатности, тактичности, а также свидетельствуют о функциональном доминировании нормативной вежливости над стратегической.

Ключевые слова: лингвопрагматика, вежливость, нормативная вежливость, стратегическая вежливость, вьетнамский язык

Для цитирования: Тхи Минь Нгуэт Нгуен. Концепт «вежливость» во вьетнамской культуре // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2 (857). С. 110–116. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_2_857_110

Original article

The Concept of “Politeness” in Vietnamese Culture

Thi Minh Nguyet Nguyen

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
minhnguyetbel@yandex.com

Abstract. The article focuses on semantics and functions of the concept of politeness in Vietnamese culture. The research is based on survey data obtained from Vietnamese native speakers. Statistical counting and corpus analyses results reveal the primary importance of respect, deference, delicacy, and tactfulness, as well as functional superiority of respectful (normative) politeness over strategic politeness.

Keywords: language pragmatics, politeness, respectful politeness, strategic politeness, the Vietnamese language

For citation: Thi Minh Nguyet Nguyen (2022). The concept of “politeness” in Vietnamese culture. Vestnik of Moscow state Linguistic university. Humanities, 2(857), 110–116. 10.52070/2542-2197_2022_2_857_110

ВВЕДЕНИЕ

Вежливость относится к числу наиболее разработанных объектов исследования прагмалингвистики. Центральным в теории вежливости является концепт «лицо», выдвинутый И. Гоффманом, – «позитивная социальная ценность, успешно приобретаемая человеком за счет той линии поведения, которой он, как полагают другие, придерживается в данном контакте» [Goffman, 2005, с. 5]. В соответствии с разными коммуникативными потребностями человека, П. Браун и С. Левинсон разделили «лицо» на позитивное, соответствующее желанию получить одобрение и положительную оценку собеседника, и негативное, соответствующее желанию иметь независимое мнение и относительную свободу суждений. Именно на основе этой квалификации были выделены две формы «вежливости» – позитивная и негативная. Обе формы представляют собой совокупность стратегий, применяемых человеком с целью сохранения лица. Однако, в то время как позитивная вежливость направлена на получение общественного одобрения, т. е. имеет в качестве цели приобщение индивида к группе, негативная направлена на сохранение его автономии.

Несмотря на то, что П. Браун и С. Левинсон придавали результатам своего исследования универсальный характер, выдвинутые ими положения неоднократно подвергались сомнению лингвистами, утверждавшими, что трактовка вежливости различается от культуры к культуре. Хотя в целом вежливость является универсальным понятием, в разных культурах она имеет разные проявления в виде национально-специфических социокультурных норм [Sifianou, 1992].

В азиатских культурах, например, вьетнамской, китайской и японской, негативное лицо индивида более «размыто» по сравнению с социальным лицом, отражающим социальные отношения и ценности [Matsumoto, 1988; Мао, 1994; Vu, 1997]. Принципы вежливости строятся не вокруг индивидуализма и индивидуалистического лица, а вокруг общего лица участников коммуникации [Nguyen, 2015]. Придерживаясь последней точки зрения, в настоящем исследовании мы предпринимаем попытку более подробно раскрыть семантические

и функциональные особенности концепта «вежливость» во вьетнамской культуре.

ЭМПИРИЧЕСКАЯ БАЗА И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

С целью исследования особенностей вербализации концепта «вежливость» во вьетнамском языке, мы провели анонимный опрос в программе Google Forms среди 90 представителей вьетнамской лингвокультуры и попросили каждого из них описать, что для них означает вежливость. С помощью метода статистического анализа мы выявили наиболее часто использованные информантами слова с семантикой «вежливость». Для определения смысловой разницы между найденными словами, мы обратились к Словарю вьетнамского языка [Hoàng, 2003], изданному Вьетнамским институтом лингвистических исследований. С помощью сопоставительного метода нами было выявлено слово с наиболее обобщенной тематикой, которое в настоящем исследовании будет использоваться для обозначения вежливости в целом.

Далее, применив функцию Word List программы корпусной обработки данных AntConc, мы выявили наиболее частотные лексико-семантические единицы, использованные информантами для описания вежливости. Результаты корпусного анализа позволили нам исследовать семантику концепта «вежливость» во вьетнамской лингвокультуре.

Кроме того, в рамках опроса мы попросили каждого из информантов привести примеры вежливого поведения. С помощью метода статистического подсчета мы выявили два главных вида вежливости, которые вьетнамцы применяют в ежедневной коммуникации, – нормативную и стратегическую, а также определили соотношение частоты их применения.

РЕЗУЛЬТАТЫ

По итогам анализа данных, полученных в первой части опроса, наиболее частотными словами, используемыми вьетнамцами для описания вежливости, являются *lịch sự*, *lịch thiệp*, *thanh lịch*. Словарь вьетнамского языка [Hoàng, 2003] дает следующие определения этих слов (см. табл. 1).

Таблица 1

НАИБОЛЕЕ ЧАСТОТНЫЕ СЛОВА, ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИНФОРМАНТАМИ ДЛЯ ОПИСАНИЯ ВЕЖЛИВОСТИ

Слово	Определение в Словаре вьетнамского языка
<i>lịch sự</i>	учтливое, уважительное поведение при общении с другими людьми; соблюдение традиций и правил приличия, предписанных обществом
<i>lịch thiệp</i>	вежливость (<i>lịch sự</i>), умение общаться так, чтобы собеседнику было приятно
<i>thanh lịch</i>	учтливость, вежливость (<i>lịch sự</i>)

НАИБОЛЕЕ ЧАСТОТНЫЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ,
ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИНФОРМАНТАМИ ДЛЯ ОПИСАНИЯ ВЕЖЛИВОСТИ

Лексико-семантическая единица	Определение в Словаре вьетнамского языка	Частота употребления информантами
lễ	проявление должного уважения к собеседнику (обычно с более высоким социальным статусом)	132
lịch	вежливость (<i>lịch sự</i>), соблюдение lễ	130
thanh	вежливость (<i>lịch sự</i>), приличное поведение (<i>nhã nhặn</i>)	128
nhã	вежливость (<i>lịch sự</i>), соблюдение lễ; простота (<i>giản dị</i>)	128
văn	литература; образованность	120
khiêm	скромность (<i>khiêm tốn</i>); адекватная самооценка без самодовольства, гордыни	119
tinh	чуткость, способность понимать сложные, деликатные вещи	119
hoà	сохранение мирной обстановки, отсутствие конфликтов и споров; равенство, отсутствие правых / неправых, победивших / проигравших	117

С помощью метода корпусного анализа мы выявили такие наиболее частотные лексико-семантические единицы, связанные с вежливостью, как *lễ, lịch, thanh, nhã, văn, hoà* и *khiêm* (см. табл. 2).

По итогам второй части опроса было собрано 197 примеров, в большинстве из которых имеет место соблюдение нормативной вежливости (166 из 197, т. е. 84,2 %). Наиболее часто приводились примеры соблюдения разных видов дистанции:

- иерархическая дистанция: вьетнамцы соблюдают иерархию не только по направлению снизу вверх, но и сверху вниз. Уважение к людям старше по возрасту и социальному статусу лишь немного чаще приводилось в пример по сравнению с уважением по отношению к равным или нижестоящим (67 и 55 упоминаний соответственно).
- дистанция между незнакомыми людьми: вьетнамцы считают частью нормативной вежливости проявление любезности и учтивости при общении с человеком, с которым они впервые контактируют (14 упоминаний).
- дистанция между людьми разных полов: количество примеров вежливости по отношению к другому полу в целом – 20, к женскому полу в частности – 13.

Кроме того, часть информантов обратила внимание на вежливое и тактичное отношение к собеседникам, имеющим физические особенности (беременность, инвалидность и др. – 10 упоминаний).

Целью такой вежливости информанты все так же называют сохранение лица. Однако очевидно, что здесь средством достижения цели является не соблюдение дистанции, а ее преодоление.

Примеры стратегической вежливости встречаются гораздо реже (31 пример из 197, т. е. 15,8 %); их можно разделить по целевому признаку на:

- ситуации, в которых говорящий хочет осуществить свои коммуникативные намерения (при общении с коллегами и партнерами);
- ситуации, в которых говорящий хочет избежать конфликта (при ДТП, семейных, религиозных разногласиях и др.).

СЕМАНТИКА И ФУНКЦИИ ВЕЖЛИВОСТИ ВО ВЬЕТНАМСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Как мы видим, четкой смысловой разницы между словами *lịch sự, lịch thiệp, thanh lịch*, наиболее часто используемыми вьетнамцами для описания вежливости, не существует. Однако, поскольку *lịch sự* используется для определения как *lịch thiệp*, так и *thanh lịch*, логично будет предположить, что *lịch sự* имеет более обобщенное значение. По этой причине мы считаем *lịch sự* наиболее исчерпывающим обозначением вежливости во вьетнамском языке.

Во вьетнамской культуре так же, как и в китайской и японской, невозможно говорить о негативном лице и негативной вежливости [Matsumoto, 1988; Mao, 1994; Vu, 1997]. Вежливость

рассматривается вьетнамцами как компромиссный подход, способствующий сближению людей в целях улучшения взаимопонимания в процессе общения. Вьетнамцы также, как и китайцы и японцы, «ценят не столько индивидуальную свободу и возможность беспрепятственно реализовывать личные планы – ценности, столь важные для индивидуалистического западного общества, – сколько одобрение и поддержку коллектива» [Германова, Пэй, 2021]. Это положение доказано многочисленными кросс-культурными исследованиями [Kieu, 2006; Pham, 2008; Le, 2013]. Фам, например, сравнив австралийскую и вьетнамскую культуры, утверждает, что, в то время как в первой вежливость как стратегия направлена на минимизацию потерь лица говорящего, во второй, основанной на конфуцианстве, вежливость больше направлена на укрепление «общего лица» участников коммуникации [Pham, 2008].

Для исследования того, каким образом *lịch sự* во вьетнамской культуре способствует укреплению общего лица, следует провести семантический анализ этого концепта. Найденные нами наиболее частотные лексико-семантические единицы, описывающие вежливость, – *thanh*, *lịch*, *lễ* – имеют китайское происхождение. Первые две употребляются практически как синонимы, что отражается во вьетнамских пословицах и поговорках:

Trai thanh, gái lịch. –

«Любезный мужчина, вежливая женщина».

Người thanh tiếng nói cũng thanh. –

«У вежливого человека голос мягок».

Thanh и *lịch* означают деликатность, тактичность в поведении, которые высоко ценятся во вьетнамском обществе:

Chim khôn kêu tiếng rảnh rang

Người khôn nói tiếng dịu dàng dễ nghe. –

«У умной птички чистое пение

У умного человека мягкий, приятный голос».

В отличие от двух первых понятий, *lễ* (также *lễ phép*) ассоциируется с правилами поведения, основанными на идеях конфуцианства, и обозначает «проявление должного уважения к собеседнику (как правило, с более высоким статусом)» [Hoàng, 2003, с. 551]. Принципы *lễ* имеют элитарный характер и ориентированы на общество с мужским превосходством. Акцент ставится на обязанностях женщин и нижестоящих по социальному и возрастному статусу: дети должны почитать родителей, младшие должны слушаться старших, ученики

должны слушаться учителей, женщины должны соблюдать *tam tông* (три покорности: дома слушаться отца, выйдя замуж – следовать указаниям мужа, а когда мужа умирают – следовать указаниям сыновей) и *tứ đức* (четыре добродетели: трудолюбие, доброты, хорошая манера речи и безупречное поведение). Конфуцианский концепт *lễ*, таким образом, направлен на обязательную и неоспоримую защиту «иерархического лица» даже в том случае, если это чревато потерей собственного лица [Vu, 1997].

Однако в современном вьетнамском обществе, совмещающем в себе множество других идей, помимо конфуцианских, взамен «иерархическому лицу» пришло «общее лицо», означающее самоуважение или достоинство, которое достигается за счет положения и статуса человека в обществе [Le, 2013]. Все так же сохраняя статусную иерархию, как и иерархическое лицо, общее лицо предписывает *lễ* не только значение *lễ phép* (проявление уважения к вышестоящим по иерархии), но и *đúng mực* (проявление уважения к равным и нижестоящим по иерархии) [Vu, 1997; Vũ, 1999]. Об этом свидетельствуют такие пословицы и поговорки, как:

Lời nói chẳng mất tiền mua

Lựa lời mà nói cho vừa lòng nhau. –

«За слова деньги платить не надо

Подбирайте слова так, чтобы сделать друг другу приятно».

kính trên nhường dưới –

«уважай старших, уступай младшим»

thuận vợ thuận chồng –

«единство мужа и жены»

Помимо этого, результаты корпусного анализа свидетельствуют о том, что *lịch sự* охватывает не только *lễ*, *lịch*, *thanh*, но и *nhã* (простоту), *văn* (высокий культурный уровень человека), *khiêm* (скромность), *tin* (чуткость) и *hoà* (сохранение мира, избегание конфликтов). Для вьетнамца вежливость – это проявление нравственности и образованности, быть вежливым – значит уважать других, быть учтивым, тактичным, чутким, простым, скромным и дружелюбным. Соблюдая эти правила, вьетнамец стремится гармонизировать личные и коллективные нужды.

Очевидно, вьетнамский концепт *lịch sự* имеет двойственную функциональную сущность – стратегическую и нормативную. В то время как нормативная вежливость направлена на сохранение общего лица, целью стратегической является реализация коммуникативных целей говорящего [Vu, 1997; Le, 2013].

Единого обозначения указанных аспектов вежливости в исследованиях вьетнамской лингвокультуры нет. Некоторые лингвисты называют нормативную вежливость *lễ phép* (соблюдением принципов *lễ*), а стратегическую – *lịch sự*. Однако, первые результаты настоящего исследования показали, что *lịch sự*, будучи наиболее частотным словом, используемым современными носителями вьетнамского языка для описания вежливости в целом, представляет собой гораздо более обобщающее понятие, нежели просто стратегическую вежливость.

Ле Фук Тхиен считает, что разница между нормативной и стратегической вежливостью заключается в разнице в возрастном и социальном статусе участников речевого взаимодействия. Для примера он приводит следующую ситуацию: когда младший по возрасту вьетнамец общается со старшим, то младший придерживается принципов нормативной вежливости, а старший – стратегической [Le, 2013]. Такое разграничение является, на наш взгляд, ошибочным, поскольку, как говорилось ранее, для сохранения общего лица вьетнамцы проявляют уважение не только к вышестоящим, но и к равным и нижестоящим по возрастному и социальному статусу. Помимо этого, стратегическая вежливость явно применяется вьетнамцами по отношению не только к нижестоящим, но и к равным и вышестоящим по иерархии.

На наш взгляд, более точным является обозначение нормативной вежливости как *lịch sự tối thiểu / lịch sự lễ độ* (минимальная / уважительная вежливость), а стратегической – *lịch sự xã giao* (факультативная вежливость). Такое разделение основано на степени обиды / оскорбления, ощущаемой собеседником, при отсутствии в речи и поведении говорящего каждой из указанных форм вежливости [Vu, 1997]. Имея в качестве цели сохранение общего лица, нормативная вежливость (*lịch sự tối thiểu / lịch sự lễ độ*) предписывает соблюдение принципов *lễ* (уважение к вышестоящим, равным и нижестоящим по иерархии). Она является минимальной, поскольку считается показателем культурного уровня человека: его нравственности и воспитанности. Нарушение минимальной (нормативной) вежливости означает *vô lễ, hỗn láo, vô học* (бесцеремонность, нахальство, невоспитанность).

В отличие от нормативной, стратегическая вежливость (*lịch sự xã giao*), направленная на достижение коммуникативных намерений, означает *khéo léo / tế nhị* (умение общаться / тактичность),

[Nguyen, Le Ho, 2013]. Она отражает умение говорящего найти правильный подход к собеседнику, а не его нравственность и воспитанность. Эффективность применения *lịch sự xã giao* зависит от опытности говорящего и его знания различных психологических аспектов. В отличие от нормативной, стратегическая вежливость факультативна, так как соблюдение ее правил является желательным, но не обязательным. Результаты анализа примеров вежливого поведения, собранные нами в рамках опроса, подтверждают функциональное доминирование нормативной (минимальной) вежливости над стратегической (факультативной): примеры соблюдения нормативной вежливости были приведены информантами в 5,3 раза чаще по сравнению с примерами о применении стратегической вежливости. Это свидетельствует о том, что вьетнамцы придают большее значение сохранению общего лица, нежели достижению личных коммуникативных целей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При желании провести дальнейший анализ частоты применения принципов нормативной и стратегической вежливости разными социальными группами мы столкнулись с проблемой анонимности опроса – информанты при его прохождении не предоставляли информацию о своем возрасте, половой принадлежности, сфере занятости и т. д. Также, мы понимаем, что точность всякого эмпирического исследования в силу необъятности материала является относительной. Наблюдения, полученные нами в результате исследования, лишь частично раскрывают семантическую и функциональную сторону концепта «вежливость» во вьетнамской культуре.

Однако настоящее исследование все же вносит определенный вклад в развитие теории вежливости, дополняя ее новыми национально-специфичными данными. Нам удалось подтвердить, что во вьетнамской культуре вежливость является не столько стратегическим поведением индивида, сколько инструментом, используемым обществом для сохранения социального порядка, в том числе для поддержания гармонии личного и общего. Будучи учтивыми, тактичными, скромными, простыми и дружелюбными, вьетнамцы стремятся не просто приспособиться и получить расположение собеседника, а найти «золотую середину» между индивидуальными и коллективными нуждами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Goffman E. Interaction ritual: essays in face-to-face behavior. New Brunswick, London: Aldine Transaction, 2005.
2. Sifianou M. Politeness Phenomena in England and Greece: A cross-cultural perspective. Oxford: Clarendon Press, 1992.
3. Matsumoto Y. Reexamination of the Universality of Face: Politeness Phenomena in Japanese // Journal of Pragmatics. 1988. № 12. P. 403–426.
4. Mao R. Beyond politeness theory: 'Face' revisited and renewed // Journal of Pragmatics. 1994. Vol. 21. № 5. P. 451–486.
5. Vu T. T. Politeness in modern Vietnamese. A sociolinguistic study of a Hanoi speech community: PhD thesis. Toronto, 1997.
6. Nguyen K. The "sacred face": What directs Vietnamese people in interacting with others in everyday life // Journal of Social Sciences and Humanities. 2015. Vol. 1 (3). P. 246–259.
7. Hoàng P. Từ điển tiếng Việt. Hà Nội-Đà Nẵng: NXB Đà Nẵng, 2003 = Хоанг Ф. Словарь вьетнамского языка. Ханой – Дананг: Издательство Дананг, 2003.
8. Германова Н. Н., Пэй С. Концепт ЛИЦО в коллективистской культуре Китая // Когнитивные исследования языка. 2021. Вып. 1 (44). С. 299–305.
9. Kieu T. T. H. Disagreeing in English and Vietnamese: A pragmatic and conversation analysis perspective: PhD thesis. Hanoi: Vietnam National University – Hanoi College of Foreign languages, 2006.
10. Pham T. H. Vietnamese politeness in Vietnamese-Anglo cultural interactions: A Confucian perspective: PhD thesis. Queensland: The University of Queensland, 2008.
11. Le P. T. Variation in linguistic politeness in Vietnamese: a study of transnational context: PhD thesis. Canberra: The Australian National University, 2013.
12. Vũ T. T. H. Gián tiếp và lịch sự trong lời cầu khiến tiếng Việt. Tạp chí Ngôn ngữ, số 1, 34–43. 1999 = Ву Т. Т. Х. Косвенность и вежливость во вьетнамских императивах // Лингвистика. 1999. № 1. С. 34–43.
13. Nguyen T. T. M., Le Ho, G. A. Requests and politeness in Vietnamese as a native language. Pragmatics. 2013. № 23 (4). P. 685–714.

REFERENCES

1. Goffman, E. (2005). Interaction ritual: essays in face-to-face behavior. New Brunswick, London: Aldine Transaction.
2. Sifianou, M. (1992). Politeness phenomena in England and Greece: A cross-cultural perspective. Oxford: Clarendon Press.
3. Matsumoto, Y. (1988). Reexamination of the universality of face: Politeness phenomena in Japanese. Journal of Pragmatics, 12, 403–426.
4. Mao, R. (1994). Beyond politeness theory: 'Face' revisited and renewed. Journal of Pragmatics, 21(5), 451–486.
5. Vu, T. T. H. (1997). Politeness in modern Vietnamese. A sociolinguistic study of a Hanoi speech community. PhD thesis. Toronto: University of Toronto.
6. Nguyen, T. K. (2015). The "sacred face": What directs Vietnamese people in interacting with others in everyday life. Journal of Social Sciences and Humanities, 1(3), 246–259.
7. Hoàng, P. (2003). Từ điển tiếng Việt. Hà Nội-Đà Nẵng: NXB Đà Nẵng. (In Viet.)
8. Guermanova, N. N., Pei S. (2021). The concept of face in the Chinese collectivist culture. Cognitive studies of language, 1(44), 299–305. (In Russ.)
9. Kieu, T. T. H. (2006). Disagreeing in English and Vietnamese: A pragmatic and conversation analysis perspective. PhD thesis. Hanoi: Vietnam National University – Hanoi College of Foreign languages.
10. Pham, T. H. (2008). Vietnamese politeness in Vietnamese-Anglo cultural interactions: A Confucian perspective. PhD thesis. Queensland: The University of Queensland.
11. Le, P. T. (2013). Variation in linguistic politeness in Vietnamese: a study of transnational context. PhD thesis. Canberra: The Australian National University.
12. Vũ, T. T. H. (1999). Vũ T. T. H. Gián tiếp và lịch sự trong lời cầu khiến tiếng Việt. Tạp chí Ngôn ngữ, số 1, 34–43. (In Viet.)

13. Nguyen, T. T. M., Le Ho, G. A. (2013). Requests and politeness in Vietnamese as a native language. *Pragmatics*, 23(4), 685–714.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тхи Минь Нгуэт Нгуен

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Thi Minh Nguyet Nguyen

Postgraduate Student, Moscow State Linguistic University,
Department of General and Comparative Linguistics

Статья поступила в редакцию 29.11.2021
одобрена после рецензирования 20.12.2021
принята к публикации 27.01.2022

The article was submitted 29.11.2021
approved after reviewing 20.12.2021
accepted for publication 27.01.2022



Артикли в английском языке как индикаторы изменений в языковой картине мира

Е. А. Попова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
katandr25@rambler.ru

Аннотация. Темой данной статьи являются современные тенденции в употреблении артиклей в английском языке и их взаимосвязь с изменениями в окружающем мире. Показано, как языковая норма может меняться под воздействием экстралингвистических факторов. Статья проиллюстрирована примерами использования артиклей с существительными двух лексико-грамматических разрядов: именами собственными и именами нарицательными. В работе использованы данные Корпуса современного американского английского языка (COCA) и Исторического корпуса американского английского языка (COHA).

Ключевые слова: артикли, языковая картина мира, семантический сдвиг, имена собственные, имена нарицательные

Для цитирования: Попова Е. А. Артикли в английском языке как индикаторы изменений в языковой картине мира // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2 (857). С. 117–123. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_2_857_117

Original article

Articles in English as Indicators of Changes in the Linguistic Worldview

Ekaterina A. Popova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
katandr25@rambler.ru

Abstract. The article discusses modern tendencies in the use of articles in English and their connection to changes in the world. It is shown how the language norm can be changed due to extralinguistic factors. The article is illustrated by examples of the use of articles with nouns of two lexicogrammatical classes: proper nouns and common nouns. The research was done with the help of the Corpus of Contemporary American English (COCA) and the Corpus of Historical American English (COHA).

Keywords: articles, linguistic worldview, semantic transfer, proper nouns, common nouns

For citation: Popova, E.A. (2022). Articles in English as indicators of changes in the linguistic worldview. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(857), 117–123. 10.52070/2542-2197_2022_2_857_117

ВВЕДЕНИЕ

К основному назначению артикля относится реализация категории определенности / неопределенности. Под определенностью понимается возможность выделить данный предмет из ряда остальных, под неопределенностью – как возможность отнести предмет к некому классу вещей, так и возможность представить предмет как некую обобщенную сущность, лишенную конкретных очертаний [Тымчук, 2006]. Поэтому использование артиклей позволяет не только выделить информацию как старую или новую, но и обеспечивает категоризацию понятий, предметов и явлений, о которых идет речь. Соответственно, употребление артиклей позволяет говорящему указывать на направление своей мыслительной деятельности в потоке речи, на свое отношение к тому или иному предмету или явлению.

Таким образом, изменение нормы употребления артиклей может говорить об изменениях в сознании носителей данного языка и, следовательно, их картины мира.

Следует отметить, что обычно различают языковую картину мира и концептуальную картину мира. Под концептуальной картиной мира понимается отражение мира в сознании человека. Под языковой картиной мира понимается информация об окружающей действительности, «переработанная и зафиксированная в языке» [Гончарова, 2012, с. 397]. Отметим, что языковая картина мира может быть индивидуальной и коллективной, а также относиться к разным сферам окружающей действительности. Соответственно, речь может идти о разных подтипах языковой картины мира [Гончарова, 2012].

В данной статье мы рассмотрим изменения, касающиеся разных сфер жизни человека и их отражение в языке, а именно: как это может проявляться в использовании артиклей с двумя основными лексико-грамматическими классами существительных: именами собственными и именами нарицательными определенной семантики.

Артикли с именами собственными (на примере названий стран)

В первом случае речь пойдет о тенденции опустить артикли с названиями некоторых стран, которые изначально использовались с определенным артиклем: *the Cameroon, the Senegal, the Sudan, the Congo, the Gambia, the Lebanon, the Argentine (Argentina* в современном написании), *the Ukraine* [Бармина, Верховская, 2002; Quirk et al., 1985; Shaban, 2017]. Отметим, что данные страны на момент формирования первой нормы не

являлись независимыми и во многих случаях не обладали атрибутами собственной государственности. Поэтому наименование данной территории могло происходить в зависимости от географических особенностей.

Так, *the Argentine* (старый вариант написания), *the Congo, the Gambia, the Senegal, the Cameroon* получили свои названия от соответствующих гидронимов: рек Конго, Гамбия, Сенегал, Камерун, Ла-Плата (*Argentina* – это латинизированный вариант названия реки Ла-Плата, ставший популярным во время борьбы Аргентины за независимость) [Gentile, 2000; Shaban, 2017; The World Factbook, 2021]. Конго, Гамбия и другие государства из этого списка были в прошлом колониями европейских держав. Исторически освоение данных территорий происходило с использованием водных путей, вдоль русел рек – вглубь материка европейцы не заходили. Соответственно, им были в первую очередь известны именно данные реки и прибрежные территории [Holloway, 2018; Shaban, 2017; The World Factbook, 2021].

Ливан (*the Lebanon*) получил свое название по горной цепи, находящейся на данной территории. Ливанские горы были известны европейцам задолго до того, как данная территория в 1943 году стала отдельным государством [Raymond, 2013].

Некоторые из названий этих стран также могли использоваться с артиклем под влиянием правил другого языка, например, французского (*the Senegal*), арабского (*the Sudan*) [The World Factbook, 2021].

Однако со временем, по мере обретения данными странами независимости и становления их государственности, наименования менялись в соответствии с общей нормой использования артиклей с названиями стран в английском языке: артикль мог быть утрачен.

Для сравнения частотности двух типов употребления данных имен собственных в статье был привлечен Корпус современного американского английского языка (COCA)¹. При этом был сделан запрос сочетаний предлога с названием страны (с артиклем и без артикля), например, *in Senegal* и *in the Senegal*. Это помогло разграничить полученный языковой материал для подсчетов. Для Аргентины в качестве варианта с артиклем рассматривалось старое название: *Argentine*. В ходе последующего анализа были отсеяны те случаи, в которых названия стран выступали в качестве определений к другим существительным, например, *the Congo crisis, the Ukraine controversy*.

¹ The Corpus of Contemporary American English (COCA). URL: <https://www.english-corpora.org/coca/>

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АРТИКЛЕЙ С НАЗВАНИЯМИ СТРАН (по данным СОСА)

Название страны	Официальное название на английском языке	Год обретения независимости	С артиклем	Без артикля
Argentina	The Argentine Republic	1816	5	1764
Lebanon	The Lebanese Republic	1943	10	3830
Sudan	The Republic of the Sudan (North Sudan) The Republic of South Sudan (с 2011)	1956	249	911
Congo	the Republic of the Congo, the Democratic Republic of the Congo	1960	451	298
Senegal	The Republic of Senegal	1960	0	319
Cameroon	The Republic of Cameroon	1961	1	235
Gambia	the Republic of the Gambia	1965	88	26
Ukraine	Ukraine	1991	390	1427

Частотность использования артиклей с названиями данных стран отражена в таблице 1. Для наглядности в таблицу также включены сведения о полном названии каждой страны и даты обретения независимости [The World Factbook, 2021].

Как показывают корпусные данные (СОСА), в настоящее время артикль не используется перед названиями таких стран, как Аргентина, Сенегал, Камерун, Ливан. Судан преимущественно упоминается без артикля. При этом артикль сохранился перед названием страны Гамбия, колебание нормы наблюдается в случае с Конго. Возможно, это связано с наличием артикля в официальных названиях данных государств: *the Republic of the Gambia*, *the Republic of the Congo* и *the Democratic Republic of the Congo*.

В случае с Гамбией на сохранение артикля могли повлиять и другие факторы экстралингвистического характера. Если посмотреть на карту Африки, видно, что границы данной страны повторяют очертания русла реки Гамбия. Другими словами, Гамбия включает только реку и прибрежные территории.

Наиболее поздно процесс утраты артикля начался перед англоязычным названием Украины (*Ukraine*). После обретения бывшей советской республикой независимости в 1991 году в англоязычной прессе появились публикации, согласно которым название *Ukraine* теперь надо было использовать без артикля, поскольку Украина теперь являлась отдельным государством. Так, агентство «The Associated Press» выпустило соответствующее заявление 3 декабря 1991 года.

As of December 3, the Associated Press changed its style, alerting its editors, reporters and all who use the news service to the fact that the name of the Ukrainian republic would henceforth be written as simply “Ukraine”¹.

Тем не менее, несмотря на рекомендации изданий и новостных агентств, процесс утраты артикля происходил неравномерно: *the Ukraine* можно было слышать и после 1991 года, даже в речи политиков, например, в выступлении Д. Трампа 11 сентября 2015 года.

“My feeling toward the Ukraine and towards the entire area is very, very strong. I know many people that live in the Ukraine, they’re friends of mine, they’re fantastic people,” said Trump, who referred repeatedly to “the Ukraine”, apparently oblivious to the fact the use of the definite article ... is considered insulting by Ukrainians².

Как показывают запросы в СОСА, вариант с артиклем (*the Ukraine*) до сих пор используется (см. табл. 1). По-видимому, сохранение артикля связано с речевыми ошибками, оговорками носителей английского языка, привыкшим к старой норме.

Таким образом, процесс утраты артикля с названиями вышеперечисленных государств происходил

¹ The “the” is gone / The Ukrainian Weekly, December 8, 1991, No. 49, Vol. LIX. URL: <http://www.ukrweekly.com/old/archive/1991/499102.shtml>

² Walker S., Trump discusses Ukraine and Syria with European politicians via video link / The Guardian, Friday 11 September 2015. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2015/sep/11/donald-trump-ukraine-video-link>

неравномерно и был связан с внешними, экстралингвистическими факторами. Это могли быть как изменения внутри этих территорий, формирование атрибутов их государственности, таких как создание конституции, гимна, флага, закрепление за одним из местных языков статуса государственного, так и изменения за пределами данных стран, в частности, признание их независимости другими государствами. Интересно, что использование либо опущение артиклей могло быть политически ангажировано и отражать отношение правящих элит англоязычных стран к данным государствам.

Артикль как показатель изменения лексико-грамматического класса существительного

Артикль отражает лексико-грамматические характеристики существительного, с которым употребляется, и позволяет определить его значение. В современной учебной и справочной литературе зафиксировано, что неисчисляемые существительные типа *coffee, tea, beer, ice-cream* могут также использоваться для обозначения порций и разных сортов данного продукта [Бармина, Верховская, 2002; Carter, McCarthy, 2015]. При этом они переходят в разряд исчисляемых существительных и могут употребляться с неопределенным артиклем. Существительные *coffee* и *tea* могут также обозначать мероприятия, связанные с приемом пищи и употреблением данных напитков [Merriam-Webster.com Dictionary URL].

Рассмотрим процесс развития новых значений на примере существительного *coffee*.

Соответствующие запросы в корпусах COHA¹ и COCA показывают, что сочетание *a coffee* впервые было использовано (по крайней мере, в рамках данных корпусов) в 1880 году в значении «сорт кофе»:

...Boiling a few minutes, makes a coffee hardly inferior in flavor (COHA).

Следующий пример зафиксирован в 1909 году:

Seven years now has old Leah filled my breakfast cup with a coffee that deserves a hymn of praise in its honor (COHA).

При этом неопределенный артикль использовался в функции классификации, соответственно,

¹ The Corpus of Historical American English (COHA). URL: <https://www.english-corpora.org/coha/>

происходило сужение данного понятия (кофе как продукт либо напиток) до отдельного класса.

В значении «порция, чашка кофе» самый ранний пример относится к 1933 году:

...the girl is shivering so that we have to stop and buy her a coffee (COHA).

Как правило, речь при этом идет о питании в общественных местах (кафе, недорогие рестораны), где размер порций четко фиксирован. Однако с развитием техники и с появлением кофемашин, используемых в домашних условиях, сочетания типа *a coffee* постепенно становятся допустимыми и в тех ситуациях, где речь идет о приеме пищи дома. Например:

To cite the recent ones, we have the Coffee Test (a machine preparing a coffee in an average American home)... (COCA).

В данном случае имеет место сдвиг значения по типу метонимического переноса с содержимого на контейнер вместе с содержимым.

Также было найдено значение «трапеза, прием пищи», первое употребление в корпусе – в 1935 году:

...I wouldn't allow myself to sit down for a coffee, even despite the fact that it had begun to drizzle (COHA).

Еще пример:

For parents like Allen, a bit of time helping at the Christmas bazaar or hosting a coffee is infinitely preferable to consigning her daughter to a bad school (COCA).

По-видимому, данное значение образовалось путем метонимического переноса (с названия напитка на мероприятие, связанное с употреблением данного напитка).

В единичном случае сочетание *a coffee* означало «цвет, оттенок»:

"Don't you think that ecru is just the least off? More of a coffee than a beige?" (COCA)

Отметим, что между употреблением *a coffee* в вышеперечисленных значениях не всегда наблюдаются четкие границы, поэтому при определении значения, являющегося ведущим в том или ином предложении, привлекался дополнительный контекст. Так, для значения «сорт кофе» определяющим фактором являлся акцент на

Таблица 2

ЧАСТОТНОСТЬ ЗНАЧЕНИЙ «A COFFEE» В СОНА

Период \ Значение	a sort of coffee	a portion, a cup of coffee	a meal
1880	1	0	0
1890	0	0	0
1900	1	0	0
1910–1920	0	0	0
1930	0	1	1
1940	0	2	0
1950	0	5	2
1960	0	2	0
1970	0	10	8
1980	0	10	6
1990	0	19	2
2000	0	28	7

Таблица 3

ЧАСТОТНОСТЬ ЗНАЧЕНИЙ «A COFFEE» В СОСА

Период \ Значение	1990–1994	1995–1999	2000–2004	2005–2009	2010–2014	2015–2019
a sort of coffee	0	6	2	2	0	4
a portion, a cup of coffee	47	100	126	211	231	233
a meal	3	16	10	15	24	34
a shade	1	0	0	0	0	0

вкусовых характеристиках и особенностях приготовления данного продукта. При использовании в значении «прием пищи, трапеза» на первый план выходили цели данного мероприятия (общение с друзьями, свидание с понравившейся женщиной, встреча сторонников определенной политической партии). В значении «порция, чашка кофе» *a coffee* могло сочетаться с перечислением других продуктов либо блюд, которые заказывал участник обсуждаемой ситуации. Во всех случаях внимание обращалось и на лексическую сочетаемость: так, во фразах *order a coffee, buy a coffee* речь явно идет о порциях, а словосочетания типа *to host a coffee, at a coffee* явно обозначают прием пищи, часто официальное мероприятие.

В некоторых случаях различные значения данного сочетания могут обыгрываться в рамках одного и того же диалога:

Can we go get a coffee? I'm engaged. Oh. Well, then, a coffee should be safe (СОСА).

В первом случае сочетание *a coffee* обозначает порцию кофе, во втором случае на первый план выходит событийная семантика данного существительного (так как безопасен не напиток, а встреча, общение участников разговора).

Частотность различных значений словосочетания *a coffee* указана в таблицах 2 и 3.

Любопытно, что появление значения «порция, чашка кофе» (30-е годы) по времени совпадает

с развитием в Америке сетей киосков и ресторанов так называемого быстрого питания. Так, в 1921 году была основана сеть *White Castle*, в 1937 году – *Krispy Kreme Doughnuts* [Timeline of Fast Food, 2021], в 1943 году – *McDonald's* [Britannica, 2021]. В этот период случаи употребления *a coffee* в значении «порция» еще носят единичный характер, но в 70-е и 80-е годы их частотность возрастает в пять раз по сравнению с 40-ми годами. Именно в 1971 году была основана сеть *Starbucks*, известная в первую очередь своим кофе [Timeline of Fast Food, 2021].

Можно сделать предположение о том, что возросшая популярность такого рода точек общественного питания повлияла на формирование данного значения у существительного *coffee*, а также у других неисчисляемых существительных, обозначающих продукты и напитки. По таблицам 2 и 3 видно, что в дальнейшем частотность значения «порция» продолжает расти и достигает максимума в период с 2010 по 2019 год.

Следовательно, изменения в образе жизни социума, в частности, связанные с развитием

техники и ускорением общего ритма жизни, могут также приводить к сдвигам языковой нормы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной статье были рассмотрены два сценария того, как изменения в окружающем мире могут отражаться в языке, на примере использования артиклей с именами собственными и именами нарицательными. Отметим, что вышеописанные тенденции позволяют говорить не об изменении самих правил использования артиклей, а об изменении объема понятий, стоящих за соответствующими именными группами. Проведенный анализ подтверждает, что в ряде случаев языковая картина мира может сохранять архаичные черты и отражать устаревшие представления людей об окружающей действительности.

Таким образом, артикли могут выступать как показатели изменений, происходящих в окружающем мире и в сознании людей, говорящих на данном языке.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тымчук Е. В. Общее и отдельное в артиклевой системе английского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006.
2. Гончарова Н. Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2012. № 2. С. 396–405. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-kartina-mira-kak-obekt-lingvisticheskogo-opisaniya/viewer>
3. Бармина Л. А., Верховская И. П. Практикум по английскому языку: Артикли: учебное пособие для вузов. М.: Издательство Астрель : Издательство АСТ, 2002.
4. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A Comprehensive Grammar of the English language. Longman Group Limited. London and New York, 1985.
5. Shaban A. R. A. Why Africa's 'smiling coast' is officially referred to as 'The' Gambia / Africanews.com. 2017. URL: <https://www.africanews.com/2017/01/19/why-africa-s-smiling-coast-is-referred-to-as-the-gambia/>
6. Gentile J. H. Cómo nos llamamos. Cordoba. 2000. URL: <https://web.archive.org/web/20070310203447/http://www.profesorgentile.com.ar/publi/nombre.html/>
7. The World Factbook 2021. Washington, DC: Central Intelligence Agency, 2021. URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/>
8. Holloway B. The Real Story Behind Senegal's Name / The Culture Trip. 2018. URL: <https://theculturetrip.com/africa/senegal/articles/the-real-story-behind-senegals-name/>
9. Raymond C. The Life, Death, and Resurrection of the History of Lebanon, or the Vicissitudes of the Phoenix // Revue Tiers Monde. 2013/4 (No. 216). P. 71–87. URL: <https://www.cairn-int.info/journal-revue-tiers-monde-2013-4-page-71.htm>
10. Carter R., McCarthy M. Cambridge grammar of English. A comprehensive guide. Spoken and written English. Grammar and Usage. 8th printing. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.
11. Merriam-Webster.com Dictionary, Merriam-Webster. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/>
12. Timeline of fast food. 2021. URL: <http://www.historyoffastfood.com/fast-food-history/timeline-of-fast-food/>
13. Britannica. The editors of encyclopaedia. McDonald's / Encyclopedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/McDonalds>

REFERENCES

1. Tymchuk, E. V. (2006). Obshchee i ot del'noe v artiklevoi sisteme angliiskogo yazyka = The General and the Individual in the Article system of the English Language. Abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.).
2. Goncharova, N. N. (2012). Linguistic Picture of the World as an Object of Linguistic Description. Bulletin of the Tula State University. Humanitarian Sciences, 2, 396–405. (In Russ.)
3. Barmina, L. A., Verkhovskaya, I. P. (2002). Praktikum po angliiskomu yazyku: Artikli = Practical Work in English: Articles: A textbook for universities. Moscow: Izdatel'stvo Astrel' : Izdatel'stvo AST.
4. Quirk, R., Greenbaum, S., Leech, G., Svartvik, J. (1985). A comprehensive grammar of the English language. London and New York: Longman Group Limited.
5. Shaban, A. R. A. (2017). Why Africa's 'smiling coast' is officially referred to as 'The' Gambia // Africanews.com. <https://www.africanews.com/2017/01/19/why-africa-s-smiling-coast-is-referred-to-as-the-gambia/>
6. Gentile, J. H. (2000). Cómo nos llamamos. Cordoba. <https://web.archive.org/web/20070310203447/http://www.profesorgentile.com.ar/publi/nombre.html/>
7. The world factbook 2021. Washington, DC: Central Intelligence Agency, 2021. <https://www.cia.gov/the-world-factbook/>
8. Holloway, B. (2018). The real story behind Senegal's name // The culture trip. <https://theculturetrip.com/africa/senegal/articles/the-real-story-behind-senegals-name/>
9. Raymond, C. (2013). The life, death, and resurrection of the history of Lebanon, or the Vicissitudes of the Phoenix // Revue Tiers Monde, 4(216), 71–87. <https://www.cairn-int.info/journal-revue-tiers-monde-2013-4-page-71.htm>
10. Carter, R., McCarthy, M. (2015). Cambridge grammar of English. A comprehensive guide. Spoken and written English. Grammar and usage. 8th printing. Cambridge: Cambridge University Press.
11. Merriam-Webster.com Dictionary, Merriam-Webster. <https://www.merriam-webster.com/dictionary/>
12. Timeline of fast food. 2021. <http://www.historyoffastfood.com/fast-food-history/timeline-of-fast-food/>
13. Britannica. The Editors of Encyclopaedia. McDonald's / Encyclopedia Britannica. <https://www.britannica.com/topic/McDonalds>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Попова Екатерина Андреевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры грамматики и истории английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Popova Ekaterina Andreevna

PhD (Philology), Assistant Professor at the Department of Grammar and History of the English Language, The English Language Faculty, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 29.11.2021
одобрена после рецензирования 20.12.2021
принята к публикации 27.01.2022

The article was submitted 29.11.2021
approved after reviewing 20.12.2021
accepted for publication 27.01.2022

Научная статья
УДК 81'25
DOI 10.52070/2542-2197_2022_2_857_124



Красное и черное Павезе, или Культурно обусловленные цветоименования в итальянской литературе

В. В. Россаль

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
vasrossal@gmail.com

Аннотация. Работа посвящена установлению способов перевода лексем *красный* и *черный*, обладающих в художественном тексте Чезаре Павезе символическим содержанием. С этой целью исследуется содержание лексем в сравниваемых языках, для чего используются общенаучные методы наблюдения и сравнения. Поскольку значение лексем связано со становлением цветообозначений в рамках определенной культуры, осуществляется этимологический и дефиниционный анализ изучаемых слов.

Ключевые слова: Ч. Павезе, повесть «Луна и костры», термины цветоименования, художественный перевод, сопоставительный анализ, переводческое решение

Для цитирования: Россаль В. В. *Красное и черное Павезе, или Культурно обусловленные цветоименования в итальянской литературе* // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2 (857). С. 124–131. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_2_857_124

Original article

The Red and the Black in Pavese's Novel, or Culturally Motivated Terms in Italian Literature

Vasilissa V. Rossal

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
vasrossal@gmail.com

Abstract. The article describes translation strategies used to render lexemes *red* and *black*, which carry symbolic meaning in Cesare Pavese's novel. With this scope the definitions of the lexemes in both languages are compared, and the methods of analysis include such research methods as observation and comparison. Since the role of the lexemes is connected with the formation of colour terms within the culture, etymological and definitional analyses of the terms is conducted.

Keywords: C. Pavese, novel "The Moon and the Bonfires", colour terms, literary translation, comparative analyses, translation strategies

For citation: Rossal, V. V. (2022). The *red* and the *black* in Pavese's novel, or Culturally motivated terms in Italian literature. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(857), 124–131. 10.52070/2542-2197_2022_2_857_124

ВВЕДЕНИЕ. ЦВЕТ КАК АКЦИДЕНТНЫЙ ПРИЗНАК ПРЕДМЕТА

Цвет является акцидентным признаком предмета: он не имеет независимого от предмета существования. Первые номинации цвета, как полагают исследователи, были представлены описательными конструкциями, в том числе сравнительными оборотами типа *как снег*, *как кровь* и под. В цветообозначениях фиксируется опыт бытия определенной лингвокультуры, поэтому номинации цвета неизбежно сопряжены с коннотациями, которые могут динамично изменяться; а сами лексемы-цветообозначения способны символизироваться и приобретать специфическое национально-культурное содержание в различных областях жизни социума – религии, общественных движениях, политической деятельности, живописи, скульптуре, литературе и т. д. Особенно актуальна символика цвета в различных видах и направлениях искусства, опирающаяся, с одной стороны, на национально-культурные особенности и традиции социума, с другой – акцентирующая индивидуальные авторские смыслы, важные в пределах одного произведения и способствующие эстетически значимому представлению художественной концепции. Последнее вызывает серьезные трудности в процессе перевода художественного текста, а потому проблема установления вербальных способов передачи символического содержания цветоименований в переводе, в частности, с итальянского языка на русский язык, является актуальной и определяет цель статьи. Полагаем, что такая цель может быть хотя бы частично достигнута решением следующих задач: 1) исследовать этимоны цветообозначений *красное* и *черное* для более детальной аргументации противопоставления лексем как символических номинаций; 2) установить функционально-символическое содержание цветообозначений в анализируемом художественном тексте; 3) предложить и обосновать способы передачи символического содержания исследуемых цветообозначений при переводе итальянского художественного текста на русский язык.

В 1969 году Б. Берлин и П. Кей опубликовали работу, посвященную базовым цветам, которая до сих пор остается актуальной. В ней исследователи показали, что на начальном этапе развития языка существует два термина цветоименования: *светлый* и *темный*. Определяется это в первую очередь нейрофизиологически – способностью новорожденных отличать не собственно цвета, а светлое и темное. (Подобные данные одновременно представлены в исследовании М. Люшера). Затем первые два термина специфицируются, и

возникают понятия «белый» и «черный», кроме того, в языках появляется термин «красный». И только позже формируется система основных базовых цветов, которые, как правило, номинируют лексемы *зеленый*, *желтый*, *синий*, *коричневый*, *фиолетовый*, *розовый*, *оранжевый* и *серый*, хотя есть существенные отличия по языкам. Самое большое количество базовых цветовых терминов, отмеченное в языках, – одиннадцать. Цвет определяется как базовый, если он состоит из одной морфемы, имеет равную психологическую ценность для всех носителей языка, употребляется для широкого круга предметов и не включен в значения других базовых цветов (не является оттенком). Такие термины цветоименования стилистически нейтральны, частотны и общеизвестны [Berlin, Kay, 2009]. Номинации оттенков цвета появляются позже; причем в качестве мотиватора названия может выступать предмет, который служил основой номинации цвета первоначально: *белоснежный*, *красавый* [Василевич, Кузнецова, Мищенко, 2008].

Исследователи семантического поля цвета в итальянском языке отмечают, однако, что некоторые языки, в частности русский и итальянский, обладают большим количеством цветовых терминов – двенадцатью (В. Вальдегамбери, Г. Паггетти, Г. Менегац, Дж. Сэндфорд и др.). В них есть еще один базовый термин цвета – *azzurro* / *голубой*.

ЦВЕТОНАИМЕНОВАНИЕ В ТВОРЧЕСТВЕ Ч. ПАВЕЗЕ

В перспективе предполагая исследование цветовой символики в итальянской художественной литературе, обратимся к использованию терминов цветоименования *красный* и *черный* в повести итальянского писателя и переводчика Чезаре Павезе «Луна и костры» и их специфике перевода на русский язык. С целью описания минимального исторического контекста становления исследуемых лексем *rosso* / *красный* и *nero* / *черный* обратимся к их этимологии, затем кратко рассмотрим их семантический и функционально-символический аспекты и установим, какие смыслы актуализируются в произведении Ч. Павезе и насколько обоснованно они представлены в русском переводе.

Ч. Павезе – итальянский писатель, поэт и переводчик. Образование он получил в Туринском университете, где изучал английскую литературу. С 1938 года и до конца жизни Ч. Павезе работал в итальянском издательстве «Эйнауди» в должности редактора, а также переводил с английского языка на итальянский, открыл для итальянских читателей «Моби Дика» Г. Мелвилла, «Дэвида Копперфильда» Ч. Диккенса, «О мышах и людях» Дж. Стейнбека

и др. Его повесть «Луна и костры», написанная в последний год жизни писателя, была отмечена престижной литературной премией «Стрега».

Рассматриваемая нами повесть «Луна и костры», посвященная отображению послевоенного времени в Италии и акцентирующая тему поиска родины, чувства одиночества и ненужности человека, переведена на русский язык Г. С. Брейтбурдом в 1974 году.

КРАСНЫЙ И ЧЕРНЫЙ В РУССКОЙ И ИТАЛЬЯНСКОЙ КУЛЬТУРАХ

В романе нами выделено 143 термина цветоименования, почти все они относятся к базовым, среди которых наибольший интерес с точки зрения символического содержания представляют термины *rosso* / *красный* и *nero* / *черный*. *Rosso* / *красный* – базовый цветовой термин в итальянском языке. Он восходит к индоевропейскому корню **rudh-* (*reudh-*) / *кровь*. Следовательно, первоначально красный цвет соотносится с цветом крови [Pianigiani, 1993]. В санскрите прилагательное *rudh-iram* / *красный* используется и как субстантивированное существительное и тогда обозначает *кровь*. От корня **rudh-* (*reudh-*) происходит латинское *ruber* / *красный* [Grossmann, 1988], перешедшее затем в итальянское *rosso*.

В русском языке прилагательное *красный* стало базовым цветовым термином только в XVIII веке. Долгое время архилексемой семантического поля, соотносимого сейчас со словом *красный*, было слово *рдяный*, тоже произошедшее от индоевропейского корня **rudh-* (*reudh-*). Еще одно широко распространенное слово на Руси для обозначения красного цвета – *червь* и производное *червлёный* (*червчатый*, *чермный*, *червонный*), в основу номинации которого положено слово *червь* как указание на краситель (кармин), который добывался из особых червей красного цвета – кошенильного червеца, кошенили. По мнению О. Н. Трубачева, славянское **krasa* – праславянская инновация, не имеющая соответствий в других языках. Слово *krasa* реконструируется как «цвет жизни», откуда затем – «красный цвет (румянец (лица)), «цветение, цвет (растений)» и, наконец, более общее – «красота» [Этимологический словарь ... 1985, вып. 12, с. 95]. Именно по этой причине слово *красный* первоначально обозначало «красивый» (*Красная площадь, красная девица*), но в XVI веке впервые приобрело значение цвета, а в XVIII веке вытеснило все остальные лексемы [Василевич, 2007]. До сих пор не ясны причины такого стремительного изменения, и

вопрос происхождения современного значения слова *красный* остается нерешенным.

Nero / *черный* – базовый цветовой термин. Несмотря на то, что в латыни архилексемой для черного цвета было прилагательное *ater* [Grossmann, 1988], итальянский язык заимствовал другое слово, греческого происхождения – *νεκρός* (*nekros*) – «мертвец, труп». В латинском языке от этого же слова образовано прилагательное *niger*, которое затем перешло в итальянский язык в форме *nero*. Таким образом, изначально черный цвет ассоциировался со скорбью, с отсутствием жизни [Pianigiani, 1993].

Черный в русском языке тоже является базовым цветовым термином и относится к архаическим цветообозначениям, сложившимся еще в дославянскую эпоху. Слово восходит к праиндоевропейскому корню **keras-*, от которого образовано слово **сьгнъ* в праславянском [Этимологический словарь ... 1977, вып. 4, с. 156].

Этимология исследуемых цветоименований демонстрирует семантическую основу, которая развивается в истории языка и, так или иначе, определяет их функционально-символическое содержание в системе языка. Проанализируем дефиниции исследуемых лексем цветов в толковых словарях, где зафиксированы денотативное значение цветоименований, эталоны цвета. Так, *красный* – «имеющий окраску одного из основных цветов спектра, находящегося между оранжевым и фиолетовым»¹; «имеющий окраску одного из основных цветов спектра, идущего перед оранжевым; цвета крови»²; «имеющий окраску одного из основных цветов спектра, находящегося между оранжевым и фиолетовым; цвета крови»³. Таким образом, *красный* – один из основных цветов спектра, находящийся между оранжевым и фиолетовым; цвет крови.

Проанализируем дефиниции итальянского термина *rosso*:

Di colore simile a quello del sangue vivo, della porpora, del ferro incandescente⁴.

Che è del colore del sangue vivo, della porpora, del rubino e sim⁵.

¹ Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. М.: Астрель, 2006. URL: <http://www.efremova.info>

² Евгеньева А. П. Словарь русского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1999. URL: <http://www.feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>

³ Большой академический словарь русского языка: в 30 т. / под ред. К. С. Горбачевича. СПб.: Наука, 2004. Т. 8: Каюта–Кюрины. С. 582–583.

⁴ Dizionario Garzanti Linguistica. URL: <https://www.garzantilinguistica.it/>

⁵ Zingarelli N. Vocabolario della lingua italiana. Bologna: Zanichelli, 2013.

Di colore che nello spettro sta tra il violetto e l'arancio, ed è quello caratteristico del sangue, del fuoco, del papavero¹.

Таким образом, *rosso* – «цвет свежей крови, цвет пурпура».

Перейдем к термину *черный* и его определению в словарях русского языка:

Самый темный из всех цветов, имеющий цвет сажи, угля (*противоп.*: белый)².

Цвета сажи, угля; *противоп.* Белый³;

Имеющий цвет сажи, угля, самый темный из всех цветов (*противопол.* белый)⁴.

Таким образом, в русском языке *черный* – «цвет сажи или угля»; антоним термина *белый*.

В итальянском языке *nero* имеет следующие определения:

...una superficie che assorbe completamente tutte le radiazioni visibili emesse dal sole, e non ne riflette nessuna; in natura è il colore più scuro, quello del carbone, della pece⁵;

(1) [Il] corpo la cui superficie assorbe completamente ogni radiazione... (2) Correntemente che ha colore bruno intenso molto scuro⁶;

Di colore bruno molto scuro; del colore più scuro che si conosca, come quello del carbone, dell'ebano, della note⁷.

Таким образом, *nero* – «самый темный цвет, цвет угля».

Как показывают толковые словари, совпадение семантических признаков лексем обусловлено референциальными характеристиками значений, их соотношением с одинаковыми реалиями: *rosso* / *красный* – с кровью, *черный* / *nero* – с углем. Таким образом, функционально-семантическое содержание *красного* и *черного* в итальянском и русском

языках обнаруживает некоторые интегративные признаки, хотя и не совпадает полностью.

Ч. ПАВЕЗЕ О ПРИНЦИПАХ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В контексте перевода произведений Ч. Павезе необходимо упомянуть о его собственных переводах и о его отношении к профессии переводчика. Сам Ч. Павезе редко писал о процессе перевода, и у него нет статей, посвященных собственно переводу или переводческой деятельности, но в письмах, заметках и дневниках есть упоминания об этих проблемах. Отметим, что переводческая деятельность для Ч. Павезе не является систематической: он переводит только те произведения, которые интересны ему лично. М. Стелла, анализируя переводы Ч. Павезе, подчеркивает, что переводчик ставит разные цели и задачи в зависимости от субъективного отношения к тексту. Так, в одном произведении его больше интересует сюжет, в другом – стиль писателя, поэтому в первом случае перевод Ч. Павезе не акцентирует «американское происхождение романа», а во втором Ч. Павезе намеренно «передает ее (писательницы – В. Р.) особый стиль (который в то время считался характерным для всей американской литературы)» [Stella, 1977, с. 169]. М. Стелла также отмечает, что переводческая деятельность Ч. Павезе осуществлялась в непростую эпоху: в довоенные годы в стране с фашистским правительством была жесткая цензура, и ему как переводчику американской литературы это приходилось учитывать, хотя Ч. Павезе, в отличие от многих других своих коллег, старался донести текст оригинала до итальянского читателя в наиболее полном варианте. В его личных дневниках, опубликованных под общим названием «Ремесло жить», упоминания о собственных переводах редки. Так, 26 марта 1938 года он размышляет о своей переводческой деятельности так: «Больше не заблуждаюсь относительно своей гениальности: ты смотришь на глупую книгу, которую я всего лишь перевел. Даже обычную для мужчины уверенность в себе я утратил: в тридцать лет у меня нет ремесла»⁸ (Здесь и далее перевод наш. – В. Р.). Очевидно, что Ч. Павезе не воспринимал свою переводческую деятельность как профессию, но вместе с тем акцентировал, что в тексте перевода должна учитываться специфика языка перевода: «Я не просто воспроизводил его строки, а переводил его мысли и чувства: изумление, насмешку и т. д., как если

¹ Gabrielli A. Grande dizionario italiano. Milano: Hoepli, 2020. URL: https://www.grandidizionari.it/dizionario_italiano.aspx

² Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. М.: Астрель, 2006. URL: <http://www.efremova.info>

³ Евгеньева А. П. Словарь русского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1999. URL: <http://www.feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>

⁴ Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / под ред. В. И. Чернышева. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965. Т. 17: X–Я.

⁵ Dizionari Garzanti Linguistica. URL: <https://www.garzantilinguistica.it/>

⁶ Zingarelli N. Vocabolario della lingua italiana. Bologna: Zanichelli, 2013.

⁷ Gabrielli A. Grande dizionario italiano. Milano: Hoepli, 2020. URL: https://www.grandidizionari.it/dizionario_italiano.aspx

⁸ Pavese C. Il mestiere di vivere: diario 1935–1950. Milano: il Saggiatore, 1971.

бы он писал на итальянском»¹ (курсив Ч. Павезе. – В. Р.). Это подтверждается и другими письмами к друзьям, когда Ч. Павезе принимал живое участие в обсуждении вопроса о переводе американского сленга на итальянский язык, в частности, поддерживая идею использовать диалектные итальянские лексемы для более точной передачи содержания жаргонных слов исходного текста. Таким образом, Ч. Павезе стремился сделать свой перевод близким к оригиналу по впечатлению от текста, однако считал себя лишь посредником при передаче исходного текста на другой язык. Вместе с тем он активно занимался писательской деятельностью, в которой его индивидуальные способы работы со словом проявляются вполне очевидно.

ЦВЕТОВЫЕ ТЕРМИНЫ КРАСНОЕ И ЧЕРНОЕ В ПОВЕСТИ Ч. ПАВЕЗЕ «ЛУНА И КОСТРЫ»

В контексте повести «Луна и костры» черный и красный цвета символически противопоставляются. Одно из таких символических значений красного цвета в повести актуально и для русского читателя. С 1917 года красный цвет стал прочно ассоциироваться с идеалами большевизма и коммунизма [Василевич, Кузнецова, Мищенко, 2008]. В таком же значении использует его в своем произведении Ч. Павезе: для него красный цвет устойчиво связывается с коммунистической идеологией:

Sapevo molte cose, gliele avevo chieste, ma non se lui avesse portato il fazzoletto rosso e maneggiato un fucile. – «Я о многом знал, о многом от него же и слышал, не знал только, носил ли он красный платок на шее да ружье на плече».

Perché, dicevano a bassa voce in piazza, sono i rossi che sparano nella nuca senza processo. – «Потому что, вполголоса говорили на площади, именно красные без суда стреляют в затылок».

В итальянских словарях *rosso* обладает значениями, которые связаны непосредственно с коммунизмом и социализмом:

- (5) Del colore simbolo della tradizione operaia...²;
- (6) Aderente a un partito o a un'organizzazione di ispirazione marxista³.

¹ Pavese C. Il mestiere di vivere: diario 1935–1950. Milano: il Saggiatore, 1971.

² Gabrielli A. Grande dizionario italiano. Milano: Hoepli, 2020. URL: https://www.grandidizionario.it/dizionario_italiano.aspx

³ Dizionari Garzanti Linguistica. URL: <https://www.garzantilinguistica.it/>

Красный платок, в частности, в первую очередь ассоциируется с гарибальдийскими отрядами – партизанскими отрядами, которые действовали в Италии во время немецкой оккупации в 1943–1945 годах. Их действия координировали сторонники коммунизма, поэтому их отличительными знаками были красные платки и красные звезды на головных уборах.

Прилагательное *nero* используется не только для описания цвета, но и для обозначения членов фашистской партии:

Trattandosi di morti, sia pure neri, sia pure ben morti, non poteva far altro. – «Речь шла о покойниках, пусть фашистах, пусть давно скончавшихся, по тут уж ничего не попишешь...»

Il mattino che i neri fucilarono i due ragazzi sotto il platano e ce li lasciarono come cani, Santa venne in bicicletta alla Mora e di là al Salto... – «В то утро, когда чернорубашечники расстреляли под платаном двоих ребят и бросили их там как собак, Санта на велосипеде добралась до Моры, а потом наведлась на Сальто...»

Такой перенос объясняется особым названием членов вооруженных отрядов фашистской партии в Италии – *Camicie nere* (*Ca' Nere*, «чернорубашечники»). Полное официальное название данной организации – Добровольная милиция национальной безопасности, а в народе ее членов называли *Camicie nere*, или просто *Ca' nere* («чернорубашечники») из-за их формы, которая была полностью черной. Поскольку в жизни фашисты противостояли коммунистам, в произведении Ч. Павезе красный и черный цвета противопоставлены:

Insomma il parroco [...] non aveva ancora digerita l'inaugurazione della lapide ai partigiani impiccati davanti alle Ca' Nere, ch'era stata fatta senza di lui due anni fa da un deputato socialista venuto apposta da Asti. – «Словом, поп <...> еще не оправился как следует с того дня, когда поставили плиту в память партизан, повешенных перед казармой чернорубашечников».

Переводчик Г. С. Брейтбурд никогда не употребляет при переводе собственно лексему *черный* по отношению к фашистам, а употребляет только их полное название *чернорубашечники*, которое становится ясным из контекста, однако часто переводит *rosso* (*rossi*) в значении сторонников большевизма и коммунизма субстантивированным прилагательным *красный*. Объясняется это тем, что в современной российской культуре красный цвет

действительно устойчиво ассоциируется со сторонниками коммунистического движения, а вот такой же однозначной ассоциации фашистов с черным цветом нет. Часто красный цвет для главного героя ассоциируется со счастливыми воспоминаниями детства:

Si vedevano in cima, sopra i rovi, sporgere le prime viti chiare e un bell'albero di pesco con certe foglie già rosse come quello che c'era ai miei tempi... – «Повыше, над кустами, виднелись первые зеленые лозы и прекрасное персиковое дерево, на нем уже были красные листья, которые я запомнил с детских лет...»

Guardando verso Canelli (era una giornata colorita, serena), prendevo in un'occhiata sola la piana del Belbo, Gaminella di fronte, il Salto di fianco, e la palazzina del Nido, rossa in mezzo ai suoi platani, profilata sulla costa dell'estrema collina. – «Если взглянуть в сторону Канелли – ясный день сверкал всеми красками, – то увидишь все: и русло Бельбо, и холм Гаминелла напротив, и холм Сальто совсем под бокком, и замок Нидо, краснеющий среди платанов на дальнем склоне».

Показательно и то, что, когда герой время войны он уезжает в Америку, описание предметов лишается цвета: все они описаны либо без указания на цвет, либо как «серые» или «тусклые», и это воспринимается как пример намеренного противопоставления «американских» воспоминаний памяти о ярких красках Италии. Кроме того, изображение иной колористической картины становится основанием для акцентирования изменения в психологическом состоянии героя, который чувствует себя потерянным и испуганным, и однажды ночью просыпается и выходит посмотреть на луну:

C'era una luce rossastra, scesi fuori intirizzito e scassato; tra le nuvole basse era spuntata una fetta di luna che pareva una ferita di coltello e insanguinava la pianura. Rimasi a guardarla un pezzo. Mi fece davvero spavento. – «Небо казалось кроваво-красным; дрожь от холода, весь разбитый, вылез я из кабины; из-за низких облаков выглянула полоска луны, совсем как ножевая рана, из которой на равнину сочилась кровь. Я долго стоял и глядел на нее. На этот раз мной овладел настоящий страх».

Красный цвет актуализирует здесь иной семантический признак символического содержания – тревогу, опасность, который развивается на основе особенностей психобиологического восприятия красного цвета. Герой вспоминает родину, которая охвачена войной, и пугает его не мысль об

Италии как таковой, а об опасности, в которой она находится. Отметим, что не вполне корректным в исследуемом переводе Г.С. Брейтбурда представляется слова *rossastra* (кроваво-красный), которое состоит из слова *красный* и суффикса, обозначающего частичность или неполноценность признака, т. е. *красноватый*. Более того, в другом случае, где Ч. Павезе тоже употребляет слово *rossansto*, перевод именно такой:

Era un'idea. Quella macchia di canne e, dietro, i pini rossastri e l'erba sotto, rigogliosa, mi ricordavano la conca in cima alla vigna di Gaminella. – «Пятно тростника и дальше красноватые сосны, густая трава – как все это напомнило мне ложину у виноградника в Гаминелле!»

Таким образом, наиболее близким переводом на русский язык стало бы слово *красноватый*, как в предыдущем примере.

Черный цвет ассоциируется у Ч. Павезе с опустошением, со смертью и старостью:

Sull'uscio era comparsa una donna, due donne, sottane nere, una decrepita e storta, una più giovane e ossuta, mi guardavano. – «На пороге показались женщины – сначала одна, потом другая. Обе в черных юбках. Одна старая, скрюченная, другая помоложе, худая – кожа да кости».

Era uno scheletro di muri neri, vuoti, e adesso sopra i filari si vedeva il noce, enorme. – «Увидели черный остов сгоревшего дома и за шпалерами винограда – ореховое дерево, теперь оно казалось огромным».

Переводчик использует всю систему переносных значений слова *nero* (итальянские значения даются по словарю «Garzanti»¹):

(2) Che ha colore scuro, in contrapposizione a un'altra varietà di colore più chiaro: *Cinto ansava, mugolava, era tutto nero e graffiato. S'era seduto nella polvere sui miei piedi, mi stringeva una gamba... – Чинто тяжело дышал, всхлипывал. Весь исцарапанный и перепачканный, он сидел в пыли, прижимаясь к моим ногам...; Sotto la luna e le colline nere Nuto una sera mi domandò com'era stato imbarcarmi per andare in America... – Однажды вечером, когда над окутанной тьмой холмами поднялась луна, Нутто спросил меня, как это вышло, что я отправился в Америку.*

(5) Cattivo, scellerato: *Che il Valino adesso dormisse con la cognata era il meno – che cosa poteva fare? – ma in*

¹ URL: <https://www.garzantilinguistica.it/>

quella casa succedevano cose nere... – Спал он с ней – а что ему было делать? – но, впрочем, не в этом беда: в доме у них вообще творилось неладное.

(3) 'Triste, malinconico; arrabbiato, irritato': *Ma poi la sera quand'era tornato era nero. S'era messo a gridare con Rosina, con la nonna... – Вечером вернулся мрачный и принялся кричать на Розину, на бабушку...*

Перевод словом *мрачный* представляется наиболее адекватным для выражения испытываемых героем чувств, что, с одной стороны, помогает русскому читателю воспринять текст более точно психологически, а с другой – вуалирует важный для русскоязычной культуры архаический семантический компонент цветообозначения, проявляющийся в таких частотных словосочетаниях, как *черный от злости, черная злоба, черная меланхолия, черная зависть, черные мысли, чернее тучи* и под., хотя более частотное переносное значение слова *черный* связывается носителями русской лингвокультуры со скорбью и печалью. Отметим, что в другом примере переводчик Г. С. Брейтбурд использует цветовой термин в данном значении, даже несмотря на его отсутствие в итальянском тексте:

Il Valino mi guardò con la faccia scura – gli occhi torbidi, duri. – «Валино повернул ко мне свое почерневшее лицо, глаза у него были мутные, злые».

Почерневшее в данном случае является переводом слова *scura*, которое в данном контексте означает «злой, раздраженный». Встречается еще несколько случаев, когда переводчик сам вводит цветовой термин, которого нет в оригинале, например:

Delle due quella che aveva legato il cane – era scalza e cotta dal sole e aveva addirittura un po' di pelo sulla bocca – mi guardava con gli occhi scuri e circospetti del Valino. – «Та, что успокоила пса, – босая, почерневшая от солнца, с пушком над верхней губой, – глядела на меня с такой же мрачной опаской, что и Валино».

Слово *почерневшая* является переводом слова *cotta*, т. е. «обоженная, загорелая».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, при сравнении лексем *красный / rosso* и *черный / nero* были выявлены схожие черты в их определениях. В ходе сопоставительного анализа текста оригинала и перевода мы пришли к выводу, что автор противопоставляет данные лексемы в первую очередь в значении, связанном с политическими движениями (*красный* – коммунисты, *черный* – фашисты), а также как средство для передачи настроения или настроения (*красный* – любовь к родному краю, *черный* – смерть и горе).

При переводе Г. С. Брейтбурд либо полностью сохраняет лексему цвета (*rossi* – *красные*), либо переводит непосредственно выражение, которое содержит цветовой термин и затем поясняет его (*Ca' Nere, neri* – *чернорубашечники*). Однако в том случае, когда термин цветоименования не является обозначением цвета как таковым, а является референтом для чего-либо другого, например, для эмоций, переводчик обычно опускает цветовой компонент и передает эмоцию, исключая из текста упоминания цвета, но используя именно то значение, в котором употребляется слово (*nero* в значении «мрачный», «обгоревший» и т. п.).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Berlin B., Kay P. Basic Color Terms: Their Universality and Evolution. Stanford: CSLI, 2009.
2. Василевич А. П., Кузнецова С. Н., Мищенко С. С. Цвет и названия цвета в русском языке. М.: КомКнига, 2008.
3. Pianigiani O. Vocabolario etimologico della lingua italiana. Faenza: Polaris, 1993. URL: <https://www.etimo.it>
4. Grossmann M. Colori e Lessico. Studi Sulla Struttura Semantica Degli Aggettivi Di Colore in Catalano, Castigliano, Italiano, Romeno, Latino Ed Ungherese. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1988.
5. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд: в 28 вып. / под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1985. Вып. 12.
6. Василевич А. П. Этимология цветоименований как зеркало национально-культурного сознания // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ / под ред. А. П. Василевича. М.: КомКнига, 2007. С. 9–28.
7. Этимологический словарь славянских языков: Праслав. лекс. фонд: в 28 вып. / под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1977. Вып. 4.
8. Stella M. Cesare Pavese Traduttore. Roma: Bulzoni, 1977.

9. Pavese C. Il mestiere di vivere: diario 1935–1950. Milano: il Saggiatore, 1971.
10. Pavese C. La luna e i falò. Torino: Einaudi, 2013.
11. Павезе Ч. Избранное. М.: Прогресс, 1973.

REFERENCES

1. Berlin, B., Kay, P. (2009). Basic Color Terms: Their Universality and Evolution. Stanford: CSLI.
2. Vasilevich, A. P., Kuznecova, S. N., Mishchenko, S. S. (2008). Cvet i nazvaniya cveta v russkom yazyke = Colour and colour names in Russian. Moscow: KomKniga. (In Russ.)
3. Pianigiani, O. (1993). Vocabolario etimologico della lingua italiana. Faenza: Polaris. <https://www.etimo.it>
4. Grossmann, M. (1988). Colori e Lessico. Studi Sulla Struttura Semantica Degli Aggettivi Di Colore in Catalano, Castigliano, Italiano, Romeno, Latino Ed Ungherese. Tübingen: Gunter Narr Verlag.
5. Trubachyov, O. N. (Ed.). (1985). Jetimologicheskii slovar' slavyanskih yazykov: Praslavjanskij leksicheskij fond = Ethimological dictionary of Slavic languages: Proto-Slavic vocabulary: in 28 vols. (Vol. 12). Moscow: Nauka. (In Russ.)
6. Vasilevich, A. P. (2007). Etimologiya cvetonaimenovanij kak zerkalo nacional'no-kul'turnogo soznaniya = Etymology of colour terms as a mirror of cultural identity. In A. P. Vasilevich (ed.), Naimenovaniya cveta v indoevropskih yazykah: Sistemnyj i istoricheskij analiz (pp. 9–28). Moscow: KomKniga. (In Russ.)
7. Trubachyov, O. N. (Ed.). (1977). Jetimologicheskii slovar' slavyanskih yazykov: Praslavjanskij leksicheskij fond = Ethimological dictionary of Slavic languages: Proto-Slavic Vocabulary: in 28 vols. (Vol. 4). Moscow: Nauka. (In Russ.)
8. Stella, M. (1977). Cesare Pavese Traduttore. Roma: Bulzoni.
9. Pavese, C. (1971). Il mestiere di vivere: diario 1935–1950. Milano: il Saggiatore.
10. Pavese, C. (2013). La luna e i falò. Torino: Einaudi.
11. Pavese, C. (1973). Izbrannoe = Selected Works. Moscow: Progress. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Россаль Василисса Владимировна

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rossal Vasilissa Vladimirovna

Post-graduate Student at the Department of General and Comparative Linguistics,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 29.11.2021
одобрена после рецензирования 20.12.2021
принята к публикации 27.01.2022

The article was submitted 29.11.2021
approved after reviewing 20.12.2021
accepted for publication 27.01.2022

Научная статья
 УДК 81'139
 DOI 10.52070/2542-2197_2022_2_857_132



Соотношение ценности и антиценности в немецкой лингвокультуре: Gewalt (насилие) / Freiheit (свобода)

А. И. Хлопова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
 chloпова_anna@mail.ru

Аннотация. Целью статьи является установление системного соотношения ценности и антиценности в лингвокультуре на примере анализа ценностных понятий *Gewalt (насилие) / Freiheit (свобода)*. Исследование строится на сопоставлении данных лексикографических источников и данных ассоциативного эксперимента, проведенного автором в 2021 году в форме google-анкет. Полученные результаты показали, что ценности и антиценности, противопоставленные на основе определенных семантических признаков, вместе с тем представляют единую систему.

Ключевые слова: ценность, антиценность, ассоциативные поля, ассоциативный эксперимент, немецкая лингвокультура

Для цитирования: Хлопова А. И. Соотношение ценности и антиценности в немецкой лингвокультуре: Gewalt (насилие) / Freiheit (свобода) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2 (857). С. 132–141. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_2_857_132

Original article

Relationship of Value and Anti-Value in German Linguoculture: Gewalt (Violence) / Freiheit (Liberty)

Anna I. Khloпова

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
 chloпова_anna@mail.ru

Abstract. The purpose of the article is to establish a systemic correlation of value and anti-value in linguistic culture on the example of the analysis of value concepts *Gewalt / Freiheit*. The study is based on a comparison of data from lexicographic sources and data from an associative experiment conducted by the author in 2021 in the form of google questionnaires. The obtained results showed that values and anti-values, which are opposed on the basis of certain semantic features, at the same time represent a single system.

Keywords: value, anti-value, associative fields, associative experiment, German linguistic culture

For citation: Khloпова, A. I. (2022). Relationship of value and anti-value in German linguoculture: Gewalt (violence) / Freiheit (liberty). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(857), 132–141. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_2_857_132

ВСТУПЛЕНИЕ

Ценности понимаются и принимаются членами общества как одобряемые социумом способы деятельности и поведения. Ценности выступают в качестве социального ориентира в предметной и социальной действительности, в качестве своеобразной установки по отношению к реальности. Они не являются объективным свойством какого-либо предмета или явления, а непосредственно связаны с бытием человека как представителя социума. Ценности противопоставлены антиценностям. По мнению Пэй Цайся, «антиценности – ценности, имеющие негативное значение для жизни и благополучия человека» [Пэй, 2019, с. 5]. Они ориентированы на ослабление социума [Багдасарян 2012]. Слова, номинирующие ценности и антиценности, имеют общие семантические признаки, позволяющие противопоставлять их антонимически. Вместе с тем они представляют собой ассоциативно связанные ценностные понятия, что выявляется и в единстве их ассоциативного поля.

Поэтому важно сопоставить ассоциативные поля ценностей и антиценностей для установления системообразующих смысловых признаков ценностной сферы. В статье это осуществляется на примере ценностей *Gewalt* (насилие) и *Freiheit* (свобода) по следующей схеме: анализ лексикографических источников, анализ лексической сочетаемости лексем, номинирующих ценностные понятия, анализ данных свободного ассоциативного эксперимента.

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ ЦЕННОСТНОГО ПОНЯТИЯ, ОБОЗНАЧЕННОГО СЛОВОМ GEWALT

В словаре 1976 года слово представлено в нескольких значениях [Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache, 1976]. В первом значении слово определяется как *Macht, Befugnis über jmdn., etw. zu bestimmen* (иметь силу, власть над кем-то, чем-то), например: *die elterliche, obrigkeitliche, kaiserliche, absolute, feudale Gewalt* – «родительская, начальственная, имперская, абсолютная, феодалная власть». Во втором значении – *Willkür, unrechtmäßiges Vorgehen unter Ausnutzung einer Machtstellung* (произвол, незаконные действия с использованием служебного положения): *Gewalt leiden müssen* – «должны терпеть насилие»; *das ist nackte, schreiende Gewalt* – «это голое, вопиющее насилие». В третьем значении – *rohe, körperliche Kraft* (грубая физическая сила): *die Tür mit Gewalt öffnen* – «открыть дверь силой». В четвертом значении

слово *Gewalt* означает *Stärke, Kraft, hoher Grad* (сила, мощь, высокая степень): *die Gewalt des Windes, der Wellen* – «буйство ветра, волны».

Словарь Wahrig 1986 года также представляет слово в нескольких значениях [Wahrig, 1986]. *Gewalt* определяется как *Zwang, Kraft, unrechtmäßiges Vorgehen, Macht, Befugnis zu herrschen; Machtbereich; Heftigkeit, Wucht, Ungestüm* (принуждение, сила, правонарушение, власть; сфера власти; насилие, сила, порыв).

Значения, отмеченные в словаре 1976 года, повторяются также в словаре 1986 года. Новым значением, отмеченным только в словаре 1986 года, является значение *Machtbereich* (сфера власти).

В словаре Paul 1992 года слово также представлено в нескольких значениях. Ядерным значением является *die Fähigkeit oder Befugnis, mit jemandem oder etwas zu verfahren* (способность или полномочия иметь дело с кем-то или чем-то) [Paul 1992]. Следующим является значение *Zwang* (принуждение). Третьим значением является *elementare Kraft* (стихия).

Значения, представленные в словаре 1992 года, совпадают со значениями в более ранних словарях.

Словарь Duden 2002 года дает четыре значения слова *Gewalt*:

- 1) *Macht und Befugnis, Recht und die Mittel, über jemanden, etwas zu bestimmen, zu herrschen* – сила и авторитет, право и средства управлять кем-либо, определять что-либо;
- 2) *rücksichtslos angewandte Macht; unrechtmäßiges Vorgehen* – безжалостно применяемая власть; противоправное действие;
- 3) *körperliche Kraft; Anwendung physischer Stärke* – физическая сила; применение физической силы;
- 4) *elementare Kraft* – стихия [Duden, 2002].

Таким образом, все представленные в толковых словарях значения совпадают.

В современном толковом немецкого языка Duden-online слово *Gewalt* имеет четыре определения. Первое полностью совпадает с определением в словаре 2002 года. Второе значение также частично совпадает со значением, представленным в издании 2002 года: *unrechtmäßiges Vorgehen, wodurch jemand zu etwas gezwungen wird* (незаконная практика, посредством которой кого-либо принуждают к чему-либо). Третье значение частично совпадает с третьим определением в словаре 2002 года: *gegen jemanden, etwas [rücksichtslos] angewendete physische oder psychische Kraft, mit der etwas erreicht werden soll* (применение физической или психологической силы [безжалостно] против кого-либо для достижения чего-либо).

Четвертое значение идентично значению в словаре 2002 года [Duden, URL].

На основе анализа лексикографических источников можно сделать вывод о том, что значения, представленные в толковых словарях немецкого языка разных лет, совпадают.

Ядерными компонентами являются следующие:

- сила, авторитет;
- безжалостно применяемая власть;
- стихия.

СОЧЕТАЕМОСТЬ ЛЕКСЕМЫ

GEWALT / НАСИЛИЕ

С опорой на теорию речевой деятельности А. А. Леонтьева сочетаемость лексемы мы будем рассматривать как акт предикации, соответственно, на основе сочетаемости становится возможным выделение актуального смыслового признака лексемы *Gewalt*. Обратимся к данным словарей Duden [Duden, URL] и The Free Dictionary [The Free Dictionary, URL] и распределим типичные случаи сочетаемости в соответствии с актуальными интегративными признаками:

- **Форма насилия** (всего 12):
Androhung – угроза
Drohung – угроза
durchsetzen – принуждать
Fremdenfeindlichkeit – ксенофобия
(неприязнь к иностранцам)
Gegengewalt – встречное насилие
Krieg – война
Rassismus – расизм
recht – правый
rechtsextrem – правозэкстремистский
roh – грубая (сила)
Streik – забастовка
Terror – террор;
- **Способ осуществления насилия / Разновидность насилия** (всего 8):
brutal – брутальный
häuslich – бытовой
körperlich – телесный
militärisch – военный
motiviert – мотивированный
physisch – физический
Sex – секс
sexuell – сексуальный
staatlich – государственный;
- **Степень проявления насилия** (всего 4):
Ausbruch – вспышка
Eskalation – усиление

eskalieren – усилить
Welle – волна – всего четыре;

- **Прекращение насилия** (всего 2):
beenden – завершать
stoppen – остановить;
- **Объект насилия** (всего 1):
Opfer – жертва;
- **Причина насилия** (всего 1):
Droge – наркотики;
- **Внутреннее проявление насилия** (всего 1):
Hass – ненависть;
- **Формальные реакции** (всего 6):
antun – совершать
anwenden – совершать
Anwendung – совершение
ausüben – проявлять
bringen – совершать
Einsatz – совершение.

Всего в качестве сочетаемости представлено 33 разнообразных лексемы. Наибольшее количество лексем (37 % от общего количества сочетаемостей) репрезентирует признак «форма насилия». Лексемы, объединенные указанным признаком, представляют собой конкретные виды насилия.

Значимым в количественном плане представляется также признак «способ осуществления насилия» (24 %). Данный признак объединяет разные способы насилия – от морального до физического.

12 % реакций репрезентуют признак «степень проявления насилия», в котором представлены реакции, указывающие на усиление насилия, большую степень насилия. При этом признак «прекращение насилия» представлен только 6 % реакций.

Остальные признаки, выделенные на основе сочетаемости лексемы, представлены незначительным количеством.

Несмотря на то, что эмоционально-оценочных лексем специально не выделено, сочетаемость в целом указывает на отрицательную коннотацию. Отметим, что только две лексемы свидетельствуют о прекращении насилия. Остальные лексемы указывают на то, что являлось причиной или результатом насилия, а также на увеличение насилия в целом.

На основе сочетаемости лексемы *Gewalt* проявляются только два первых значения, выделенные при анализе данных толковых словарей: *сила* и *авторитет*; *безжалостно применяемая власть*.

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Ассоциативный эксперимент был проведен с носителями немецкой лингвокультуры в 2021 году в формате google-анкет. Респонденты получали список, состоящий из 28 слов-стимулов, соответствующий одноименным базовым ценностям. На каждый стимул респонденты должны были реагировать первым пришедшим на ум словом. Всего в эксперименте приняли участие 200 респондентов в возрасте от 17 до 23 лет. Распределим реакции в соответствии с моделью ассоциативного значения В. А. Пищальниковой [Пищальникова, 2007, с. 136]:

- **Форма насилия** (всего 84):
Krieg – война (49)
Kriminalität – криминал (28)
Kampf – борьба
kriminell – криминальный
rechts – правый
rechtsextrem – правоэкстремистский
Rechtsradikalismus – правый радикализм
Straftat – уголовное преступление
Streetfight – уличная драка
Unterdrückung – угнетение;
- **Отрицание насилия** (всего 18):
nein – нет (9)
unnötig – не нужно (2)
abartig – ненормально
Abneigung – отвращение
geht gar nicht – вообще не пойдет
Nein danke – нет
спасибо
No – нет
ohne – без
verboten – запрещено;
- **Внешнее проявление насилия** (всего 9):
Blut – кровь (9);
- **Способ осуществления насилия / Разновидность насилия** (всего 8):
schlagen – бить (4)
Angriff – нападение
brutal – брутальный
Schläge – удары
töten – убивать;
- **Внутренне проявление насилия** (всего 5):
Angst – страх
Hass – ненависть
Schmerz – боль
- Schmerzen – боли
Schrecken – ужасы
Wut – ярость;
- **Формы, средства, субъекты противостояния насилию** (всего 3):
Abwehr / ащита
Anwalt – адвокат
Polizei – полиция;
- **Жертва насилия** (всего 3):
Frau – женщина
gegen Frauen – против женщин
Kinder – дети;
- **Актеры насилия** (всего 2):
Männer – мужчины
Nazis – нацисты;
- **Средство насилия:**
Axt – топор
Faust – кулак
Hammer – молоток
Panzer – танк
Waffen – оружие – всего две реакции;
- **Бытийность насилия** (всего 1):
Realität – реальность;
- **Причина насилия** (всего 1):
Machtmissbrauch – злоупотребление властью
Stress – стресс;
- **Место насилия** (всего 1):
Straße – улица;
- **Форма представления насилия** (всего 1):
Nachrichten – новости;
- **Способ прекращения насилия** (всего 3):
Gefängnis – тюрьма
strafbar – наказуемый
Strafe – наказание;
- **Эмоционально-оценочные реакции** (всего 46):
schlecht – плохо (36)
dumm – глупый
furchtbar – ужасно
hart – жесткий
negativ – негативный
primitiv – примитивный
roh – грубый
schlimm – плохо
schrecklich – ужасный
schrecklich aber allgegenwärtig – ужасный

но вездесущий
sehr schlecht – очень плохо;

- **Культурные реакции** (всего 1):
ist keine Lösung – не выход;
- **Формальные реакции** (всего 1):
Vergewaltigung – насилие.

Наибольшее количество реакций представляют признак «форма насилия» (42 % от общего количества реакций). Как и на основе сочетаемости лексемы реакции представляют собой разнообразные виды насилия. Отметим, что в качестве ядерной реакции (24,5 %) респонденты называют реакцию *война*. Для респондентов именно *война* выступает в качестве основной формы насилия, так как она напрямую связана с феноменом его возникновения.

9 % всех реакций объединены общим признаком «отрицание насилия», который не представлен на основе лексической сочетаемости. Этот признак указывает на понимание насилия как антиценности. Респонденты отрицают насилие, считают его ненормальным, ненужным, воспринимают его как нечто отвратительное, неприятное, глупое, примитивное, что подтверждается также эмоционально-оценочными реакциями: все реакции отрицательно окрашены.

На основе реакций ассоциативного эксперимента можно также выделить два важных признака: «внешнее проявление насилия» (4,5 %) и «внутреннее проявление насилия» (3 %). Внешнее проявление связано с физическими проявлениями насилия, внутреннее проявляется на уровне чувств.

Признак «способ осуществления насилия» совпадает с выделенным на основе лексической сочетаемости признаком и объединяет в себе виды насилия. Совпадает с выделенным на основе лексической сочетаемости и признаком «жертва насилия». В качестве жертв насилия респонденты называют женщин и детей. Напротив, акторами насилия являются мужчины, так как это соответствует сложившимся в социуме убеждениям.

1,5 % реакций объединены признаком «способ прекращения насилия», который проявляется в тюремном заключении и наложении штрафа. В качестве «форм, противостоящих насилию» (1,5 % от общего количества реакций) выступают государственные органы, такие как полиция и адвокат.

Культурная реакция *ist keine Lösung / не выход* является устойчивым выражением, которое означает, что любые проблемы можно решить ненасилиственными способами.

Остальные признаки представлены единичными реакциями и проявляются только в ассоциативном эксперименте: «бытийность насилия», «причина насилия», «место насилия», «форма представления насилия».

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ ЦЕННОСТНОГО ПОНЯТИЯ, ОБОЗНАЧЕННОГО СЛОВOM FREIHEIT / СВОБОДА

В толковом словаре 1976 года первым значением слова *Freiheit* является *politische Unabhängigkeit im Hinblick auf Staat und Gesellschaft; Unabhängigkeit von äußerer, innerer Unterdrückung (политическая независимость в отношении государства и общества; независимость от внешнего, внутреннего угнетения)*. То есть в основном значении акцент делается именно на внешнюю угрозу, которая может сделать индивида несвободным. Во втором значении, представленном в толковом словаре, *Freiheit* трактуется как *Möglichkeit, Recht, etw. ungehindert tun zu können, sich ungehindert entfalten, betätigen zu können (возможность делать что-то беспрепятственно, беспрепятственно развиваться, уметь действовать)*. В словаре отмечено, что это значение близко первому значению ввиду, прежде всего, наличия внешней угрозы, преграды, препятствия. В третьем значении исследуемое слово имеет значение *Vorrecht (привилегия, преимущество)*. В этом значении слово используется преимущественно во множественном числе, например:

...in diesem Roman findet man viele dichterische Freiheiten – «...в этом романе много поэтических вольностей».

Отметим, что третье значение слова близко значению, отмеченному в этимологическом словаре. В четвертом значении слово соответствует одному из значений прилагательного *frei (свободный) – nicht festgenommen, nicht in Haft (не арестованный, не в тюрьме)*, например:

Freiheit für einen Inhaftierten fordern – «требовать свободы для заключенного».

В пятом значении слово используется в области физики и химии и означает *nicht gebunden (не связанный)*, например:

Durch Erhitzen auf über 1000°C oder Auflösen in Säuren wird es [Helium] in Freiheit (=in ungebundenen Zustand) gesetzt. – «При нагревании до более

чем 1000°C или растворении в кислотах частицы гелия свободны (не связаны)».

В области права слово *Freiheit* используется в следующем значении: *die Freiheit der Meere* (= *das Prinzip, dass das Meer außerhalb der Küstengewässer keinem Staat gehört und im Gemeingebrauch aller Staaten steht*), т. е. *свобода морей* (= *принцип, согласно которому море за пределами прибрежных вод не принадлежит какому-либо государству и находится в общем пользовании всех государств*) [Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache, 1976].

В словаре 1986 года в первом значении *Freiheit* представлено как *Unabhängigkeit von Zwang oder Bevormundung* (*независимость от принуждения или опеки*). Важным моментом в этом определении является, как и в словаре 1976 года давление извне. В данном значении *свобода* – это не только независимость от чего-то негативного, но также от чьей-либо опеки, заботы, которые в этом случае не приветствуются. Во втором значении *Freiheit* понимается, как и в толковом словаре 1976 года, как *Vorrecht, Privileg* (*преимущество, привилегия*). Третье значение также совпадает со значением, приведенным в толковом словаре 1976 года: *die Freiheit des Gewissens, der Presse, des Handels* (*свобода совести, прессы, торговли*). Специальные значения в словаре Wahrig не представлены, однако основные значения в обоих словарях совпадают [Wahrig, 1986].

В словаре 1992 года Германа Пауля отмечено, что в первом значении слово *Freiheit* антонимично словам *Unterdrückung* (*угнетение*), *Knechtschaft* (*рабство*). Это значение сопоставимо с первыми значениями в словарях 1976 и 1986 годов, однако имеет негативную коннотацию. При этом необходимо отметить, что в словарях 1976 и 1986 годов *свобода* понимается прежде всего как независимость от чьего-либо мнения: общества, государства, родителей и т. д. В словаре 1992 года *Freiheit* – свобода, прежде всего, физическая. Второе значение в словаре Г. Пауля совпадает со значениями, отмеченными в словарях более раннего года выпуска: привилегии, преимущества. В третьем значении отмечено, что *Freiheit* следует также понимать как *die Anfänge der bürgerlichen Freiheitsbewegung* (*истоки движения за свободу*). Такое значение имеет исторические предпосылки, так как 80–90-е годы – это время существования различных движений за свободу и права женщин в Германии [Paul, 1992].

В словаре Duden 2002 года слово *Freiheit* представлено в трех значениях. Первое значение частично совпадает с представленными в словарях более раннего года издания, но также является

обобщением предыдущих определений. В данном случае акцент делается на обстоятельствах, которые именно для индивида воспринимаются как отягощающие, хотя могут таковыми и не являться, свобода также воспринимается как независимость в действиях и решениях. Второе значение совпадает во всех упомянутых словарях. Третье значение частично совпадает со значением, отмеченным в словаре 1976 года: *Möglichkeit, sich frei und ungehindert zu bewegen* (*возможность передвигаться свободно и беспрепятственно*). В этом значении *свобода* воспринимается прежде всего как *свобода передвижения*, одна из основных свобод, отмеченных в Конституции любого государства [Duden, 2002].

Все три значения, упомянутые в современном толковом словаре немецкого языка Duden.de [Duden, URL], идентичны тем, которые указаны в словаре 2002 года.

На основе дефиниций, отмеченных в толковых словарях, можем выделить ядерные и периферийные компоненты значения слова *Freiheit*. При этом отметим, что динамика слова незначительна. Она заключается в отсутствии в словарях более позднего года издания специальных значений, а также в представлении более обобщенного понятия, включающего в себя различные аспекты. В качестве нового определения, представленного в толковых словарях, отмечена *свобода перемещения*.

Ядерными компонентами являются следующие:

- свобода от обязательств, принуждения, опеки;
- независимость;
- свобода решений, мнений;
- привилегия;
- свобода перемещения.

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ СЛОВА *FREIHEIT* / СВОБОДА НА ОСНОВЕ ДАННЫХ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЕЙ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Выделим на основе сочетаемости, представленной в толковых словарях Duden [The Free Dictionary, URL] и The Free Dictionary [Duden, URL], актуальный смысловой признак лексемы *Freiheit*. Распределим типичные случаи сочетаемости в соответствии с интегративными признаками:

Представления:

- **Гражданские и политические права / демократические свободы** (всего 8):
bürgerlich – гражданский
Demokratie – демократия
demokratisch – демократический

Gerechtigkeit – справедливость
 Gleichheit – равенство
 Menschenrecht – право человека
 Recht – право
 Volk – народ;

- **Свобода как ценность** (всего 5):
 Sicherheit – безопасность
 Frieden – мир
 Unabhängigkeit – независимость
 Wohlstand – благополучие
 Würde – достоинство;
- **Внутреннее проявление свободы** (всего 4):
 individuell – индивидуальный
 inner – внутренний
 persönlich – личный
 Selbstbestimmung – самоопределение;
- **Внешнее проявление свободы** (всего 3):
 entlassen – освобождать из заключения
 Verteidigung – защита в суде
 verteidigen – защищать;
- **Способы лишения свободы** (всего 3):
 einschränken – ограничивать
 Einschränkung – ограничение
 berauben – лишить, отнять;
- **Сфера реализации свободы / Разновидность свободы** (всего 3):
 Abenteuer – приключение
 künstlerisch – художественный
 unternehmerisch – предпринимательский;
- **Характеристика свободы** (всего 1):
 grenzenlos – безграничный.

На основе лексем, представленных в качестве сочетаемых с лексемой *Freiheit*, можно выделить следующие признаки: «демократические свободы», «свобода как ценность», «внутреннее проявление свободы», «внешнее проявление свободы», «способы лишения свободы», «сфера реализации свободы / реализация свободы», «характеристика свободы».

Наибольшее количество лексем репрезентирует признак «демократические свободы». Лексемы представляют собой политические и правовые нормы, которые определяют права и свободы человека как гражданина определенного государства. Известно, что соблюдение свобод человека необходимо для функционирования правового государства.

Важным как в количественном, так и в содержательном плане является признак «свобода как

ценность». *Свобода* представлена как одна из фундаментальных ценностей, как благо, которое человек должен оберегать. *Свобода* связана с другими ценностями, с такими как *безопасность*, *мир* и *благополучие*. Известно, что соблюдение и уважение свобод указывает в том числе на социальную защищенность и благополучную жизнь граждан.

Лексемы, сходящие в признак «внутреннее проявление свободы», представляют возможность человека действовать в соответствии со своими интересами, желаниями и идеалами. Благодаря свободе человек определяет себя в частной жизни, в социуме, в истории. «Внешнее проявление свободы», представленное в сочетаемости слова, связано, прежде всего, с освобождением человека из заключения и защитой прав человека в суде.

Признак «реализация права» представляет собой гражданские свободы: «свобода перемещения» (возможность путешествий и выбора места жительства), «свобода творчества», «свобода торговли».

Свобода представлена как отсутствие границ как физических, так и ментальных, что в том числе означает свободу мысли, свободу действий и т. д.

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ FREIHEIT / СВОБОДА НА ОСНОВЕ ДАННЫХ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Представления:

- **Свобода как ценность** (всего 74):
 Leben – жизнь (39)
 wichtig – важно (27)
 Glück / счастье (4)
 Verantwortung – ответственность (2)
 Frieden – мир
 Heimatland – родина
 Toleranz – толерантность;
- **Природа** (всего 42):
 Natur – природа (25)
 Meer – море (14)
 Felsen – скалы
 Luft – воздух
 Sonne – солнце;
- **Свобода как ощущение полета** (всего 26):
 fliegen – лететь (26);
- **Символы свободы** (всего 18):
 Vogel – птица (7)
 Amerika – Америка (3)
 Vögel – птицы (2)

Deutschland – Германия
Flügel – крыло
New York – Нью-Йорк
Taube – голубь
Westen – Запад
Wiese – луг;

- **Желаемый признак свободы** (всего 7):
alles tun können – мочь все сделать
alles – все
alles machen was du willst – все делать, что ты хочешь
offen – открыт
selbst entscheiden – самостоятельно решить
selbst zu erscheinen – самостоятельно показываться;
- **Формы несвободы** (всего 8):
Krieg – война (7)
Kampf – борьба;
- **Свобода как возможность реализации** (всего 6):
Entfaltung – раскрытие
Entwicklung – развитие
Entscheidungsmöglichkeit – возможность выбора
Möglichkeiten – возможности
Selbstständigkeit – самостоятельность;
- **Гражданские и политические права / демократические свободы** (всего 4):
Gerechtigkeit – справедливость (2)
Recht – право (2);
- **Внешнее проявление свободы** (всего 4):
Freizeit – свободное время (2)
keine Grenzen – без границ
keine Einschränkungen – без ограничений
Reisen – путешествия;
- **Свобода как благо, как привилегия** (всего 4):
einzelne Menschen – отдельные люди
nicht selbstverständlich – не само собой разумеется
niemand – никто
Status – статус;
- **Способы лишения свободы** (всего 2):
Gefängnis – тюрьма (2).

Наибольшее количество реакций подтверждают, что респонденты относятся к *свободе* как к наивысшей ценности, а ядерная реакция *wichtig / важно* указывает на особый статус этой ценности.

21 % от общего количества реакций связывают *свободу* с природой, где индивид имеет возможность

ощущать свободу от социальных ограничений, давления и правил.

9 % реакций также связаны с символическим представлением *свободы*. Летящая в небе птица является традиционным изображением свободы, так же как бескрайние луга и поля. 2,5 % реакций связаны с развитыми демократическими, символизирующие для респондентов свободу граждан.

4 % реакций связаны с идеей борьбы, а также военных действий за свободу от гнета и насилия как со стороны другого государства, так и своего.

Реакции, входящие в признак «свобода как возможность реализации», представляют свободу как отправную точку для духовного развития индивида.

Как и на основе лексической сочетаемости, *свобода* представлена в ассоциативном эксперименте как возможность реализации демократических свобод.

Интересно, что респонденты видят свободу не как право, которое имеют все граждане, а как некую привилегию, доступную не всем.

- **Эмоционально-оценочные реакции** (всего 3):
schön – прекрасно.

- **Операциональные реакции** (всего 1):
haben – иметь.

Отсутствие в эксперименте понятийных реакций, а также большое количество единичных реакций подчеркивает, что свобода – ценность глубоко личностная, базовая. Следует отметить положительную коннотацию исследуемой базовой ценности. Наличие в ядре эмоционального компонента свидетельствует об освоенности этой ценности в иерархической системе ценностей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе данных, полученных при сопоставлении, отметим, что ценность *Freiheit (свобода)* и антиценность *Gewalt (насилие)*, семантически антонимичны, а потому, как и всякие антонимы, имеют общие семантические признаки: «Разновидность насилия / Разновидность свободы», «Степень проявления насилия / свободы» и «Внутреннее проявление насилия / свободы». *Свобода* является универсальной духовной ценностью, претендующей на роль фундаментального основания ценностного бытия, поэтому она способна конкретизировать семантическое поле противоположного понятия, т. е. антиценности, в нашем случае – *насилия*.

Ассоциативные поля исследуемых ценности и антиценности совпадают по следующим

признакам: «Форма насилия / несвободы», «Насилие как антиценность / Свобода как ценность», «Внешнее проявление насилия / свободы», «Бытийность насилия / Свобода как благо», «Способ прекращения насилия / Способ лишения свободы» и находятся в отношениях взаимозависимости. «Форма насилия», как и «форма несвободы» являются по сути единым признаком, несмотря на разность его наполнения. Единими являются также признак «свобода как ценность» и «насилие как антиценность». *Насилие* представляется как стабильный признак, как то, что неотъемлемо присутствует в общественной жизни. *Свобода* является определенной привилегией, которую необходимо добиться, заслужить. *Свобода* – это все, что существует в силу собственной внутренней причины в

отличие от того, что является следствием внешней причины, или внешней детерминации. Ассоциативные поля исследуемых ценности и антиценности пересекаются. Это проявляется в том числе на примере отдельных реакций: реакции *Krieg* (*война*) и *Kampf* (*борьба*) представлены в ассоциативных полях как ценности, так и антиценности. С одной стороны, *война* и *борьба* воспринимаются как нечто положительное, так как позволяют добиться *свободы*. С другой стороны, они воспринимаются как зло, которому необходимо противостоять.

Таким образом, несмотря на то, что ценности имеют биполярный характер, ассоциативные поля ценности *Freiheit* и антиценности *Gewalt* пересекаются и образуют единое ассоциативное поле, которое включает в себя пересекающиеся признаки:

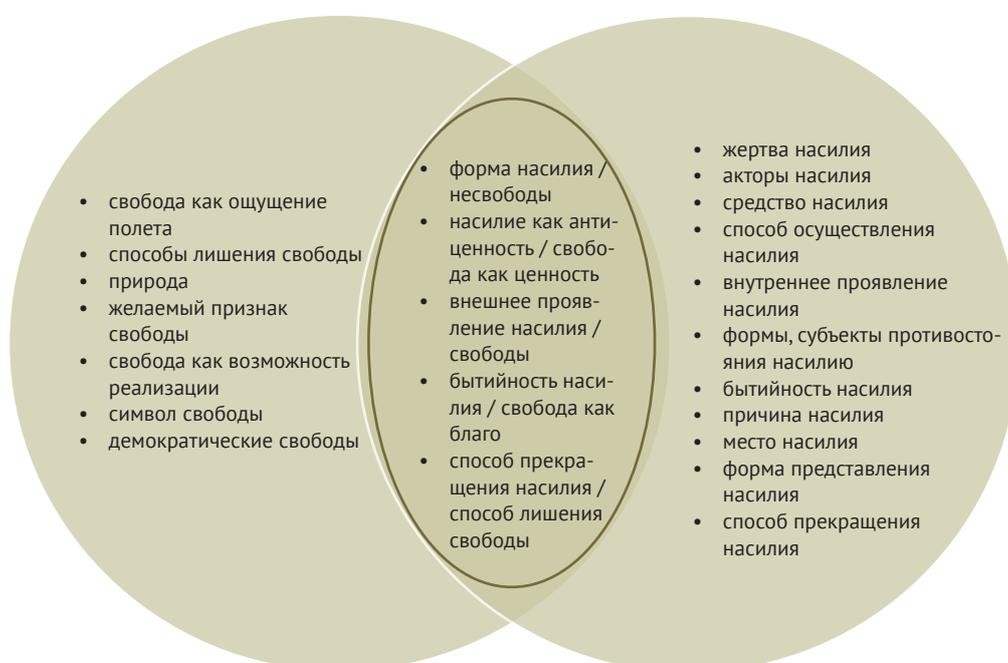


Схема 1. Ассоциативные поля ценности *Freiheit* (свобода) и антиценности *Gewalt* (насилие)

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Багдасарян В. Э. Высшие ценности Российского общества. М.: Научный эксперт, 2012.
2. Пэй Цайся. Антиценность «коррупция» / «腐败» как фрагмент языковой картины мира русских и китайцев: дис. ... канд. филол. наук. М., 2019.
3. Pfeifer W. URL: <https://www.dwds.de/d/zum-gedenken-an-wolfgang-pfeifer>
4. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache, 1976. URL: <https://www.dwds.de/wb/Leben#etymwb-1>
5. Wahrig. Deutsches Wörterbuch. Gütersloh / München: Bertelsmann Lexikon Verlag GmbH, 1986.
6. Paul H. Deutsches Wörterbuch. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1992.
7. DUDEN. Das Bedeutungswörterbuch. Mannheim: Bibliographisches Institut & F. A. Brockhaus AG, 2002.
8. DUDEN. Universalwörterbuch. URL : <https://www.duden.de/rechtschreibung/Gesundheit>.

9. The Free Dictionary. URL: <https://de.thefreedictionary.com/leben>
10. Пищальникова В. А. История и теория психолингвистики: курс лекций: в 3 ч. Ч. 2. Этнопсихолингвистика. М.: МГЛУ, 2007.

REFERENCES

1. Bagdasaryan, V. E. (2012). Vysshie cennosti Rossijskogo obshchestva = The highest values of Russian society. Moscow: Nauchnyj ekspert. (In Russ.)
2. Pej, Cajsya. (2019). Anticennost "korrupciya" / «腐败» kak fragment yazykovej kartiny mira russkih i kitajcev = Anti-value "corruption" / «腐败» as a fragment of the linguistic picture of the world of Russians and Chinese: PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
3. Pfeifer, W. <https://www.dwds.de/d/zum-gedenken-an-wolfgang-pfeifer>
4. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache, 1976. <https://www.dwds.de/wb/Leben#etymwb-1>
5. Wahrig (1986). Deutsches Wörterbuch. Gütersloh. München: Bertelsmann Lexikon Verlag GMBH.
6. Paul, H. (1992). Deutsches Wörterbuch. Tübingen: Max Niemeyer Verlag.
7. DUDEN (2002). Das Bedeutungswörterbuch. Mannheim: Bibliographisches Institut & F. A. Brockhaus AG.
8. DUDEN. Universalwörterbuch. <https://www.duden.de/rechtschreibung/Gesundheit>
9. The Free Dictionary. <https://de.thefreedictionary.com/leben>
10. Pishchal'nikova, V. A. (2007). Istoriya iteoriya psiholingvistiki = History and theory of psycholinguistics (Part 2. Etnopsihologivistika = Ethnopsycholinguistics): a course of lectures: in 3 parts. Moscow: MSLU. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хлопова Анна Игоревна

кандидат филологических наук, доцент кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Khloпова Anna Igorevna

PhD (Philology), Associate Professor at the Department of German Lexicology and Stylistics, Faculty of the German language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 29.11.2021
одобрена после рецензирования 20.12.2021
принята к публикации 27.01.2022

The article was submitted 29.11.2021
approved after reviewing 20.12.2021
accepted for publication 27.01.2022

ЛИНГВИСТИКА ЖЕСТОВЫХ ЯЗЫКОВ

Научная статья
УДК 81'221.22
DOI 10.52070/2542-2197_2022_2_857_142



Средства усиления в русском жестовом языке

В. Д. Харитонова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
v.kharitonova@linguanet.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются основные способы выражения интенсификации для усиления характеристики предмета или действия в русском жестовом языке, а именно – мануальные выражения со значением «очень» / «слишком», а также лексический повтор и использование для усиления лексического значения жеста различных немануальных компонентов, таких как мимика лица, применяемых с жестами-идиомами. Помимо примеров средств интенсификации в статье также рассматривается термин градуируемого прилагательного и его применение относительно русского жестового языка.

Ключевые слова: русский жестовый язык, жестовые языки, усиление, категория интенсивности, интенсификаторы, градуируемые прилагательные

Для цитирования: Харитонова В. Д. Средства усиления в русском жестовом языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2 (857). С. 142–148. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_2_857_142

Original article

Means of Intensification in Russian Sign Language

Varvara D. Kharitonova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
v.kharitonova@linguanet.ru

Abstract. This article discusses the main ways of expressing intensification to enhance the characteristics of an object or action in Russian Sign Language, such as manual expressions with the meaning “very” or “too”, as well as lexical repetition, and the use of various non-manual components to enhance the lexical meaning of a gesture, such as facial expressions used with idiomatic gestures. In addition to examples of the means of intensification, this article also discusses the term of the gradual adjective and its application concerning the Russian Sign Language.

Keywords: Russian sign language, sign languages, intensification, intensifiers, gradual adjectives

For citation: Kharitonova, V. D. (2022). Means of intensification in Russian sign language. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(857), 142–148. 10.52070/2542-2197_2022_2_857_142

ВВЕДЕНИЕ

Интенсификация (усиление) – один из важнейших когнитивных коммуникативных механизмов, которые используются носителями языка для выделения семантики тех или иных слов или выражений в языке. Можно утверждать, что средства языковой интенсификации лежат в основе социального и эмоционального выражения мыслей говорящего. Сама по себе категория интенсивности обладает свойством всеобщности: характеризуя действия, предметы и признаки, она активно проявляет себя в семантической структуре глаголов, существительных, прилагательных, наречий, фразеологических единиц, а также целостного текста.

Категория интенсивности может считаться производной, промежуточной между такими базовыми категориями, как качественность и количественность. Поэтому большинство лингвистов признают интенсивность количественно-качественной семантической категорией. В нашем понимании, категория интенсивности является как семантической категорией прагматического характера, производной от количества и качества признака предмета или действия, но также может быть рассмотрена в рамках когнитивной лингвистики в корреляции с таким понятием, как «выделенность» (релевантность). Соответственно, мы можем говорить о двоякой природе интенсификации.

Интенсивность как проявление количества признака характеризует только те признаки, которым изначально присуща градуальность. Так, У. Лабов определял интенсификацию как скалярную характеристику. Согласно У. Лабову, величины признака располагаются на шкале градации между двумя противоположными полюсами: положительным и отрицательным. На положительном полюсе интенсивность признака увеличивается, соответственно, на отрицательном полюсе интенсивность того же признака снижается. Также по центру между этими двумя полюсами находится нейтральная, «нулевая» степень интенсивности, которая является немаркированным языковым элементом с нейтральной семантикой. Важно отметить, что интенсивностью у У. Лабова являются положительные значения на данной шкале, а отрицательные связаны со снижением интенсивности семантики, так называемой деинтенсификацией. При этом стоит отметить, что градуальными являются не только те в той или иной мере параметрические признаки предметов, различия между которыми являются чисто количественными. Градуальными также являются и качественно-оценочные признаки, интенсивность проявления которых является качественной. Интенсивность признака является отклонением от некоторого эталона наличия этого

признака, уровень количественного изменения признака в пределах меры, который не влечет за собой изменения качества. В некоторых случаях усилитель может выражать и количественную, и качественную интенсивность в зависимости от семантики слова или жеста, в сочетании с которым используется этот интенсификатор.

Наиболее распространенными являются лексические средства интенсификации, такие как интенсификаторы – эксплицитные средства усиления, например «*очень дорогой*», «*сильный ветер*», а также интенсификаты, а именно слова, содержащие в себе сему интенсивности: «*великолепный*», «*чудовищный*». Универсальным лексическим средством выражения интенсивности можно смело назвать слово «очень» в значении высокой степени статического или динамического признака предмета или действия. Также существует ряд синонимов, таких как «сильно» и «весьма», а также других эксплицитных интенсификаторов, таких как наречия «крайне», «чрезмерно», «слишком» и др. Благодаря использованию эксплицитных интенсификаторов говорящий привлекает внимание собеседника к тому или иному признаку, а также указывает на его небезразличие к объекту коммуникации.

Русский язык располагает большими возможностями выражения усиления. Отечественными лингвистами исследуются различные аспекты категории интенсивности и явления интенсификации в целом, такие как классы слов интенсифицирующего содержания, компаративные конструкции, степени сравнения, а также ряд других вопросов, связанных с количественными, качественными и иными модификациями признаков (Е. И. Шейгал, О. Ф. Шевченко, Е. Н. Сергеева, Л. Я. Герасимова, И. М. Гиндлина, А. М. Семейко, А. З. Зубов и др.) Однако в жестовом языке категория интенсивности является малоизученной. Зарубежные лингвисты (Ronnie B. Wilbur, Evie Malaia и др.) исследовали особенности интенсификации в других жестовых языках (например, American Sign Language – ASL) и выделили ряд особенностей усиленных жестов. Важнейшим критерием интенсификации жеста в жестовом языке является, в первую очередь, его отличие от некоторой базовой, «словарной» формы, что схоже с концепцией У. Лабова о наличии некоторой «нулевой» степени признака и возможности ее модификации. Соответственно, усиленный жест отличается с фонологической точки зрения, так как в ходе интенсификации был изменен тот или иной компонент жеста в зависимости от контекста, например, скорость его воспроизведения. Кроме того, с жестом в комплексе могут быть использованы жесты-интенсификаторы,

например, жест *VERY* (*VERY GOOD*, очень хороший). Говорящий может также использовать жесты со значениями «wow», «real / really» или «too much / extreme». Говорящий может продактилировать «*T-O-O*» или использовать произошедший от дактиля жест со значением «*TOO*» (тоже), который считается заимствованным из вербального языка, тем самым усиливая свой жест (*T-O-O HARD*, слишком сложно). Тем не менее в большинстве случаев нельзя с точностью утверждать, какое средство усиления и / или его форма будет использована говорящим с тем или иным жестом, так как между жестом и интенсификатором не наблюдается объективной связи: выбор интенсификатора зависит от предпочтений говорящего, а также коммуникативной ситуации.

Что же касается русского жестового языка (РЖЯ), средства усиления в нем требуют более глубокого изучения, что позволит в дальнейшем углубить познания о средствах и механизмах передачи смысла в РЖЯ, а также функциональных особенностей языковых средств, выражающих разную степень градации признака в жестовых языках. К средствам усиления в русском жестовом языке относятся мануальные и немануальные выражения со значением «очень», «слишком», «абсолютно», «крайне», «весь», «по-настоящему», лексический повтор и др.

В данной статье в ходе рассмотрения способов интенсификации в РЖЯ и их особенностей мы приведем примеры использования различных средств усиления, взятые из корпуса русского жестового языка [Новосибирск, 2015] и проанализированные посредством контекстуального анализа.

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ УСИЛЕНИЯ В РЖЯ И ИХ ОСОБЕННОСТИ

Наиболее часто в русском жестовом языке для выражения усиления используются жесты-интенсификаторы *ОЧЕНЬ* и другие жесты со значением «слишком», «сильно», «крайне», «весь», итд, а также лексический повтор и немануальный компонент жеста. Соответственно, усиленный в речи жест так или иначе отличается от стандартной, базовой его формы. Стоит отметить, что в некоторых приведенных нами примерах из корпуса РЖЯ говорящие используют сразу несколько способов усиления, комбинируя между собой, например, жест *ОЧЕНЬ* и немануальные компоненты жеста, предполагающие интенсификацию.

Жест *ОЧЕНЬ* применяется в речи глухих в значениях *очень сильный, очень долгий, очень дорогой, очень много, итд.* При этом жест *ОЧЕНЬ* может

использоваться как до, так и после жеста, к которому применен данный интенсификатор.

КНИГА ОЧЕНЬ МНОГО Я ДОМ БОГАТЫЙ ДОМ КНИГА. КНИГА КУЧА МНОГО – *У меня дома много книг, богатая домашняя библиотека.* (Жест *ОЧЕНЬ* является интенсификатором жеста *МНОГО*.)

РЯДОМ ХОТЕТЬ ОЧЕНЬ. ХОТЕТЬ – [*Ком*] *рядом очень хочет.* (Жест *ОЧЕНЬ* является интенсификатором жеста *ХОТЕТЬ*.)

РАЗНЫЙ ГЛУХОЙ МНОГО ОКАЗАТЬ: ВНИМАНИЕ РАДОВАТЬСЯ ОЧЕНЬ – *Глухим уделяется много внимания, я очень рада.* (Жест *ОЧЕНЬ* является интенсификатором жеста *РАДОВАТЬСЯ*.)

Лексический повтор, а именно повторение жеста, например *ДЕЛАТЬ ДЕЛАТЬ*, приобретает значение «делать долго», «делать много», *ЕХАТЬ ЕХАТЬ* – в зависимости от контекста будет обозначать «ехать долго» или «ехать далеко». Таким же образом для усиления можно повторить и существительное, чтобы привлечь к нему внимание реципиента, акцентировать его в речи.

А ТОЛСТЫЙ ЗЛОЙ БИТЬ НАЧАТЬ БИТЬ – *Толстый разозлился и начал его бить.* (Повтор жеста *БИТЬ* усиливает значение и приобретает оттенок «бить сильно, озлобленно».)

ХОТЕТЬ-ХОТЕТЬ ПОЛУЧИЛОСЬ – *Очень хотела. Получилось.* (Повтор жеста *ХОТЕТЬ* усиливает значение и приобретает оттенок «очень хотеть».)

INDX МЕСТО ГОЛУБОЙ Д-А-Л-И ДА ДА ПОД МОСКВА ДА-ДА INDX НАЗВАНИЕ ГОЛУБОЙ Д-А-Л-И ПОД МОСКВА – *Поехали... место называется голубые дали. Да-да!* (Повтор сочетания жестов *ГОЛУБОЙ Д-А-Л-И ПОД МОСКВА* в роли интенсификатора акцентирует внимание на названии и местоположении места, в которое поехал говорящий.)

Немануальный компонент, например, используется для выражения времени, вида, модальности и отражения синтаксических отношений в предложении, в то время как в вербальных языках для этого используются различные лексические и морфологические сигнификаторы. Кроме этого немануальный компонент играет важную роль в выражении усиления в русском жестовом языке и часто выступает как интенсификатор. С помощью выражения лица говорящий может усилить характеристику действия или предмета, акцентируя внимание на жесте, во время которого

был использован соответствующий немануальный компонент.

ДЕВУШКА ШАГАТЬ ГОРДИТЬСЯ НОГИ. ИДТИ ЧЕЛОВЕК:ДВИГАТЬСЯ – *Девушка идет гордая, вышагивает, идет.* (Во время использования жеста ГОРДИТЬСЯ говорящий приподнимает подбородок и чуть хмурит брови в горделивом выражении лица, добавляя к жесту со значением «гордиться» дополнительную мимику.)

СОБАКА. ИДТИ СРАЗУ ЖЕНЩИНА ВЕСТИ.НА.ПОВОДКЕ INDX СЛЕДОВАТЬ КТО СОБАКА ЧУЖОЙ ТОЛСТЫЙ – *Они идут, а за ними – толпа чужих собак, здоровых.* (Жесты ЧУЖОЙ ТОЛСТЫЙ сопровождаются нахмуренными бровями и раздутыми щеками, мимика играет роль усилителя.)

ПТИЦА ЧУВСТВОВАТЬ НЕ INDX ИСПУГАТЬСЯ ЧИРИКАТЬ НЕ.ЗНАТЬ.ЧТО.ДЕЛАТЬ – *Птица не чувствует. Поворачивается. Испугалась. Чирикает. Не знает, что делать.* (Жесты ИСПУГАТЬСЯ и НЕ.ЗНАТЬ.ЧТО.ДЕЛАТЬ в сочетании с испуганным выражением лица – нахмуренные брови, сжатые губы – усилены немануальным компонентом мимики.)

Стоит отметить, что данные приемы могут использоваться как по отдельности, так и в совокупности друг с другом. Например, жест ОЧЕНЬ и лексический повтор:

КНИГА ОЧЕНЬ МНОГО Я ДОМ БОГАТЫЙ ДОМ КНИГА.КНИГА КУЧА МНОГО – *У меня дома много книг, богатая домашняя библиотека.*

Кроме вышеупомянутого ОЧЕНЬ со значением «очень много» лексический повтор МНОГО также имеет это же значение, в данном случае говорящий использует сразу два способа усиления.

Немануальный компонент в большинстве случаев усиления сопровождается другие приемы, например, лексический повтор:

ДЕВУШКА ШАГАТЬ ГОРДИТЬСЯ НОГИ.ИДТИ ЧЕЛОВЕК:ДВИГАТЬСЯ – *Девушка идет гордая, вышагивает, идет.*

В сочетании с жестом ОЧЕНЬ в примере РЯДОМ ХОТЕТЬ ОЧЕНЬ.ХОТЕТЬ – *[Кот] рядом очень хочет* говорящий артикулирует слово «очень» с широко открытым ртом, а также повторяет жест ХОТЕТЬ.

Например, согласно Джонсон и Шембри, немануальные компоненты, такие как надутые щеки и сморщенные губы, в австралийском жестовом

языке имеют функцию интенсификатора [Johnston, Schembri, 2007]. Надувание щек одновременно с жестом ТОЛСТЫЙ (человек), усиливает степень проявления признака, и жест приобретает значение «очень толстый», несмотря на то, что сам жест со значением «очень» применен не был. Возможно, поэтому стоит считать широко открытый рот, сопровождающий жесты большого размера в русском жестовом языке, передающим значение большой степени проявления признака, а узко открытый или же закрытый рот в таком случае приобретает значение маленькой степени проявления признака. Здесь нами прослеживается связь артикуляции и интенсификации. Такая семантическая интерпретация немануального компонента такого рода может быть соотнесена с исследованиями в области фоносемантики, согласно которым гласные нижнего подъема ([а]) ассоциируются с большими размерами и большим проявлением признака, а гласные верхнего подъема ([е], [и]) – с маленькими и меньшим проявлением признака соответственно [Журавлев, 1991].

Немануальный компонент, а именно губная артикуляция, используемая в совокупности с жестом, может меняться в зависимости от говорящего. Тем не менее выбор артикуляции чаще всего осуществляется из закрытого списка и зависит не от контекста, а от ряда иных факторов. Так, например, с жестом ОЧЕНЬ не будет использоваться губной жест с широко открытой [а], а с жестом СИЛЬНЫЙ в большинстве случаев мы будем наблюдать поднятые или же нахмуренные брови у говорящего. Исходя из этого, мы можем считать используемые для интенсификации немануальные компоненты специфицированными. Особенно часто немануальный компонент используется глухими для усиления жестов-идиом, в которых один жест русского жестового языка обозначает несколько слов вербального языка, например: ОБОЙТИСЬ.ТЕМ.ЧТО.ЕСТЬ. Такие жесты также называют исконными, так как они принадлежат непосредственно русскому жестовому языку, а не калькирующей жестовой речи, которая является, по сути, прямым переводом вербального русского языка на жестовый с использованием грамматики вербального русского языка. В жестах такого рода нет артикуляции слова из вербального языка, например, произнесения одними губами слова «зеленый» во время использования жеста ЗЕЛЕНЫЙ или «дорогой» в жесте ДОРОГОЙ, и т. д. Наоборот, движение губ в этих жестах никак не связано с соответствующими словами в вербальном языке. Одним из ярких примеров является артикуляция «АП» для жеста ТАКОЙ.ЖЕ или «АФ» для жеста СИЛЬНО. Подобные жесты русского жестового языка называются

идиомами в связи с тем, что для перевода одного жеста на вербальный русский язык требуется несколько слов, или же целое выражение вербального русского языка.

ПТИЦА ЧУВСТВОВАТЬ НЕ INDX ИСПУГАТЬСЯ ЧИРИКАТЬ НЕ.ЗНАТЬ.ЧТО.ДЕЛАТЬ – *Птица не чувствует. Поворачивается. Испугалась. Чирикает. Не знает, что делать.* (Жест НЕ.ЗНАТЬ.ЧТО.ДЕЛАТЬ имеет значение «не знать, что делать».)

ОДИН ЖЕНЩИНА САМ ОДИН ГУЛЯТЬ ИДТИ ШАГАТЬ ПЛЮС ЧЕЛОВЕК:ДВИГАТЬСЯ МУЖЧИНА ВСЕ МНОЖЕСТВО:ДВИГАТЬСЯ INDX ПРИСТАВАТЬ МНОЖЕСТВО:ДВИГАТЬСЯ – *Идет женщина одна, сама по себе гуляет, вышла, идет, а за ней – толпа мужчин.* (Жест МНОЖЕСТВО:ДВИГАТЬСЯ имеет значение «толпа, множество людей идет».)

СОБАКА.ИДТИ СРАЗУ ЖЕНЩИНА ВЕСТИ.НА.ПОВОДКЕ INDX СЛЕДОВАТЬ КТО СОБАКА ЧУЖОЙ ТОЛСТЫЙ – *Они идут, а за ними – толпа чужих собак, здоровых.* (Жест ВЕСТИ.НА.ПОВОДКЕ имеет значение «идти за кем-либо», в данном случае «идти за женщиной с собачкой».)

ГРАДУИРУЕМЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Наряду с категорией интенсивности существуют такие близкие к интенсивности семантические категории, как компаративность, мера признака, недискретное количество, градуальность и т. д. В данном разделе нашего исследования мы хотели бы сосредоточиться непосредственно на градуальности. Согласно Кеннеди и МакНалли, мы предполагаем, что в жестовом языке существует такой тип прилагательных, как градуируемые (gradable) [Kennedy, McNally, 2007]. Градуируемые прилагательные обозначают отношение между индивидуумами и степенями того или иного признака относительно некоторого прилагательного в заданном контексте. Например, прилагательное *дорогой* может быть представлено как отношение между объектами и степенями стоимости.

ДЕНЬГИ ДОРОГО ДЕНЬГИ МАЛЕНЬКИЙ – *Слишком дорого. Денег мало.*

Это представление не учитывает идею, что объект может иметь некую стоимость, которая не будет считаться дорогой, а скорее нормальной, справедливой или дешевой для кого-либо. Чтобы решить, что что-то должно называться дорогим, должен быть способ определить, когда стоимость достаточно велика, чтобы считаться дорогой.

То, что дорого для чашки кофе, отличается от того, что дорого для новой квартиры. То есть стандарт сравнения признака предмета или действия может варьироваться в зависимости от контекста и ситуации. Таким образом, применение градуируемого прилагательного к объекту, например, решение говорящего назвать что-то *дорогим* всегда требует сравнения, которое иногда зависит от контекста, как того требуют относительные прилагательные, а иногда является фиксированным, как в случае с абсолютными прилагательными. Соответственно, для градуальности свойственно «упорядочивание» (градуирование) признака предмета или действия по отношению к «нулевой» системе измерения, или же норме.

Исходя из всего вышеперечисленного, мы можем выделить категорию градуируемых прилагательных, таких как *ДОРОГОЙ, ВЫСОКИЙ, НИЗКИЙ, ДОЛГИЙ, ДЛИННЫЙ* и др., в русском жестовом языке и далее рассматривать их изменения в зависимости от степени усиления этого прилагательного. Здесь же можно говорить о типичном, стандартном произнесении / жестикуляции жеста-прилагательного – некоторой базовой линии, с которой следует сравнивать интенсифицированную жестикуляцию. Базовая жестикуляция – это жестикуляция, в которой был соблюден стандарт для применения прилагательного в речи, в которой полностью, или практически отсутствует какое-либо усиление. Согласно У. Лавову, такую форму прилагательного можно считать «нулевой». Такие жесты, как правило, сопровождаются произношением соответствующего слова в русском языке или положениями рта, которые не меняются во время движения жеста.

Бернат и другие лингвисты жестовых языков, в том числе и русского жестового языка, обсуждали возможность выделения частей речи в жестовых языках [Bernath, 2010]. К примеру, следует ли вообще относить прилагательные, такие как *БОЛЬНОЙ*, к прилагательным, учитывая, что они могут быть видоизменены. В этой связи Бернат предложил использовать их вместо глаголов, например: *БОЛЕТЬ*. Тем не менее, в данной статье и своем дальнейшем исследовании мы придерживаемся той точки зрения, что в жестовых языках, как и в вербальных, необходимо выделять части речи для их дальнейшего исследования, так как выделение частей речи необходимо для проведения лингвистического исследования и обозначения жестового языка непосредственно языком, а не мануальным средством коммуникации. В частности, мы исследуем средства усиления и жесты, которые могут быть так или иначе интенсифицированы, в связи с чем данный раздел нашей работы

концентрируется на теории о градуируемых прилагательных, а также степени и способов их модификации.

В своих исследованиях Вилбур, Малайя, Шей отметили ниже приведенные изменения прилагательных при интенсификации, которые совпадают с нашими наблюдениями в ходе анализа корпусного материала русского жестового языка [Wilbur, Malaia, Shay, 2012].

- общее увеличение напряжения рук и лица;
- модификации движения (добавление или увеличение траектории движения или задержка начала жестикуляции (delayed release));
- немануальные модификации выражения лица, головы, тела, например нахмуренное лицо или отклонение головы от нейтрального положения.

Согласно исследованиям американского жестового языка Вилбур, Малайя, Шей, в то время как задержка жестикуляции и время смены артикуляции рта являются достаточно регулярными, ими было выделено использование для усиления значения прилагательного наклон головы [Wilbur, Malaia, Shay, 2012]. Такое использование положения головы было отмечено Лидделл, причем это изменение интенсивности зависит от степени контраста в значении, которую говорящий хочет обеспечить [Liddell, 1978]. Стоит отметить, что изменение положения головы или корпуса

тела также является грамматическим маркером для обозначения отношений сослагательного наклонения *ЕСЛИ БЫ*, соответственно, в ходе исследования необходимо предельно внимательно разграничивать интенсификацию признака от каких-либо других грамматических или иных категорий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе мы рассмотрели примеры выражения усиления в русском жестовом языке, такие как жесты-интенсификаторы *ОЧЕНЬ* и другие жесты со значением «слишком», «сильно», «крайне», «весь» и т. д., а также лексический повтор и немануальный компонент жеста. Нами были рассмотрены примеры усиления жестов, взятые из корпуса русского жестового языка [Новосибирск, 2015] и проанализированные посредством контекстуального анализа. Также мы рассмотрели термин градуируемого прилагательного, согласно Кеннеди и МакНалли [Kennedy, McNally, 2007], и их основные характеристики. Дальнейшее изучение средств усиления и интенсификаторов в русском жестовом языке позволит расширить знания о механизмах построения и передачи смысла в РЖЯ и может стать основой методического материала по изучению русского жестового языка, а также последующих исследований РЖЯ в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Буркова С. И. Корпус русского жестового языка // Новосибирский государственный технический университет, 2012–2015. URL: <http://rsl.nstu.ru/>
2. Bernath, J. Adjectives in ASL // Theoretical Issues in Sign Language Research. 2010. Vol. 10. P. 162–163.
3. Kennedy C. Vagueness and Grammar: Semantics of relative and absolute gradable adjectives // Ling & Philo. 2007. Vol. 30. P. 1–45.
4. Kennedy C., & McNally L. Scale structure, degree modification, and the semantics of gradable predicates // Language. 2005. Vol. 81. № 2. P. 345–381.
5. Sandler W., Lillo-Martin D. C. Sign Language and Linguistic Universals // Cambridge University Press. 2006.
6. Wilbur R. B., Malaia E., Shay R. A. Degree modification and intensification in American sign language adjectives // Logic, Language and Meaning. 2012. P. 92–101.

REFERENCES

1. Burkova, S. I. (2012–2015). Korpus russkogo zhestovogo yazyka = Russian Sign Language Corpus. Novosibirsk. NSTU. <http://rsl.nstu.ru/> (in Russ.)
2. Bernath, J. (2010). Adjectives in ASL. 10th Theoretical Issues in Sign Language Research (pp. 162–163).
3. Kennedy, C. (2007). Vagueness and grammar: the semantics of relative and absolute gradable adjectives. *Linguistics and Philosophy*, 30(1), 1–45. <https://doi.org/10.1007/s10988-006-9008-0>
4. Kennedy, C., & McNally, L. (2005). Scale structure, degree modification, and the semantics of gradable predicates. *Language*, 81(2), 345–381. <https://doi.org/10.1353/lan.2005.0071>

5. Sandler, W., Lillo-Martin, D. (2006). Sign language and linguistic universals (Illustrated ed.). Cambridge University Press.
6. Wilbur, R. B., Malaia, E., Shay, R. A. (2012). Degree modification and intensification in American sign language adjectives. *Logic, Language and Meaning* (pp. 92–101). https://doi.org/10.1007/978-3-642-31482-7_10

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Харитоновна Варвара Денисовна

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания,
младший научный сотрудник Лаборатории исследования жестовых языков
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kharitonova Varvara Denisovna

Postgraduate Student, Department of General and Comparative Linguistics,
Junior Researcher of the Laboratory for the Study of Sign Languages,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 29.11.2021
одобрена после рецензирования 20.12.2021
принята к публикации 27.01.2022

The article was submitted 29.11.2021
approved after reviewing 20.12.2021
accepted for publication 27.01.2022

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.52070/2542-2197_2022_2_857_149



«Свое» и «другое» в романе Р. Сенчина «Дождь в Париже»

О. С. Крюкова¹, М. Б. Раренко²

^{1,2}Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

¹florin2002@yandex.ru

²Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) Российской академии наук, Москва, Россия
rarenco@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные пространственные образы романа Р. Сенчина «Дождь в Париже». Представления центрального героя о географическом пространстве определяются ключевыми оппозициями романа: Кызыл – Париж, Тува – Европейская часть России, Эстония – Россия. В произведении также можно выделить традиционную для культуры оппозицию природы и цивилизации. Помимо городских и природных пространств в романе представлен ряд лиминальных пространств: это бывший автовокзал в Кызыле и аэропорт в Париже, своеобразные ворота городов; это и граница Красноярского края и Тувы, обозначенная мемориально; это и маленький приграничный город Бобров в Воронежской области. Перемещения героя обнажают неустойчивость его психологического состояния, кризис региональной идентичности, накладывающийся на более понятный самому герою и окружающим экзистенциальный кризис среднего возраста.

Ключевые слова: Роман Сенчин, «Дождь в Париже», современная российская проза, неореализм, имагология

Для цитирования: Крюкова О. С., Раренко М. Б. «Свое» и «другое» в романе Р. Сенчина «Дождь в Париже» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2 (857). С. 149–153. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_2_857_149

Original article

“One’s Own” and “Other” in R. Senchin’s Novel “Rain in Paris”

Olga S. Kryukova¹, Maria B. Rarenko²

^{1,2}Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

¹florin2002@yandex.ru

²Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION) of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
rarenco@rambler.ru

Abstract. The article examines the main spatial images of R. Senchin’s novel “Rain in Paris”. The central character’s ideas about geographical space are determined by the key oppositions of the novel: Kyzyl – Paris, Tuva – the European part of Russia, Estonia – Russia. The novel also highlights the traditional cultural opposition of nature and civilization. In addition to urban and natural spaces, the novel presents a number of liminal spaces: they are the former bus station in Kyzyl and the airport in Paris, that are viewed as the gates of the cities; the border of the Krasnoyarsk Territory and Tuva, that are marked memorially; and also a small border town of Bobrov in the Voronezh region. The movements of the main hero reveal the instability of his psychological state, the crisis of the regional identity, that is superimposed on his existential crisis of the middle age, which is more understandable to the hero himself and others.

Keywords: Roman Senchin, “Rain in Paris”, modern Russian prose, neorealism, imagology

For citation: Kryukova, O. S., Rarenko, M. B. (2022). “One’s own” and “other” in R. Senchin’s novel “Rain in Paris”. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(857), 149–153. 10.52070/2542-2197_2022_2_857_149

ВВЕДЕНИЕ

Современный российский прозаик Роман Валерьевич Сенчин (род. в 1971 году) известен как своими художественными произведениями, так и литературной критикой. Он – автор романов «Минус», «Нубук», «Елтышевы», «Информация», «Зона затопления» и др., сборников рассказов «Иджим», «День без числа», «Абсолютное соло», «Изобилие», затрагивающий в своем творчестве острые социальные вопросы.

Произведения Романа Сенчина неоднократно входили в шорт-листы престижных литературных премий: «Большая книга», «Русский Букер», «Ясная Поляна», «Национальный бестселлер», «Русский Букер десятилетия» и др. Проза Р. Сенчина во многом глубоко биографична, что позволяет писателю рассматривать поднимаемые им социальные проблемы с разных точек зрения. Исследователи, относящие прозу Романа Сенчина к «новому реализму», или «неореализму», отмечают в качестве основной черты его художественной манеры «достоверность художественного изображения», проявляющуюся как на уровне «сюжетно-событийной стороны произведений», так и в «их образной составляющей, создаваемой точным речевым строем, органичным в своей естественности изображаемому миру обыденной жизни» [Вознесенская, 2021, с. 278].

Герой романа Р. Сенчина «Дождь в Париже» (2018) переживает переломный момент в своей жизни, триггером для которого стал предстоящий развод с третьей женой Алиной и пугающая перспектива не видеться с единственным сыном Даней, переехавшим вместе с матерью, вслед за ее родителями, из Тувы в европейскую часть России.

Как и множество людей, после распада Советского Союза Андрей Топкин переживает экзистенциальный кризис. Сидя в гостинице в центре Парижа, вместо посещения туристических мест, герой как бы заново проживает свою жизнь там, в Кызыле, городе, одновременно остающемся для него по-прежнему родным и буквально на глазах становящимся чужим. Его жизнь, начиная с трех-четырёхлетнего возраста до последних событий, проносится перед ним за несколько дней: вот он с родителями и младшей сестрой Таней, еще в коляске, гуляет в городском парке, слушает «чудесную мелодию, непонятные, но красивые слова» [Сенчин, 2020, с. 6] – «О-о-о шанз-элизе, о-о-о шанз-элизе-е...», а вот он один в Кызыле, откуда сначала уехали его родители с сестрой Таней на малую родину, в Эстонию, а потом уехала жена Алина с сыном, а между этими двумя точками – учеба в школе, школьная дружба, первый брак с

первой школьной красавицей Ольгой, расставание, поиски себя, второй брак со студенткой-хохотушкой Женечкой, снова расставание, встреча с Алиной, третий брак, рождение сына.

В романе четко прослеживаются несколько особо значимых для героя и его близких пространственных образов: Кызыл и его окрестности, Тарту (где родилась мама Андрея, где прошло ее детство и где впоследствии жили родители Андрея после переезда из Кызыла), Таллин (где Андрей и Алина прожили неделю как туристы), Бобров, городок в Воронежской области, куда уехали Алина с Даней, и, наконец, Париж.

Несмотря на то, что роман «Дождь в Париже» уже рассматривался с точки зрения геопоэтики [Ничипоров, 2019], имеет смысл проанализировать пространственные образы этого произведения в собственно имагологическом аспекте.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОППОЗИЦИИ РОМАНА

Представления центрального героя о географическом пространстве определяются ключевыми оппозициями романа: Кызыл – Париж, Тува – Европейская часть России, Эстония – Россия.

Противопоставление «Кызыл – Париж» задано в самом начале произведения, когда герой охвачен воспоминаниями далекого детства: «Андрюша тихонько повторяет новое сложное слово: «Паризь... Паризь...» И когда оно уже готово врости в сознание, в ту ячейку мозга, которая предназначена для понятия «лучший город мира», вспыхивает недоумение, какое бывает только у детей, начавших узнавать мир: «А наш Кызыл – не самый лучший?» [Сенчин, 2020, с. 6]. Детские воспоминания героя, окрашенные лившейся из репродукторов песней о Елисейских Полях, впоследствии дополнялись фильмами о Париже, книгами об импрессионистах и репродукциями картин французских художников – словом, тем набором стереотипов, который был характерен для восприятия Парижа в сознании русской образованной публики. Однако Андрея Топкина, который в подростковом возрасте так и не смог прочитать роман Виктора Гюго «Собор Парижской Богоматери», в определенном смысле программный, и ушел с третьего курса педагогического института, к интеллектуальной прослойке общества можно отнести с большой натяжкой. Герой Сенчина отправляется в Париж в попытках переосмыслить свою жизнь, найти выход из экзистенциального тупика, в котором оказался к сорокалетию.

Парадоксально, если следовать названию романа, то Париж в произведении оказывается представленным менее подробно, чем Кызыл – город

детства и юности героя. Та решительность, с которой герой организует себе поездку в город своей мечты, показывает, что Андрею Топкину очень важно было оказаться именно в Париже, но воспоминания о прошлом так увлекают, что, находясь в Париже, герой ощущает себя в Кызыле и его окрестностях: груз прошлого оказывается актуальнее призрачного настоящего. В Париже героя ждет некое разочарование: в городе его мечты не переставая идет дождь, и Париж сквозь дождь воспринимается героем как неизбежный фон, он почти что мираж, хотя эффект узнавания все же присутствует в романе: узнаются географические названия, туристические места, даже само устройство гостиничного номера напоминает Андрею Топкину о французском фильме: «Из окна – вид на улицу, а не в глухой двор с кирпичной стеной, чем Топкина пугали дома бывавшие в Париже.

Но не это по-настоящему обрадовало и удивило его, а то, что в туалете, в наклонном потолке, было окошко с открывающейся вверх рамой. Точь-в-точь как в фильме «На грани безумия» [Сенчин, 2020, с. 44].

Пространственная оппозиция «Тува – европейская часть России» является частью более масштабной оппозиции «Азия – Европа». Реализация этой оппозиции происходит в сознании жителей Кызыла, покидающих свою малую родину в неспокойные 1990-е годы на фоне экономических проблем, парада суверенитетов в бывших союзных республиках и криминализации ранее относительно благополучных районов города.

Для маленького Андрюши Кызыл ассоциируется с центром Вселенной, здесь он впервые прокатился на ракете, «почти настоящей», «первый раз в жизни ел сахарную вату» [Сенчин, 2020, с. 7], катался на лодке по протоке Енисея. В конце концов, именно здесь он услышал впервые о Париже. Школьные годы Андрея также окрашены радужными воспоминаниями. Тогда им, беззаботным школьникам, казалось, что жизнь только начинается: ребята, девчонки, поездки с ночевкой на дачи, первые перекуры, первые свидания, первые поцелуи, первые стычки с ребятами постарше, «старшаками» [Сенчин, 2020, с. 29], «крутыми». Одним словом, «хотелось жить» [там же, с. 39], поскольку «самые красивые девушки – в Кызыле. И самые бесстрашные парни тоже там» [там же, с. 41].

Однако со временем Андрей Топкин начинает осознавать, что Кызыл постепенно становится другим, непонятным, иным и, в итоге, чужим. В детских воспоминаниях Андрея своего рода перелом происходит тогда, когда в городе мороженое перестало быть редкостью: «Мороженое в Кызыле до начала девяностых было редкостью. Здесь его

не производили, а доставляли из-за Саян, за четыреста километров, было наверняка невыгодно. И потому оно появлялось в городе лишь по праздникам, да и то не всегда и не во всех магазинах» [Сенчин, 2020, с. 67].

Неприятные воспоминания связаны у героя с изменением экономической ситуации, когда инфляция происходила не только ежедневно, но и ежечасно, в связи с чем ему даже как-то раз пришлось занимать на обратный билет из находящегося в ста километрах от Кызыла городка Туран, чтобы добраться на автобусе домой, потому что стоимость проезда за день возросла в два раза. А еще через несколько лет люди некоренной национальности, жившие в Кызыле десятки лет, «без сопротивления побегут на север – в Красноярский край или еще дальше по распадающемуся Советскому Союзу» [Сенчин, 2020, с. 28].

Тем более удивительным кажется нежелание Андрея уезжать из Кызыла. Этот, ставший, по сути, чужим, город тем не менее его не отпускает, даже подает надежды на будущее. Герой, русский по происхождению, не хочет покинуть Кызыл. Воспоминания о «прекрасном прошлом» держат Андрея, как якорь.

Локация, которую мы условно назвали «европейская часть России», в романе представлена предельно обобщенно: это некий мир за пределами Кызыла и его окрестностей. Следует указать, что образов ни Москвы, ни Санкт-Петербурга в романе не возникает, что косвенно свидетельствует об отсутствии имперского мышления у героя, который воспринимает лишь фрагменты масштабной геополитической картины мира. Европейская часть России в романе ограничена городком Бобров с населением в двадцать тысяч человек, расположенным на берегу реки Битюг, приблизительно в 100 км от Воронежа, и Воронежем. Оба города возникают в разговорах Андрея и Алины, обсуждающих переезд из Кызыла. Еще один раз в романе упоминается Рязанская область, когда Алина рассказывает Андрею об истории своего рода: «Их род из Рязанской области... губернии, – сбивчиво, но с желанием говорила Алина» [Сенчин, 2020, с. 288]. Если описанию Кызыла в романе уделено много внимания, то Бобров и Воронеж только упоминаются. При этом Бобров воспринимается главным героем исключительно в негативном контексте: «И что я буду там делать, в этом Боброве? Я посмотрел в инете – двадцать тысяч населения, маслобойный заводик. Маслобоем идти работать?» [там же, с. 12]. Для Андрея Топкина этот городок так и остался «этим неведомым Бобровым» [там же, с. 15] – одним словом, чужим.

Пространственная оппозиция «Россия – Эстония» реализуется в эстонских впечатлениях героя во время его свадебного путешествия с Алиной. Первое различие, на которое указывает встречающий Андрея и Алину в аэропорту Таллина Владимир-Волмер, гражданский муж сестры Андрея Татьяны, характеризуя страну, это то, что «Эстония, конечно, маленькая страна..., но в ней все есть. В этом вы убедитесь сами» [Сенчин, 2020, с. 313].

Как и в Париже, герой неосознанно ищет в таллинской архитектуре нечто сближающее с домиками малой родины: «Оказалось, Таллин состоит в основном из двухэтажных деревянных домиков, очень похожих на те, что еще уцелели в центральной части Кызыла» [Сенчин, 2020, с. 321].

Активное противопоставление «Россия – Эстония» возникает в романе в разговоре Андрея Топкина с братом Алины Михаилом. Поводом для разговора стала «история с Бронзовым солдатом: из-за переноса памятника и могил погибших при освобождении Таллина советских солдат из центра на кладбище начались протесты, а потом беспорядки» [Сенчин, 2020, с. 329]. Михаил четко определил свое отношение к Эстонии и проживающим в стране людям вне зависимости от их этнической принадлежности, политических взглядов и пр.: «Враги они нам. И родители твои, получается, тоже» [Сенчин, 2020, с. 331]. В отличие от Михаила, у Андрея отношение к стране, в которой теперь проживали его родители, сестра с мужем и ребенком, было неоднозначным, но это пространство не воспринималось как что-то даже потенциально родное, свое, поэтому и переезд в Эстонию Андрей не рассматривает всерьез, несмотря на неоднократные попытки родителей его убедить. «Переживание возможного отъезда как невозможной душевной потери, утраты почвы внутренней жизни становится все более мучительным на фоне мучительно назревшего переезда в Эстонию его родителей, добившихся гражданства «по праву происхождения» и поселившихся там «на русском пятачке», – подчеркивает И. Б. Ничипоров [Ничипоров, 2019, с. 617].

Наконец, в романе можно выделить традиционную для культуры оппозицию природы и цивилизации, которая реализуется в противопоставлении неблагополучных районов Кызыла величественной природе его окрестностей и Тувы в целом. Герой с удивлением осознает, что, прожив более четверти века в Туве, он плохо знает этот край, с его уникальными природными богатствами: «В детстве лазал с пацанами по прибрежным тальниковым зарослям, густым, как джунгли, ездил с папой по степям неподалеку от части, бывал на соленом озере Сватиково километрах в тридцати от Кызыла и на соседнем пресном Хадыне, на станции Тайга в

горах, куда горожане выезжали покататься на лыжах, и на Ловушке, где катались на санках и камерах. Большая же часть огромной и разнообразной Тувы была ему неизвестна. А, говорят, увидеть есть что. И тундра имеется, и пустыня с барханами, и снежные вершины – их из Кызыла видно, иногда и в июне белеют шапки на пиках хребтов, – и тихие таежные озера, узенькие речки со стоящими у дна хариусами... Много чего» [Сенчин, 2020, с. 198–199]. Недостаточное знание героем природных богатств Тувы распространяется и на местную самобытную культуру в целом, за исключением отдельных бытовых вещей и явлений (национальный орнамент, национальные виды спорта, объявления по местному радио о погоде и т. п.).

Помимо городских и природных пространств, в романе можно выделить ряд лиминальных пространств: это бывший автовокзал в Кызыле и аэропорт в Париже, своеобразные ворота городов; это и граница Красноярского края и Тувы, обозначенная мемориально; это и маленький город Бобров в Воронежской области, неожиданно ставший опасным приграничьем в силу геополитических сдвигов.

Любопытно, что в Париже группу Андрея сопровождает «симпатичная тонкая девушка» [Сенчин, 2020, с. 18], не француженка, а русская, которая ему рассказывает, что живет во Франции с девяти лет: «Родители привезли. Теперь работаю с туристами из России» [Сенчин, 2020, с. 19]. Граница между Россией и Европой, таким образом, проходит и на персонажном уровне (и в судьбе этой девушки, и в судьбах родственников Андрея, выбравших Эстонию для новой, постсоветской жизни).

Выводы

Туристическая поездка Андрея Топкина, родившегося недалеко от Благовещенска, где служил в то время его отец, и прожившего всю свою сознательную жизнь в Кызыле, казавшемся ему в детстве и даже юности «лучшим городом», в Париж, «самый красивый город в мире» [Сенчин, 2020, с. 6], по словам его матери, впрочем, никогда в нем не бывавшей, спровоцирована, с одной стороны, детской мечтой и детскими воспоминаниями, когда, казалось, все в жизни главного героя было замечательно, понятно и просто, а с другой – ощущением утраты этой стабильности, уже во взрослом состоянии, и необходимостью что-то менять в жизни, принимать судьбоносные решения: остаться в Кызыле и потерять даже призрачную возможность сохранить семью или оставить город детства и юности, с которым связаны как хорошие, так и печальные воспоминания, и поддаться на уговоры и даже шантаж жены. Формально поездка – подарок

самому себе на сорокалетие, фактически – попытка переосмыслить происходящее в жизни, понять себя, свои желания, определить границы «Своего» и «Другого».

Сквозь «Другое» прорастает «Свое», узнаваемое и близкое, и только так «Другое» может войти

в мироощущение героя, чьи географические перемещения – из Азии в Европу – обнажают неустойчивость его психологического состояния, кризис региональной идентичности, накладывающийся на более понятный самому герою и окружающим кризис среднего возраста.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вознесенская И. М. Индивидуально-стилевые черты прозы Р. Сенчина (опыт анализа текста) // Проблемы преподавания филологических дисциплин в новых образовательных условиях. Материалы докладов и сообщений XXVI Международной научно-методической конференции памяти Надежды Тихоновны Свидинской. Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ промышленных технологий и дизайна, 2021. С. 277–280.
2. Сенчин Р. В. Дождь в Париже. Москва: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2020.
3. Ничипоров И. Б. Из Кызыла в Париж: геопозитика современного российского психологического романа («Дождь в Париже» Р. Сенчина) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2019. Т. 24. № 4. С. 616–624. DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-4-616-624>

REFERENCES

1. Voznesenskaja, I. M. (2021). Individual'no-stilevyje cherty prozy R. Senchina (opyt analiza teksta) = Individual stylistic features of R. Senchin's prose (experience of text analysis). Problemy prepodavaniya filologicheskikh disciplin v novyh obrazovatel'nyh uslovijah (pp. 277–280). Materialy dokladov i soobshhenij HHVI Mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoj konferencii pamjati Nadezhdy Tihonovny Svidinskoj. St. Peterburg: Izdatel'stvo SPbGU promyshlennyh tehnologij i dizajna. (In Russ.)
2. Senchin, R. V. (2020). Dozhd' v Parizhe (Rain in Paris). Moscow: Izdatel'stvo AST: Redakcija Eleny Shubinoj. (In Russ.)
3. Nichiporov, I. V. (2019). From Kyzyl to Paris: the geopoetics of modern psychological novel ("Rain in Paris" by R. Senchin). RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism, 24(4), 616–624. (In Russ.) DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-4-616-624>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Крюкова Ольга Сергеевна

доктор филологических наук, заведующий кафедрой словесных искусств Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Раренко Мария Борисовна

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) Российской академии наук, доцент кафедры словесных искусств Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kryukova Olga Sergeevna

Doctor of Philology (Dr. habil), Head of the Verbal Arts Department at the Faculty of Arts, Lomonosov Moscow State University

Rarenko Maria Borisovna

PhD (Philology), Senior Research Fellow of Linguistic Department, Institute of Scientific Information for Social Sciences (INIION) of the Russian Academy of Sciences; Professor of the Verbal Arts Department at the Faculty of Arts, Lomonosov Moscow State University

Статья поступила в редакцию 29.11.2021
одобрена после рецензирования 20.12.2021
принята к публикации 27.01.2022

The article was submitted 29.11.2021
approved after reviewing 20.12.2021
accepted for publication 27.01.2022

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI 10.52070/2542-2197_2022_2_857_154



Виктор Пелевин и восточный постмодернизм

Чжэн Сяотин

Столичный педагогический университет, Пекинский центр славистики (ПЦС), Пекин, Китай
794103379@qq.com

Аннотация. С момента своего появления в литературоведческом дискурсе «восточный постмодернизм» как гипотетическое литературное понятие не было всесторонне исследовано. Современный русский писатель Виктор Пелевин объединил «постмодерн» с «восточностью» в определенном историко-культурном контексте. Его задачей было реализовать особый эксперимент постмодернистского творчества, сосредоточенного на Востоке. Восточный постмодернизм Пелевина невозможно исследовать только в рамках собственно русской литературной критики и литературоведения – он же внес особый вклад в переформатирование восточной когнитивной парадигмы. Творчество Пелевина способствует установлению литературного диалога между Востоком и Западом и обогащает способы выражения русской литературы.

Ключевые слова: Пелевин, восточный постмодернизм, ориентализация, китайская сказка

Для цитирования: Сяотин Чжэн. Виктор Пелевин и восточный постмодернизм // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2 (857). С. 154–161. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_2_857_154

Благодарности. Настоящая статья осуществлена при финансовой поддержке научного проекта Столичного педагогического университета (Пекин) 2021 г. «Виктор Пелевин и китайская классическая литература» (№ 2022155114).

Original article

Victor Pelevin and Eastern Postmodernism

Zheng Xiaoting

Capital Normal University, Beijing Slavic Research Center, Beijing, China
794103379@qq.com

Abstract. ‘Eastern Postmodernism’ has not been fully discussed as a hypothetical literary concept since it was first put forward by Chinese and Russian scholars. Russian writer Victor Pelevin combines ‘postmodern’ with ‘oriental’ in a specific historical and cultural context in order to perform an experiment in postmodernist creativity centered on the East. Pelevin’s oriental postmodernist creativity goes beyond the criticism and research of the Russian literature, and makes positive contributions in updating the Eastern cognitive paradigm, establishing the principles of literary dialogue between East and West and enriching the means of expression of Russian literature. Pelevin’s phenomenon adds a new dimension to the Russian literature. Analyzing his works through the prism of Eastern postmodernism can potentially develop and enrich critical perception of Victor Pelevin in China and elsewhere in the world.

Keywords: V. Pelevin, Eastern postmodernism, self-orientalization, Chinese tales

Для цитирования: Xiaoting Zheng. (2022). Victor Pelevin and Eastern Postmodernism. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(857), 154–161. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_2_857_154

ВВЕДЕНИЕ

Восточный постмодернизм, прежде всего, это своего рода постмодернистские мировоззрение и философия, основанные на истории Востока и восточных традициях мышления, образах и лексике. Он не подчиняется западному постмодернистскому дискурсу и привлекает внимание своей инклюзивностью и универсальностью. Творчество русского писателя-постмодерниста Виктора Олеговича Пелевина, несомненно, относится к ряду восточной постмодернистской литературы. Следует отметить, что, хотя С. Корнев предложил понятие «восточный постмодернизм» еще в 1998 году [Корнев, 1998], это гипотетическое понятие не привлекло большого внимания в России, уж не говоря о том, что восточный постмодернизм в России не стал литературным теоретическим концептом или направлением. В настоящей статье восточный постмодернизм относится к литературной практике и поэтике Пелевина. Прежде всего, восточный постмодернизм в творчестве Пелевина – это межкультурный феномен. Взгляд писателя выходит за рамки русской истории и культуры и обращен на Восток. Восток, о котором заботится Пелевин, противопоставит монистическому и (пост-)христианскому Западу, это Восток – комплекс мировой цивилизации, включающий китайскую, индийскую, исламскую, японскую цивилизации. Более того, если ориентализм – это способ, используемый Западом для контроля, реформирования и доминирования на Востоке [Саид, 1998, с. 4], то «восточный взгляд» Пелевина относительно объективен. Пелевин оглядывается на историю России с помощью постмодернистских приемов и ищет пути выживания нации и отдельной личности с помощью восточной мудрости.

ФОРМУЛИРОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «ВОСТОЧНЫЙ ПОСТМОДЕРНИЗМ»

Понятия «восточный постмодерн» и «восточный постмодернизм» были предложены в Китае и России во второй половине 1990-х годов, и описывают соответственно китайский и русский литературный постмодернизм, который отличается от западного постмодернизма. Китайский литературовед Цзэн Яньбин впервые предположил, что восточный постмодерн – это постмодерн после ориентализации [Цзэн Яньбин, 1997, с. 13]. Его исследование было посвящено феномену постмодернизма в современной китайской литературе после 1980-х годов, историческим и культурным основам, ценностям и общим духовным характеристикам китайского «восточного постмодерна». Русский критик

С. Корнев в своей статье «Восточный постмодернизм: Логика абсурда и “мышление между строк”» впервые обсудил понятия «восточный постмодернизм» и «восточная форма постмодернизма». По мнению Корнева, Восток – это интегральный «Не-Запад», и он чаще всего используется автором как синоним слова «Россия» [Корнев, 1998]. Самая большая разница между Востоком и Западом заключается в разных способах мышления. Если западный постмодернизм – это заведомая игра и бессмыслица, то восточный – это логика, скрытая под маской игры и бессмыслицы [Корнев, 1998]. Кроме того, И. С. Скоропанова в монографии «Русская постмодернистская литература» (2001) провела различие между западным (американским и западноевропейским) постмодернизмом и восточным (восточноевропейским и русским) постмодернизмом, называя последний новым понятием «восточная модификация постмодернизма» [Скоропанова, 2001, с. 28], которая более политизирована по сравнению с западной. Понятие «восточный постмодернизм» в англоязычном мире было предложено относительно поздно. Американский ученый иранского происхождения Джейсон Мохеггер (Jason Mohaghegh) использовал понятие «восточный постмодернизм» (Eastern Postmodernism) в своей монографии «Бунтарь, поэт, мистик, сектант: четыре маски восточного постмодернизма» (Insurgent, Poet, Mystic, Sectarian: The Four Masks of an Eastern Postmodernism, 2015). Но его «восток» на самом деле это «Ближний Восток». Автор в основном пишет о категориях исследования постмодернизма, как революционного сознания, авангардной литературы, «Новой волны» в кино и этнического экстремизма на Ближнем Востоке под влиянием западного модернизма, которые соответствуют четырем идентичностям в названии книги [Mohaghegh, 2015, с. 1–5].

Очевидно, что понятие «восточный постмодернизм» в китайском, русском и англоязычном контекстах различны. В настоящее время это понятие обычно указывает на особые постмодернистские тенденции в национальных литературных процессах. С одной стороны, разные интерпретации «восточного постмодернизма» помогают расширить богатство восприятия постмодернизма как феномена в глобальном контексте, избегая евроцентризма и логоцентризма. С другой стороны, такой восточный постмодернизм в определенной степени узок и ограничен: исследователи рассматривают восточный постмодернизм только с точки зрения общественной культуры своей нации. По сути, такое мышление является отходом от плюрализма и децентрализации «классического» постмодернизма. Поэтому понятие восточный постмодернизм

не должно связываться только с Востоком в географическом смысле. Тем более, Восток – это не естественное, а искусственно сконструированное бытийствование [Саид, 1998, с. 6–7].

ПЕЛЕВИН И ЕГО ОПЫТ ВОСТОЧНОГО ПОСТМОДЕРНИЗМА

Виктор Пелевин – один из самых знаменитых и таинственных писателей в современной русской литературе. С момента публикации первого рассказа в 1989 году Пелевина называли «классическим постмодернистом» [Корнев, 1997, с. 244], а его произведения – «единственными бестселлерами серьезной литературы» [Лю Венфэй, 2007, с. 272], поскольку они отличались особыми «постмодернистскими свойствами» и метафизическим характером. «Феномен Пелевина», «эпоха Пелевина» и «проблема Пелевина» тогда стали популярными литературными и социальными темами. В отличие от западной постмодернистской литературы, у Пелевина всегда присутствуют две определенные темы. Одна из них – сатира на советский тоталитаризм и современный российский консьюмеризм. Вторая – поиски ответов на вечные вопросы: что есть истина, реален ли мир. В этом заключается духовный поиск главного героя Пелевина. По сравнению с другими русскими постмодернистами произведения Пелевина носят явный оттенок «восточности». Пелевин широко освещает восточные мифы, восточные философии, начиная с Лаоцзы и Чжуанцзы, восточные религии, включая буддизм, даосизм и шаманизм, китайскую литературу (например, рассказы-чжигуай и танские новеллы). Даже геополитическая ситуация, связи Китая, России и Монголии становятся объектом творчества Пелевина. Можно сказать, что связи с Востоком для него не ограничены внешними, поверхностными символами и заимствованиями. Мировоззрение и эстетика писателя имеют глубокий резонанс с восточной мудростью, таким образом, Пелевин способен воспроизводить свой непрерывный «восточный текст». Однако в каком историческом контексте мы можем рассматривать творчество Пелевина как восточного постмодерниста? На основе изучения его творчества и биографии можно предложить четыре основных источника его восточного постмодернизма.

Во-первых, с конца 1980-х до начала 1990-х годов одновременно происходит трансформация российского общества и идет процесс постмодернистской глобализации. Сначала надежды на возрождение, а потом чувство разочарования, вызванные сменой государственного режима, охватывают целое общество и затрагивают каждого

гражданина России. Пелевин в своих произведениях выражает тревоги, потери и ожидания, связанные с особым историческим путем России. С окончанием холодной войны и возникновением тенденции к многополярности мира Восток привлекает все больше внимания. Отказавшись от славянской православной традиции и западной либеральной демократии, Пелевин обратился к Востоку в поисках ответов, надеясь на то, что «алхимический брак с Востоком» [Пелевин, 1996, с. 49] принесет России новую силу. В то же время, как отмечали американский теоретик-марксист Фредрик Джеймсон (Fredric Jameson) и другие авторы, еще во время холодной войны постмодернизм как стиль и явление стал распространяться в странах третьего мира. Так что постмодернизм фактически прорвался за рамки модели западн-центризма. В России же постмодернизм был «легализован», еще начиная с конца 1980-х годов. Писатели-постмодернисты, такие как Пелевин, больше не были ограничены в темах, стилях и приемах творчества, им была дана полная воля, а восточные элементы активно использовались молодым русским постмодернизмом. С 1990-х годов постмодернизм на Западе приходит в упадок, но активная постмодернистская полемика на Востоке или в развивающихся странах свидетельствует о том, что эта теоретическая тенденция становится все более глобальной [Ван Нин, 1995, с. 54].

Во-вторых, надо отметить, что русское китайеведение за последние 300 лет добилось больших достижений. Советский Союз с 1950-х по 1980-е годы пережил бум переводов и исследований в области китайской литературы. За вторую половину XX века русское китайеведение активно развивалось: Россия стала одним из крупнейших центров китайеведения, наряду с США, Японией и Европой. Именно на этом этапе в Советском Союзе один за другим были опубликованы переводы китайской литературы. Например, можно упомянуть переводы «Дао Дэ Цзин» Яна Хиншуна (1950), «Книга перемен» Ю. К. Шуцкого (1960), «Чжуан-цзы» Л. Д. Позднеевой (1957) и большое количество переводов древнекитайской прозы и поэзии. Пелевин признавал, что он любил читать книги о древнем Китае с детства [Кочеткова, 2009]. В его самых известных произведениях повсюду следы китайской культуры. Китайские философы Конфуций (孔子), Лао-цзы (老子), Чжуан-цзы (庄子), чань-буддисты (禅师), а также мифические и исторические личности Фу Си (伏羲), Цзянь Цзы-Я (姜子牙), Люй Дунбинь (吕洞宾), Чжао Фэйянь (赵飞燕), Чжан Саньфэн (张三丰), монгольский Хан (蒙古汗), император Цинь Шихуан (秦始皇) и Юань Мэн (元蒙) – все они являются

постоянными персонажами в произведениях Пелевина. «Книга перемен» (易经), «Дао Дэ Цзин» (道德经), «Чжуан-цзы» (庄子), «Инь фу цзин» (阴符经), «Гуань-цзы» (管子), «Лунь Юй» (论语), «Линь-цзи лу» (临济录), «Записки о поисках духов» (搜神记), «Путешествие на Запад» (西游记), «О чем не говорил Конфуций» (子不语) стали материалами для творчества Пелевина, включая даже значимые китайские пословицы, выражения и иероглифы. Согласно нашей статистике, Пелевин процитировал и выдумал почти 40 китайских исторических и мифологических персонажей в своих произведениях, 14 китайских литературных классических произведений и указал более 10 китайских географических названий. «Китай», «древний Китай», «китайский» часто появляются на страницах Пелевина. Пелевин обратил внимание на многоэтническую и многоконфессиональную природу Китая, его китайские темы основаны на переплетении истории, культуры и религии ханьцев, тибетцев и монголов и обнаруживают постоянное стремление русских изучить тайные, скрытые и отдаленные районы Китая, начиная со второй половины XIX века. В предисловии к китайскому переводу «Generation П» «К китайским читателям» Пелевин писал: «На китайском языке появилось много замечательных произведений, которые создали меня как личность» [Пелевин, 2001 с. 5].

В-третьих, ориентализация Пелевина, т. е. его страсть к Востоку, круг общения и восточные путешествия писателя. Влияние восточной культуры на Пелевина часто проявляется в его жизни и творчестве. В романах «Числа» и «Священная книга оборотня» Пелевин описал много его собственных реальных переживаний, таких как увлечения чаепитием и гаданием по «Книге перемен», путешествия по даосским храмам в Китае. Личное понимание ментальности восточных народов также побудило его создать серию рассказов, основанных на точке зрения китайцев (Цзян Цзы-Я, Юань Мэнь) и японцев (Юкио Мисима). Даже в издательском дизайне обложки романа Пелевин уделяет большое внимание интерпретации восточных культурных элементов, таких как египетский бог солнца-орел в издании 2000 года «Омон Ра», китайская каллиграфия в издании 2005 года «Священная книга оборотня» и традиционная Няньхуа Фува (Дети счастья в новогодней картине) в издании 2008 года «П5». В октябре 2001 года Пелевин отправился в Японию для участия в круглом столе писателей. Одетый в китайский френч, он так ответил на вопрос «Что вас в Китай привлекло?»: «В Китай влечет очень много всего. Я очень люблю древнюю китайскую литературу. Очень многие направления человеческой мысли,

которые меня всерьез занимают, возникли там. Я не понимаю, почему я только сейчас попал в Китай и почему я не езжу туда последние десять лет. Мне кажется, что у этой страны огромное будущее. Там чувствуешь прошлое и будущее и стоишь как бы на сквозняке, который дует из одного места в другое» [Пелевин, 2001].

Также у Пелевина очень рано сформировался восточный круг общения: в основном он ограничивался русскими друзьями, которые разделяли общую любовь к восточной культуре. В их разговорах о буддизме, даосизме, чайном искусстве и т. д. они часто использовали общий язык и сходные термины. Например, русский переводчик Кастанеды, дзэн-буддист В. П. Максимов (1938–2014), китаевед Б. Б. Виноградский (род. в 1957 году), музыканты Б. Б. Гребенщиков (род. в 1953 году) и А. Ф. Складар (род. в 1958 году) – почти все они стали архетипами персонажей в творчестве Пелевина. В 1990-х годах под влиянием Максимова Пелевин вступил в контакт с корейским чоге-буддистом Сунг Саном (송산, 1927–2004) и его международной школой «Кван Ум» (관음선종회), и много раз ездил в Южную Корею с 1991 по 2001 год. Чаньская практика включает поклонение, чтение и медитацию, а также изучение чаньских коанов. Чаньская мысль и практика медитации, описанные в работах Пелевина, неотделимы от этого личного опыта. Например, героиня А Хули из романа «Священная книга оборотня» постоянно занимается духовной медитацией, она говорит: «Духовная практика лис включает в себя «созерцание ума» и «созерцание сердца». Сегодня я решила начать медитацию с созерцания сердца» [Пелевин, 2004, с. 167]. В 2000 и 2005 годах Пелевин последовательно посетил знаменитые даосские горы, такие как гора Цинчэн в провинции Сычуань, гора Хуаншань в провинции Аньхой и гора Удан в провинции Хубэй. Чувства, вызванные поездкой в Китай, описаны в романах «Числа», «Священная книга оборотня» и «Empire V». Кроме того, Пелевин также побывал во Внутренней Монголии и Тибете (в Китае), а также в Японии, Индии, Непале, Монголии, Таиланде и других азиатских странах.

СТРАТЕГИИ ВОСТОЧНОГО ПОСТМОДЕРНИЗМА У ПЕЛЕВИНА

Что касается восточности в творчестве Пелевина, то стоит сослаться на мнение русского критика А. А. Гениса. Генис назвал «Чапаева и Пустоту» первым русским дзэн-буддистским романом [Генис, 1999 с. 232]. Тем более, буддистские элементы, содержащиеся в нем, являются не результатом стремления писателя к экзотическим эмоциям,

а неизбежным выводом, сделанным Пелевиным после наблюдения за современным обществом. Пелевин использует восточные идеи и темы, чтобы завершить свою критику современного общества: по словам восточных мудрецов «мир – это иллюзия» (世界即幻象) [Пелевин, 1996, с. 134]. Метафора «сна бабочки Чжуан Чжоу» (庄周梦蝶) часто проходит через роман, становясь самым мощным оружием Пелевина в его деконструкции реальности. Классическая китайская ментальность, согласно которой «любое движение вперед будет деградацией» (任何前进都是倒退) [Пелевин, 1996, с. 49], станет способом мышления пелевинских героев. Все это составляет концепцию «восточности» в постмодернистском творчестве Пелевина. В творческом процессе объединения «восточности» с «постмодернизмом» Пелевин использовал нижеследующие стратегии.

Во-первых, это субъективный идеализм и диалектические принципы. С момента появления первого шедевра Пелевина «Чапаев и Пустота» («первый роман в мировой литературе, действие которого происходит в абсолютной пустоте»), пустота (虚空) стала визитной карточкой Пелевина. Серия оригинальных метафорических символов Пелевина, таких как «глиняный пулемет», «мизинец Будды», «Внутренняя Монголия», «Урал» и «радужный поток», все они указывают на «пустоту». По мнению Пелевина, пустота – это нигде, пустота – это неизмеримо широкая река, начинающаяся где-то в бесконечности и уходящая в такую же бесконечность, пустота – это все, что человек мог подумать или испытать, пустота – это Я. Поэтому главные герои Пелевина, Андрей, Петр Пустота, Затворник и Шестипалый, Митя и Дима, Степан, А Хули, Граф Т, все они без исключения решают убежать из мира в пустоту. Очевидно, что пустота – это субъективная идеалистическая концепция, объективированная Пелевиным, и она является воплощением хаотического сознания, которое Пелевин извлек из «природы Будды» и «Дао». Пелевин использует восточные религиозные и философские идеи для деконструкции внешнего мира, социальных норм и человеческих предрассудков. Одновременно это также насмешка над конкурирующими идеологиями и религиозными учениями. Такой подрыв традиций и авторитета является типичной постмодернистской игрой. Но, как сказал Корнев, игра в настоящем постмодернизме происходит не только на уровне художественной формы, но и на уровне философии [Корнев, 1997, с. 245].

Вторая стратегия – это многовременное повествование. Чтобы преодолеть границу между реальностью и нереальностью, Пелевин часто

использует в своих романах параллельные, двойные или многовременные пространства. В вымышленном мире Пелевина большинство его рассказчиков являются главными героями снов, главными героями потока сознания и главными героями-психопатами. Они используют подсознание вместо сознания и используют разговоры во сне и воображение вместо языка. Под действием галлюциногенов, таких как мухомор, «небесный гриб» и «порошок пяти камней», они отделены от реальности своими снами и галлюцинациями и рассматривают фантазию как более актуальную «реальность», чем реальность. Например, в романе «Чапаев и Пустота» есть четыре или больше пространства-времени: первое, где дивизия Чапаева сражалась на фронтах гражданской войны; второе в московской психиатрической больнице после распада СССР; третье, где «черный барон» Юнгерн привел Пустоту в Валгаллу; четвертое, где роман притворялся созданным автором в Кафка-юрте с 1923 по 1925 год. Конечно, есть также пространство-время интерпретации предполагаемого автора предисловия к роману «Урган Джамбон Тулку VII» и пространство-время чтения читателя. Роман «Generation П» также описывает современную Россию, в которой находится главный герой Татарский, фантазию, где он встречает богиню Иштар, и рекламное пространство-время. Кроме того, Пелевин часто использует путешествия в качестве основного сюжета своих произведений, чтобы создать многовременное и многоперспективное повествование, а погоня и преследование главных героев романов не однолинейны. Герои действуют в параллельном пространстве-времени, тем самым становясь динамическими персонажами, развивающими сюжет.

Третья стратегия – это всестороннее использование восточной классической литературы. Мы уже увидели, что восточный постмодернизм Пелевина – это процесс его ориентализации, который особенно проявляется в усвоении и применении восточной философии, религии и литературы в тех случаях, когда автор создает «китайскую сказку», «индийскую сказку», «японскую сказку» и другие восточные тексты. Как же Пелевин использует цитаты из китайской классики? Неслучайно в рассказе «СССР Тайшоу Чжуан» Пелевин добавил подзаголовок «китайская народная сказка». Этот рассказ посвящен истории китайского крестьянина Чжана седьмого, который отправился в СССР и переживал взлеты и падения на протяжении всей жизни в своем сне [Пелевин, 2005, с. 82–96]. В нем Пелевин одновременно цитировал танские новеллы «Волшебная подушка» (枕中记) Шэнь Ци-ци и «Правитель Нанькэ» (南柯太守传) Ли Гун-цзо, то

есть традиционную китайскую литературную тему «жизнь есть сон». В рассказе Пелевин смешал черты персонажей этих двух новелл Чунь-юй Фэня (淳于棼) и Люй Дун-Биня (吕洞宾), чтобы создать нового персонажа своей китайской сказки. Новизна пелевинского прочтения китайской классики заключается в том, что он прорывается сквозь окопы существующих сюжетных линий и проявляет большую творческую свободу. Пелевин использует принцип всестороннего использования классики, чтобы объединить несколько классических материалов друг с другом, и никогда не пересказывает одну классическую сказку изолированно, но стремится создать новую сказку. В романе «t» Пелевин цитирует два коана из истории китайского чань-буддизма: «Гуджи все [показывает] одним пальцем» (俱胝一指) и «Будда вроде дыры в отхожем месте» (佛如厕孔). Сами чаньские коаны имеют авангардный характер и играют особую роль в деконструкции действительности, что весьма соответствует восточному постмодернизму Пелевина. Более того, всестороннее использование классики Пелевиным носит межэтнический характер. Например, рассказ «Гость на празднике Бон» (2003) основан на точке зрения японского писателя Юкио Мисимы, обсуждающего взгляд на смерть в классическом бусидо «Хагакурэ». «Путь самурая – это смерть» [Пелевин, 2005, с. 494]. Однако в этой «японской сказке» Пелевин также цитирует китайскую идиому «любовь Егуна к драконам» (叶公好龙), которая обозначает показную привязанность и пустую болтовню. Дракон здесь символ смерти, люди пугаются, когда он действительно приходит. Пелевин хорошо разбирается в приемах западного постмодернизма и восточной классической литературы, здесь он действительно достиг «ориентализации» постмодернизма. В текстах Пелевина цитирование восточной литературы и западная интертекстуальность, восточные коаны и западная деконструкция, восточные аллонимы и западная «смерть автора» дополняют друг друга, формируя постмодернистский литературный взгляд писателя с типичными восточными культурными характеристиками.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пелевин – один из немногих современных русских писателей, осознанно осуществивших поворот к ориентализации. Инициированная им практика восточной постмодернистской литературы – явление, которое нельзя игнорировать при изучении русской литературы. При переходе от модерна к постмодерну Пелевин занял в русской литературе доселе вакантную нишу Борхеса, Кортасара

и Кастанеды, отчасти – Кафки и Гессе [Корнев, 1997, с. 244].

«Восточность» и «постмодернизм» изначально представляют собой два сложных понятия, охватывающих геополитику, предметную теорию, образ мышления и дискурсивную власть. Сочетание этих двух понятий подчеркивает гипотетические компоненты «восточного постмодернизма». Однако в то время, когда понятие «восточный постмодернизм» все еще остается спорным, а теория восточного постмодернизма еще не сформулирована окончательно, восточный постмодернизм Пелевина предстает особенно новаторским в русской и даже мировой литературе. По сравнению с традиционным западным ориентализмом, Пелевин может дать относительно объективную и глубокую оценку и интерпретацию Востока. Эта практика способствует приходу западной когнитивной парадигмы на Восток. Отрадно, что большинство текстов, обсуждаемых и цитируемых Пелевиным в его восточном постмодернистском дискурсе, взяты из литературы неанглоязычных восточных стран, что поможет установить принцип диалога между восточными и западными литературами.

В своем творчестве Пелевин критиковал давно устоявшийся западный централизм с точки зрения «чужого». Постмодернистский взгляд на пустоту, который настойчиво продвигал писатель, направлен на устранение так называемого авторитета и центрального сознания. Это также трансцендентный взгляд на дебаты между славянофилами и западниками о пути национального развития России. Литературная мысль Пелевина, основанная на восточной культуре, открыла новую область исследований для русской литературы. Как сказал Цзэн Яньбин, хотя люди могут критиковать и подвергать сомнению исследование восточного постмодернизма в различных литературных формах и средствах выражения, мы не можем отрицать огромные изменения, которые восточный постмодернизм привнес в литературу [Цзэн Яньбин, 1998, с. 22]. В плане обогащения средств выражения современной русской литературы восточный постмодернизм внес неизмеримый вклад. С тех пор как Пелевин стал популярным в 1990-х годах, восточные темы и культурные факторы в современной русской литературе также заметно активизировались: в книге «Возвращение к Великой Белизне» (2001) С. А. Торопцев описал смерть великого поэта Ли Бо; серия романов Хольма ван Зайчика «Евразийская симфония» (2005) полна элементов традиционной китайской культуры [Лю Ядинь, 2018, с. 149]; в конце повести «Метель» (2010) В. Г. Сорокин показывает китайцев в роли неожиданных

спасителей доктора Гарина. Кроме того, восточный постмодернизм Пелевина имеет определенное положительное значение в утверждении популярной культуры и изменении языковых

концепций. Автор статьи надеется, что обсуждение восточного постмодернизма Пелевина может вызвать новые, более новаторские и глубокие дискуссии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Корнев С. Восточный постмодернизм: Логика абсурда и «мышление между строк» // Русский журнал. 16.06.1998. URL: <http://www.russ.ru/journal/kritik/98-06-16/kornev.htm> (дата обращения: 10.07.2021).
2. 爱德华·萨义德: 《东方学》, 王宇根译, 北京: 生活·读书·新知三联书店, 1999年。= Саид Э. В. Ориентализм / пер. Ван Юген. Пекин: Жизнь·Чтение·Знания книжный магазин Санлиан, 1999.
3. 曾艳兵: 《“东方后现代”四题》, 《当代文坛》1997年第6期。= Цзэн Яньбин. Четыре вопроса о восточном постмодернизме // Современная литература. 1997. № 6. С. 13–14.
4. Скоропанова И. С. Русская постмодернистская литература. М.: Флинта; Наука, 2001.
5. Mohagheh J. B. *Insurgent, Poet, Mystic, Sectarian: The Four Masks of an Eastern Postmodernism*. Albany: SUNY Press, 2015.
6. Корнев С. Столкновение пустот: может ли постмодернизм быть русским и классическим? // Новое литературное обозрение. 1997. № 28. С. 244–259.
7. 刘文飞, 陈方: 《俄国文学大花园》, 武汉: 湖北教育出版社, 2007年。= Лю Венфэй, Чэнь Фан. Великий сад русской литературы. Ухань: Издательство образования Хубэй, 2007.
8. Пелевин В. О. Чапаев и Пустота. М.: Вагриус, 1996.
9. 王宁: 《东方主义、后殖民主义和文化霸权主义——批判爱德华·赛义德的后殖民主义理论剖析》, 北京大学学报(哲学社会科学版), 1995年第2期。= Ван Нин. Ориентализм, постколониализм и культурная гегемония – Критический анализ теории постколониализма Эдварда Саида // Вестник Пекинского университета. Гуманитарные науки. 1995. № 2. С. 54–62.
10. Кочеткова Н. Писатель Виктор Пелевин: «12 стульев» были для меня книгой о героических и обреченных людях // Известия. 30.10.2009.
11. Пелевин В. О. Когда я живу, я двигаюсь на ощупь. Семинар писателя в Токийском университете. 26 октября 2001 г. URL: Pelevin.nov.ru/interview/o-jap/1.html (дата обращения: 10.07.2021).
12. Пелевин В. О. Священная книга оборотня. М.: Эксмо, 2004.
13. 维克多·佩列文: 《夏伯阳与虚空》, 郑体武译, 上海: 上海译文出版社, 2004年。= Пелевин В. О. Чапаев и Пустота / пер. Чжэн Тиу. Шанхай: Шанхайское издательство переводов, 2004.
14. Генис А. А. Иван Петрович умер. М.: Новое литературное обозрение, 1999.
15. Пелевин В. О. Все рассказы. М.: Эксмо, 2005.
16. 曾艳兵: 《“东方后现代”的价值和意义》, 《创作评谭》, 1998年第3期。= Цзэн Яньбин. Ценность и значение восточного постмодернизма // Творческий комментарий. 1998. № 3. С. 21–22.
17. 刘亚丁: 《龙影朦胧: 中国文化在俄罗斯》, 北京: 北京大学出版社, 2018年。= Лю Ядинь. Тень дракона в тумане: Китайская культура в России. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2018.

REFERENCES

1. Kornev, S. (1998). *Vostochnyy postmodernizm: Logika absurda i «myshleniye mezhdru strok»* = Eastern postmodernism: The Logic of the Absurd and “thinking between the lines”. Russian Magazine. June 16. (In Russ.) <http://www.russ.ru/journal/kritik/98-06-16/kornev.htm> (accessed:10.07.2021)
2. 爱德华·萨义德: 《东方学》, 王宇根译, 北京: 生活·读书·新知三联书店, 1999年。= Said, E. W. (1999). *Orientalism*, transl. by Wang Yugen. Beijing: Life-Reading-Knowledge Sanlian Bookstore. (In Chin.)
3. 曾艳兵: 《“东方后现代”四题》, 《当代文坛》1997年第6期。= Zeng Yanbing. (1997). *Four Questions on Eastern Postmodernism*. Contemporary Literature, 6, 13–14. (In Chin.)
4. Skoropanova, I. S. (2001). *Russkaya postmodernistskaya literatura* = Russian postmodernist literature. Moscow: Flinta; Nauka. (In Russ.)
5. Mohagheh, J. B. (2015). *Insurgent, Poet, Mystic, Sectarian: The Four Masks of an Eastern Postmodernism*. Albany: SUNY Press.

6. Kornev, S. (1997). Stolknoveniye pustot: mozhет li postmodernizm byt russkim i klassicheskim? = The Clash of voids: Can postmodernism be Russian and classical? *Novoye literaturnoye obozreniye*, 28, 244–259. (In Russ.)
7. 刘文飞, 陈方: 《俄国文学大花园》, 武汉: 湖北教育出版社, 2007年 = Liu Wenfei, Chen Fang. (2007). *The Great Garden of Russian Literature*. Wuhan: Hubei Education Publishing House. (In Chin.)
8. Pelevin, V. O. (1996). *Chapayev i Pustota = Chapaev and Pustota*. Moscow: Vagrius. (In Russ.)
9. 王宁: 《东方主义、后殖民主义和文化霸权主义——批判爱德华·赛义德的后殖民主义理论剖析》, 北京大学学报(哲学社会科学版), 1995年第2期 = Wang Ning. (1995). *Orientalism, Postcolonialism, and Cultural Hegemony – Critical Analysis of Edward Said's Postcolonialism Theory*. *Journal of Peking University. Humanities*, 2, 54–62. (In Chin.)
10. Kochetkova, N. (2009). Pisatel' Viktor Pelevin: «12 stol'yev» byli dlya menya knigoy o geroicheskikh i obrechennykh lyudyakh» = Writer Viktor Pelevin: “12 chairs was a book about heroic and doomed people for me”. *Izvestia*. October 30, 2009. (In Russ.)
11. Pelevin, V. O. (2001). Kogda ya zhivu, ya dvigayus' na oschchup' = When I live, I move by touch. October 26, 2001. Writer's seminar at Tokyo University. pelevin.nov.ru/interview/o-jap/1.html (accessed: 10.07.2021) (in Russ.)
12. Pelevin, V. O. (2004). *Svyashchennaya kniga oborotnya = The Sacred Book of Werewolf*. Moscow: Eksmo. (In Russ.)
13. 维克多·佩列文: 《夏伯阳与虚空》, 郑体武译, 上海: 上海译文出版社, 2004年 = Pelevin, V. O. (2004). *Chapaev and Pustota*, transl. by Zheng Tiwu. Shanghai: Shanghai Translation Publishing House. (In Chin.)
14. Genis, A. A. (1999). *Ivan Petrovich umer = Ivan Petrovich died*. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye. (In Russ.)
15. Pelevin, V. O. (2005). *Vse rasskazy = Short stories*. Moscow: Eksmo. (In Russ.)
16. 曾艳兵: 《“东方后现代”的价值和意义》, 《创作评谭》, 1998年第3期 = Zeng Yanbing. (1998). *The Value and Significance of Eastern Postmodernism*. *Creative Commentary*, 3, 21–22. (In Chin.)
17. 刘亚丁: 《龙影朦胧: 中国文化在俄罗斯》, 北京: 北京大学出版社, 2018年 = Liu Yadin. (2018). *The Hazy Shadow of the Dragon: Chinese Culture in Russia*. Beijing: Peking University Press. (In Chin.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чжэн Сяотин

докторант Столичного педагогического университета,
Пекинского центра славистики (ПЦС), Пекин, Китай

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zheng Xiaoting

PhD Student, Capital Normal University,
Beijing Slavic Research Center, Beijing, China

Статья поступила в редакцию 29.11.2021
одобрена после рецензирования 20.12.2021
принята к публикации 27.01.2022

The article was submitted 29.11.2021
approved after reviewing 20.12.2021
accepted for publication 27.01.2022

Научная статья
УДК 008, 304.2, 316.472.4
DOI 10.52070/2542-2197_2022_2_857_162



Феноменологический анализ явления «культура отмены»

П. Г. Былевский¹, Е. П. Цацкина²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹pr-911@yandex.ru

²elena-tsatskina@yandex.ru

Аннотация. В статье представлен анализ явления «культуры отмены» в философском, культурологическом, социальном и политическом аспектах. Авторы исследуют особенности современной актуализации классических средств разрушения публичной репутации через «культуру отмены» на базе «новых медиа». В статье сформулированы принципы государственного, корпоративного и личного противодействия деструктивному применению «культуры отмены» в социально-культурных дискуссиях и информационном противоборстве.

Ключевые слова: «новые медиа», «культура отмены», манипулирование, общественное сознание, публичная репутация, информационная безопасность, информационная угроза

Для цитирования: Былевский П. Г., Цацкина Е. П. Феноменологический анализ явления «культура отмены» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2 (857). С. 162–169. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_2_857_162

Original article

Phenomenological Analysis of the Notion “Cancel Culture”

Pavel G. Bylevskiy¹, Elena P. Tsatskina²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹pr-911@yandex.ru

²elena-tsatskina@yandex.ru

Abstract. The article presents an analysis of the phenomenon of “cancel culture” in philosophical, cultural, social and political aspects. The authors research the way updated conventional means of information warfare is used in order to damage public reputation by employing “cancel culture” on the basis of “new media”. Besides, the article formulates the principles of state, corporate and personal counteraction to the destructive use of “cancel culture” in socio-cultural discussions and information warfare.

Keywords: “new media”, “cancel culture”, manipulation, public consciousness, public reputation, information security, information threat

For citation: Bylevsky, P. G., Tsatskina, E. P. (2022). Phenomenological analysis the notion «cancellation culture». Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(857), 162–169. 10.52070/2542-2197_2022_2_857_162

ВВЕДЕНИЕ

Получившая широкое распространение в США и Европе «культура отмены» стала последние годы проявляться и в России. Увеличение с весны 2020 года, в связи с пандемией, количества российских пользователей социальных сетей в условиях ограничительных мер способствовало росту интереса молодежи к иностранным информационным ресурсам, содержащим информацию об этом явлении и действиях, которые его характеризуют.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ РИСКИ ОБЩЕСТВЕННОЙ КРИТИКИ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В зарубежной и российской научной литературе нет единого определения сущности «культуры отмены», недостаточно полно разработано понимание ряда важных аспектов данного явления. По нашему мнению, этим обусловлены различие трактовок и многие дискуссии о феномене массовой критики людей в социальных сетях и на публичных информационных платформах, получившем название «культура отмены».

Организационной платформой и основным коммуникативным механизмом для «культуры отмены» являются глобальные, наднациональные публичные массовые информационные платформы и другие подобные сервисы – вид «новых медиа», которые стремятся максимально представить как «независимое общественное мнение». К ним относятся социальные сети («Твиттер», «Фейсбук», «Инстаграмм» и т. п.), а также подобные им информационные платформы («Ютуб», «Тикток» и др.), часто аффилированные с ними мессенджеры с групповыми сервисами («Вотсап», «Телеграмм», «Зум», «Гугл.Мит» и др.).

В любой стране действия, не запрещенные законом, но противоречащие обычаям и устоям общества, принято считать аморальными. Аморальное поведение – это осмысленное совершение действий, которые квалифицируются как безнравственные, как несоблюдение моральных норм и ценностей, принятых в обществе. Аморальное поведение индивида является предметом осуждения сообществом пользователей цифровой платформы, а человек, совершивший аморальный проступок, оказывается объектом критики, нападок.

Термины «моральность» и «аморальность» не абсолютны и неоднозначны в силу их конкретно-исторической, социальной определенности. Они зависят от системы ценностей, уровня образованности общества и каждого индивида в нем. Возникает ряд вопросов. Являются ли этичными то или иное поведение, но также его критика и нападки

пользователей? Объективно ли те или иные действия индивида были оценены как аморальные? В таких случаях закономерно встает встречный вопрос: а судьи кто? Какова основа проявлений «культуры отмены» – юридическая, этическая, или же произвол, «право силы», «суд толпы»?

«Карательный характер обоснования может быть воспринят как несправедливый в контексте правовых систем, обычно понимаемых как справедливые – с точки зрения презумпции невиновности» [Alvarez Trigo, 2020, с. 4]. Противоречия «новых глобальных медиа» с национальными интересами в течение долгого времени могут оставаться незамеченными, игнорироваться государственными регуляторами, а возникающие конфликты разрешаться частично и неудовлетворительно.

Повышенный интерес к данному «модному» феномену проявляет молодежь – будущее страны. Этот факт заставляет родителей и педагогов задуматься о природе этого интереса молодого поколения: что это, банальный интерес к чему-то новому, желание следовать «моде» или нечто иное. Мы делаем попытку всестороннего анализа «культуры отмены», рассматривая термин как феномен в парадигме современных коммуникаций, социально-политических и гуманитарных наук, а также информационной безопасности.

По результатам феноменологического анализа выявления деструктивного потенциала «культуры отмены» позволит определить сопутствующие риски и угрозы информационной безопасности, как личности, так и обществу. Если «культура отмены» может быть использована как специфический инструмент ведения информационных войн, то возникает необходимость выработки методологические принципов эффективного противодействия, в том числе для обеспечения национальной информационной безопасности.

АНАЛИЗ ГУМАНИТАРНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ПОНЯТИЯ «КУЛЬТУРА ОТМЕТЫ»

Недавнее исследование показывает: из опрошенных граждан США 49 % «культуру отмены» понимают как «действия, чтобы призвать других к ответственности», 14 % считают «формой цензуры», а 12 % – «озлобленными нападками для причинения вреда другим» [Vogels et al., 2021]. Анализ значительно расходящихся результатов опроса проявляет противоречивый характер самого термина, его использование в разных, порой противоположных целях.

Большой вопрос, насколько корректен сам термин «культура отмены», не имеющий созидательных, творческих коннотаций, сущностно

присущих парадигме культуры. «Культура отмены» (*cancel culture*) как социально-культурный феномен вошла в обиход во второй половине 2010-х годов, став актуальным и достаточно распространенным инструментом манипуляций общественным мнением. Зародившись, получив массовое применение и доказав высокую разрушительную эффективность в США и Европе, «культура отмены» стала распространяться на другие регионы мира, включая Россию.

«Культурологическая» окраска термина вводит массовую аудиторию в заблуждение, приводит к смысловой дезориентации «жертвы» и обществу. Маскировка под «культуру» может являться неявной угрозой интересам большинства и «традиционным ценностям» ввиду двусмысленности понимания и использования термина.

«Культура отмены» не соотносится даже с конструктивной критикой, но сводится преимущественно к деструктивным функциям. Содержательный анализ того, где, кем, когда и как применяется «культура отмены», позволяет выявить отличие достигаемых результатов от декларируемых целей.

Действия по «перечеркиванию», «стиранию» предполагают не только дезавуирование, разрушение, «обнуление» положительного имиджа жертвы. Конечным результатом выступает формирование устойчивой предельно негативной оценки персоны, на которую направлена информационная атака. Публичная моральная (формально «этическая») расправа над человеком осуществляется вовсе не для его «исправления», «воспитания». Главным результатом является продвижение на данном показательном «негативном» примере другой идеологической нормативной «повестки».

На практике «культура отмены» проявляется как достаточно эффективный инструмент разрушения публичных репутаций, радикальной ломки существующих систем ценностей, продвижения сомнительных, отторгаемых большинством общества «норм». «Культуру отмены» часто используют в информационных войнах, проводимых для передела сфер влияния, в том числе политического, рынков товаров и услуг.

Собственно, в сфере культуры подобные явления описываются в лучшем случае как «деструктивная форма манифестации культурной идентичности» [Малыгина, 2021, с. 357]. Полемически заостряя подобное определение, можно уподобить «культуру отмены» определению-оксюмору, содержащему внутренне противоречие. Наподобие таких смоделированных терминологических конструкций как «профессиональная культура пыток, доносительства, палачества», «корифей вандализма, хамства, хулиганства».

Наиболее «культурной» в «культуре отмены» является преимущественная отраслевая локализация в шоу-бизнесе, частично соотносимым с художественной и политической культурой. Данный феномен в большей степени проявляется в качестве социально-политической технологии (наподобие «социальной инженерии» и «информационных войн»), которую лишь весьма условно можно назвать «гуманитарной», а тем более отнести к сфере культуры.

Термин «культура отмены» не столько определяет, сколько маскирует сущность и деструктивный потенциал обозначаемого феномена, его использование как инструмента разрушения публичных репутаций. Осмысление сущности, особенностей и тенденций развития этого социально-культурного феномена необходимо для выработки принципов противодействия возможным деструктивным последствиям его широкого распространения.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АНАЛИЗА ФЕНОМЕНА «КУЛЬТУРА ОТМЕРЫ» В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ АКТУАЛЬНОСТИ

Историческими прообразами «культуры отмены» выступают государственные «воспитательные» расправы – публичные экзекуции, исполнение смертных приговоров и телесных наказаний, выполнение процедур «гражданской казни» и объявления «вне закона» при большом скоплении народа. Аналогами в античной Греции является «остракизм», а в сфере христианской религии – отлучение от церкви и предание анафеме.

Можно проследить аналогии с публичными нелегальными убийствами должностных лиц и «знаковых» персон, враждебных «исполнителям приговора», что в наше время квалифицируется как терроризм. В современном «цифровом» мире ближайшие родственные «культуре отмены» явления – различные формы публичной групповой травли жертвы, включая «кибербуллинг», в том числе в детской и молодежной среде.

Можно выделить четыре характерных особенности «культуры отмены». Первая – преимущественное использование публичных массовых «новых медиа», в первую очередь социальных сетей на основе компьютерно-телекоммуникационной инфраструктуры (главным образом интернета). Исследование показало: чаще всего как источник политической информации современные студенты используют интернет-СМИ и социальные сети, по убывающим предпочтениям дальше идут печатная пресса, межличностное общение, на последнем месте радио и телевидение [Быков, Gladchenko, 2018, с. 99].

Вторая особенность «культуры отмены» – создание видимости спонтанного, самопроизвольного характера действий ради сокрытия центров и механизмов управления такими информационными кампаниями.

Третья особенность – «безликость» участников, отсутствие ярких лидеров, «анонимизация», использование подставных и фейковых аккаунтов, за которыми трудно найти настоящих организаторов, заказчиков и выгодоприобретателей проводимых информационных кампаний.

Четвертая – вынесение оценок, вердиктов и «приведение приговора в исполнение» по «неписаным правилам», отсутствие формализации наминающих криминальные «понятия».

Отсутствие публичного документированного регулирования «культуры отмены» дополняется игнорированием национального и международного законодательства, а также стандартов, правил и иных нормативных актов, существующих в виде текстов, с авторством и организацией-«издателем». При «отсутствии регламентов и правил» [Киселева, Муромская, 2020, с. 586] для того, чтобы формализовать общие правила и особенности применения «культуры отмены», в конкретных случаях проводится реконструкция, моделировать на основании анализа выносимых оценок и действий в отношении жертвы.

В этом активность участников кампаний «культуры отмены» соотносима с действиями сотрудников секретных служб, членов законспирированных сообществ, включая криминальные, террористические организации. Сам факт существования таких непубличных формирований может скрываться, являться корпоративной конфиденциальной информацией.

Часто они действуют «под прикрытием» организаций (чаще всего «некоммерческих») с другими названиями, целями и формами деятельности, публичными правилами. Руководящими документами выступают закрытые внутренние нормативные акты, «своды правил»: уставы, положения, инструкции и распоряжения, а также групповые традиции, «понятия» и «прецедентное право».

Подобный образом внутренние нормативные документы, регламентирующие работу администрации и модераторов публичных массовых цифровых платформ и социальных сетей, являются корпоративной конфиденциальной информацией. Публичные правила для пользователей регулярно произвольно обновляются администрацией в одностороннем порядке, требуя безусловного принятия под угрозой прекращения сервиса.

Исключительной прерогативой администрации социальных сетей остаются конфликтные ситуации и апелляции пользователей на удаление

публикаций, временную и окончательную блокировку аккаунтов. Обращения пользователей в публичные надзорные органы государственной власти или в суд обременены многочисленными длительными формальными процедурами и финансовыми затратами, к тому же имеют низкие шансы на успех.

Таким образом, в работе глобальных информационных платформ, включая социальные сети, на основе которых действуют сообщества «культуры отмены», могут быть усмотрены признаки корпоративной диктатуры. То есть в значительной степени, анонимной власти, действующей на основе непубличных нормативных актов с использованием произвольно изменяемых правил их применения.

РАЗРУШЕНИЕ РЕПУТАЦИИ В ПАРАДИГМЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И НЕЯВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ АНОНИМНОСТЬЮ

Построение и интерфейсы сервисов социальных сетей максимально эксплуатируют демонстративную ориентацию на пользователя, на его «аккаунт» (гражданина, организации или общества). Действительная значительная автономия социальных сетей от национального законодательства, органов государственного регулирования также способствует поддержанию иллюзии «независимости» как действий пользователя, так и формирующегося (формируемого) общественного мнения: выбора тем и событий для публикаций и обсуждений, их оценок.

Таково начало «жизненного цикла» иллюзорной «независимости» социальных медиа, – их кажущихся, по сравнению с традиционной прессой, преимуществ в возможности адекватно выражать «общественное мнения». Завершение «жизненного цикла» подобной мифологии можно прогнозировать по мере критического усиления скрытого регулирования активности пользователей, ужесточения корпоративной цензуры со стороны администрации социальных медиа.

Относительная информационная «независимость» и «не ангажированность» глобальных социальных сетей не абсолютна. Самостоятельность их медиа-политик и правил для пользователей существует лишь в отношении национального, межгосударственного и международного регулирования.

Такая относительная автономия «новых медиа» до поры до времени маскирует полную зависимость от собственных корпоративных структур, чья деятельность определяется интересами собственников. Приоритет интересов ключевых

собственников, топ-менеджмента, а также основных рекламодателей социальных сетей маскируется гибкой информационной тактикой.

Управление медиа-кампаниями «культуры отмены» замаскировано обезличенной «общественностью» авторов массивов осуждающих сообщений, оценок и комментариев. Высокая степень анонимности публичного интернета, возможности использования виртуальных и поддельных «личностей» пользователей, включая ботов («сети» программных роботов) – малопрозрачный барьер, требующий сложных расследований для выявления организаторов, заказчиков и выгодоприобретателей таких информационных спецопераций.

Между тем главные полномочия и организационно-технические средства управления (воспрепятствования или попустительства и продвижения) кампаниями «культуры отмены» принадлежат владельцам и администрации социальных сетей. «5 октября 2021 г. бывшая сотрудница Facebook Фрэнсис Хауген выступила в Конгрессе США. Она обвинила социальную платформу в причинении вреда демократии и психике подростков... Бывшая сотрудница заявила, что соцсеть игнорирует контент, разжигающий ненависть в молодежной среде, с целью получения большей прибыли» [Старинов, Цевелева, Князев, 2021, с. 145].

С нормативно-правовой точки зрения «культура отмена» является внесудебным, внеправовым инструментом нанесения ущерба жертве, вначале морального – репутации, потом карьерного и имущественного. Жертвы обвиняются в нарушении неписаных и неформализованных норм и правил, поддающихся произвольной трактовке, без наличия утвержденных уполномоченными инстанциями процедур. «Внесудебный» характер расправы над жертвами, групповой самосуд по типу «суда Линча» предполагает «отсутствие справедливости для обвиняемых» [Holman, 2020, с. 11].

Таким образом, показательный, демонстративный характер персональной публичной расправы уподобляет «культуру отмены» «моральному» терроризму – негосударственному устрашению для принудительного регулирования носителей взглядов и моделей поведения, достаточно произвольно инкриминируемых как «осуждаемые» и «недопустимые».

Через социальные сети и другие подобные сервисы осуществляется распространение отдельных материалов и целые информационные кампании в рамках «культуры отмены». Вместе с тем в таких кампаниях социальные сети самым тесным образом интегрированы с другими средствами гуманитарных коммуникаций: интернет-СМИ и

обычной прессой, лоббированием, PR и GR, маркетингом и рекламой.

В информационных компаниях «культуры отмены» широк спектр возможных сочетаний значимости разных коммуникативных каналов. Не только в виде обсуждений в социальных сетях публикаций прессы. И наоборот: публикация в социальных сетях информации о событии «легализует» его, превращает в значимый факт, «информационный повод».

Высокорезонансное лаконичное сообщение в Твиттере, даже удаленное администрацией, может быть использовано в мощнейшей информационной кампании глобальных и национальных СМИ. Публикации в социальных сетях используются как элемент недобросовестной конкурентной борьбы в политике, лоббировании, маркетинге и рекламе брендов, товаров и услуг.

«ОТМЕНА ОТМЕНИ»: ПРИНЦИПЫ ЭФФЕКТИВНОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Содержательно кампании «отмены репутаций» направлены на утверждение, продвижение так называемой «нетрадиционной левой повестки», подавление ее критики, альтернативного мировоззрения и иных точек зрения. Речь о радикальных «революционных» подходах к преобразованию мира: природы, общества и человека, выражающих интересы современного «глобализма».

Внешними изменчивыми явлениями, «лозунгами дня» выступают некоторые специально избранные ракурсы так называемой «глобальной проблематики». В их числе можно назвать экологию («всемирное потепление»), «ограниченность ресурсов» вкупе с «угрозой перенаселения» (концепцию «золотого миллиарда») и «голубую энергетику». В социальной сфере «левая повестка» включает «борьбу с неравенством» («гендерным», «сексизмом», «расовым», проблематику ЛГБТК+).

«Культура отмены» проявляется как «самопроизвольные» информационные кампании, направленные на разрушение публичных репутаций влиятельных персон. Внешне такие кампании проявляются, как стихийный всплеск «общественного мнения», подлинные механизмы которого остаются скрытыми.

Организаторы кампаний показательно «обнуляют» жертв ради манипулятивного воздействия на смежные целевые группы, слома системы их ценностей и моделей поведения, замены на предлагаемые новые. Конечной целью «информационной войны», в рамках которой проводятся кампании «культуры отмены» является изменение

баланса интересов: реализация собственных за счет и в ущерб противоположным.

Отмечается: «в России культура отмены и институт репутации пока находятся на стадии зарождения, а это, значит, они пока не устоялись» [Киселева, Муромская, 2021, с. 143], однако без оценки, потенциально конструктивно данное явление или является угрозой. По-любому в нашей стране оно пока плохо «приживаются», что связано с целым комплексом «национальных особенностей», социально-культурных традиций и государственного управления.

В частности, в нашей стране указание на некоторую личную неприязнь является наиболее распространенной формой сообщения о мотивах ненависти, используемой судом. Юридические последствия этого были бы не столь серьезными, как если бы имелось прямое указание на мотив ненависти. Однако ощущения не сильно отличаются. В чисто юридическом смысле «личная неприязнь» – это менее серьезное чувство, которое не требует специальной процедуры для доказательства или более суровых наказаний» [Katsuba, 2021, с. 22]. Налицо характерное для «культуры отмены» содержательное применения стилистических оттенков терминологии для перемещения продвигаемой проблематики из этической сферы в правовую.

Нельзя недооценивать деструктивного потенциала «культуры отмены», способного быть активизированным в острые переломные моменты исторического развития. Изучение и понимание этой информационной угрозы и сопутствующих рисков требует выработки правильной методологии противодействия, комплекса эффективных средств и мер.

Молодые исследователи считают, что в России, в отличие от США, «одним из способов регулирования культуры отмены является создание этических кодексов. Эти кодексы помогут решить проблему неправильных заявлений / действий» [Щипун, 2021, с. 260]. Однако, как показывает практика, лучше моральные нормы, включая специально придуманную «профессиональную этику» и т. п., лучше всего работают во взаимодействии с неотвратимостью применения смежных правовых норм.

С точки зрения национальной безопасности «культура отмены» предстает «внекультурной» и «антикультурной» «политической технологией», инструментом информационной войны. Специфика этого феномена заключается в сочетании организационно-технических характеристик (использования глобальных информационных платформ, социальных сетей) и имитационной общественности (сочетания коллективной анонимности и скрытых центров управления).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Комплексный междисциплинарный научный анализ феномена «культура отмены» позволил выявить признаки агрессивного продвижения имитационной «общественностью» ценностей «альтернативных» меньшинств путем деструкции «традиционных ценностей», дискредитации их знаковых носителей. Критическое осмысление культурологами, политологами, педагогами и специалистами по информационной безопасности проявлений «культуры отмены» способно послужить методологической основой для их юридической квалификации согласно действующему российскому законодательству.

В том качестве, в котором феномен «культуры отмены» в настоящее время вызывает интерес российской молодежи, присутствует потенциальная угроза «традиционным ценностям» и их носителям, производителям и выразителям – известным персонам, лидерам общественного мнения. Актуальны задачи выработки правильного понимания феномена «культуры отмены» и эффективных мер противодействия: нормативно-правовых, организационно-технических и гуманитарных (социально-философских и коммуникативных).

В России достижение цели интеллектуально-го развития и духовно-нравственного воспитания будущего страны – молодого поколения традиционно отводится системе образования. Осознание угрозы распространения «культуры отмены» среди подростков и молодежи, наряду с сопоставимыми проявлениями кибербуллинга, является значимым для родителей и педагогов образовательных учреждений всех уровней.

В связи с этим авторы видят необходимым и актуальным для российских педагогов участие в мероприятиях, повышающих уровень цифровых компетенций, проводимых в рамках федерального проекта «Кадры для цифровой экономики». Применение «культуры отмены» как инструмента информационных кампаний и даже войн во многих случаях может быть соотнесено с проявлениями самоуправства, нарушениями прав личности, моральным ущербом, распространением заведомо ложной информации и клеветой.

В таких случаях возможно возбуждения административных и уголовных дел, применение государственных контрольно-надзорных мер в отношении как пользователей-нарушителей, так и администраций и владельцев глобальных публичных массовых информационных платформ, социальных сетей. Предпринимаемые в отношении таких нарушений меры могут варьироваться от предупреждений и штрафов до угрозы частичной и полной блокировки работы на территории РФ и в Рунете.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Alvarez Trigo L. Cancel Culture: the Phenomenon, Online Communities and Open Letters Pt. 2 // PopMeC Research Blog. 2020, September 25. URL: https://www.researchgate.net/publication/344512933_Cancel_Culture_the_Phenomenon_Online_Communities_and_Open_Letters
2. Vogels E. A. et al. Americans and 'Cancel Culture': Where Some See Calls for Accountability, Others See Censorship, Punishment / E. A. Vogels, M. Anderson, M. Porteus, C. Baronavski, S. Atske, C. McClain, B. Auxier, A. Perrin, M. Ramshankar // Pew Research Center. 2021, May 19. URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2021/05/19/americans-and-cancel-culture-where-some-see-calls-for-accountability-others-see-censorship-punishment>
3. Малыгина И. В. Культурные идентичности в постглобальном мире // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 13 (855). С. 348–361.
4. Быков И. А., Гладченко И. А. Коммуникативная агрессия в России: анализ мнения будущих политологов и журналистов // Среднерусский вестник общественных наук. 2018. Т. 13. № 1. С. 94–100.
5. Киселева А. Э., Муромская А. В. Cancel culture и институт репутации в России // Молодой ученый. 2020. № 48 (338). С. 585–588.
6. Старинов Г. П., Цевелева И. В., Князев В. М. Обеспечение национальной безопасности в системе правового регулирования социальных процессов в цифровой среде // Трансформация информационно-коммуникативной среды общества в условиях вызовов современности: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Комсомольск-на-Амуре, 25–26 ноября 2021 года. Комсомольск-на-Амуре: Комсомольский-на-Амуре государственный университет, 2021. С. 144–147.
7. Holman K. J. Can you come back from being cancelled? A case study of podcasting, cancel culture, and comedians during #MeToo // University of Nebraska at Omaha, ProQuest Dissertations Publishing. 2020, May. P. 11. URL: <https://www.proquest.com/openview/b9930918a69ff1d50640f009724ab169>
8. Киселева А. Э., Муромская А. В. Институт репутации и культура отмены в России: фактор развития или регрессии // Парадигма. 2021. № 1. С. 136–144.
9. Katsuba S. V. Hate crimes against LGBT in Russia: legal status and research problems // SENTENTIA. European Journal of Humanities and Social Sciences. 2021. № 3. P. 22. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35330
10. Щипун Ю. Д. «Культура отмены» в России и США: сравнительное исследование // Материалы научного мероприятия «Дни студенческой науки». Хабаровск, 2021. С. 257–260.

REFERENCES

1. Alvarez Trigo, L. (2020, September 25). Cancel Culture: the Phenomenon, Online Communities and Open Letters. Pt. 2. PopMeC Research Blog. https://www.researchgate.net/publication/344512933_Cancel_Culture_the_Phenomenon_Online_Communities_and_Open_Letters
2. Vogels, E. A., Anderson, M., Porteus, M., Baronavski, C., Atske, S., McClain, C., Auxier, B., Perrin, A., Ramshankar, M. (2021, May 19). Americans and 'Cancel Culture': Where some see calls for accountability, others see censorship, punishment. Pew Research Center. May 19. <https://www.pewresearch.org/internet/2021/05/19/americans-and-cancel-culture-where-some-see-calls-for-accountability-others-see-censorship-punishment>
3. Malygina, I. V. (2021) Cultural identities in a post-global world. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(855), 348–361. (In Russ.)
4. Bykov, I. A., Gladchenko, I. A. (2018). Communicative aggression in Russia: analysis of opinion of future politicians and journalists. Central Russian Journal of Social Science, 1(13), 94–100. (In Russ.)
5. Kiseleva, A. E., Muromskaya A. V. (2020). Cancel culture and the Reputation Institute in Russia. Young Scientist, 48(338), 585–588. (In Russ.)
6. Starinov, G. P., Ceveleva, I. V., Knyazev, V. M. (2021). Ensuring national security in the system of legal regulation of social processes in the digital environment. Transformation of the information and communication environment of society in the context of modern challenges (pp. 144–147): materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, Komsomolsk-on-Amur, November 25–26. (In Russ.)
7. Holman, K. J. (2020, May, 11). Can You Come Back from Being Cancelled? A Case Study of Podcasting, Cancel Culture, and Comedians during #MeToo. University of Nebraska at Omaha, ProQuest Dissertations Publishing. <https://www.proquest.com/openview/b9930918a69ff1d50640f009724ab169>
8. Kiseleva, A. E., Muromskaya, A. V. (2021). Institute of Reputation and Cancel Culture in Russia: development or regression factor. Paradigma, 1, 136–144. (In Russ.)

9. Katsuba, S.V. (2021). Hate crimes against LGBT in Russia: legal status and research problems. SENTENTIA. European Journal of Humanities and Social Sciences, 3, 22. https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35330
10. Schipun, Y.D. (2021). "Cancel culture" in Russia and the USA: a comparative study. Materials of the scientific event "Days of Student Science" (pp. 257–260). Khabarovsk. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Былевский Павел Геннадьевич

кандидат философских наук, доцент кафедры международной информационной безопасности Института информационных наук Московского государственного лингвистического университета

Цацкина Елена Петровна

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры международной информационной безопасности Института информационных наук Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bylevsky Pavel Gennadjevich

PhD (Philosophy), Associate Professor of the Department of International Information Security, Institute of Information Sciences, Moscow State Linguistic University

Tsatskina Elena Petrovna

PhD (Pedagogy), Associate Professor, Associate Professor at the Department of International Information Security, Institute of Information Sciences, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 29.11.2021
одобрена после рецензирования 20.12.2021
принята к публикации 27.01.2022

The article was submitted 29.11.2021
approved after reviewing 20.12.2021
accepted for publication 27.01.2022

Научная статья
УДК 811.161.1+008
DOI 10.52070/2542-2197_2022_2_857_170



Представление основных ценностей современного Китая в поликодовом рекламном тексте

Цюй Юнь

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
alex9526qun@yandex.com

Аннотация. На XVIII Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая (КПК) была официально предложена концепция основных ценностей социализма, содержание которой обобщено в 12 понятиях. Содержание системы ценностей должно быть реализовано на трех уровнях: государственном, общественном и индивидуальном. Рекламный поликодовый текст в связи с распространением цифровых технологий стал одним из основных средств пропаганды ценностной концепции. Это обусловлено спецификой восприятия рекламного текста, его массовостью и особенностями построения такого текста в китайской культуре. Автор на примере трех рекламных текстов демонстрирует эту специфику.

Ключевые слова: национальные ценности, система ценностей, социальная реклама, поликодовый текст, нравственное воспитание, китайская цивилизация

Для цитирования: Цюй Юнь. Представление основных ценностей современного Китая в поликодовом рекламном тексте // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2 (857). С. 170–175. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_2_857_170

Original article

Representation of the Core Values of Modern China in a Polycode Advertising Text

Qu Yun

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
alex9526qun@yandex.com

Abstract. The 18th National Congress of the Communist Party of China (CPC) officially proposed the concept of the Core Socialist Values, the content of which was summarized in 12 concepts. The content of the system of values should be implemented at three levels: state, society and the individual. Polycode advertising text has become one of the main means of promoting the concept of values due to the spread of digital technologies. This is due to the specific perception of the advertising text, its mass nature and the peculiarities of the construction of this text in Chinese culture. The author describes this specificity by the example of three advertising texts.

Keywords: national values, value system, social advertising, polycode text, moral education, Chinese civilization

For citation: Qu Yun (2022). Representation of the core values of modern China in a polycode advertising text. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(857), 170–175. 10.52070/2542-2197_2022_2_857_170

ВВЕДЕНИЕ. КОНЦЕПЦИЯ ОСНОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ СОЦИАЛИЗМА В КИТАЕ

Формирование системы ценностей – процесс непрерывный, осуществляемый под постоянным, часто противоречивым воздействием сложно взаимодействующей совокупности социально-исторических факторов. Иерархия системы ценностей изменяется в процессе самоорганизации общества под влиянием, с одной стороны, внутренних экономических, политических, культурных, социальных факторов, с другой – в целом глобальных тенденций развития человечества. Ценности в обыденной жизни – понятия, наиболее значимые и предпочитаемые людьми для организации их бытия, деятельности во всех сферах общества, формирующие ценностный фрагмент картины мира индивида [Пищальникова, Дубкова, Цун Фэнлин, 2020].

Председатель КНР Си Цзиньпин отмечает, что история развития человеческого общества показала: самая долгая, самая глубинная сила нации и страны заключается в системе основных ценностей общества, на которых держатся духовные устремления нации, государства; они задают стандарты оценок поведения и деятельности индивидов в обществе [Си Цзиньпин, 2014]. Создание и продвижение концепции основных ценностей социализма в современном Китае способствует, по мысли руководителей страны, построению гармоничного социалистического общества, поскольку ее цель – «ратовать за процветание, демократию, цивилизацию и гармонию, за свободу, равенство, справедливость и законность, за патриотизм, преданность работе, добросовестность и дружелюбие, активно культивировать понятия основных ценностей социализма и руководствоваться ими в своей деятельности» [胡锦涛, 2012], способствуя переходу от экономического к «цивилизационному становлению государства» [Сун Лэй, 2017]. Подчеркивая специфику предложенной системы, Оуян Цзюньси и Цуй Чуньсюэ отмечают, что основные ценности социализма, с одной стороны, уходят корнями в 5000-летнюю цивилизационную историю и традиционную культуру китайской нации, одновременно концентрируя национально-специфические черты современного Китая, с другой – воплощают основные требования его социалистической идеологии [欧阳军喜, 崔春雪, 2013], что способствует повышению уровня действия «мягкой силы» государства. 12 ценностных понятий, зафиксированных 24 иероглифами, представлены в трехуровневой иерархии как соответствующие основные цели государства, общества, личности. Процветание, демократия, цивилизация

и гармония – ценностный ориентир на государственном уровне, реализующий цель построения модернизированного социалистического государства. Процветание объединяет представления о зажиточности и духовном развитии народа, экономической мощи государства. Демократия понимается как обеспечение реализации прав народа и функционирование прав государства. Цивилизация – стремление к духовной культуре. Гармония – существенный компонент ценностной системы, актуальный в китайской цивилизации с древних времен, предполагающий гармонию в международных отношениях, обществе, а также между человеком и природой. Второй уровень ценностной системы – общественный – предполагает реализацию ценностей свобода (человеческой воли, жизни и развития), равенство (как гарантия права народа на равное участие во всех сферах жизни общества), справедливость (социальной среды) и законность (как создание правовой системы для управления государством и обществом). Патриотизм, преданность работе, добросовестность и дружелюбие – это ценностный стандарт для каждого гражданина, определяющий его общественную значимость. Патриотизм рассматривается как основа национального духа. преданность работе – как основное требование профессиональной этики (любовь к работе и ответственность за нее, сдержанность в отношениях с коллегами и увлечениях). Добросовестность требует от граждан правдивости и искренности, дружелюбие – гармоничного состояния межличностных отношений, влияющих на социальные. Все выделенные принципы должны быть реализованы в практической деятельности государства и общества. По словам председателя КНР Си Цзиньпина, для того чтобы ценность стала действительно эффективной, она должна быть интегрирована в социальную жизнь, чтобы люди могли осознавать ее и воспринимать на практике [习近平, 2014].

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОСНОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ СОЦИАЛИЗМА В РЕКЛАМЕ: АНАЛИЗ ПОЛИКОДОВОГО ТЕКСТА

Такую интеграцию осуществляет социальная реклама как одно из самых популярных и эффективных способов внедрения в общественное сознание пропагандируемых ценностей. Социальная реклама актуализирует морально-нравственные ценности и связанные с ними проблемы общества, способствуя его гуманизации. По мнению М.А. Тертычной, социальная реклама выполняет одновременно информационную, коммуникативную,



Рис. 1. Реклама основных ценностей социализма



Рис. 2. Реклама ценности «процветание»

ценностно-нормативного ориентирования, пропагандистскую, просветительскую, регулятивную, имиджевую и эстетическую функции [Тертычная, 2012], влияя на изменение отношения населения к акцентированным проблемам и социальным ценностям. Этому способствует специфика социальной рекламы как поликодового текста – сложного семиотического целого, интегрирующего вербальные и невербальные средства для достижения действенного эффекта [Сонин, Махнин, 2004].

Рассмотрим пример представления важности современной системы социальных ценностей в поликодовом рекламном тексте (см. рис. 1).

В данном рекламном тексте особая роль отводится символической функции цвета. Девять крупных иероглифов на правой стороне определяют тему рекламы – *社会主义核心价值观 / основные ценности социализма*. Слово *核心 / основа* написано каллиграфическим шрифтом, традиционно подчеркивающим значимость написанного; кроме того, шрифт увеличен, что вторично акцентирует важность содержания слова. В трех прямоугольниках в левой части текста представлено 12 пропагандируемых ценностей. Основной цвет текста – красный – в китайской культуре связан с радостью, счастьем, праздником, богатством: на традиционных китайских свадьбах наряд невесты красный; во время китайского Нового года улицы и дома украшены фонарями красного цвета. Красный цвет символизирует успех и значимые для общества проявления статусности, сопровождая церемонии награждения и приветствия. Символическое содержание красного цвета представлено в словах: *红人* (букв. 'красный человек') – популярный человек, *走红* (букв. 'идти к красному', т. е. к славе, популярности) – стать популярным, *开门红* (букв. 'красный при открытии двери') – означает достижение выдающихся результатов в начале года или в начале работы и т. д. Красный цвет также символизирует государственность: национальный флаг Китая – красный, и присутствие фрагмента красного флага в левом верхнем углу и в нижней части анализируемого текста как символа государства подчеркивает важность содержания рекламы. Фон в правом верхнем углу – это крыша главного зала в Доме народных собраний, где проходят заседания Всекитайского собрания народных представителей, являющегося одним из самых политически символических зданий в Китае. Кроме того, элементы врат Тяньаньмэнь и церемониальная колонна Хуабяо внизу являются типичными характерными символами китайского государства и китайского народа. Эти образы в сочетании с вербальными компонентами рекламного текста подчеркивают его высокую

общественную ценность. Голуби в пространстве текста символизируют мир и дружбу, совпадающих с содержанием одной из основных ценностей китайской культуры. Узор благоприятных облаков – уникальный и традиционный символический компонент китайской культуры – выражает желание счастья и стремление к лучшей жизни.

Во втором тексте рекламы также используется символика красного цвета (см. рис. 2). В верхней левой части его графически акцентированы два красных фрагмента поля, в которые вписана тема социальной рекламы – 富强 / процветание. Такая форма представления ценности отсылает к китайским парным «вращающимся» надписям, традиционно используемым во время китайского Нового года, напоминающим праздничные традиционные фонари. Аналогично надпись «福 / счастье», прикрепленная к центру двери (символически входящая в каждый дом), также имеет вращающуюся квадратную форму, что означает пожелание благоденствия. Главное изображение данного текста ассоциируется с традиционной китайской формой искусства – вырезанием из бумаги. Древнее народное искусство вырезания узоров из бумаги с помощью ножниц или ножей – типичный элемент китайской культуры, значимая форма культурного наследия Китая. Использование форм традиционного искусства в современных рекламных продуктах не только дает новую жизнь формам искусства вырезания из бумаг, но и подчеркивает культурный подтекст социальной рекламы, встроенность новых текстов в фундаментальные национальные традиции. Одновременно воплощается и идея пропагандистов новой системы ценностей: культивирование и развитие основных ценностей социализма должно опираться на уникальную традиционную китайскую культуру и отсылать к ее символам, ситуациям, прецедентным событиям и текстам, героям. Так, в центральной части текста изображены крестьяне, наслаждающиеся урожаем: они держат в руках рисовые колосья, над их головами растет рис, высокий, как дерево. Это отсылка к известному прецеденту – мечте китайского академика Юань Лунпина о выведении гибридного сорта китайского риса, огромного, как дерево, такого, чтобы под колосом риса можно было укрыться от жары.

В традиционной китайской культуре рисовое зерно – это символ обильного урожая, богатой и процветающей жизни народа и страны: продовольственный вопрос для Китая всегда имел большое значение, не менее актуален он и сейчас для страны с населением в 1,4 млрд человек.

В нижней части данного текста символически еще один элемент – распустившиеся пионы. Пион в древней китайской литературе – «богач, вельможа

знатный среди цветов» из-за крупных и ярких цветов, обильной и красивой листвы, соотносимыми с роскошью и элегантностью. Со времен династий Тан и Сун пион известен как «царь цветов» и «краса Китая и небесный аромат». В династии Тан пион был признан «национальным цветком», что постепенно привело к формированию особых традиций в культивировании пиона и его изображения в искусстве и появлению у цветка особого символического содержания. Пион в китайской культуре связывается с богатством и удачей, счастьем и гармонией, процветанием и могуществом государства, политической стабильностью, благополучием и сплоченностью народа, что в полной мере соответствует теме данной социальной рекламы.

Элемент в верхней части данного текста – Великая Китайская стена, крупнейший памятник архитектуры, символизирующий мудрость, творческое начало, волю и величие китайского народа. В китайском языке слово, обозначающее Китайскую стену, приобрело также переносное значение «несгибаемая могущественная сила, непреодолимый барьер». Великая Китайская стена в пространстве текста изображена в перспективе, она уходит вдаль, напоминая по изгибу восточного дракона, а над ней пролетает новый самолет китайского производства – все это символы силы китайского народа и процветания, благоденствия государства. В правом нижнем углу текста даны обязательные элементы социальной рекламы: имя автора рекламы 赵丽达 剪纸 / Чжао Лида и его печать, стилизованные под вырезание из бумаги. В верхней части текста помещен еще один обязательный компонент: название серии социальной рекламы: 图说我们的价值观 / иллюстрация наших ценностей и 12 понятий основных ценностей социализма; внизу указан издатель социальной рекламы: 中共广东省委宣传部 广东省文明办 / Отдел пропаганды и агитации гуандунского провинциального партийного комитета КПК, канцелярия по социалистической духовной цивилизации провинции Гуандун.

Третий текст тоже отсылает реципиента к древней национальной традиции вырезания из бумаги и активно использует символику красного цвета (см. рис. 3).

Традиционность как черта этой формы искусства ассоциативно указывает на исконность поведенческих традиций дружелюбия и вежливости, представленных в рисуночном компоненте текста: в центре морщинистый старик падает на землю, а два человека помогают ему подняться. Над ними изображены два китайских иероглифа – 友善 / дружелюбие. В тексте 4 (см. рис. 4) представлена структура иероглифов «дружелюбие».

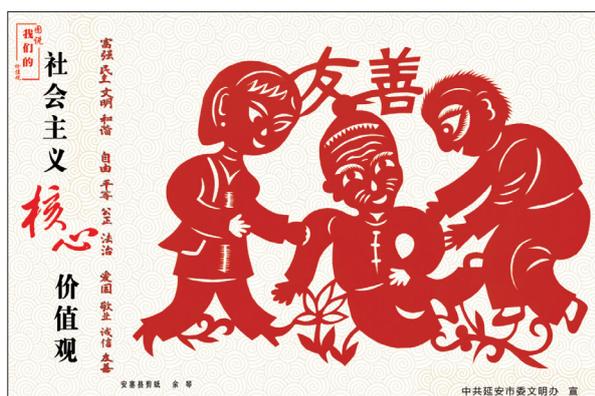


Рис. 3. Реклама ценности «дружелюбие»

В надписи на костях оракула первый иероглиф 友 имеет форму двух рук, опирающихся друг на друга, что символизирует руку помощи, и поэтому его первоначальное значение – «помогать». Второй иероглиф 善 состоит из 羊/ овца и 言/ слово. Овца – это символ доброго предвестия, а слово – речь, поэтому его первоначальное значение – благоприятные слова. В сочетании эти два понятия означают дружелюбие, доброту, призыв помогать друг другу.

Необходимость пропаганды ценности «дружелюбие» объясняется некоторыми социальными причинами. Несколько лет назад в китайском обществе серьезно обсуждался вопрос, надо ли помогать упавшему пожилому человеку, поскольку стало явной тенденцией требовать от помогающих деньги за якобы их неосторожное поведение, приведшее к падению. Но обнародованная система социалистических ценностей рекомендует, чтобы люди придерживались традиционных моральных принципов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выделим некоторые тенденции представления содержания социалистических ценностей в китайском рекламном тексте.

1. Опора на традиционные формы народного искусства с целью подчеркнуть неизменность фундаментальных основ системы ценностей, последовательность и преемственность в развитии общества.
2. Акцентирование включенности новой пропагандируемой системы ценностей в традиционные формы существования нации, их непротиворечивость.
3. Активное использование национальной символики в представлении содержания ценностей.
4. Актуализация внутренней формы языка и смысловая интеграция ее с невербальными компонентами текстов социальной рекламы.



Рис. 4. Реклама ценности «дружелюбие»

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пищальникова В. А., Дубкова О. В., Цун Фэнлин. Базовые ценности китайцев: проблемы и решения // Пищальникова В. А., Дубкова О. В., Цун Фэнлин, Яо Чжипэн. Картина мира китайцев: теория и практика научного исследования. М.: Р. Валент, 2020.
2. 习近平. 习近平谈治国理政. 北京: 外文出版社, 2014 = Си Цзиньпин. О государственном управлении. Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 2014.
3. 胡锦涛. 坚定不移沿着中国特色社会主义道路前进 为全面建成小康社会而奋斗 – 在中国共产党第十八次全国代表大会上的报告. 北京: 人民出版社, 2012 = Ху Цзиньтао. Твердо продвигаться вперед по пути социализма с китайской спецификой и бороться за полное построение среднезажиточного общества – Доклад на XVIII Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая. Пекин: Изд-во Жэньминь, 2012.
4. Сун Лэй. «Китайский путь» – путь социализма с китайской спецификой // Власть. 2017. № 11. С. 152–157.
5. 欧阳军喜, 崔春雪. 中国传统文化与社会主义核心价值观的培育 // 山东社会科学. 2013. (03): 11–15 = Оуян Цзюньси, Цуй Чуньсюэ. Традиционная китайская культура и культивирование основных ценностей социализма // Шаньдунские социальные науки. 2013. № 3. С. 11–15.

6. Тertychnaya M. A. Социальная реклама в Интернете: функциональные, предметно-тематические и жанровые особенности: автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 2012.
7. Сонин А. Г., Махнин П. Н. Экспериментальное исследование восприятия изобразительно-вербальных рекламных текстов // Вопросы психолингвистики. 2004. № 2. С. 187–197.
8. 现代汉语词典. 北京: 商务印书馆, 1996 = Словарь современного китайского языка. Пекин: Шануиньшугуань, 1996.

REFERENCES

1. Pishchal'nikova V. A., Dubkova O. V., Tsun Fenlin. (2020). Bazovyye tsennosti kitaytsev: problemy i resheniya // Pishchal'nikova V.A., Dubkova O.V., Tsun Fenlin, Yao Chzhipen. Kartina mira kitaytsev: teoriya i praktika nauchnogo issledovaniya: R. Valent = Basic Values of the Chinese: Problems and Solutions. In: The Chinese World Picture: Theory and Practice of Scientific Research. Moscow. (In Russ.)
2. Xi Jinping. (2014). The Governance of China. Beijing: Foreign Languages Press. (In Chinese).
3. Hu Jintao. (2012). Firmly march on the path of socialism with Chinese characteristics and strive to complete the building of a moderately prosperous society in all respects – Report to the Eighteenth National Congress of the Communist Party of China. Beijing. People's Publishing House. (In Chinese).
4. Sun Ley. (2017). The Chinese path – the path of socialism with Chinese characteristics. Vlast', 11, 152–157. (In Russ.)
5. Ouyang Junxi, Cui Chunxue (2013). Chinese traditional culture and the cultivation of the core socialist values. Shandong Social Science, 3, 11–15. (In Chinese)
6. Tertychnaya M. A. (2012). Sotsial'naya reklama v Internete: funktsional'nyye, predmetno-tematicheskiye i zhanrovyye osobennosti = Social advertising on the Internet: functional, subject-thematic and genre features: abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
7. Sonin A. G., Makhnin P. N. (2004). Experimental study of perception of visual and verbal advertising texts. Journal of psycholinguistics, 2, 187–197. (In Russ.)
8. The Contemporary Chinese Dictionary. (1996). Beijing. The Commercial Press. (In Chinese)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Цюй Юнь

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Qu Yun

PhD Student, Department of General and Comparative Linguistics,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 29.11.2021
одобрена после рецензирования 20.12.2021
принята к публикации 27.01.2022

The article was submitted 29.11.2021
approved after reviewing 20.12.2021
accepted for publication 27.01.2022

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Сетевое электронное научное издание

Network electronic scientific publication

**ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Гуманитарные науки
Выпуск 2 (857)**

**VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University
Humanities
Issue 2 (857)**

Ответственный редактор выпуска
Н. Н. Германова
доктор филологических наук, доцент

Executive editor
N. N. Guermanova
Doctor of Philology (Dr.habil), Associate Professor

Редактор И. Емелин
Верстка: Ю. Л. Герасимова
Разработка макета: А. Алымов

Editor I. Emelin
Layout: Yu. L. Guerassimova
Layout design: A. Alymov

Подписано в печать 06.05.2022
Усл. печ. л. 23,1. Формат 60x90/8
Заказ № 27/22

Signed for print: 06.05.2022
Conventional printed sheets: 23,1. Layout format 60x90/8
Order 27/22

Адрес редакции:
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
Электронная почта: ipk-mglu@rambler.ru

Address:
Ostozhenka St., 38, 1, Moscow, 119034
Tel.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2022

© FSBEI HE MSLU, 2022

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru
Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Website domain name: vestnik-mslu.ru
Founder: FSBEI HE MSLU

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66051
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

The edition is registered June, 10, 2016, Эл № ФС77-66051
The Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(ROSKOMNADZOR)

За аутентичность цитат отвечают авторы.
Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном
согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна.

The authors are responsible for the authenticity of citations.
Reprinting of materials is possible
with the editors' obligatory written consent.
Reference to the publication is obligatory when reprinting.

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям:

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (10.01.01)
- 5.9.2. Литературы народов мира (10.01.03)
- 5.9.3. Теория литературы (10.01.08)
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (10.02.01)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Германские языки) (10.02.04)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Романские языки) (10.02.05)
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (10.02.19, 10.02.20, 10.02.21)
- 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (24.00.01)

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».